

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Том 31, №2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2026

Издание основано в 2007 г.
Учредитель: ФГБОУ ВО
«Алтайский государственный университет»

Главный редактор:

П. К. Дашковский, д-р ист. наук
(Россия, Барнаул)

Международный совет:

Ш. Мустафаев, д-р ист. наук, академик АН
Азербайджана (Азербайджан, Баку)
А. Х. Атаходжаев, кандидат ист. наук
(Республика Узбекистан, Самарканд)
М. Гантуяа, Ph. D. (Монголия, Улан-Батор)
И. Ёси́ро, д-р гуманитар. наук (Япония, Токио)
А. С. Жанбосинова, д-р ист. наук
(Казахстан, Астана)
Э. А. Мурадова, д-р ист. наук
(Туркменистан, Ашхабад)
Х. Омархали д-р филос. наук
(Германия, Берлин)
Н. И. Осмонова, д-р филос. наук
(Кыргызстан, Бишкек)
З. С. Самашев, д-р ист. наук
(Казахстан, Астана)
Е. Смоларц, Ph. D. (Германия, Бонн)
Ц. Степанов, д-р ист. наук (Болгария, София)
Н. Д. Ходжаева, д-р ист. наук (Республика
Таджикистан, Душанбе)

Редакционная коллегия:

М. Д. Бухарин, д-р ист. наук, академик РАН
(Россия, Москва)
П. Г. Гайдуков, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Москва)
А. В. Головнев, д-р ист. наук, академик РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
М. В. Добровольская, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Москва)
А. И. Иванчик, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Москва)
Н. Н. Крадин, д-р ист. наук, академик РАН
(Россия, Владивосток)
В. И. Молодин, д-р ист. наук, академик РАН
(Россия, Новосибирск)
И. Н. Побережников, д-р ист. наук, чл.-корр.
РАН (Россия, Екатеринбург)

И. Ф. Попова, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Санкт-Петербург)
А. В. Черных, д-р ист. наук, чл.-корр. РАН
(Россия, Пермь)
А. Г. Ситди́ков, д-р ист. наук, академик АН
Республики Татарстан (Россия, Казань)
С. А. Васютин, д-р ист. наук (Россия, Кемерово)
Н. Л. Жуковская, д-р ист. наук (Россия, Москва)
А. П. Забияко, д-р филос. наук (Россия,
Благовещенск)
К. А. Колобова, д-р ист. наук, проф. РАН
(Россия, Новосибирск)
Т. Д. Скря́нникова, д-р ист. наук (Россия,
Санкт-Петербург)
М. М. Содномпилова, д-р ист. наук,
(Россия, Улан-Удэ)
А. А. Тишкин, д-р ист. наук (Россия, Барнаул)
Н. А. Томилов, д-р ист. наук (Россия, Омск)
О. М. Хомушку, д-р филос. наук (Россия,
Кызыл)
Л. И. Шерсто́ва, д-р ист. наук (Россия, Томск)
Е. А. Шершнева (отв. секретарь), д-р ист. наук
(Россия, Барнаул)
Е. С. Элбакян, д-р филос. наук, (Россия, Москва)

Редакционный совет:

А. В. Бауло, д-р ист. наук (Россия, Новосибирск)
Е. Э. Войтишек, д-р ист. наук (Россия,
Новосибирск)
А. В. Горбатов, д-р ист. наук (Россия,
Кемерово)
Л. Н. Ермоленко, д-р ист. наук (Россия,
Кемерово)
С. В. Любичанковский, д-р ист. наук (Россия
Оренбург)
Л. С. Марса́долов, д-р культурологии (Россия,
Санкт-Петербург)
Д. В. Папин, кандидат ист. наук (Россия,
Новосибирск)
А. К. Погасий, д-р филос. наук (Россия, Казань)
А. В. Поляков, д-р ист. наук, проф. РАН (Россия,
Санкт-Петербург)
К. А. Руденко, д-р ист. наук (Россия, Казань)
А. Д. Таиров, д-р ист. наук (Россия, Челябинск)
И. И. Юрганова, д-р ист. наук (Россия, Москва)
С. А. Яценко, д-р ист. наук (Россия, Москва)

Журнал утвержден научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г. Все права защищены.

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Адрес редакции: 656049, Алтайский край, Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 312,
Алтайский государственный университет, кафедра регионоведения России,
национальных и государственно-конфессиональных отношений.

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2026 Vol. 31, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2026

The journal was founded in 2007
by the Altai State University

Executive Editor:

P. K. Dashkovskiy, d-r of his. sci. (Russia, Barnaul)

International Council:

Sh. Mustafaev, d-r of hist. sci., Acad. of the
Azerbaijan National Academy of Sciences,
(Azerbaijan, Baku)

A. Kh. Atakhodjaev, cand. of hist. sci. (Republic
of Uzbekistan, Samarkand)

M. Gantuya, Ph. D. (Mongolia, Ulaanbaatar)

Y. Ikeda, d-r of humanities (Japan, Tokyo)

A. S. Zhanbosynova, d-r of hist. sci.
(Kazakhstan, Astana)

E. A. Muradova, d-r of hist. sci. (Turkmenistan,
Ashgabat)

Kh. Omarkhali, d-r of philos. (Germany, Berlin)

N. I. Osmonova, cand. of philos. sci.
(Kyrgyzstan, Bishkek)

Z. S. Samashev, d-r of hist. sci.
(Kazakhstan, Astana)

E. Smolarts, Ph. D. (Germany, Bonn)

Ts. Stepanov, d-r of hist. sci. (Bulgaria, Sofia)

N. D. Khodjaeva, d-r of hist. sci. (Republic
of Tajikistan, Dushanbe)

Editorial Team:

M. D. Bukharin, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS
(Russia, Moscow)

P. G. Gaidukov, d-r of hist. sci., Corr. Member
of the RAS (Russia, Moscow)

A. V. Golovnev, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS
(Russia, Saint Petersburg)

M. V. Dobrovolskaya, d-r of hist. sci., Corr. Member
of the RAS (Russia, Moscow)

A. I. Ivanchik, d-r of hist. sci., Corr. Member of the
RAS (Russia, Moscow)

N. N. Kradin, d-r of hist. sci., Acad. of the RAS
(Russia, Vladivostok)

V. I. Molodin, d-r of hist. sci., d-r of hist. sci.,
Acad. of the RAS (Russia, Novosibirsk)

I. V. Poberezhnikov, d-r of hist. sci., Acad. of the
RAS (Russia, Ekaterinburg)

I. F. Popova, d-r of hist. sci., Corr. Member of the
RAS (Russia, St. Petersburg)

A. V. Chernykh, d-r of hist. sci., Corr. Member
of the RAS (Russia, Perm)

A. G. Sitdikov, d-r of hist. sci., Acad. of the
Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan
(Russia, Kazan)

S. A. Vasutin, d-r of hist. sci. (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, d-r of philos. sci. (Russia,
Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, d-r of hist. sci. (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, d-r of hist. sci. (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, d-r of hist. sci. (Russia,
Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, d-r of philos. sci. (Russia, Kyzyl)

E. S. Elbakyan, d-r of philos. sci. (Russia, Moscow)

L. I. Sherstova, d-r of hist. sci. (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (managing editor), d-r of hist. sci.
(Russia, Barnaul)

M. M. Sodnompilova, d-r of hist. sci. (Russia,
Ulan-Ude)

K. A. Kolobova, d-r of hist. sci., prof. of the RAS
(Russia, Novosibirsk)

Editorial Council:

L. N. Ermolenko, d-r of hist. sci. (Russia,
Kemerovo)

L. S. Marsadolov, d-r of culturology (Russia,
St. Petersburg)

A. V. Gorbatov, d-r of hist. sci. (Russia, Kemerovo)

K. A. Rudenko, d-r of hist. sci. (Russia, Kazan)

D. V. Papin, cand. of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

E. E. Voitishkek, d-r of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogasiy, d-r of philos. sci. (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

S. V. Lyubichankovsky, d-r of hist. sci. (Russia,
Orenburg)

A. D. Tairov, d-r of hist. sci. (Russia, Chelyabinsk)

A. V. Baulo, d-r of hist. sci. (Russia, Novosibirsk)

A. V. Polyakov, d-r of hist. sci., prof. of the RAS
(Russia, St. Petersburg)

I. I. Yurganova, d-r of hist. sci. (Russia, Moscow)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University.

All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. The magazine is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications.

Registration number PI № ФС 77-78911. Registration date 07.08.2020 r.

Editorial Office Address: 656049, Altai Region, Barnaul, Dimitrova St, 66, Office 312,
Altai State University, Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional
Relations.

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026 Том 31, № 2

Раздел I. АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Ли Еюй</i> К вопросу о культурных взаимодействиях между Таримской и Ферганской впадинами в эпоху поздней бронзы.....	7
<i>Наджафов Ш.Н., Асадов В.А.</i> Печати и пинтадеры, относящиеся к ходжалы-кедабекской культуре: ареал распространения и особенности (этноархеологическое исследование).....	30
<i>Ковалев А.А.</i> Раннетесинские склеповые захоронения как свидетельство практики выставления трупов (по материалам раскопок кургана Аршаново-30 в Койбальской степи)	59
<i>Tuğrul S.</i> Non-Adult Burials in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion: Diachrony, Funerary Practice, and Age-Related Representation	86
<i>Фролов Я.В., Федорук А.С., Панин Д.В.</i> Бронзовые бляхи и подвески из женских погребений Староалейской культуры.....	122
<i>Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю.</i> Технология компьютерного анализа геометрии цифровых копий изваяний для автоматического распознавания изображений (на примере «оленного» камня из Тувы).....	152
<i>Дашковский П.К., Демин М.А.</i> Комплексная хронология и атрибутация артефактов из вторичных погребений могильника скифской эпохи Ханхаринский Дол (Алтай).....	169

Раздел II. ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Слепцов Е.П., Егорова А.И.</i> Нормы предбрачного и брачного поведения женщин в традиционной культуре малочисленных народов Якутии: кросс-культурный анализ.....	195
<i>Тажетдинова Б.Н.</i> Традиции дарообмена в свадебных торжествах каракалпаков.....	212

Раздел III. РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Кольченко В.А.</i> Зороастрийские погребения Чуйской долины	227
<i>Боталов С.Г.</i> Манихейский и буддийско-индуистский комплекс в материалах протовенгерского населения Южного Урала.....	267
<i>Ван Тин, Войтишек Е.Э.</i> Распространение и развитие тибетского буддизма с VII по XIII в. (обзор по китайским материалам)	282
<i>Tsys O.P., Tsys V.V.</i> “To see the spiritual homeland of Christians”: petitions of pilgrims to the Holy Land as a source for studying social ideas of the late 19 th — early 20 th centuries	311

ДЛЯ АВТОРОВ	326
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2026 Vol. 31, №2

Section I. ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Li Y.</i> On the question of cultural interactions between the Tarim Basin and the Fergana Basin in the Late Bronze Age	7
<i>Najafov Sh. N., Asadov V.A.</i> Clay seals and pintaders of the khojali-gedabey culture: characteristics and the area of distribution (ethno-archaeological research)	30
<i>Kovalev A.A.</i> Early Tes' mass graves as evidence of the practice of exposure of corpses (based on the excavations of the Arshanovo-30 kurgan in the Koibal steppe)	59
<i>Tuğrul S.</i> Non-Adult Burials in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion: Diachrony, Funerary Practice, and Age-Related Representation	86
<i>Frolov Ya. V., Fedoruk A. S., Papin D. V.</i> Bronze plaques and pendants from women's burials of the Staroalely culture	122
<i>Tishkin A.A., Bondarenko S.Yu.</i> Technology of computer analysis of the geometry of digital copies of sculptures for automatic image recognition (using the example of the “deer” stone from Tuva).....	152
<i>Dashkovskiy P.K., Demin M.A.</i> Complex chronology and attribution of artifacts from secondary burials of the burial ground of the scythian era Khankharinsky Dol (Altai).....	169

Section II. ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sleptsov E.P., Egorova A.I.</i> Norms of premarital and marital behavior of women in the traditional culture of indigenous minorities of Yakutia: a cross-cultural analysis	195
<i>Tazhetdinova B. G.</i> Traditions of gift exchange in karakalpak wedding celebrations	212

Section III. RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Kolchenko V.A.</i> Zoroastrian burials of the Chuya Valley.....	227
<i>Botalov S.G.</i> Manichaeism and Buddhist-Hindu complex in the materials of the proto-Hungarian population of the Southern Urals	267
<i>Wang T., Voytishek E. E.</i> Overview of the Spread and Development of Tibetan Buddhism from the 7 th to the 13 th Centuries (Based on Chinese materials).....	282
<i>Tsys O.P., Tsys V.V.</i> “To see the spiritual homeland of Christians”: petitions of pilgrims to the Holy Land as a source for studying social ideas of the late 19 th — early 20 th centuries.....	311

FOR AUTHORS	326
--------------------------	-----

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902/904

DOI 10.14258/nneur(2026)2-01

Ли Еюй

Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯХ МЕЖДУ ТАРИМСКОЙ И ФЕРГАНСКОЙ ВПАДИНАМИ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

В позднем бронзовом веке (конец II — начало I тыс. до н. э.) Таримская впадина и Ферганская долина выступали ключевыми узлами культурных взаимодействий на евразийском пространстве. Механизмы их взаимовлияния имеют принципиальное значение для понимания формирования доисторического Шёлкового пути. В данной работе систематически анализируются три типа памятников Таримской впадины (типы Синтала, Северно-нийя и Сазньсаи) и чустская культура Ферганской долины. На основе типологического и культурно-факторного анализа выявлено значительное сходство в погребальном обряде, архитектуре поселений, формах и орнаментации керамики (особенно геометрической расписной), наборах каменных орудий (серповидные ножи с выгнутой спинкой, седловидные зернотерки), металлургическом производстве и модели хозяйства (земледелие и скотоводство). Исследование показывает, что взаимодействие между двумя регионами базировалось на сходных природных условиях (межгорные долины с оазисами) и осуществлялось по естественному коридору Фергана — Алайская долина — юго-западная окраина Таримской впадины. Прослеживается возможное влияние с востока на запад в традициях расписной керамики, тогда как металлургические традиции включались в сеть степных культур Северной Евразии. Косвенным фоном для контактов служило присутствие в обоих регионах групп населения, связанных с андроновской общностью. Таким образом, в позднем бронзовом веке на западном и восточном склонах Тянь-Шаня уже сформировалась сеть двусторонних и полигенных культурных взаимодействий, что предоставляет ключевые доказательства для реконструкции процесса становления доисторического Шёлкового пути.

Ключевые слова: Таримская впадина, Ферганская впадина, эпоха поздней бронзы, чустская культура, доисторический Шёлковый путь

Для цитирования:

Ли Еюй К вопросу о культурных взаимодействиях между Таримской и Ферганской впадинами в эпоху поздней бронзы // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 7–29. DOI 10.14258/nreur(2026)2–01

Ли Еюй, магистр истории, Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия). **Адрес для контактов:** keilynlee1383@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Li Yeyu

Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia)

ON THE QUESTION OF CULTURAL INTERACTIONS BETWEEN THE TARIM BASIN AND THE FERGANA BASIN IN THE LATE BRONZE AGE

During the Late Bronze Age (late 2nd millennium to early 1st millennium BCE), the Tarim Basin and the Fergana Basin served as key nodes of cultural exchange in Eurasia. The mechanisms of their interaction are of great significance for understanding the formation of the prehistoric Silk Road. This paper systematically reviews the material cultural features of three archaeological assemblages from the Tarim Basin (the Xintala, Northern Niya, and Saensayi types) and the Chust culture of the Fergana Basin. Through typological and cultural factor analysis, significant similarities between the two regions are identified in burial practices, settlement architecture, pottery shapes and decoration (especially geometric painted ceramics), stone tool assemblages (curved-back stone sickles and saddle-shaped querns), metallurgical production, and agropastoral economic patterns. The study shows that their interaction was grounded in similar intermontane oasis environments and facilitated by a natural corridor along the Fergana — Alay Range — southwestern Tarim route. Painted pottery motifs may indicate an east-to-west influence, while metallurgical traditions were integrated into the broader Eurasian steppe network. The indirect distribution of Andronovo-related populations provides a background for possible human contacts between the two regions. Overall, by the Late Bronze Age, a bidirectional and multi-sourced network of cultural interaction had emerged on both sides of the Tien Shan, offering key evidence for the formation of the prehistoric Silk Road.

Keywords: Tarim Basin, Fergana Basin, Late Bronze Age, Chust culture, prehistoric Silk Road

For citation:

Li Y. On the question of cultural interactions between the Tarim Basin and the Fergana Basin in the Late Bronze Age. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 7–29. DOI 10.14258/nreur(2026)2-01

Li Yeyu, magister of History, Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russia). **Contact address:** keilynlee1383@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-6939-2917>

Введение

В эпоху поздней бронзы (конец II — начало I тыс. до н. э.) Таримская и Ферганская впадины были ключевыми узлами культурных взаимодействий между Востоком и Западом Евразии, что важно для понимания культурных контактов и миграций в эпоху раннего железа в Центральной Азии и формирования доисторического Шёлкового пути.

Исследования сосредоточены на двух направлениях: систематизация памятников Таримской впадины и их связей с Ганьсу-Цинхайским регионом и Южной Сибирью; анализ оседло-земледельческих памятников чувстской культуры в Ферганской впадине и ее лепной расписной керамики.

Шуй Тао, Мэй Цзяньцзюнь, Го У и Марчелла Феста (Marcella Festa) провели предварительное сопоставление двух регионов [Shui, 1998: 165–167; Mei, 2000: 67–69; Го, 2012: 150–153; Festa, 2018: 204–208], но эти работы носят односторонний характер или фокусируются на эпохе раннего железа. Конкретные пути, механизмы и степень двустороннего влияния в эпоху поздней бронзы остаются недостаточно изученными.

Данная статья посвящена культурному взаимодействию между двумя впадинами в эпоху поздней бронзы. Основные вопросы: в чем проявлялось материально-культурное взаимодействие? Носило ли оно однонаправленный или двусторонний характер? Задачи исследования: систематизировать памятники Таримской впадины; провести межрегиональное сопоставление с чувстской культурой на основе типологического и культурно-элементного анализа; построить динамическую модель взаимодействия, углубив понимание формирования доисторического Шёлкового пути.

Памятники эпохи поздней бронзы в двух регионах

Позднебронзовые памятники Таримской впадины в Синьцзяне подразделяются на тип Актала, тип Северо-нийя и позднебронзовые памятники могильника Саэньсаи (рис. 1). Памятники типа Актала сосредоточены в основном на юго-западной окраине впадины, преимущественно в Кашгар-Яркендской дельте Западного Тянь-Шаня; памятники типа Северо-нийя — в центральной части и на северной окраине впадины; памятники типа Саэньсаи — в Центральном Тянь-Шане, между Турфанской и Янкиской впадинами. За исключением могильника Саэньсаи и поселения Актала, которые были систематически раскопаны, большинство памятников обследовано лишь поверхностно и не подвергалось раскопкам.

Среди памятников **типа Актала** частично раскопано лишь поселение Актала; остальные обследованы. Единственный погребальный материал происходит из могилы M18

могильника Сябаньди А-II. Шесть радиоуглеродных дат из поселения Актала дают интервал 1600–1400 гг. до н. э. [Цао, Ма, Цюй, 2023: 130].

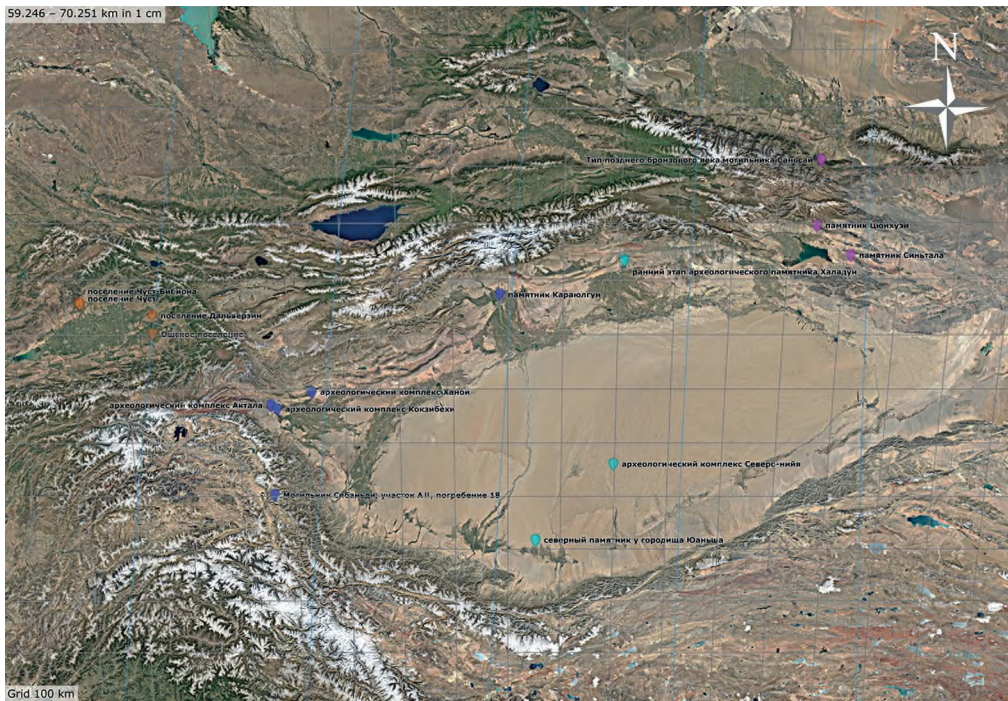

Рис. 1. Карта распространения памятников позднего бронзового века Таримского бассейна и чустской культуры Ферганской долины

Fig. 1. Map of the distribution of Late Bronze Age remains in the Tarim Basin and Chust culture remains in the Fergana Basin.

Площадь раскопок поселения Актала составила около 1440 м². Выявлены хозяйственные ямы, очаги, зольники (рис. 2.-12). Могила М18 могильника Сябаньди А-II — грунтовая яма с овальной насыпью и каменной конструкцией; погребение скорченное на спине (рис. 2.-13, 14). Инвентарь: керамическая и деревянная чаши, медное кольцо. Материалы типа Актала происходят в основном из сборов. Типичный набор: серповидные и клиновидные каменные лезвия, керамические горшки с округлым дном и наклепными шишечками по венчику. Керамика лепная, преимущественно коричневая с примесью песка; основные формы — горшки, тазы, чаши, котлы (рис. 2.-1–11). Каменный инвентарь включает также зернотерки, песты, отходы обработки (рис. 3.-1–3, 8–10). Из меди — долота, наконечники стрел, украшения; найдены медная руда и шлак (рис. 3.-4–7) [Археологический отряд Музея Синьцзян-Уйгурского автономного района, 1977: 107–110; Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна, 1983: 38–40; Автономное управление по охране памятников культуры, Отряд по охране памятников культуры Кашгарского округа, 1993: 8–11; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2012: 35–37; Цао, Ма, Цюй, 2023: 127–129].

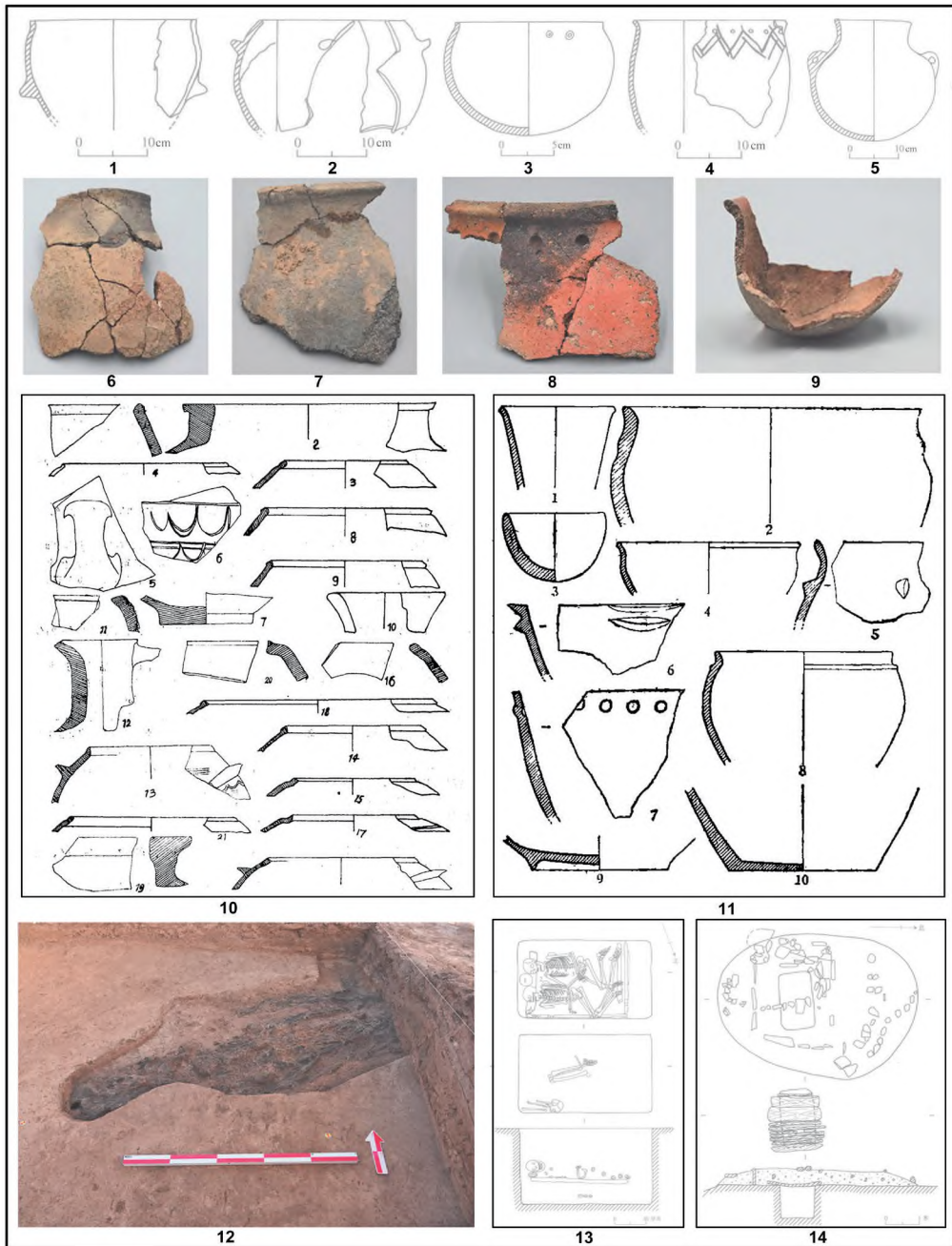

Рис. 2. Зольные ямы, погребения и керамика памятников типа Аккала (по: [Цао, Ма, Цюй, 2023: рис. 5, 6, 9, с. 128, 130; Автономное управление по охране памятников культуры, Отряд по охране памятников культуры Кашгарского округа, 1993: рис. 2, с. 10; Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна, 1983: рис. 5, с. 41; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2012: рис. 36–38, с. 35–37]). 1–5, 13, 14 —

Могила M18 могильника Сябаньди А-II; 6–9, 11–12 — поселение Актала;
10 — археологический комплекс Ханюй

Fig. 2. Pits, burials, and pottery of the Aktala-type remains (after: [Cao, Ma, Qu, 2018: 2023: fig. 5, 6, 9, p. 128, 130; Zizhiq Wenwu Pucha Bangongshi, Kashi Diq Wenwu Puchadui, 1993: fig. 2, p. 10; Institute of Archaeology, Xinjiang Academy of Social Sciences. Ürümqi, 1983, fig. 5, p. 41]).
1–5, 13, 14 — Grave M18 of the Xiabandi A-II cemetery; 6–9, 11–12 — Aktala settlement;
10 — archaeological complex of Hannuoyi

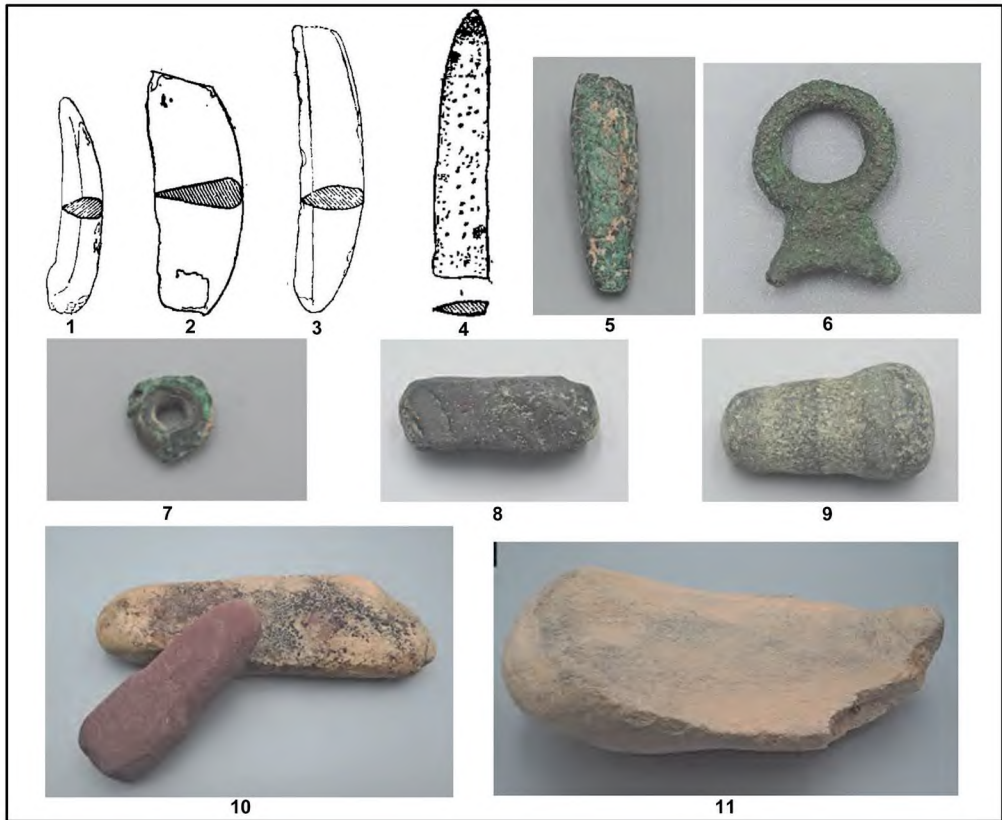

Рис. 3. Каменные и медные изделия памятников типа Актала (по: [Цао, Ма, Цюй, 2023: рис. 7, 8, с. 129; Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна, 1983: рис. 2, 7, с. 41, 42]). 1–11 — поселение Актала

Fig. 3. Stone and copper artifacts of the Aktala-type remains (after: [Cao, Ma, Qu, 2018: 2023: fig. 7, 8, p. 129; Institute of Archaeology, Xinjiang Academy of Social Sciences. Ürümqi, 1983, fig. 2, 7, p. 41, 42]). 1–11 — Aktala settlement

Памятники типа **Северо-нийя** (поселение Халадунь, Северо-нийя, северный памятник у городища Юаньша) не раскапывались. На участке 96МNBC выявлены остатки построек с деревянными столбами и тростниковыми стенами. Для типа характерны горшки с округлым дном, двумя ручками и геометрическим орнаментом из выпуклых

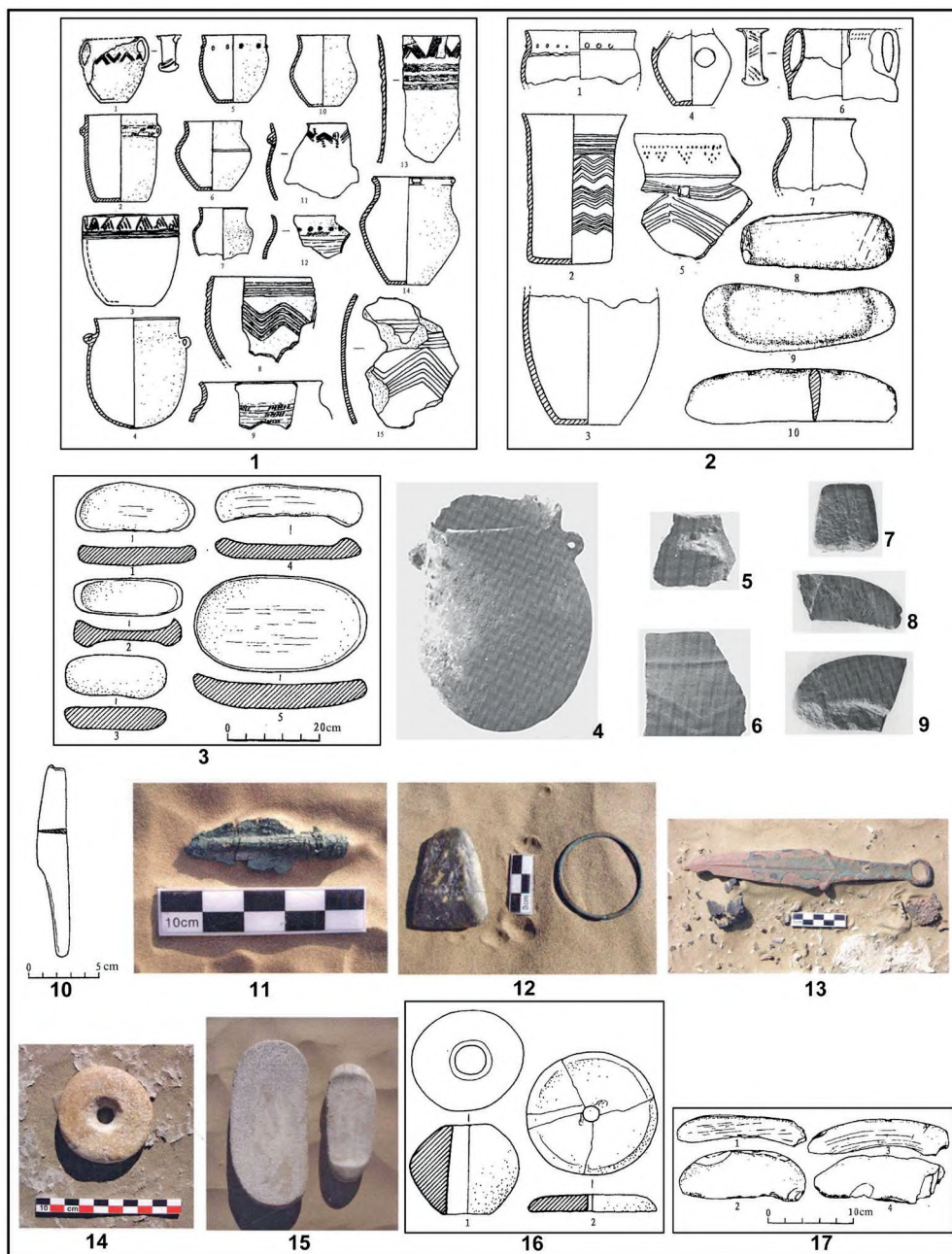

Рис. 4. Предметы из раскопок и сборов из памятников типа Северо-нийя (по: [Юэ, Юй, 1999: рис. 2–7, 15, 18, с. 300–303; Управление по охране памятников культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района, 2011: с. 143–145; Хуан, 1983: табл. 71, 72]).

1–3, 10, 16, 17 — поселение Северо-нийя; 4–9 — поселение Халадунь;

11–15 — северный памятник у городища Юаньша

Fig. 4. Artifacts from excavations and surface collections of the Northern Niya-type remains (after: [Yue, Yu, 1999: fig. 2–7, 15, 18, p. 300–303; Xinjiang Weiwu'er Zizhiqu Wenwuju, 2011: p. 143–145; Huang, 1983: table 71, 72]). 1–3, 10, 16, 17 — Northern Niya settlement; 4–9 — Haladun settlement; 11–15 — Northern Yuansha settlement

валиков, кружки с прямыми стенками, каменные серповидные вставки с выпуклым обушком. Керамика лепная, красно-коричневая с примесью песка; типичные формы — горшки с округлым дном и двумя ручками, цилиндрические горшки, кружки с прямыми стенками. Орнамент геометрический из выпуклых валиков, на венчике — налпные шишечки (рис. 4.-1, 2, 4–6). Среди каменного инвентаря — серповидные вставки с выпуклым обушком и вогнутым лезвием, седловидные зернотерки, топоры, ступы, пряслица, а также навершие жезла из белого нефрита (рис. 4.-3, 7–9, 14–17). Медные изделия: ножи с прямой спинкой и прямым черенком, кинжалы, наконечники стрел, кольца (рис. 4.-10–13) [Юэ, Юй, 1999: 11–17; Управления по охране памятников культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района, 2011: 143–145; Хуан, 1983: 93–118].

Среди памятников **типа Саэньсаи** — могильник Саэньсаи и поселение Синтала раскопаны; радиоуглеродные даты — XV–X вв. до н. э. В могильнике Саэньсаи погребения второй группы: без насыпей, ямы прямоугольные, север — юг, с жертвенной ямой с севера (рис. 6.-3). Третья группа — с каменными насыпями, ориентировка запад — восток, ямы или каменные ящики с уступами (рис. 6.-4). Кости второй группы вторично нарушены; в третьей — непотревоженные вытянутые на спине, головой на запад, с каменной подкладкой, инвентарь справа, слева и у ног — черепа овец и лошадей (рис. 6.-4). Поселение Синтала — овальная возвышенность, остатки сырцовых стен и обожженной глины с тростником (глинобитные или сырцовые постройки), очаги, хозяйственные ямы, одна выложена кирпичом-сырцом. Для типа характерно существование расписной и черно-коричневой керамики. Расписная — из тонкого красного теста, частично с ангобом; формы: горшки с округлым дном, чаши; геометрический орнамент (наклонные треугольные линии, свисающие треугольники, ромбовидный сетчатый узор) (рис. 5.-5–9; 6.-1). Черно-коричневая — с примесью песка; котлы с двумя ручками, горшки с отогнутым внутрь венчиком; орнамент: оттиски гребенчатого штампа, насечки, выпуклые валики; ушки прокалывались деревянной палочкой (рис. 5.-10; 6.-2). Каменный инвентарь — серповидные вставки, молоты, зернотерки, песты, ступы (рис. 5.-3, 4). Медные изделия — клиновидные топоры, наконечники стрел, конское снаряжение, зеркала, ножи. Костяные — наконечники стрел, костяные булавы (рис. 5.-1, 2; 9.-10) [Чжан, Ван, 1986: 2–5; Люй, 1988: 400–407; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: 152–155].

Рис. 5. Предметы из раскопок и сборов из поселений Ситала и Цюйхуэй (по: [Люй, 1988: рис. 6, 9, 11–13, 15, 18, с. 401–406; Чжан, Ван, 1986: рис. 3, 8, с. 2, 5]).

1–4, 6–10 — поселение Синтала; 5 — поселение Цюйхуэй

Fig. 5. Artifacts from excavations and surface collections of the Xintala and the Quhui settlements (after: [Lü, 1988: fig. 6, 9, 11–13, 15, 18, p. 401–406; Zhang, Wang, 1986: fig. 3, 8, p. 2, 5]).

1–4, 6–10 — Xintala settlement; 5 — Quhui settlement

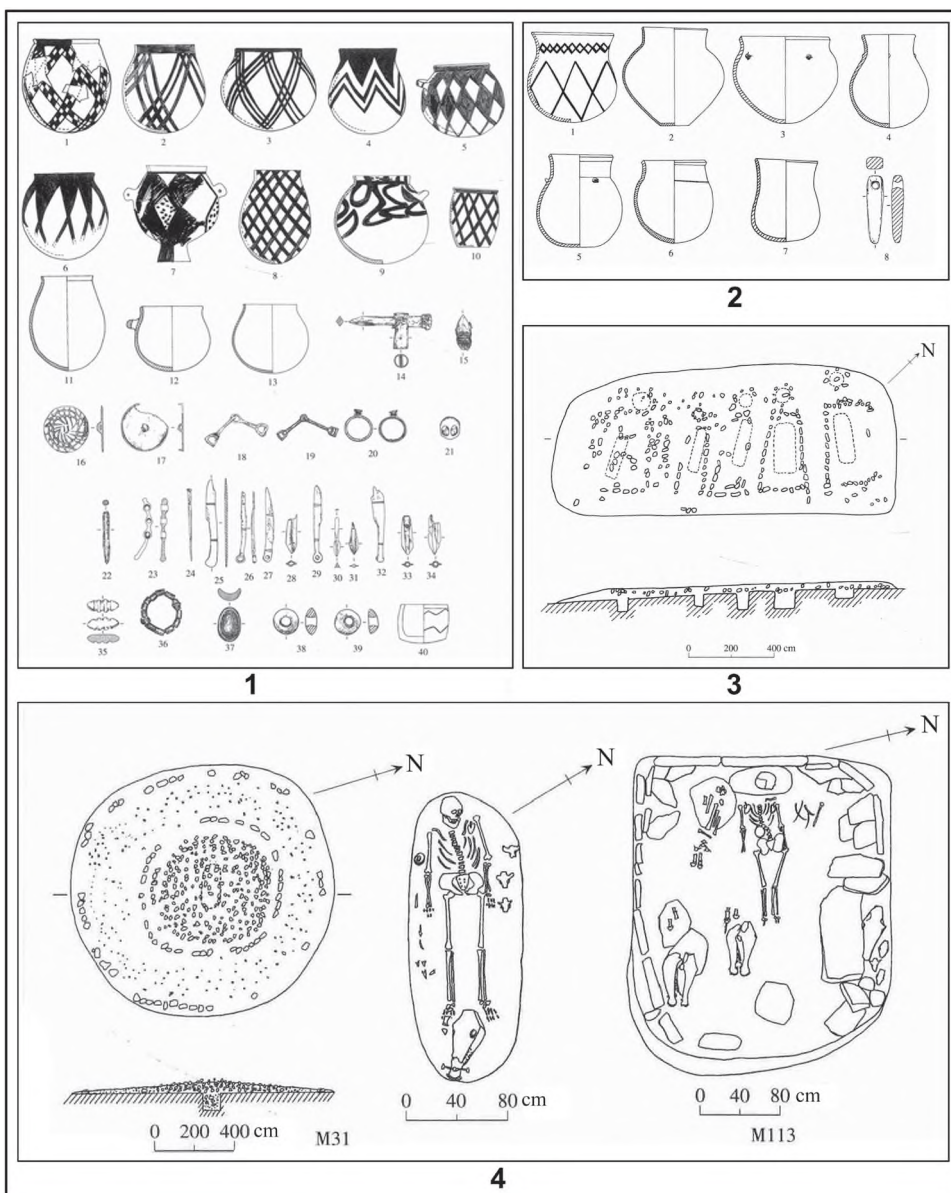

Рис. 6. Погребения и артефакты могильника Саэнсай в эпоху поздней бронзы (по: [Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: рис. 151–154, с. 154–156])

Fig. 6. Burials and artefacts of the Saensayi cemetery dating to the Late Bronze Age (after: [Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo, 2013: fig. 151–154, p. 154–156])

Памятники Таримской впадины расположены вдоль рек. С эпохи средней бронзы здесь существовала оазисная смешанная экономика [Чжан, Чжу, Цзинь, 2006: 102–103; Цюй, Жао, Цуй, Абуджэсулэ, Ли, Ху, Цзинь, Ян, 2024: 4311; Qu, Hu, Rao, Abuduresule, Li,

Hu, Jiang, Wang, Yang, 2018: 2005, 2012]. Анализ крахмальных зерен с зернотерки из погребения M122 могильника Саэньсаи показал, что они принадлежат просу, чумизе или овсу [Цзя, 2013: 227, 232]. На поселение Синтала (1950–1650 гг. до н. э.) зафиксировано земледелие с преобладанием пшеницы [Чжао, Ли, Чжоу, Dodson, Цзи, 2012: 222–223]. На поселение Актала найдены ячмень, пшеница, чумиза, просо, бобовые; на раннем этапе (1500–1300 гг. до н. э.) набор культур был ограниченнее, земледелие — примитивнее, с естественным орошением; обнаружены также костные остатки животных [Цао, Ма, Цюй, 2023: 126–127; Yang, Zhou, Spengler, Zhao, Liu, Bao, Jia, Li, 2020: 3–7].

Чустская культура Ферганской впадины синхронна памятникам эпохи поздней бронзы Таримской впадины. Ее даты варьируются от XXV до VIII в. до н. э., с концентрацией в XV–XIV вв. до н. э. [Заднепровский, 1997: 77]; современные исследования сужают хронологию до XII–IX вв. до н. э. [Кутимов, Тутаяева, 2020: 40].

Наиболее изученные памятники — Дальверзин, Чуст, Ош [Спришевский, 1957, 1958; Заднепровский, 1962, 1997] и Чуст-Бибиона [Анарбаев, Баратов, Насриддинов, Нажмиддинов, Бекмирзаев, 2023]. Могильники отсутствуют; захоронения (скорченные, часть черепов трепанированы) найдены в пределах поселений [Заднепровский, 1978: 18–21].

Характерны расписная керамика (красный фон, черная роспись, геометрический орнамент), каменные серповидные вставки и седловидные зернотерки, развитый бронзовый инвентарь (ножи с круглым черенком, копья, проушные топоры, серпы), а также местное металлургическое производство (литейные формы, шлак, тигли, сопла) [Заднепровский, 1962: 24–26, 30–31, 41–46; Кузьмина, 1966: 32–33].

Хозяйство — оазисная смешанная экономика с преобладанием оседлого земледелия (пшеница, ячмень, чумиза; каменные серпы, зернотерки, хранилища) [Заднепровский, 1962: 31–33; Kuzmina, 2008: 80; Boxleitner, Spengler, Alekseitseva, Chargynov, Abdykanova, Sayfuloev, Shnaider, 2026: 4]. Скотоводство: овцы, козы, крупный рогатый скот, лошадь, свинья, собака; охота и рыболовство незначительны [Мирзалиева, Бекмирзаев, 2025: 544–547; Lhuillier, Mashkour, 2017: 665–670].

Материально-культурные связи между двумя регионами

Памятники Таримской впадины и чустская культура синхронны и обнаруживают многочисленные сходства в погребальном обряде, архитектуре, керамике, каменном и металлическом инвентаре.

В погребальном обряде могила M18 могильника Сябаньди А-II наиболее близка к захоронениям в пределах поселений чустской культуры [Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2012: 35–37; Заднепровский, 1978: 18–21]. В архитектуре постройки с каркасом из плетеных конструкций типа Северо-нийя сходны с шалашеобразными постройками чустской культуры, а кирпич-сырец типа Синтала распространен в чустской культуре [Юэ, Юй, 1999: 11–17; Люй, 1988: 400, 407; Заднепровский, 1962: 14–16, 39–40].

Наибольшее сходство прослеживается в керамике. Типам Саэньсаи, Актала и чустской культуре свойственны чаши с округлым дном, горшки с перехватом, кружки с прямыми стенками и развитая традиция петлевидных ручек (рис. 7.-1–5, 6, 8–13). Кружки типа Северо-нийя также встречаются в чустской культуре (рис. 7.-7). В орнаменте

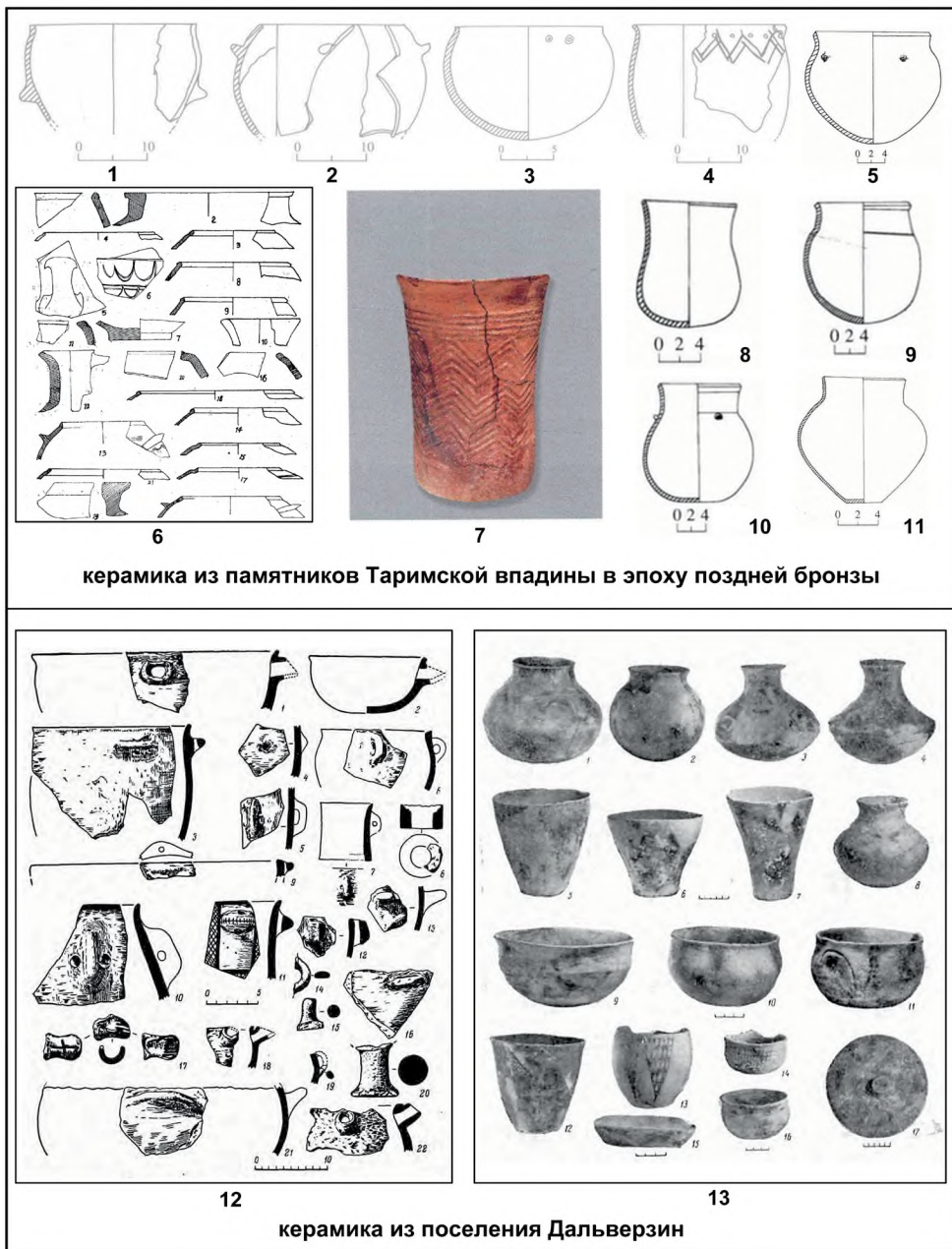

Рис. 7. Сравнение типов керамических форм двух регионов (по: [Заднепровский, 1962: табл. XIX, XIII, с. 260, 266; Автономное управление по охране памятников культуры, Отряд по охране памятников культуры Кашгарского округа, 1993: рис. 2, с. 10; Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна, 1983: рис. 5, с. 41; Управление по охране памятников культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района, 2011: с. 146; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2012: рис. 38, с. 37; 2013: рис. 31, 78, 79, с. 44, 89, 90]).

1–4 — поселение Актала; 5 — погребение №29, могильник Саэньсаи; 6 — археологический комплекс Ханой; 7 — поселение Северо-нийя; 8–10 — погребение №85, могильник Саэньсаи; 11 — погребение №86, могильник Саэньсаи; 12, 13 — поселение Дальверзин

Fig. 7. Comparative typology of ceramics from two regions (after: [Zadneprovsky, 1962: table XIX, XIII, p. 260, 266; Institute of Archaeology, Xinjiang Academy of Social Sciences, 1983: fig. 5, p. 41; Zizhiqu Wenwu Pucha Bangongshi, Kashi Diqiu Wenwu Puchadui, 1993: fig. 2, p. 10; Xinjiang Weiwu'er Zizhiqu Wenwuju, 2011: p. 146; Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo, 2012: fig. 38, p. 37; 2013: fig. 31, 78, 79, p. 44, 89, 90]). 1–4 — Aktala settlement; 5 — burial No. 29, Saensayi cemetery; 6 — archaeological complex of Hannuoyi; 7 — Northern Niya settlement; 8–10 — burial No. 85, Saensayi cemetery; 11 — burial No. 86, Saensayi cemetery; 12, 13 — Dalverzin settlement

для расписной керамики типа Саэньсаи и чустской культуры характерны геометрические узоры (сетка, треугольники, ромбы, «шатер») (рис. 8.-1–12). Геометрический орнамент из выпуклых валиков типа Северо-нийя также перекликается с чустской традицией (рис. 8.-1–4, 13). [Спришевский, 1957: 47; 1958: 89; Заднепровский, 1962: 26, 28, 259, 264–265, 273; Археологический отряд Музея Синьцзян-Уйгурского автономного района, 1977: 107–110; Люй, 1988: 399–476; Юэ, Юй, 1999: 11–17; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: 152–155, 195].

В обоих регионах сходный набор орудий земледелия: серповидные лезвия, вставки с выпуклым обушком, седловидные зернотерки, песты, мотыги. В чустской культуре такие же орудия часто встречаются вместе (рис. 9.-1–5, 7, 8, 11–13, 17). На памятниках типа Северо-нийя и в погребениях № 14, № 100, № 103 и № 134 могильника Саэньсаи найдены костяные или каменные булавы; в чустской культуре — мраморные булавы (рис. 9.-9, 10, 16). На поселении Дальверзин и в погребении М89 Саэньсаи обнаружены бронзовые серпы с отверстием, формой сходные с каменными вставками и, вероятно, также служившие для уборки урожая (рис. 9.-6, 14). [Спришевский, 1957: 49; 1958, 92; 1958: 48, 95; Заднепровский, 1962: 31–33, 36, 41, 45, 49, 272–275; Кузьмина, 1966: 137, 139; Археологический отряд Музея Синьцзян-Уйгурского автономного района, 1977: 108; Люй, 1988: 402; Юэ, Юй, 1999: 14; Управление по охране памятников культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района, 2011: 146; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: 29, 30, 92, 99, 100, 102, 103, 126, 127].

В обоих регионах зафиксирована местная металлургия, сходство форм медных и бронзовых ножей и, возможно, состава сплавов. В чустской культуре развитое производство: литейные формы, шлак, сосуды для плавки (Дальверзин, Чуст). На городище Актала — медная руда и шлак. В чустской культуре распространены ножи с монетовидным навершием (рис. 10.-3, 4); аналогичные найдены в погребениях № 22 и № 33 могильника Саэньсаи (рис. 10.-1, 2). Изделия Дальверзина, Чуста и Акталы — в основном из оловянной бронзы, с примесью оловянно-свинцовой. Изделия типа Саэньсаи — из чистой меди и оловянной бронзы; ножи из погребений № 22 и № 33 — из чистой меди с примесью олова (Sn 1,89%), низколегированные. [Спришевский, 1957: 47–48; 1958: 93; Заднепровский, 1962: 30–34, 40–41; Рузанов, 1980: 55–56, 63; Цао, Ма, Цюй, 2023: 129, 131; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: 38, 39, 47, 48; Ван, 2013: 241–244].

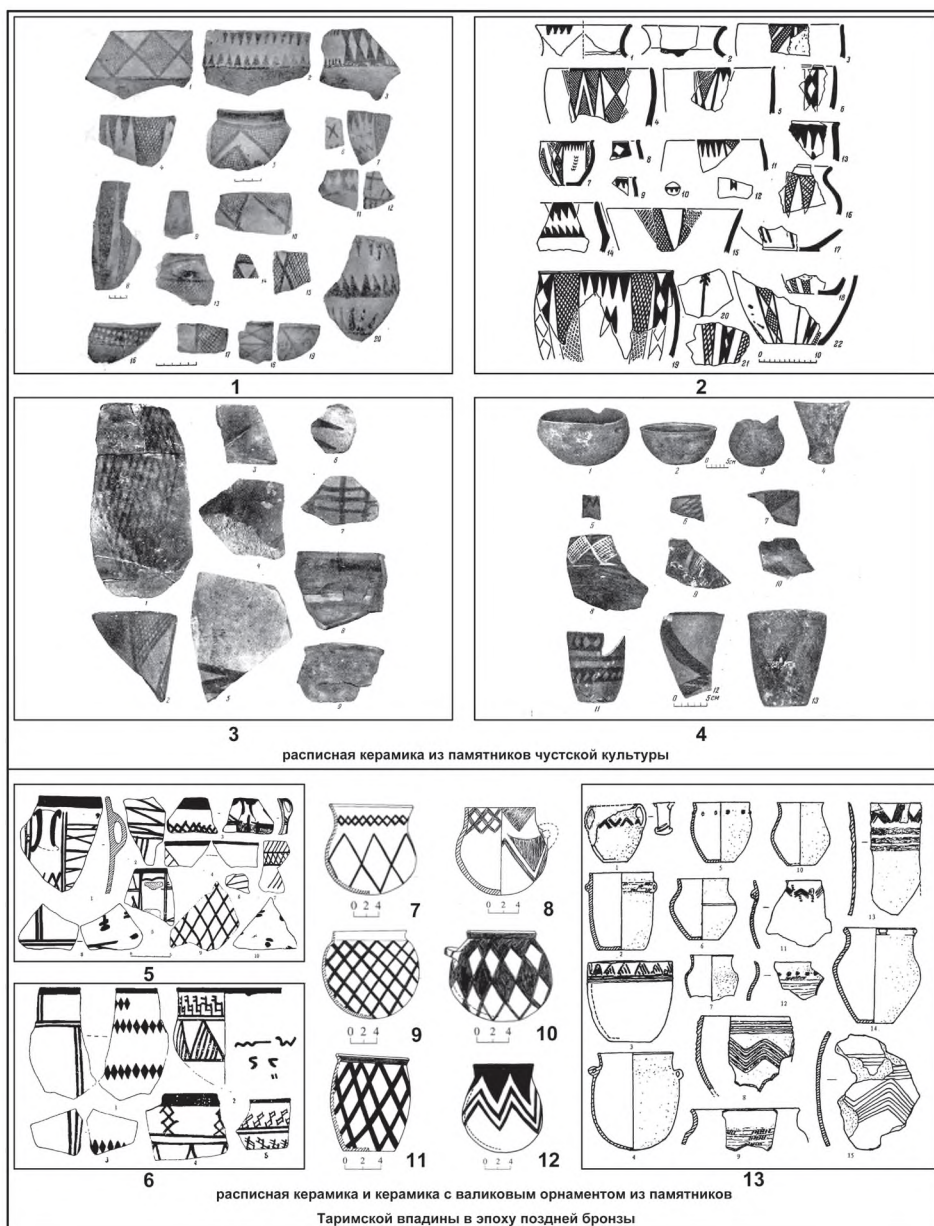

Рис. 8. Сравнение орнаментов простой и расписной керамики двух регионов (по: [Заднепровский, 1962: табл. XVIII, XXXI, с. 260, 265, 273; Спришевский, 1957: рис. 13, с. 47; 1958: рис. 25, с. 89; Чжан, Ван, 1986: рис. 8, с. 5; Люй, 1988: рис. 12, 13, 15, с. 403–405; Юэ, Юй, 1999: рис. 5, с. 302; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: рис. 31, 78, 79, с. 44, 89, 90]). 1 — поселение Дальверзин; 2 — Ашкал-тепе; 3, 4 — Чустское поселение; 5, 6 — поселение Синтала; 7–12 — погребение № 85, 103, 100, 106, 20, 14, могильник Сазньсаи; 13 — поселение Северо-нийя

Fig. 8. Comparative ornamentation of pottery and painted pottery from two regions (after: [Zadneprovsky, 1962: table XVIII, XXXI, p. 260, 265, 273; Sprishevsky, 1957: fig. 13, p. 47; 1958: fig. 25, p. 89; Zhang, Wang, 1986: fig. 8, p. 5; Lü, 1988: fig. 12, 13, 15, p. 403–405; Yue, Yu, 1999: fig. 5, p. 302; Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo, 2013: fig. 31, 78, 79, p. 44, 89, 90]). 1 — Dalverzin settlement; 2 — Ashkal tepe; 3, 4 — Chust settlement; 5, 6 — Xintala settlement; 7–12 — burial No. 85, 103, 100, 106, 20, 14, Saensayi cemetery; 13 — Northern Niya settlement

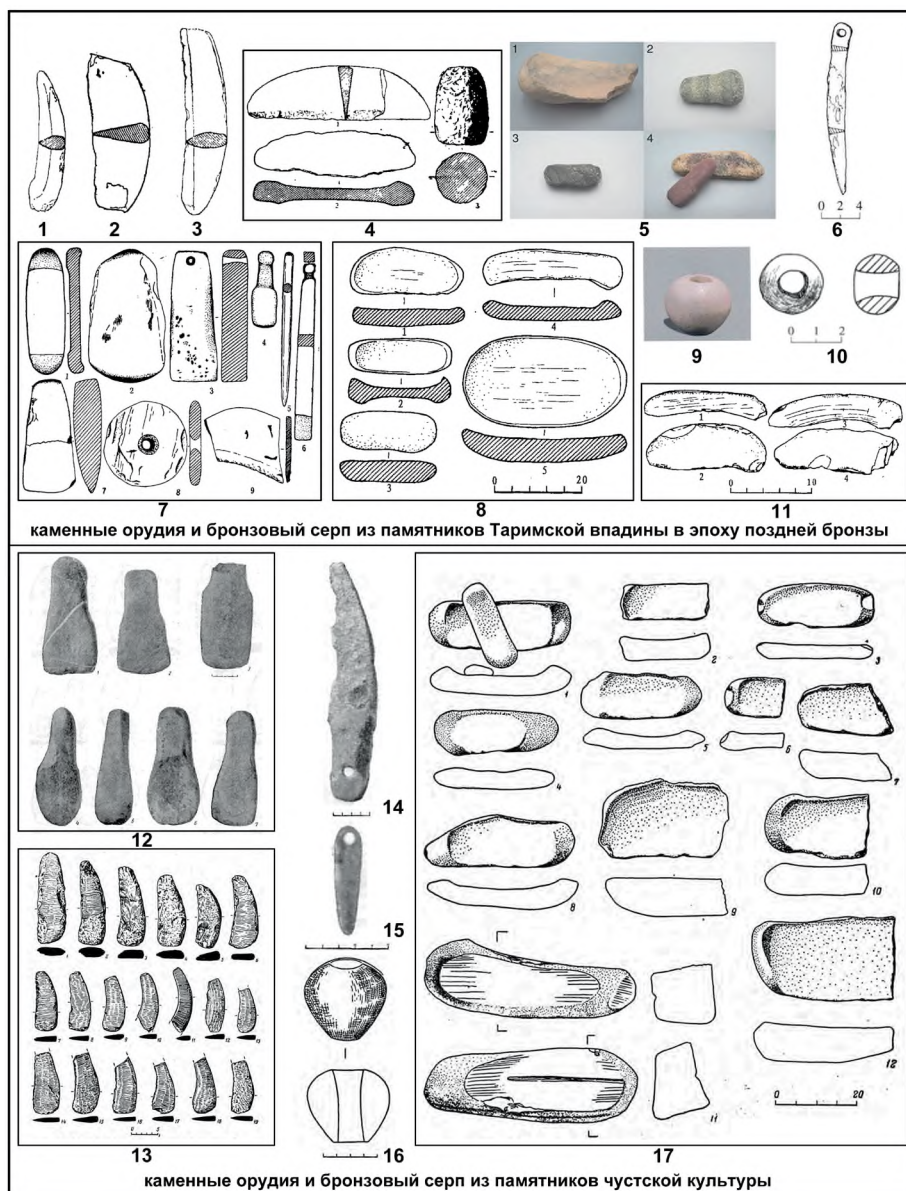

Рис. 9. Сравнение каменных изделий и бронзовых серпов двух регионов (по: [Заднепровский, 1962: табл. XXI, XXVI–XXX, с. 268, 273–277; Археологический отряд Музея Синьцзян-

Уйгурского автономного района, 1977: рис. 9, с. 109; Институт археологии Академии общественных наук Синьцзяна, 1983: рис. 7, с. 42; Люй, 1988: рис. 9, с. 402; Юэ, Юй, 1999: рис. 2, 3, с. 300; Управление по охране памятников культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района, 2011: с. 146; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: рис. 17, 82, с. 19, 93; Цао, Ма, Цюй, 2023: рис. 7, с. 129]]. 1–5 — поселение Актала; 6, 10 — погребение №89, 14, могильник Саэньсаи; 7 — поселение Ситала; 8, 9, 11 — поселение Северо-нийя; 12–17 — поселение Дальверзин

Fig. 9. Comparative study of stone artifacts and bronze sickles from two regions (after: [Zadneprovsky, 1962: table XXI, XXVI–XXX, p. 268, 273–277; Xinjiang Weiwu'er Zizhiqu Bowuguan Kaogudui, 1977: fig. 9, p. 109; Institute of Archaeology, Xinjiang Academy of Social Sciences, 1983: fig. 7, p. 42; Lü, 1988: fig. 12, 13, 15, p. 403–405; Yue, Yu, 1999: fig. 5, p. 302; Xinjiang Weiwu'er Zizhiqu Wenwuju, 2011: p. 146; Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo, 2013: fig. 17, 82, p. 19, 93; Cao, Ma, Qu, 2018: 2023: fig. 7, p. 129]). 1–5 — Aktala settlement; 6, 10 — burial No. 89, 14, Saensayi cemetery; 7 — Xintala settlement; 8, 9, 11 — Northern Niya settlement; 12–17 — Dalverzin settlement

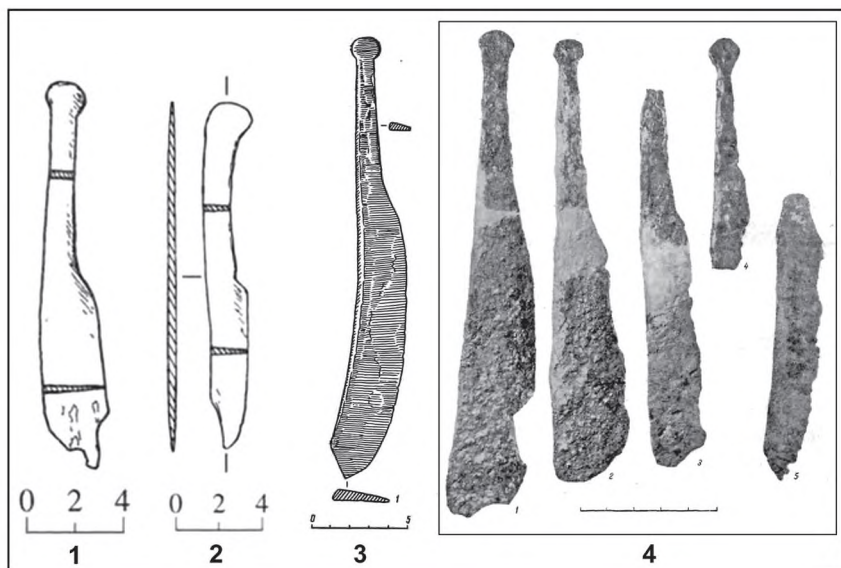

Рис. 10. Сравнение типов бронзовых ножей двух регионов (по: [Заднепровский, 1962: табл. XXII, рис. 11, с. 34, 269; Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна, 2013: рис. 25, 34, с. 38, 48]). 1, 2 — погребение №33, 22, могильник Саэньсаи; 3, 4 — поселение Дальверзин

Fig. 10. Comparative typology of bronze knives from two regions (after: [Zadneprovsky, 1962: table XXII, p. 34, 269; Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo, 2013: fig. 25, 34, p. 38, 48]). 1, 2 — burial No. 33, 22, Saensayi cemetery; 3, 4 — Dalverzin settlement

Механизм культурного взаимодействия между двумя регионами

Сходные природные условия и наличие географических коридоров служили основой для культурных связей между Таримской и Ферганской впадинами. Ключевым ко-

ридором была линия Фергана — Алайский хребет — юго-западная окраина Таримской впадины вдоль р. Кызылсу [Линь, 2024: 71]. Памятники типа Актала, сосредоточенные в Кашгар-Яркендской дельте (восточное окончание коридора), обнаруживают тесные связи с чувстской культурой.

Для выявления механизмов обмена наиболее показателен анализ керамики и металлургии. Формы сосудов и орнаментация расписной керамики в обоих регионах обнаруживают значительное сходство. По мнению ряда исследователей, расписная керамика культур Тяньшаньбэйлу и Яньбулак (начало II тыс. до н. э.) происходит из Ганьсу-Цинхая и через памятники типа Синтала (около XV в. до н. э.) оказала влияние на Ферганскую впадину [Mei, 2000: 67–69; Chen, Hiebert, 1995: 287–289; Shui, 1998: 166–168; Го, 2012: 328].

В обоих регионах существовала местная металлургия бронзы. Сходство состава сплавов, форм ножей и серпов указывает на общие источники сырья и технологический обмен. Однако состав изделий типа Саэньсаи (южный склон Центрального Тянь-Шаня) более разнообразен, что отражает более сложную картину источников руды к востоку от Тянь-Шаня. В этот период большее влияние имели степные традиции (карасукская, позднеандроновская), и обе впадины находились в орбите этой металлургической сети.

Прямых палеогенетических данных пока нет, но прослеживаются косвенные связи. Основной генетический компонент позднего населения Таримской впадины связан с андроновскими популяциями [Kumar, Wang, Zhang, Wang, Ruan, Yu, Hu, Wu, Guo, Wang, Niyazi, Lv, Tang, Cao, Liu, Dai, Yang, Feng, Ping, Zhang, Zhang, Hou, Liu, Bennett, Fu, 2022: 66–67], которые проникали и в Фергану. Миграционные пути через Памир в Западный Синьцзян проходили вблизи Ферганской впадины [Zhang, Gao, Zhao, Wu, Zhang, Li, Ning, Yan, Wei, Cui, 2025], что указывает на косвенные контакты между населением двух регионов.

Заключение

Памятники Таримской впадины (типы Синтала, Северо-нийя и Саэньсаи) и чувстская культура Ферганской впадины синхронны (середина II — начало I тыс. до н. э.) и обнаруживают сходство в архитектуре, керамике, каменном инвентаре, металлургии и хозяйственной модели. Наиболее показательны геометрическая расписная керамика, серповидные вставки и седловидные зернотерки.

Взаимодействие базировалось на сходной оазисной среде и разворачивалось вдоль природного коридора Фергана — Алай — юго-западная Таримская впадина. Механизмы носили двусторонний и полигенный характер: в орнаментации керамики прослеживается возможное влияние с востока на запад, тогда как металлургия была связана с сетью евразийских степей. Андроновские популяции, представленные в обоих регионах, создавали основу для косвенных контактов.

Полученные данные свидетельствуют, что межрегиональные связи между восточной и западной частями Тянь-Шаня начали складываться уже в эпоху поздней бронзы, что важно для понимания формирования доисторического Шёлкового пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анарбаев А.А., Баратов С.Р., Насриддинов Ш., Нажмиддинов А., Бекмирзаев И. Археологические работы на поселении Чуст-Бибиона в 2022 году // Археологические исследования в Узбекистане в 2022 году. Самарканд: Samarqand arkhoeologiya instituti, 2023. Вып. 15. С. 17–29.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 328 с.

Заднепровский Ю.А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1978. 52 с.

Заднепровский Ю.А. Ошское поселение. К истории Ферганы в эпоху поздней бронзы. Бишкек: Мурас, 1997. 171 с.

Кузьмина Е.Е. Металлические изделия энеолита и бронзового века в Средней Азии. М.: Наука, 1966. 150 с.

Кутимов Ю.Г., Тутаева И.Ж. Археологические комплексы степного типа и проблема абсолютной датировки чустской культуры Ферганской долины // Археологические вести. 2020. № 30. С. 29–42.

Мирзалиева Г.Р., Бекмирзаев И.И. Статистический анализ костных останков животных из археологического памятника Бибиона-Чуст (результаты исследований 2021 и 2023 годов) // Бюллетень науки и практики. 2025. Т. 11, № 11. С. 541–549.

Рузанов В.Д. К вопросу о металлообработке у племен Чустской культуры // Советская археология. 1980. № 4. С. 55–63.

Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы // Краткие сообщения. 1957. Вып. 69. С. 40–49.

Спришевский В.И. Чустское поселение эпохи бронзы // Краткие сообщения. 1958. Вып. 71. С. 86–98.

Boxleitner K., Spengler R.N., Alekseitseva V., Chargynov T., Abdykanova A., Sayfuloev N., Shnaider S. Archaeobotanical investigations at high-elevation sites of the Pamir Mountains and Fergana foothills // iScience. 2026. Vol. 29. No. 1. P. 114349.

Chen K., Hiebert F.T. The late prehistory of Xinjiang in relation to its neighbors // J. World Prehist. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 243–300.

Festa M. Prehistoric Interactions in Eurasia: A Re-evaluation of Bronze Age Remains in the Oases on the Southern Rim of the Tarim Basin // Athens Journal of History. 2018. Vol. 4. P. 197–226.

Kumar V., Wang W., Zhang J., Wang Y., Ruan Q., Yu J., Hu X., Wu X., Guo W., Wang B., Niyazi A., Lv E., Tang Z., Cao P., Liu F., Dai Q., Yang R., Feng X., Ping W., Zhang L., Zhang M., Hou W., Liu Y., Bennett E.A., Fu Q. Bronze and Iron Age population movements underlie Xinjiang population history // Science. 2022. Vol. 376. No. 6588. P. 62–69.

Kuzmina E.E. The Prehistory of the Silk Road. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008. 264 p.

Lhuillier J., Mashkour M. Animal exploitation in the oases: an archaeozoological review of Iron Age sites in southern Central Asia // Antiquity. 2017. Vol. 91. No. 357. P. 655–673.

Mei J. Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its Cultural Context and Relationship with Neighbouring Regions. Oxford: Archaeopress, 2000. 210 p.

Qu Y., Hu Y., Rao H., Abuduresule I., Li W., Hu X., Jiang H., Wang C., Yang Y. Diverse lifestyles and populations in the Xiaohe culture of the Lop Nur region, Xinjiang, China // *Archaeol. Anthropol. Sci.* 2018. Vol. 10. No. 8. P. 2005–2014.

Shui T. On the Relationship between the Tarim and Ferghana in the Bronze Age // *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington, D. C: Institute for the Study of Man Inc., 1998. P. 162–168.

Yang Q., Zhou X., Spengler R. N., Zhao K., Liu J., Bao Y., Jia P., Li X. Prehistoric agriculture and social structure in the southwestern Tarim Basin: multiproxy analyses at Wupaer // *Sci. Rep.* 2020. Vol. 10. No. 1. P. 14235.

Zhang F., Gao S., Zhao X., Wu Y., Zhang J., Li J., Ning C., Yan S., Wei D., Cui Y. Bronze and Iron Age genomes reveal the integration of diverse ancestries in the Tarim Basin // *Curr. Biol.* 2025. Vol 35. No. 15. P. 3759–3766. e4.

新疆考古三十年 [30 лет археологии Синьцзяна] / под ред. 新疆社会科学院考古研究所 [Института археологии Академии общественных наук Синьцзяна]. 乌鲁木齐: 新疆人民出版社, 1983. 796 с. (на кит. яз.).

自治区文物普查办公室, 喀什地区文物普查队 [Автономное управление по охране памятников культуры, Отряд по охране памятников культуры Кашгарского округа]. 喀什地区文物普查资料汇编 [Сборник материалов по инвентаризации памятников культуры Кашгарского округа] // *新疆文物* [Культурные реликвии Синьцзяна]. 1993. №03. С. 1–112 (на кит. яз.).

新疆维吾尔自治区博物馆考古队 [Археологический отряд Музея Синьцзян-Уйгурского автономного района]. 新疆疏附县阿克塔拉等新石器时代遗址的调查 [Обследование неолитических памятников Ак-тала и других в уезде Шуфу, Синьцзян] // *考古* [Археология]. 1977. №02. С. 107–110 (на кит. яз.).

王璞 [Ван П.]. 萨恩萨伊墓地出土金属器检测分析报告 [Отчет о результатах металлографического анализа предметов из могильника Саэнсай] // *新疆萨恩萨伊墓地* [Могильник Саэнсай в Синьцзяне] (Серия трудов Института археологии и культурных реликвий Синьцзяна). 北京: 文物出版社, 2013. С. 239–258 (на кит. яз.).

郭物 [Го У.]. 新疆史前晚期社会的考古学研究 [Археологическое исследование позднего доисторического общества Синьцзяна]. 上海: 上海古籍出版社, 2012. 290 с. (на кит. яз.).

新疆文物考古研究所 [Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна]. 新疆下坂地墓地 [Могильник Сябаньди в Синьцзяне]. 北京: 文物出版社 [Пекин: Издательство «Вэньбу»], 2012. 520 с. (на кит. яз.).

新疆文物考古研究所 [Институт археологии и культурных реликвий Синьцзяна]. 新疆萨恩萨伊墓地 [Могильник Саэнсай в Синьцзяне]. 北京: 文物出版社 [Пекин: Издательство «Вэньбу»], 2013. 261 с. (на кит. яз.).

林铃梅 [Линь Л. М.]. 中亚费尔干纳盆地考古综述 [Обзор археологии Ферганской долины в Центральной Азии] // *考古与文物* [Археология и культурные реликвии]. 2024. №8. С. 71–83 (на кит. яз.).

吕恩国 [Люй Э. Г.]. 新疆和硕新塔拉遗址发掘简报 [Краткий отчет о раскопках памятника Синьгала в Хошуо, Синьцзян] // *考古* [Археология]. 1988. №05. С. 399–407, 476 (на кит. яз.).

新疆维吾尔自治区第三次全国文物普查成果集成：和田地区卷 [Свод результатов третьей общенациональной инвентаризации памятников культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района: том Хотанского округа] / под ред. 新疆维吾尔自治区文物局 [Управления по охране памятников культуры Синьцзян-Уйгурского автономного района]. 北京: 科学出版社, 2011. 233 с. (на кит. яз.).

黄文弼 [Хуан В. Б.]. 新疆考古发掘报告 [Отчет об археологических раскопках в Синьцзяне] / под ред. 中国社会科学院考古研究所 [Института археологии Китайской академии общественных наук]. 北京: 文物出版社, 1983. 224 с. (на кит. яз.).

曹凯 [Цао К.], 马鹏 [Ма П.], 曲梦圆 [Цюй М.]. 新疆疏附阿克塔拉遗址群2021~2022年考古发掘收获与初步认识 [Результаты и предварительные выводы археологических раскопок 2021–2022 гг. на комплексе памятников Ак-тала в уезде Шуфу, Синьцзян] // 西域研究 [Исследования Западного края]. 2023. № 2. С. 125–131 (на кит. яз.).

贾伟明 [Цзя В. М.]. 萨恩萨伊墓地淀粉残留物分析报告 [Анализ крахмальных остатков с материалов могильника Саэнсай] // 新疆萨恩萨伊墓地 [Могильник Саэнсай в Синьцзяне] (Серия трудов Института археологии и культурных реликвий Синьцзяна). 北京: 文物出版社, 2013. С. 224–235 (на кит. яз.).

屈亚婷 [Цюй Я. Т.], 饶慧芸 [Жао Х. Ю.], 崔建新 [Цуй Ц. С.], 阿不都热苏勒·伊弟利斯 [Абдужэсүлэ И.], 李文瑛 [Ли В. И.], 胡兴军 [Ху С. Ц.], 金普军 [Цзинь П. Ц.], 杨益民 [Ян И. М.]. 新疆青铜早期多种生物遗存的C、N稳定同位素分析 [Анализ стабильных изотопов С и N различных биологических остатков раннего бронзового века Синьцзяна] // 科学通报 [Китайский научный бюллетень]. 2024. Т. 69. № Z2. С. 4311–4322 (на кит. яз.).

张平 [Чжан П.], 王博 [Ван Б.]. 和硕县新塔拉、曲惠原始文化遗址调查 [Обследование памятников первобытной культуры Синьтала и Цюйхуэй в уезде Хошуо] // 新疆文物 [Культурные реликвии Синьцзяна]. 1986. № 01. С. 1–13 (на кит. яз.).

张全超 [Чжан Ц. Ч.], 朱泓 [Чжу Х.], 金海燕 [Цзинь Х. Я.]. 新疆罗布淖尔古墓沟青铜时代人骨微量元素的初步研究 [Предварительное исследование микроэлементов в костях человека бронзового века из могильника Гумугоу в Лобноре, Синьцзян] // 考古与文物 [Археология и культурные реликвии]. 2006. № 6. С. 99–103 (на кит. яз.).

赵克良 [Чжао К. Л.], 李小强 [Ли С. Ц.], 周新郢 [Чжоу С. И.], Dodson John, 纪明 [Цзи М.]. 新疆新塔拉遗址农业活动特征及其影响的植物指标记录 [Характеристики сельскохозяйственной деятельности на памятнике Синьтала в Синьцзяне и запись растительных индикаторов ее влияния] // 第四纪研究 [Четвертичные исследования]. 2012. Т. 32. № 2. С. 219–225 (на кит. яз.).

岳峰 [Юэ Ф.], 于志勇 [Юй Ч. Ю.]. 新疆民丰县尼雅遗址以北地区1996年考古调查 [Археологическое обследование 1996 г. района к северу от памятника Ния в уезде Миньфэн, Синьцзян] // 考古 [Археология]. 1999. № 04. С. 11–17 (на кит. яз.).

References

Anarbaev A. A., Baratov S. R., Nasriddinov Sh., Nazhmiddinov A., Bekmirzaev I. *Arkheologicheskie raboty na poselenii Chust-Bibiona v 2022 godu* [Archaeological Works at the Settlement of Chust-Bibiona in 2022]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Uzbekistane v 2022*

godu [Archaeological Research in Uzbekistan in 2022]. Samarkand: Samarqand arkhеologiya instituti, 2023, no. 15, pp. 17–29 (in Russian).

Kutimov Yu. G., Tutaeva I. Zh. *Arkheologicheskie kompleksy stepnogo tipa i problema absolyutnoi datirovki chustskoi kul'tury Ferganskoi doliny* [Steppe-type Archaeological Complexes and the Problem of Absolute Dating of the Chust Culture in the Fergana Valley]. *Arkheologicheskie vesti*. 2020, no. 30, pp. 29–42. (in Russian).

Kuzmina E. E. *Metallicheskie izdeliya eneolita i bronzovogo veka v Srednei Azii* [Metal Artifacts of the Eneolithic and Bronze Age in Central Asia]. Moscow: Nauka, 1966, 150 p. (in Russian).

Mirzalieva G. R., Bekmirzaev I. I. *Statisticheskii analiz kostnykh ostankov zhivotnykh iz arkheologicheskogo pamyatnika Bibiona-Chust (rezul'taty issledovaniy 2021 i 2023 godov)* [Statistical Analysis of Animal Bone Remains from the Archaeological Site of Bibiona-Chust (Results of 2021 and 2023 Studies)]. *Byulleten' Nauki i Praktiki*. 2025, vol. 11, no. 11, pp. 541–549 (in Russian).

Ruzanov V. D. *K voprosu o metalloobrabotke u plemyon Chustskoi kul'tury* [On the Metalworking of the Chust Culture Tribes]. *Sovetskaya Arkheologiya*. 1980, no. 4, pp. 55–63 (in Russian).

Sprishhevsky V. I. *Chustskoe poselenie epokhi bronzy* [The Bronze Age Settlement of Chust]. *Kratkie Soobshcheniya*. 1957, no. 69, pp. 40–49 (in Russian).

Sprishhevsky V. I. *Chustskoe poselenie epokhi bronzy* [The Bronze Age Settlement of Chust]. *Kratkie Soobshcheniya*. 1958, no. 71, pp. 86–98 (in Russian).

Qu Y., Hu Y., Rao H., Abuduresule I., Li W., Hu X., Jiang H., Wang C., Yang Y. Diverse lifestyles and populations in the Xiaohe culture of the Lop Nur region, Xinjiang, China. *Archaeol. Anthropol. Sci.* 2018, vol. 10, no. 8, pp. 2005–2014.

Zadneprovsky Yu. A. *Chustskaya kul'tura Fergany i pamyatniki rannezheleznogo veka Srednei Azii: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The Chust Culture of Fergana and Early Iron Age Sites of Central Asia: Dr. Sci. (History) dissertation abstract]. Moscow, 1978, 52 p. (in Russian).

Zadneprovsky Yu. A. *Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Fergany* [Ancient Agricultural Culture of Fergana]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., 1962, 328 p. (in Russian).

Zadneprovsky Yu. A. *Oshskoe poselenie. K istorii Fergany v epokhu pozdnei bronzy* [The Osh Settlement. On the History of Fergana in the Late Bronze Age]. Bishkek: Muras, 1997, 171 p. (in Russian).

Boxleitner K., Spengler R. N., Alekseitseva V., Charyginov T., Abdykanova A., Sayfuloev N., Shnaider S. Archaeobotanical investigations at high-elevation sites of the Pamir Mountains and Fergana foothills. *iScience*. 2026, vol. 29, no. 1, pp. 114349.

Chen K., Hiebert F. T. The late prehistory of Xinjiang in relation to its neighbors. *J. World Prehist.* 1995, vol. 9, no. 2, pp. 243–300.

Festa M. Prehistoric Interactions in Eurasia: A Re-evaluation of Bronze Age Remains in the Oases on the Southern Rim of the Tarim Basin. *Athens Journal of History*. 2018, vol. 4, pp. 197–226.

Kumar V., Wang W., Zhang J., Wang Y., Ruan Q., Yu J., Hu X., Wu X., Guo W., Wang B., Niyazi A., Lv E., Tang Z., Cao P., Liu F., Dai Q., Yang R., Feng X., Ping W., Zhang L., Zhang M., Hou W., Liu Y., Bennett E. A., Fu Q. Bronze and Iron Age population movements underlie Xinjiang population history. *Science*. 2022, vol. 376, no. 6588, pp. 62–69.

Kuzmina E. E. *The Prehistory of the Silk Road*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2008, 264 p.

Lhuillier J., Mashkour M. Animal exploitation in the oases: an archaeozoological review of Iron Age sites in southern Central Asia. *Antiquity*. 2017, vol. 91, no. 357, pp. 655–673.

Mei J. *Copper and Bronze Metallurgy in Late Prehistoric Xinjiang: Its Cultural Context and Relationship with Neighbouring Regions*. Oxford: Archaeopress, 2000, 210 p.

Shui T. On the Relationship between the Tarim and Ferghana in the Bronze Age. *The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia*. Washington, D. C: Institute for the Study of Man Inc., 1998, pp. 162–168.

Yang Q., Zhou X., Spengler R. N., Zhao K., Liu J., Bao Y., Jia P., Li X. Prehistoric agriculture and social structure in the southwestern Tarim Basin: multiproxy analyses at Wupaer. *Sci. Rep.* 2020, vol. 10, no. 1, pp. 14235.

Zhang F., Gao S., Zhao X., Wu Y., Zhang J., Li J., Ning C., Yan S., Wei D., Cui Y. Bronze and Iron Age genomes reveal the integration of diverse ancestries in the Tarim Basin. *Curr. Biol.* 2025, vol. 35, no. 15, pp. 3759–3766. e4.

Caο K., Ma P., Qu M. Y. Xinjiang Shufu Xian Aketala yizhiqun 2021–2022 nian kaogu fajue shouhuo yu chubu renshi [Results and Preliminary Conclusions of Archaeological Excavations (2021–2022) at the Akedala Site Complex in Shufu County, Xinjiang]. *Xiyu Yanjiu* [Western Regions Studies]. 2023, no. 2, pp. 125–131 (in Chinese).

Guo W. *Xinjiang shiqian wanqi shehui de kaoguxue yanjiu* [Archaeological Study of Late Prehistoric Society in Xinjiang]. Shanghai: Shanghai Guji Chubanshe, 2012, 290 p. (In Chinese).

Huang W. B. *Xinjiang kaogu fajue baogao* [Report on Archaeological Excavations in Xinjiang]. Beijing: Wenwu Chubanshe, 1983, 224 p. (In Chinese).

Jia W. M. Sa'ensayi Mudi dianfen canliuwu fenxi baogao [Report on the Starch Residue Analysis from the Saensai Cemetery]. *Xinjiang Sa'ensayi Mudi* [The Saensai Cemetery in Xinjiang] (Series of the Institute of Archaeology and Cultural Relics of Xinjiang). Beijing: Wenwu Chubanshe, 2013, pp. 224–235 (in Chinese).

Lin L. M. Zhongya Fei'ergana pendi kaogu zongshu [Review of Archaeology of the Fergana Valley in Central Asia]. *Kaogu yu Wenwu* [Archaeology and Cultural Relics]. 2024, no. 8, pp. 71–83 (in Chinese).

Lü E. G. Xinjiang Heshuo Xintala yizhi fajue jianbao [Preliminary Report on Excavations at the Xintala Site in Hoxud County, Xinjiang]. *Kaogu* [Archaeology]. 1988, no. 5, pp. 399–407, 476 (in Chinese).

Qu Y. T., Rao H. Y., Cui J. X., Abuduresule I., Li W. Y., Hu X. J., Jin P. J., Yang Y. M. Xinjiang qingtong zaoqi duozhong shengwu yicun de C, N wending tongweisu fenxi [Stable Carbon and Nitrogen Isotope Analysis of Various Biological Remains from the Early Bronze Age of Xinjiang]. *Kexue Tongbao* [Chinese Science Bulletin]. 2024, vol. 69, no. Z2, pp. 4311–4322 (in Chinese).

Wang P. Sa'ensayi Mudi chutu jinshuqi jiance fenxi baogao [Report on the Metallurgical Analysis of Metal Artifacts from the Saensai Cemetery]. *Xinjiang Sa'ensayi Mudi* [The Saensai Cemetery in Xinjiang] (Series of the Institute of Archaeology and Cultural Relics of Xinjiang). Beijing: Wenwu Chubanshe, 2013, pp. 239–258 (in Chinese).

Xinjiang Archaeology. Ürümqi: Xinjiang People's Publishing House, 1983, 796 p. (In Chinese).

Xinjiang Weiwu'er Zizhiqu Bowuguan Kaogudui. Xinjiang Shufu Xian Akedala deng xinshiqi shidai yizhi de diaocha [Survey of Neolithic Sites at Akedala and Others in Shufu County, Xinjiang]. *Kaogu* [Archaeology]. 1977, no. 2, pp. 107–110 (in Chinese).

Xinjiang Weiwu'er Zizhiqu Wenwuju (ed.). *Xinjiang Weiwu'er Zizhiqu di san ci quanguo wenwu pucha chengguo jicheng: Hetian Diqu jian* [Compilation of Results of the Third National Cultural Relics Census of Xinjiang Uygur Autonomous Region: Hotan Prefecture Volume]. Beijing: Science Press, 2011, 233 p. (In Chinese).

Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo. *Xinjiang Sa'ensayi Mudi* [The Saensai Cemetery in Xinjiang]. Beijing: Wenwu Chubanshe, 2013, 261 p. (In Chinese).

Xinjiang Wenwu Kaogu Yanjiusuo. *Xinjiang Xiabandi Mudi* [The Xiabandi Cemetery in Xinjiang]. Beijing: Wenwu Chubanshe, 2012, 520 p. (In Chinese).

Yue F., Yu Z. Y. Xinjiang Minfeng Xian Niya yizhi yibei diqu 1996 nian kaogu diaocha [Archaeological Survey of the Area North of the Niya Site in Minfeng County, Xinjiang in 1996]. *Kaogu* [Archaeology]. 1999, no. 4, pp. 11–17 (in Chinese).

Zhang P., Wang B. Heshuo Xian Xintala, Quhui yuanshi wenhua yizhi diaocha [Survey of Primitive Culture Sites at Xintala and Quhui in Hoxud County]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics]. 1986, no. 1, pp. 1–13 (in Chinese).

Zhang Q. C., Zhu H., Jin H. Y. Xinjiang Luobunao Gumugou qingtong shidai rengu weilian yuansu de chubu yanjiu [Preliminary Study of Trace Elements in Bronze Age Human Bones from the Gumugou Cemetery in Lop Nur, Xinjiang]. *Kaogu yu Wenwu* [Archaeology and Cultural Relics]. 2006, no. 6, pp. 99–103 (in Chinese).

Zhao K. L., Li X. Q., Zhou X. Y., Dodson J., Ji M. Xinjiang Xintala yizhi nongye huodong tezheng ji qi yingxiang de zhiwu zhibiao jilu [Characteristics of Agricultural Activities at the Xintala Site in Xinjiang and the Record of Plant Indicators of Their Impact]. *Disiji Yanjiu* [Quaternary Research]. 2012, vol. 32, no. 2, pp. 219–225 (in Chinese).

Zizhiqu Wenwu Pucha Bangongshi, Kashi Diqu Wenwu Puchadui. Kashi Diqu wenwu pucha ziliao huibian [Compilation of Cultural Relics Census Data of Kashgar Prefecture]. *Xinjiang Wenwu* [Xinjiang Cultural Relics]. 1993, no. 3, pp. 1–112 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию: 18.04.2026

Принята к публикации: 30.04.2026

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 902.2/903.2

DOI 10.14258/nreur(2026)2–02

Ш. Н. Наджафов, В. А. Асадов

Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА), Баку (Азербайджан)

ПЕЧАТИ И ПИНТАДЕРЫ, ОТНОСЯЩИЕСЯ К ХОДЖАЛЫ-КЕДАБЕКСКОЙ КУЛЬТУРЕ: АРЕАЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ (ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

Среди артефактов, найденных на памятниках Азербайджана, относящихся к периоду поздней бронзы — раннего железа (II половина II тысячелетия — начало I тысячелетия до н. э.), глиняные печати и пинтадеры вызывают особенный интерес. Эти артефакты, характерные в основном для поселений, создают всестороннее представление о печатном ремесле людей в древние времена.

Несмотря на то что глиняные печати и пинтадеры иногда в археологической литературе классифицируются под общим названием, они все же отличаются друг от друга по форме, размеру и функции. Несомненно, глиняные печати и пинтадеры, история создания которых связана с очень древними временами, изображения, запечатленные на их поверхности, несут определенную семантику.

Большинство печатей и пинтадер, относящихся к ходжалы-кедабекской культуре, найдены в основном на поселениях периода поздней бронзы — раннего железа, находящихся в западных регионах Азербайджана. Ближайшие аналоги этих печатей и пинтадер известны из Грузии и Армении, Северного Кавказа, Центральной Азии и Анатолии. А вообще близкие к ходжалы-кедабекской культуре аналоги, с точки зрения форм, смыслов и изображений, печати и пинтадеры известны на всем Евразийском пространстве.

Большинство круглых и прямоугольных печатей и пинтадер с чистым составом глины, качественно изготовленных и обожженных при стабильной температуре, часто имеют серый и черный цвет. На поверхности глиняных печатей и пинтадер запечатлены разные узоры и изображения, в основном же свастика. В археологической литературе существуют противоречивые версии о целях использования глиняных печатей и пинтадер. Некоторые археологи охарактеризовали как средства для запечатывания водяных дамб в древние времена, некоторые — для нанесения узоров на кожу, некоторые — на хлеб, некоторые же — как символы власти, особенного владения и частной собственности.

В статье с этноархеологической точки зрения проанализированы особенности и ареал распространения глиняных печатей и пинтадер, считающихся характерными для ходжалы-кедабекской археологической культуры.

Ключевые слова: Азербайджан, бассейн средней Куры, Гянджа-Газахский регион, ходжалы-кедабекская культура, бронзовый период, Сарвантепе, поселение, глиняные печати, пинтадеры

Для цитирования:

Наджафов Ш. Н., Асадов В. А. Печати и пинтадеры, относящиеся к ходжалы-кедабекской культуре: ареал распространения и особенности (этноархеологическое исследование) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 1. С. 30–58. DOI 10.14258/nreur(2026)2–02

Наджафов Шамиль Надирович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА), Баку (Азербайджан). **Адрес для контактов:** shamil_necsefov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8834-7188>

Асадов Вагиф Арифович, доктор философии по истории (к.и.н.), доцент, ведущий научный сотрудник, Институт археологии и антропологии Национальной Академии наук Азербайджана (НАНА), Баку (Азербайджан). **Адрес для контактов:** vaqif-amea@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0655-6729>

Sh. N. Najafov, V. A. Asadov

Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS)

CLAY SEALS AND PINTADERS OF THE KHOJALI-GEDABEY CULTURE: CHARACTERISTICS AND THE AREA OF DISTRIBUTION (ETHNO-ARCHAEOLOGICAL RESEARCH)

Among the artifacts found in the monuments of the Late Bronze and Early Iron Ages of Azerbaijan (the second half of the 2nd millennium BC — the beginning of the 1st millennium BC), clay seals and pintaders are of particular interest. These artifacts, which are mainly characteristic of residential areas, create a detailed idea of the seal-making art in ancient times.

Although sometimes classified under the same name in archaeological literature, clay seals and pintaders differ from each other in shape, size and function. There is no doubt that the

images engraved on clay seals and pintaders, history of which dates back to very ancient times, and bears a certain semantic meaning.

Most of the clay seals and pintaders belonging to the Khojaly-Gedabey archaeological culture were found mainly in the Late Bronze-Early Iron Age settlements in the western region of Azerbaijan. The closest analogues of the clay seals and pintaders belonging to the Khojaly-Gedabey archaeological culture are known from Georgia and present-day Armenia, the North Caucasus, Central Asia, and Anatolia. On the whole, in terms of form, content, and similarity of the images on them, close analogues of the Khojaly-Gedabey seals and pintaders are known from all over Eurasia.

Most of the circular and rectangular seals and pintaders, which are often made of pure clay, with high quality and fired at a constant temperature, are mostly grey and black in color. Various patterns and images, mainly swastikas, are engraved on clay seals and pintaders. There are various conflicting opinions in archaeological literature about the purpose for which clay seals and pintaders were used. Some archaeologists have characterized clay seals and pintaders as sealing water dams in ancient times, some as embroidering on leather, some as embroidering on bread, and some as symbols of private ownership and private property, and power.

In the article is analyzed the features and distribution area of clay seals and pintaders, which are considered characteristic for the Khojaly-Gedabey archaeological culture, from an ethno-archaeological viewpoint.

Keywords: Azerbaijan, Middle Kura Basin, Ganja-Gazakh region, Khojaly-Gedabey culture, Bronze Age, Sarvantepe, settlement, clay seals, pintaders

For citation:

Najafov Sh. N., Asadov V. A. Clay seals and pintaders of the khojali-gedabey culture: characteristics and the area of distribution (ethno-archaeological research). *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 30–58. DOI 10.14258/nreur(2026)2–02

Najafov Shamil Nadirovich, PhD of History, Associate Professor, Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS), Baku (Azerbaijan).

Contact address: shamil_necefov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8834-7188>

Asadov Vagif Arifovich, PhD of History, Associate Professor, Institute of Archaeology & Anthropology, Azerbaijan National Academy of Sciences (ANAS). Baku (Azerbaijan).

Contact address: vaqif-amea@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-0655-6729>

Введение

Глиняные печати и пинтадеры являются артефактами, обнаруженными во время археологических раскопок, и вызывают большой интерес.

Глиняные печати, история которых очень древняя, использовались шумерами, ассирийцами, халдами, мидянами, хеттами, ахеменидами, парфянами, согдийцами, бактрийцами, греками, урартами, скифами, сарматами, аланами, гуннами, латинянами,

индийцами и другими народами [Pittman, 1995]. В Месопотамии, Сирии, Иордании, Египте, Турции, Индии, Китае, Японии, Испании, Центральной Азии, на Балканском полуострове, в Черноморском и Средиземноморском бассейнах, в Поволжье, на Северном Кавказе и в других местах находилось множество печатей. Наряду с печатями, изготовленными из глины, встречались также образцы из камня, металла, кости и дерева.

Печатное ремесло, начатое с глины, развиваясь образцами из дерева, полудрагоценных камней, металла, со временем приняло форму глиптики [Özdemir, Kortanoglu, 2020: 175].

Термин «глиняные печати» имеет общий характер. Вне зависимости от содержания и формы все находки подобного типа объединяются под названием «печать» или «штамп». Пинтадеры же, отличаясь размерами и формой, несут конкретное содержание разновидностей глиняных печатей. Пинтадеры обнаруживаются одновременно и в одном пространстве с глиняными печатями.

О запечатывании складов и сокровищниц отмечается и в Библии, считающейся самой древней книгой монотеистических религий. В восточных легендах имеется много сюжетов о кольцах-печатах. О наличии собственной печати у каждого мидянина сообщает Геродот [Большаков, 1942: 130–142; Qaziyev, 1962: 159]. Историк античности объясняет это как отличительный знак каждого мидийца. У хеттов же печати считались священными и религиозными атрибутами. Подобных фактов, связанных с глиняными печатями, достаточно.

Знакомство с артефактами: характеристика глиняных печатей и пинтадер

Печати, первые образцы которых относятся к IX–VIII тысячелетиям до н. э., изготавливались из глины смешанного состава, в последующие периоды истории — из разных материалов, имели разную фабулу и форму [Özdemir, Kortanoglu, 2020: 173]. Возникновение печатей из металла, полудрагоценных камней, дерева, кости, фаянса и т. д. исследователи связывают с общественно-политическими и религиозными обстоятельствами, различными климатическими и географическими условиями, усовершенствованными технологическими методами.

Печати, выражающие в наши дни больше общественно-политический и религиозный смысл, в древние времена имели разное содержание. Некоторые исследователи предполагают, что слово «печать» происходит от древних шумеров, аккадцев, другие считают, что это хеттское слово [Dinçol, 1997: 1316].

В археологической литературе глиняные печати делятся на две группы: штампы и цилиндрические печати. Очень широко распространенные штамп-печати со временем получали разную форму. Они, в свою очередь, делятся на две группы: с рукоятками и без рукояток. С появлением технологических методов, обогащением мировоззрения и религиозных представлений человека рукоятки глиняных печатей изготавливались в форме голов животных, с отверстием для продевания нитки, а также с ножками. Печати же без рукояток представлены в форме скарабеев, призм, пуговики и в биконической форме [Collon, 1990: 14]. На рабочую часть глиняных печатей перед обжигом наносились узоры, а затем они вновь опускались в глиняную воду и для обжига ставились на очаги. В размерах штампов и цилиндрических печатей серьезных отличий не наблюдается. Размеры штамп-печатей — 2–8 см, цилиндрических печатей — 1–7 см,

без рукоятки длина их составляет половину вышеуказанного размера. По Д. Коллону, писавшему об обнаружении ранних глиняных печатей, относящихся к V тысячелетию до н. э., на территории современной Турции и Ирака (Тепе Гавра и Ниневия) «до открытия бронзы на рабочей части глиняных печатей изображения, являясь только рисунками людей и животных, были вырезаны, очинены, а также проведены каналы кремневыми и обсидиановыми орудиями» [Collon, 1990: 11]. А после открытия бронзы эти работы были выполнены бронзовыми орудиями. Наличие мастеров, изготавливающих эти печати, не вызывает сомнений.

Известно, что первые образцы штамп-печатей найдены в слоях Рас Шамры, относящихся к концу VIII тысячелетия до н. э. [Duistermaat, 2012: 4]. На севере Сирии во время раскопок Телл Саби Абда, относящегося к VII–VI тысячелетиям до н. э., находилось много штамп-печатей [Pittman, 1995: 1591]. Со слоя Тепе Гавры, относящейся к периоду Северного Убейда, а также на памятниках, расположенных в бассейне реки Фарат в Восточной Анатолии и относящихся к I половине V–IV тысячелетия до н. э., также обнаружены многочисленные печати [Müseyibli, 2020: 157]. Самый же древний образец штамп-печатей Анатолийского происхождения был найден в неолитическом слое памятника Гюрджутепе вблизи Шанлы Урфа [Schmidt, 2007: 101]. На поселениях Чатал Гуюк, Бадемагаджи также имеются подобные образцы глиняных печатей [Türkcan, 2006: 45; Umurtak, 2002: 159–169]. Найденные в Азербайджане с I раскопчного участка поселения Бейик Кесик I, относящегося к Лейлатепинской культуре, две глиняные печати-амулета, по мнению исследователя Н.А. Мусеибли, по своим формам и содержанию близки к печатям Северной Месопотамии [Müseyibli, 2020: 156–157]. Берущие начало с неолита глиняные печати в бронзовый период усовершенствовались, и были изготовлены их самые прекрасные образцы. Самые совершенные образцы глиняных печатей, с геометрическими изображениями, обнаружены на Чатал Гуюке [Антонова, 1984]. Поверхности большинства печатей средневозвосточного типа богаты геометрическими изображениями. Начиная с III тысячелетия до н. э. изобразительные мотивы на поверхностях глиняных печатей обогащаются и становятся разнообразными [Collon, 1990]. А в период поздней бронзы — раннего железа изготовление печатей широко распространилось во всей Анатолии, Центральной Азии, на Кавказе, Балканах, Пиренейском полуострове, в бассейнах Черного и Средиземного морей, вокруг Дуная. Взгляды на политические, социальные, экономические и торговые функции печатей с периода возникновения неоднозначны.

Неоспоримый факт, что глиняные печати обнаружены в основном вблизи строительных остатков поселений и очажных мест, под глиняно-оштукатуренными земляными полами, в хозяйственных ямах и складах, внутри хозяйственных кувшинов. В погребениях глиняные печати встречаются очень редко. Массовое обнаружение глиняных печатей в погребениях было на поселении Сапаллитепе в Передней Азии, здесь были найдены 30 глиняных печатей [Антонова, 1984: 28–29].

Глиняные печати продолжали функционировать и в античный период. Начиная с середины I тысячелетия до н. э. албанцы стали пользоваться привозными печатями. С середины I тысячелетия до н. э. в связи с усилением имущественного неравенства, развитием частной собственности и расширением культурно-экономических связей с с со-

седними странами потребность в печатях стала нарастать. Поэтому нахождение печатей среди инвентаря кувшинных погребений не является случайностью [Әсәдов, 2018: 111].

На поверхности глиняных печатей, найденных в кувшинных погребениях Минге-чаура, имеются разные изображения. Здесь встречаются изображения петуха, человека, крылатого «козла», а также сцены битв. Печати, на поверхности которых имеются разные бытовые и религиозные сюжеты, сцены борьбы человека с хищниками, изображения фантастических и реальных животных, известны со многих памятников Кавказской Албании.

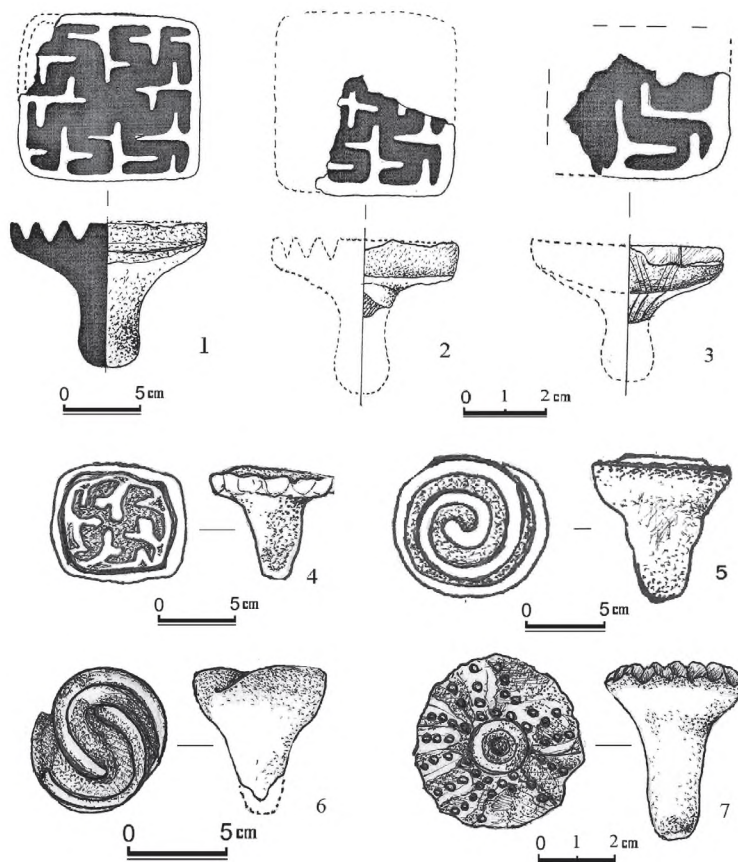

Рис. 1. Печати-пинтадеры, найденные на поселении Сарвантепе (Газахский район)

[Наджафов, 2023, с. 79, рис. 1–2; с. 80, рис. 1; с. 81, рис. 1–4]

Fig. 1. Clay stamps («pintaderas») from the Sarvantepe settlement (Kazakh region) [Nadzhafov, 2023, p. 79, fig. 1–2; p. 80, fig. 1; p. 81, fig. 1–4]

Слово «пинтадера» — из испанского «пинтадера», «пинтар» и означает «краска», «изображение», «рисование краской», «изображать». Это название было принято в мировой археологической литературе в основном для названия изготовленных из глины и обычно орнаментальных рельефных марок, существующих в археологических культу-

рах начиная с неолита и до средних веков. В периоды халколита, бронзы и раннего железа пинтадеры больше всего распространились в Малой Азии, на Ближнем и Среднем Востоке, в Центральной Азии, на Кавказе, в бассейнах Чёрного и Средиземного морей, в Индии, Японии, Испании и даже на далеких Канарских островах. Многие исследователи называют пинтадеры «глиняными печатями, на рабочей поверхности которых имеются непонятные узоры и на рукоятках дырки для продевания ниток» [Castiglioni, 1956; Dzhanfezova, 2003].

Пинтадерами в научной литературе больше называются глиняные печати крупного размера, хотя во многих зарубежных источниках очень маленькие (размер рабочей поверхности 2–4 см) печати также называются пинтадерами. В качестве отличительных черт от других глиняных печатей берутся за основу большие размеры и несение более конкретной функции, чем у глиняных печатей. Чаще всего на поверхности пинтадер встречается изображение свастики. Перед обжигом на их рабочих поверхностях путем проведения глубоких каналов изображалась свастика в форме зигзага, смеси и лабиринта.

Наряду с изготовленными из глины пинтадерами найдены также деревянные образцы, на рабочей поверхности которых присутствуют те же самые изображения [Noveck, 1975; Özdemir, Kortanoglu, 2020].

Имеются пинтадеры, украшенные декоративными, геометрическими фигурами, орнаментальными украшениями, со смешанной, лабиринтной и больше всего — зигзагообразной свастикой, в треугольной, прямоугольной, округленной и квадратной форме. Самые большие коллекции пинтадер хранятся в Музее природы и человека на острове Тенерифе в Канарском архипелаге и в музее в пещере Галдар на острове Гран-Канария [Jiménez, 2013]. Здесь хранятся тысячи пинтадер, найденных в разных уголках мира и использовавшихся с самых древних времен и до наших дней. Размер рабочей части самой маленькой из них — 2 см, а самой большой — 38 см [Jiménez, 2013].

Ареал распространения, формы и особенности глиняных печатей и пинтадер ходжалы-кедабекской культуры

В 1973 г. И. Г. Нариманов в своей статье о глиняных печатях отмечает, что число глиняных печатей, относящихся к ходжалы-кедабекской культуре, до того времени достигло 43 штук [Нариманов, 1973]. Исследователь на основе сарытепинских, тойрете-пинских, шомутепинских, ястытепинских, гахских и мингечаурских материалов провел статистическое вычисление, отметив, что только 36 печатей найдены на Сарытепе. Такая печать, относящаяся к ходжалы-кедабекской культуре, впервые была в 1948 г. случайно найдена на Сарытепе [Qaziyev, 1962: 156]. И. Д. Мустафаев передал эту печать И. М. Джафарзаде, последний же — И. Г. Нариманову. В 1954 г. на Сарытепе найдены еще три, в следующем — одна печать крупного размера. В 1956–1960-х гг., до систематических археологических раскопок, проведенных на Сарытепе, число случайно найденных печатей составило 8 шт. Во время раскопок же найдены еще 28 глиняных печатей, и общее их число достигло 36 шт. [Нариманов, 1973: 114].

Но в своей статье все находки, характерные для ходжалы-кедабекской культуры, исследователь классифицировал под названием «глиняные печати», не указывая среди них выделяющиеся по форме и содержанию пинтадеры, — в общем, говоря о находках, не было произнесено слово «пинтадера».

В данное время известны более 100 глиняных печатей и пинтадер, найденных на территории Азербайджана и относящихся к ходжалы-кедабекской культуре. В Газахском районе они найдены на поселениях Сарытепе (36 шт.), Бабадериш (4 шт.), Шомутепе (1 шт.), Сарвантепе (40 шт.), Молламей (2 шт.), Даш Салахлы (1 шт.), Ганлы Тойре (2 шт.), Оджагтепе (1 шт.), Ангуттепе (1 шт.), Гямигая (1 шт. а), на поселениях Гахского района Гарабулаг (1 шт.), в Мингечауре с поселения № 1 (2 шт.), на поселениях Акстафинского района Тойреттепе (4 шт.), Ястытепе (4 шт.), Пойлу II (1 шт.), Таватепе (10 шт.), на поселениях Шамкирского района Сары Реме (1 шт.), Геметепе (1 шт.), Узерликтепе (2 шт.) и в крепости Лешкар в Кедабекском районе (4 шт.) (рис. 1–6).

Относящиеся к ходжалы-кедабекской культуре глиняные печати и пинтадеры были обнаружены лишь в культурных слоях поселений. Пока в Азербайджане ни в одном погребальном памятнике, относящимся к отмеченному периоду, не найдены глиняные печати и пинтадеры.

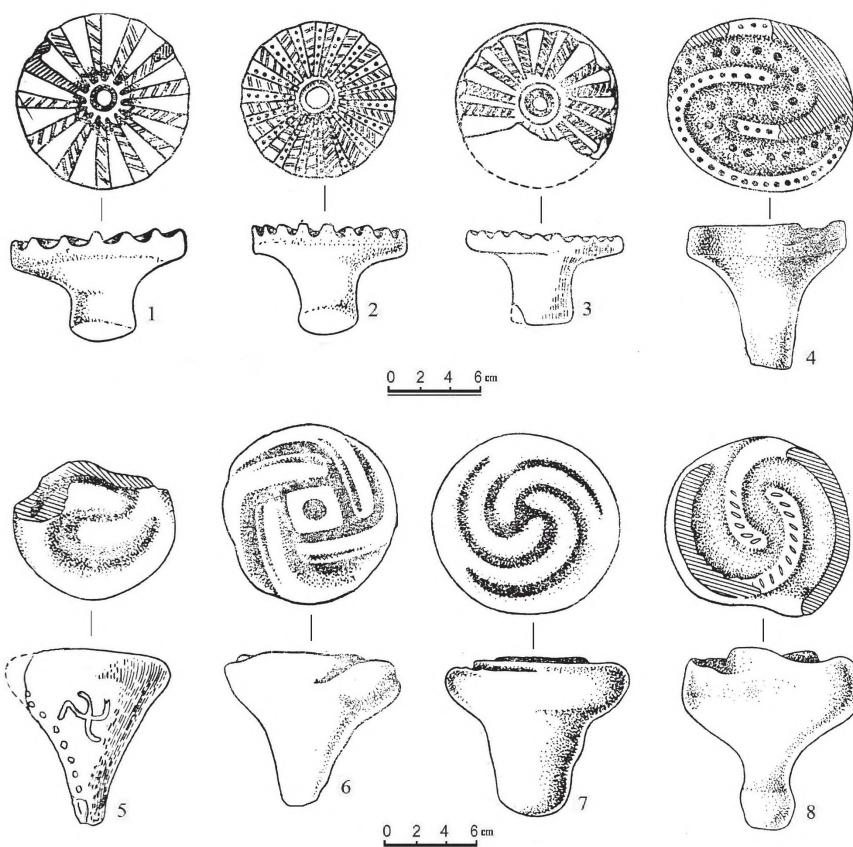

Рис. 2. Глиняные печати-пинтадеры, найденные на поселении Сарытепе (Газахский район) [Нариманов, 1973, с. 116, табл. I, рис. 2–6; с. 118, табл. II, рис. 3–5]

Fig. 2. Clay stamps («pintaderas») from the Saritepe settlement (Kazakh region) [Narimanov, 1973, p. 116, table I, fig. 2–6; p. 118, table II, fig. 3–5]

Рис. 3. Глиняные печати-пинтадеры, найденные на поселении Сарытепе (Казахский район) [Нариманов, 1973, с. 116, табл. I, рис. 1, 6; с. 118, табл. II, рис. 1–2; с. 121, табл. III, рис. 4, 6; с. 123, табл. IV, рис. 1, 3; Qaziyev, 1962, s. 157, table 19, g, c]

Fig. 3. Clay stamps («pintaderas») from the Saritepe settlement (Kazakh region) [Narimanov, 1973, p. 116, table I, fig. 1, 6; p. 118, table II, fig. 1–2; p. 121, table III, fig. 4, 6; p. 123, table IV, fig. 1, 3; Gaziyeu, 1962, p. 157, table 19, g, c]

В Мингечауре одна из печатей, найденных на поселении № 1, четырехугольной, другая же — круглой формы [Асланов, Ваидов, Ионе, 1959: 90, табл. XXXVII, рис. 1, 3]. Глиняная печать прямоугольной формы по своему размеру и изображению повторяет печати, относящиеся к своей группе [Асланов и др., 1959: 90, табл. XXXVII, рис. 1]. О печати круглой формы исследователи отмечают, что раскрыть характер знаков на ее поверхности очень сложно, так как «в нижней части рабочей поверхности в центре гли-

няной печати имеются окруженные глубоко прочерченными узорами и волнистыми линиями крест в форме ромба и симметричные ему геометрические узоры» [Асланов, Ваидов, Ионе, 1959: 90, табл. XXXVII, рис. 3]. И. Г. Нариманов говорит о ее аналогичности одной из печатей, найденных в Сарытепе, и отмечает, что свастика на ее поверхности является смешанным изображением [Нариманов, 1973: 119]. На рукоятке мингечаурской печати, как и у сарытепинской, знак лепного гамма-креста (рис. 2.-5).

В 1959 г. на поселении под названием Гарабулаг в Гахском районе Г. М. Аслановым найдена глиняная печать четырехугольной формы (рис. 4.-6). Эта печать была передана И. Г. Нариманову, проводившему в те годы исследования, связанные с Сарытепинскими глиняными печатями [Нариманов, 1973: 115]. На поверхности печати, изготовленной из глины серого цвета, имеются впалые узоры в форме меандра, поверхность же выпуклостей украшена точками [Нариманов, 1973: 120, табл. IV, рис. 4]. Информация о размерах отсутствует.

Дж. Н. Рустамов дает очень упрощенную информацию о глиняной печати, найденной на территории села Ашагы Гойчалы Акстафинского района, многослойного поселения Тойретепе, в культурном слое, относящемся к периоду бронзы: на поверхности печати изображена свастика, и отмечается, что она имеет одинаковое содержание и форму с сарытепинскими глиняными печатями [Rüstəmov, 1965: 16–17]. Исследователь пишет о находке этой печати в 1961 г. во время разведочных раскопок на Тойретепе (рис. 4.-2). Интересно, что Т. А. Бунятов и М. М. Гусейнов в изданной совместной статье отметили эту печать как подъемную находку во время археологических поисковых и разведочных работ в 1955 г. на Тойретепе [Бунятов, Гусейнов, 1957: 188, рис. 2]. Это мнение исследователей подтверждает также И. Г. Нариманов и отмечает, что глиняная печать, найденная на Тойретепе, является подъемной находкой, взятой с поверхности памятника в 1955 г. О найденной на Тойретепе и хранящейся в Акстафинском краеведческом музее второй глиняной печати нигде научных сведений не имеется. Скорее всего, глиняная печать круглой формы, рабочая часть которой украшена в форме спирали, была передана музею как подъемная находка.

В исследовании глиняных печатей и пинтадер ходжалы-кедабекской культуры играют важную роль артефакты, найденные на поселении Ястытепе в Акстафинском районе. На поселении в 1957–1961 гг. были проведены археологические раскопки разведочного характера, собраны подъемные материалы. Среди артефактов имеются две глиняные печати серого цвета [Muradova, Nərimanov, 1973: 53]. На рабочей поверхности первой печати, четырехугольной формы, перед обжигом способом вырезания и высечения нанесен сложный знак свастики (рис. 4.-1). Ее высота вместе с рукояткой — 6 см, размер рабочей поверхности — 7×7 см [Muradova, Nərimanov, 1973: 53, table I, photo 1]. На рабочей поверхности второй печати, круглой формы, большая часть которой откололась, в стороны от центрального круга расходятся линии, напоминающие изображения лучей солнца, на поверхности которых имеются рубленые линии. Относительный диаметр — 17 см [Muradova, Nərimanov, 1973: 53, table II, photo 7]. Еще две глиняные печати, найденных на Ястытепе, были обнаружены во время археологических раскопок памятника, проведенных в 2010 и 2012 гг. под руководством одного из авторов. Другие круглые глиняные печати, диаметрами 7,5 см и раз-

мерами 8,5×12 см, были обнаружены в целом виде вблизи очажных мест, на глубине 1,5 м культурного слоя. На рабочей поверхности каждого из них наблюдались следы копоти и почернения из-за глубокого сгорания. На рабочей поверхности круглой печати имеются спиралевидные узоры, на поверхности прямоугольной — изображение смешанной свастики [Наджафов, 2021: 79].

На территории Газахского района с поселения Сарытепе в общем были найдены 36 глиняных печатей и пинтадер (рис. 2, 3, 5.-3). О форме, размерах, изображениях на поверхности срытепинских печатей и пинтадер, большинство из которых хранится в Археологическом фонде Национального исторического музея Азербайджана, И. Г. Нариманов дал широкое изложение в своих известных статьях (рис. 5.-1-3) [Nərimanov, Xəlilov, 1962; Nərimanov, 1963; Нариманов, 1973]. Но, как было отмечено выше, автор все находки сгруппировал под названием «глиняные печати». Просмотрим некоторые из них.

На рабочей части круглой глиняной печати, найденной внутри крупного хозяйственного кувшина в VII квадрате поселения, имеется впалый знак в форме буквы «S». Рукоятка сломана. Высота ее — 4 см, диаметр — 7 см [Nərimanov, Xəlilov, 1962: 22, table XII, photo 2]. На рабочей части круглой печати, найденной в VIII квадрате, также присутствует знак «S», выпуклые и канальные части которого украшены точками (рис. 2.-4). Высота печати, рабочая часть которой отчасти обломилась, — 6 см, диаметр — 7 см [Nərimanov, Xəlilov, 1962: 23, table XII, photo 3]. В отмеченном квадрате под земляным полом помещения была найдена часть четырехугольной печати, на поверхности которой впалыми точками была изображена свастика [Nərimanov, Xəlilov, 1962: 25, table X, photo 6]. Интересна двусторонняя глиняная печать цилиндрической формы, найденная в молельне. На одной стороне печати, высотой 6 см, диаметром 5 см, изображена впадая спираль, а на другой стороне — впалый знак в виде буквы «S» (рис. 3.-4) [Nərimanov, Xəlilov, 1962: 37, table XII, photo 1]. На холме во время земляных работ были найдены ещё три глиняные печати и внесены в инвентарный список. В центре рабочей части первой глиняной печати расположены концентрические круги, состоящие из впалых и выступающих линий. В стороны от этих кругов расходятся впалые и выпуклые лучи. Выступы украшены насечками, а впадины — точками (рис. 3.-2). Высота печати — 8,5 см [Nərimanov, Xəlilov, 1962: 38, table XVIII, photo 6]. На рабочей поверхности второй круглой печати серого цвета, рукоятка и часть рабочей поверхности которой откололась, имеется выпуклый узор в форме буквы «S». Здесь впадины состоят из двух полукруглых линий, одна сторона из них входит внутрь другой [Nərimanov, Xəlilov, 1962: 39, table XIX, photo 7]. Рукоятка и края рабочей части третьей, четырехугольной глиняной печати, на рабочей поверхности которой запечатлена свастика, также откололись (рис. 3.-3) [Nərimanov, Xəlilov, 1962: 40, table XX, photo 3].

Глиняная печать, найденная в верхних пластах культурного слоя поселения Шомуте, круглой формы, рукоятка отчасти сломана. На рабочей части печати имеется спиральный узор (рис. 4.-5). Результаты радиоуглеродного анализа, проведенного над остатками угля, взятыми со слоя нахождения глиняной печати (¹⁴C), показали, что они относятся к 3000 ± 100 лет до нашего времени [Нариманов, 1973]. Эта дата имеет важное значение с точки зрения датировки глиняных печатей.

В. Г. Алиев дал подробную информацию о двух глиняных печатях из четырех, найденных на поселении Бабадериш на территории Газахского района [Əliyev, 1976: 108, 121]. Глиняная печать, найденная внутри глиняного очажного сооружения в первом жилом помещении четырехугольной формы на поселении Бабадериш IV, имеет квадратную форму и короткую рукоятку (рис. 4.-3). Конец рукоятки немного округлый и плоский. Рабочая часть, на поверхности которой наблюдаются следы копоты, глубокими надрезами украшена сложными узорами свастики. Высота ее — 8 см, размеры боковых частей — 13×13 см, длина рукоятки — 3,5 см [Əliyev, 1976: 108, table IV, photo 1]. На рабочей части второй печати, темно-серого цвета, круглой формы, найденной в юго-западной части остатков помещения на глубине 1,1 м, имеется S-образная выпуклость (рис. 4.-4). Ребра выпуклой части украшены сеченными, внутри выемки — впалыми точками. Конец рукоятки плоский и развилыстый. Высота ее — 16 см, диаметр — 7,5 см [Əliyev, 1976: 108, table IV, photo 3].

Самое большое число глиняных печатей и пинтадер на территории Азербайджана обнаружено на памятнике Сарвантепе (рис. 1). Во время археологических раскопок в 2009–2014 и в 2020–2023 гг. с 300 м² площади поселения Сарвантепе периода поздней бронзы — раннего железа, находящегося на территории села Чайлы Газахского района, обнаружена 41 глиняная печать-пинтадера [Наджафов, 2023: 79]. Глина у большинства сарвантепинских печатей чистая, обожжены они при стабильной температуре. Большинство из них серого и бурого цвета. Поверхность, и особенно рукоятки некоторых печатей хорошо лощены. Одна из печатей изготовлена из глины, но не обожжена и осталась в некачественном состоянии. Эта печать была найдена внутри хозяйственной ямы № 3. Вообще, в глубине нахождения глиняных печатей какой-то закономерности не наблюдается. Глиняные печати и пинтадеры, найденные на разных глубинах, в основном были обнаружены внутри хозяйственных ям и крупных хозяйственных кувшинов, рядом с очажными сооружениями, у гончарной печи малых размеров, в земле, смешанной с золой, вблизи очажных мест, где глубокое возгорание оставило следы [Наджафов, 2023].

Во время археологических работ, проведенных в 2015–2016 гг. в крепости Лешкар в Кедабеке, в квадратах IA, IIA и III на глубине 1,6 м найдены четыре глиняные печати, относящихся к периоду поздней бронзы — раннего железа (рис. 6.-1–3). Артефакты малого размера исследователь Т. Н. Гёюшева называет глиняными печатями [Göyüşova, 2017: 171–172]. На двух из них на рабочей поверхности имеется изображение свастики. Первая печать — прямоугольной формы, на рабочей поверхности изображение смешанной свастики (рис. 6.-3), вторая же — круглой формы, с изображением простой свастики (рис. 6.-1) [Göyüşova, 2017: 171–172]. Рабочая часть третьей печати, круглой формы, имеет отличительное изображение на ее поверхности. От центра в стороны проведены две перпендикулярные линии, и на четырех частях, разделенных этими линиями, сделаны впалые точки. Рукоятка и одна сторона печати отколоты (рис. 6.-2).

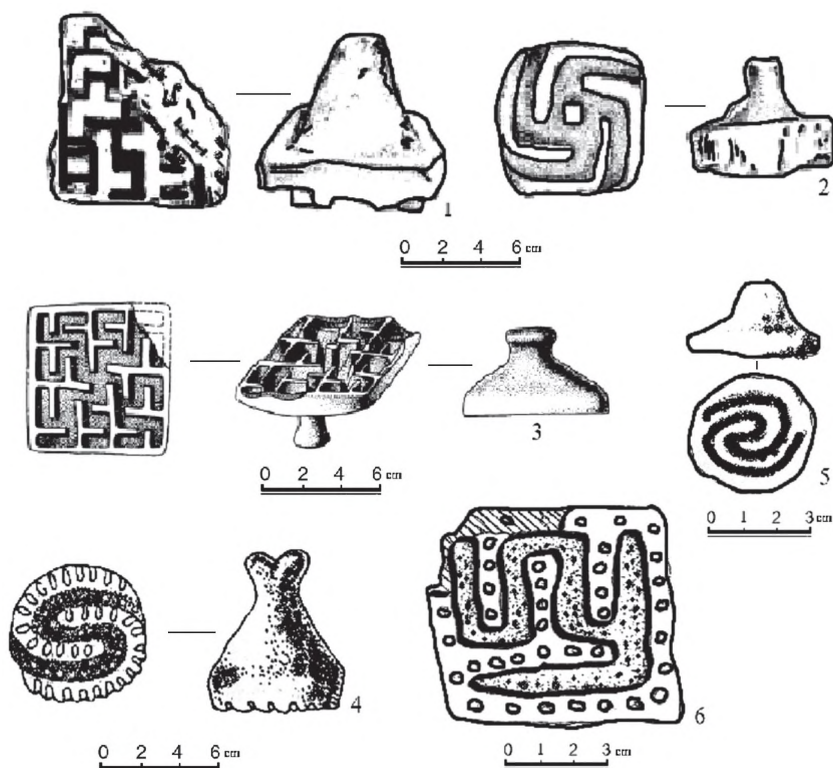

Рис. 4. Глиняные печати-пинтадеры, относящиеся к ходжалы-кедабекской культуре: 1 — поселение Ястытепе (Акстафинский район) [Muradova, Narimanov, 1973, s. 47, table 1, fig. 1]; 2 — поселение Тойретепе (Акстафинский район) [Нариманов, 1973, с. 123, табл. IV, рис. 2]; 3–4 — поселение Бабадериш (Газахский район) [Әлієв, 1976, s. 119, table IV, 1–2]; 5 — поселение Шомутепе (Газахский район) [Нариманов, 1973, с. 121, табл. III, рис. 5]; 6 — поселение Гарабулаг (Гахский район) [Нариманов, 1973, с. 123, табл. IV, рис. 4]

Fig. 4. Clay stamps («pintaderas») from monuments in the Khojali-Gadabay culture: 1 — Yastitepe settlement (Akstafha region) [Muradova, Narimanov, 1973, p. 47, table 1, fig. 1]; 2 — Toyretepe settlement (Akstafha region) [Narimanov, 1973, p. 123, table IV, fig. 2]; 3–4 — Baba Dervish settlement (Kazakh region) [Aliyev, 1976, p. 119, table IV, fig. 1–2]; 5 — Shomutepe settlement (Kazakh region) [Narimanov, 1973, p. 121, table III, fig. 5]; 6 — Garabulag settlement (Gakh region) [Narimanov, 1973, p. 123, table IV, fig. 4]

Рис. 5. Глиняные печати-пинтадеры, относящиеся к ходжалы-кедабекской культуре: 1–3 — поселение Сарытепе (Национальный музей истории Азербайджана, Археологический фонд) — 1-AF24339, 2-AF27629, 3-AF27609 [Azərbaycanda möhürlerin tarixində, 2020, s. 7, fig. 1–3]; 4–6 — глиняные печати-пинтадеры, хранящиеся в Историко-краеведческом музее Газахского района

Fig. 5. Clay stamps («pintaderas») from monuments in the Khojali-Gadabay culture: 1 — Sarıtepe settlement (National Museum of History of Azerbaijan, Archaeological Foundation) — 1-AF24339, 2-AF27629, 3-AF27609 [History of stamps in Azerbaijan, 2020, p. 7, fig. 1–3]; 4–6 — clay stamps («pintaderas») from Museum of History of the Gazakh region

Найденная на поселении Сары Реме в Шамкирском районе единственная печать круглой формы, рабочая поверхность которой спиралевидно украшена, также не обожжена (рис. 6.-5). Диаметр ее — 8,4 см. Две из трех найденных в Шамкирском районе глиняных печатей круглой формы обнаружены на поселении Узерликтепе, третья — на поселении Геметепе. Рукоятки печатей сохранились, рабочие же поверхности частично отколоты. На рабочей части начиная с центральной точки имеются спиральные узоры, закручиваясь, выходящие на края. Диаметры — 6–8 см [Nəcəfov, 2017: 70–73].

Рис. 6. Глиняные печати-пинтадеры: 1–3 — крепость Лешкар (Кедабекский район) [Göyüşova, 2017, s. 172, fig. 6]; 4 — поселение Пойлу II (Акстафинский район) [Asadov, 2018, p. 36, fig. 138–139]; 5 — поселение Сары Реме (Шамкирский район) [Наджафов, 2023, с. 83]; 6 — Шадылы, курган №1 (Геранбойский район) [Сәлілов, 2011, s. 152, fig. 6]; 7 — Узун Ремеский курган №6 (Геранбойский район) [Сәлілов, Axundova, Mirzoyeva, 2015, s. 135, fig. 8] Fig. 6. Clay stamps («pintaderas») from: 1–3 — Leshker castle (Gadabay region) [Goyushova, 2017, p. 172, fig. 6]; 4 — Poylu II settlement (Akstafha region) [Asadov, 2018, p. 36, fig. 138–139]; 5 — Sari Reme settlement (Shamkir region) [Nadzhafov, 2023, p. 83]; Kurgans Shadili (6) and Uzun Reme (7) (Goranboy region) [Jalilov, 2011, p. 152, fig. 6; Jalilov, Akhundova, Mirzoyeva, 2015, p. 135, fig. 8]

Каменная печать, найденная на Узерликтепе, также интересна с точки зрения содержания и формы [Нәсәfov, 2017: 74–75, table IV]. Эта каменная печать с точки зрения материала, цвета, размеров и изображения абсолютно идентична каменным печатям, найденным на поселении поздней бронзы Ястыктепе, в курганах ранней бронзы Шадылы и Узун Реме [Нәсәfov, 2011: 36; Сәлилов, 2011: 152; Сәлилов et al, 2015: 135].

В 2016 г. на территории поселка Акстафинского района на многослойном поселении Пойлу II, на глубине 1,5 м 24-го квадрата найдена круглая глиняная печать в полностью сохраненном виде. Цвет рукоятки и рабочей поверхности печати с чистым составом глины серый (рис. 6.-4). Диаметр глиняной печати, на поверхности которой запечатлен узор в форме спирали, — 5,5 см [Asadov, 2018: 20, 36, photos 138–139].

У пинтадеры прямоугольной формы, с изображением на рабочей поверхности смешанной свастики, найденной в 2019 г. на территории села Казахбейли Казахского района на поселении Молламей, относящемся к периоду поздней бронзы — раннего железа, рукоятка отколота. Размеры ее 6,5×7,5 см. У второй круглой пинтадеры, найденной на поселении, была обнаружена лишь одна часть. На поверхности этой пинтадеры, серого цвета, с составом чистой глины, найденной во время археологических раскопок на холме, проведенных в 2022 г. В. А. Асадовым, запечатлены лучи, идущие от краев к центру.

Печать круглой формы, с частично отколотой рабочей поверхностью, спиралевидным узором на поверхности, найденная в культурном слое поселения Даш Салахлы Казахского района, разрушенного во время посевных работ, изготовлена из красной глины и поверхность у нее хорошо выложена. Ее диаметр — 5 см.

В 2021 г. во время археологической разведки и поисковых работ, проведенных в Казахском районе, на поселении Ганлы Тойре, считающемся памятником периода халколита — бронзы, нами были обнаружены и изъяты две глиняные печати. У обеих печатей рукоятки и часть рабочей поверхности отколоты. Рабочая часть печатей украшена концентрическим кругом. Размер печатей круглой формы — 8×7 и 6,4×7,5 см [Нәсәfov, 2021: 31].

Среди подъемных находок поселения Оджагтепе (местное население называет это место также Гурбантепе), расположенного на территории села Джаналы Казахского района, относящегося к периоду поздней бронзы — раннего железа, была обнаружена глиняная печать круглой формы, с отколотой рукояткой, но с сохранившейся рабочей поверхностью, украшенной узорами выпуклой спирали. Диаметр печати — 9 см [Нәсәfov, 2021: 27].

В Казахском районе во время археологического осмотра в 1921 г. поселения Ангуттепе на берегу реки Джозгазчай среди подъемных материалов найдена глиняная печать круглой формы. Рукоятка печати была отколота, рабочая поверхность же хорошо сохранилась. На рабочей поверхности имеется узор в виде выпуклой спирали. Диаметр ее — 6 см.

В 2021 г. во время сбора подъемных материалов в ходе археологических разведочных работ на поселении Гемигая, расположенном на территории села I Шыхлы и относящемся к периоду поздней бронзы — раннего железа, была встречена одна глиняная печать. Печать круглой формы, поверхность которой украшена впальными точками и спиралью, изготовлена из глины, но не обожжена. Диаметр ее — 6,7 см [Нәсәfov, 2021:

13–14]. Как было отмечено выше, подобные печати, изготовленные из глины, но не обожженные, были встречены также на поселениях Сарвантепе и Сары Реме.

Во время археологических раскопочных работ, проведенных в 2022–2023 гг. на поселении поздней бронзы — раннего железа Таватепе в Акстафинском районе, также найдены аналогичные глиняные печати и пинтадеры. Ведущая на поселении раскопки азербайджано-итальянская международная археологическая экспедиция обнаружила до 10 глиняных печатей и пинтадер, относящихся к ходжалы-кедабекской культуре.

В кургане типа усыпальницы № 1 на территории села Шадылы в Геранбойском районе обнаружена одна печать, изготовленная из минерала темно-красного цвета [Cəlilov, 2011: 152]. Этот курган, где производились массовые захоронения, относится к периоду ранней бронзы. Диаметр печати конусовидной формы — 3,5 см. На кончике имеется отверстие для продевания нитки, на рабочей части — изображение свастики (рис. 6.-6). Б. М. Джалилов считает это изображение узорами, имеющими геометрическое содержание [Cəlilov, 2011: 152]. Вторая такая каменная печать была найдена исследователем в кургане Узун Реме № 6 (рис. 6.-7) [Cəlilov et al, 2015: 135]. Эти каменные печати, найденные в курганах Шадылы и Узун Реме, абсолютно идентичны каменным печатям ходжалы-кедабекской культуры, найденным на поселении Ястытепе на территории Акстафинского района и на поселении Узерликтепе на территории Шамкирского района, с точки зрения как избранного материала, цвета материала, размеров и формы, а также содержания.

Обсуждение

Самые близкие аналоги глиняных печатей и пинтадер, относящихся к ходжалы-кедабекской археологической культуре, найденных в основном в северо-западных регионах Азербайджана, известны из близких регионов — Грузии и Армении, Северного Кавказа, Анатолии. Вообще же близкие аналоги ходжалы-кедабекских печатей и пинтадер по характеру формы, содержания и изображений на поверхности известны на всем евразийском пространстве.

На Южном Кавказе глиняные печати и пинтадеры типа ходжалы-кедабекской культуры найдены больше всего на территории Восточной Грузии. Прямоугольные пинтадеры и круглые глиняные печати, найденные на поселениях во время археологических раскопок, проведенных в бассейнах рек Габырры (Иори) и Ганых (Алазань), полностью схожи с ходжалы-кедабекскими печатями и пинтадерами, найденными в Азербайджане [Нариманов, 1973: 122]. На этой территории, вблизи Мелаани в погребении, относящемся к VII в. до н. э., были найдены две круглые глиняные печати маленьких размеров [Пицхелаури, 1965: табл. VII]. Круглая пинтадера с изображением свастики на поверхности и рукоятке, найденная вблизи села Чогнари на холме Фарнали [Chogovadze, 2019: fig. 19], кутаисская печать [Chogovadze, 2019: fig. 70], круглая глиняная печать с изображением на поверхности свастики, найденная вблизи села Дзеври [Chogovadze, 2019: fig. 38], круглая глиняная печать с гамма-крестом на поверхности из моельни Мелигелеле [Chogovadze, 2019: fig. 62], пинтадера, найденная в Катланикхеви (Уплисчихе) [Chogovadze, 2019: fig. 65], пинтадера прямоугольной формы, со свастикой на поверхности, найденная вблизи села Хирс [Пицхелаури, 1965: табл. VII (5); Chogovadze, 2019: fig. 66], а также Диданаури [Chogovadze, 2019: fig. 63], найденные

в Мчадидживари [Chogovadze, 2019: fig 67], Руставской крепости [Chogovadze, 2019: fig. 67], Дедоблишчаро [Chogovadze, 2019: fig. 68, fig. 69, fig. 71], Земо-Кеди [Chogovadze, 2019: fig. 75], Трели Гореби [Chogovadze, 2019: fig. 108], Гудабертка [Chogovadze, 2019: fig. 79] и найденные в других местах печати и пинтадеры также считаются аналогичными материалами (рис. 7.-1–3).

Рис. 7. 1–3 — найденные на территории Грузии глиняные печати-пинтадеры, относящиеся к периоду поздней бронзы — раннего железа [Т. Chogovadze, 2019, p. 44, 68, 74, fig. 31, 68,

71]; 4 — глиняные печати-пинтадеры (Грузия, Амиранис Гора, Ахалцихский исторический музей, XXX–XXIX вв. до н. э.); 5 — глиняные печати-пинтадеры (Калмыкия, могильник Манджикины) [Шишлина, 2004, с. 138, рис. 2 (3), с. 139, рис. 3 а, б]

Fig. 7. 1–3 — clay stamps («pintaderas») from Late Bronze — Early Iron Age sites in East Georgia [Г. Chogovadze, 2019, p. 44, 68, 74, fig. 31, 68, 71]; 4 — clay stamps («pintaderas») from Amiranis Gora (Georgia, Historical Museum of Akhaltsikhe, 30th–29th centuries BC; 5 — the kurgan of Manjikin No. 14 of the Kalmikiya [Shishlina, 2004, p. 138, fig. 2 (3), p. 139, fig. 3 а, б]

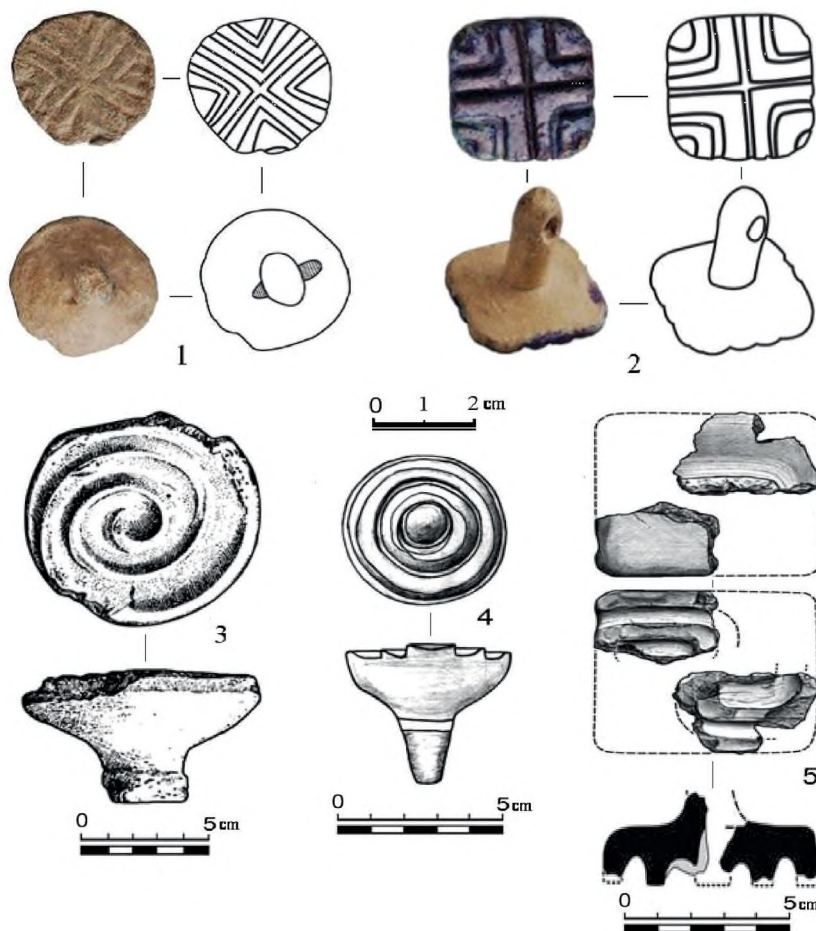

Рис. 8. 1–2 — глиняные печати-пинтадеры периода ранней и средней бронзы, хранящиеся в музее Haluk Perk (Турция) [В. Özdemir, M. S. Kortanoglu, 2020, s. 200, fig. 5, s. 201, fig. 7]; 3–5 — глиняные печати-пинтадеры периода раннего железа, найденные в Карпат-Понтском регионе: 3 — Ханска, 4 — Ново-Некрасовка, 5 — Картал [Бруяко, 2014, с. 41, рис. 1]

Fig. 8. 1–2 — clay stamps («pintaderas») of the from the Haluk Perk Museum of Türkiye [Özdemir, Kortanoglu, 2020, p. 200, fig. 5, p. 201, fig. 7]; 3–5 — clay stamps («pintaderas») of Early Iron Age between Carpathian Basin and Pontic Region: 3 — Khansca, 4 — Novo-Nekrasovka, 5 — Kartal [Bruyako, 2014, p. 41, fig. 1]

Найденные на территории Грузии и Армении печати и пинтадеры периода поздней бронзы — раннего железа полностью идентичны печатям и пинтадерам ходжалы-кедабекской культуры, найденным на территории Азербайджана. Эта идентичность, без всякого сомнения, связана с нахождением этих артефактов на территориях, окружающих ареал одной и той же культуры. В ареале, окруженном ходжалы-кедабекской культурой во второй половине II тысячелетия — начале I тысячелетия, глиняные печати и пинтадеры этого типа были широко распространены.

Прямоугольную глиняную печать с символом гамма-креста на поверхности, найденную на поселении Метсамор на территории Армении [Ханзадян и др. 1973, рис. 136], и две пинтадеры, найденные на Гехароте [Smith, 2014, fig. 8 d], можем также добавить в этот ряд. На раскопках Муханнетепе вблизи Еревана была найдена глиняная печать аналогичной формы, размеров и изображения. Эта печать, найденная вместе с зернотерками и бронзовыми подвесками, обнаружена под земляным полом строительной стены [Крупнов, 1948: 18].

На территориях Чечни и Ингушетии на поселениях, относящихся к первой половине I тысячелетия до н. э. — эти печати принадлежат поселениям Сержен-Юрт в районах Алхастин и Алхан-Кала. Глиняные пинтадеры в основном были найдены в главном слое поселения Сержен-Юрт Чечни. На верхней рабочей части круглых по форме глиняных печатей имеются изображения спирали, концентрических кругов [Крупнов, 1941: 170, табл. IV, рис. 3–5; Крупнов, 1948: 17, рис. 10; Крупнов, 1960: 157, рис. 19; Крупнов, 1965: 192–196; Мунчаев, 1962: 186, рис. 5; Виноградов, 1963: 213]. Еще один аналог прямоугольных сарытепинских и сарвантепинских печатей обнаружен у бывшего монастыря Новый Афон на территории Абхазии [Нариманов, 1973: 122].

По З.Г. Гасанову, относящему возникновение глиняных пинтадеров на Северном Кавказе к доскифскому периоду, а прекращение их использования к VII веку до н. э., в распространении пинтадер надо учитывать и скифский фактор [Нәсәнов, 2023].

Глиняные печати, найденные в курганном могильнике периода средней бронзы Манджикин на территории района Ики-Бурул в Калмыкской Республике, также очень интересны [Шишлина, 2004: 136–137]. Эти глиняные печати, относящиеся к Восточно-Маньчжской катакомбной культуре (размером 6,6×5,8 см, высотой 4,3 см и размером 6,8×6 см, высотой 4,2 см) были найдены в камере жертвенника кургана № 14 (рис. 7.-5). Рабочая часть глиняных печатей, четырехугольной формы и трапециевидного профиля, разделена на равномерные квадратные клетки. Глиняные печати, относимые к концу III тыс. до н. э., с точки зрения формы и содержания схожи с глиняными печатями, возникшими на территории Передней Азии и Балканского полуострова в V–IV тыс. до н. э. и продолжавшими функционировать до I тыс. до н. э. Исследователь отмечает идентичность резных квадратных узоров на поверхности этих глиняных печатей узором на некоторых сосудах, обнаруженных в тех же катакомбах, и называет эти печати пинтадерами [Шишлина, 2004: 136–142]. По словам автора, отмечавшего изготовление таких пинтадер на территории Северного Прикаспия в основном из камня, металла, кости и дерева, изображения на поверхности пинтадер этого типа, большинство которых не дошли до наших времен, известны на всем Кавказе с начала I тысячелетия до н. э. Их назначение характеризуется уровнем социального положения, нанесением узоров

и украшений, маркировкой товаров и продуктов, как знак частной собственности. Деревянные аналоги глиняных пинтадер, найденных в Манчикинском кургане на Балканах, известны с периода неолита — халколита [Маккай, 1984: 82, 83].

Аналогичные образцы кавказских печатей были обнаружены на античных городищах на северных берегах Черного моря. Их поверхность украшена композицией религиозно-обрядового содержания, изображениями богинь, крылатых зверей, летающих птиц, рукоятки же — крестообразными знаками [Нариманов, 1973: 122]. Найденные на территории Молдовы и Румынии глиняные печати с геометрическими изображениями также имеют одинаковую форму и фабулу с кавказскими печатями (рис. 8.-3–5) [Нариманов, 1973: 122, 124].

Глиняные пинтадеры, найденные в северо-восточной части побережья Черного моря — в Нижнем Дунае на городище Картал и на поселении Бернадя в Трансильвании, считаются самыми древними образцами глиняных пинтадер (VIII–VII вв. до н. э.) [Бруяко, 2014: 41]. Эти находки считаются самым ранним доказательством миграции глиняных пинтадер с Кавказа к северо-восточным берегам Черного моря. Эта дата относится к периоду разрушения поселений Кискараант-Гора и Сержен-Юрт, где были найдены глиняные пинтадеры [Нэсэнов, 2023: 34].

Аналогичных образцов глиняных печатей и пинтадер со свастикой и другими изображениями на поверхности много. Первая прямоугольная печать, относящаяся к Харрапской археологической культуре, с изображением свастики на поверхности была найдена на территории Пакистана. Найденная в Харрапе и относящаяся к 3300 г. до н. э. другая печать, с изображением свастики на поверхности, изготовлена из кости [Кенуер, 2007: fig. 4]. Мехрграхская печать со свастикой, относящаяся к 2800–2600 гг. до н. э. [Shah, Parpola, 1991: 403 (Mr-14 A), и 15 мохенджо-дарских печатей, изготовленные из белого стеатита, белого и зеленого фаянса, относящиеся к 2000–1900 гг. до н. э. [Marshall, 1931: 374, 405, pl. CXIV. 500–515], а также фаянсовые печати с гамма-крестом на поверхности, найденные в Харрапе, очень интересны [Кенуер, 2007: fig. 6 c]. В 1972 г. на Алтын Тепе (Туркменстан) в сооружении на 7-м раскопчном участке была найдена печать с изображением свастики, изготовленная из белого камня мягкого алебастрового типа [Masson, 1981: fig. 1–2]. Специалисты считают 7-й раскопчный участок религиозно-ритуальным центром поселения, а 7-е сооружение — молельней. Эти печати относят к 2300–1850 гг. до н. э. [Массон, 1981: 67, 95].

Первая круглая печать с изображением свастики найдена в Сузах (Иран) в халколитском слое [Мескленет, 1934: fig. 19]. На одной стороне печати, изготовленной из кремня, запечатлено зооморфное изображение. Печати раннебронзового периода, найденные в Сузах, изготовлены из глины, и рабочая часть у них — с изображением свастики [Collon, 1990].

Заключение

Глиняные печати и пинтадеры, присущие ходжалы-кедабекской культуре, сформированные под влиянием локальных вариантов этой культуры в период поздней бронзы — раннего железа, были широко распространены на Южном Кавказе. Главным регионом сосредоточения этих артефактов, найденных в основном на поселениях, являются Западный Азербайджан, Восточная Грузия и северо-восток Армении.

Этот регион, без сомнения, сыграл роль определенного культурного центра в конце бронзового и начале железного периода и признаки этого культурного единства выявляются в находках. Принадлежность глиняных печатей и пинтадер племенам и сообществам, обладающим оседлой культурой, указывает на то, что эти артефакты были неотъемлемой составной частью бытовой и хозяйственной жизни не полукочевых скотоводов, а патриархальных объединений, занимающихся земледелием. Функции глиняных печатей и пинтадер являются отдельной исследовательской темой, мы говорим об этом. Но надо отметить о факт, что эти предметы возникли в первую очередь как продукт религиозного мировоззрения людей, а впоследствии смогли превратиться в разные средства — в знаки частной собственности, средства украшения, указатели единства родственных семейств, символы власти и т.д. Несомненно, что глиняные печати прежде всего являются символами, выражающими личность своего хозяина (это могли быть также частное лицо, определенная племенная община и племенное, патриархальное объединение), представляющими его частную собственность и владычество.

То, что изображения на глиняных печатях и пинтадерах имеют определенный смысл, не вызывает сомнений. У каждого из этих изображений, где запечатлены разные формы свастики (смешанная, зигзагообразная, лабиринтная), отражены антропоморфные и зооморфные образы, преобладают геометрические линии, есть своя семантика.

Несмотря на то что найденные в большем количестве во время раскопок глиняные печати по размерам и форме были меньше пинтадер, но с точки зрения изобразительных мотивов на поверхности они более богаты. Пинтадеры же, имеющие на поверхности чаще всего изображение свастики, являясь большими по объему, имели более конкретный смысл. Но функции, цели использования глиняных печатей и пинтадер в некоторых случаях отождествляются.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Антонова Е. В. К проблеме функций печатей ранних земледельцев Востока // Советская археология. 1984. № 4. С. 26–34.

Асланов Г. М., Ваидов Р. М., Ионе Г. И. Древний Мингечаур (эпоха энеолита и бронзы). Баку: Изд-во АН Азерб. ССР, 1959. 190 с.

Большаков А. М. Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: 1942. С. 130–142.

Бруяко И. В. Пинтадеры раннего железного века между Карпатами и Понтом // *Stratum plus*. 2014. № 3. С. 39–49.

Бунятов Т. А., Гусейнов М. М. Результаты археологических поездок в Акстафинский и Казахский районы в 1955 г. // Труды музея истории Азербайджана. 1957. № 2. С. 183–198.

Виноградов В. Б. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала // Древности Чечено-Ингушетии: сб. ст. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 212–216.

Крупнов Е. И. Археологические памятники Ассинского ущелья // Работы археологических экспедиций. Труды Государственного исторического музея. Вып. 12. М.: ГИМ, 1941. С. 156–179.

Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев реки Терек и бассейна реки Сунжи // Археологический сборник. Труды Государственного исторического музея. Вып. 17. М.: ГИМ, 1948. С. 5–55.

Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд — во АН СССР, 1960. 520 с.

Крупнов Е. И. Новые «пинтадери» из сел. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушетия). Новое в советской археологии (памяти С. В. Киселёва, к 60-летию со дня рождения) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 130. М.; Л.: Изд — во АН СССР, 1965. С. 192–196.

Массон В. М. Алтын-тепе (раскопки города бронзового века в Южном Туркменистане). Л.: Наука, 1981. 176 с.

Мунчаев Р. М. Памятники Майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // Советская археология. 1962. № 3. С. 176–198.

Наджафов Ш. Н. Глиняные печати-пинтадери из поселения Сарвантепе // Поволжская археология. 2023. № 1. С. 76–91.

Наджафов Ш. Н. Об итогах археологических исследований на поселении Ястыктепе // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы VI Междунар. конф. молодых ученых. М.: Изд-во РАН, 2021. С. 77–79.

Нариманов И. Г. Глиняные штампы из Западного Азербайджана // Материальная культура Азербайджана. 1973. Т. 7. С. 114–130.

Пицхелаури К. Н. Древняя культура племен, населявших территорию Иори-Алазанского бассейна (по археологическим материалам доантичного времени). Тбилиси: Мецниереба, 1965. 148 с.

Ханзадян Э. В., Мкртчян К. А., Парсамян Э. С. Мецамор: Исследования по данным раскопок. 1965–1966 гг. Ереван: Изд — во АН Арм. ССР, 1973. 214 с.

Шишлина Н. И. Глиняные печати-штампы могильника Манджикины-1 в Калмыкии // Российская археология. 2004. № 3. С. 136–143.

Asadov V. A. Detailed scientific report excavation at Poylu II settlement at KP 389.2 SCPX pipeline. Baku: ANAS: AAI. 2018. 88 p.

Chogovadze T. Late Bronze-Early Iron Age seals (research and catalogue). The research paper has been completed in order to obtain Master's Academic Degree in Archaeology. Supervisor of the work Licheli V. Tbilisi: Tbilisi State University, 2019. 128 p.

Collon D. Interpreting the Past Near Eastern Seals. London: University of California Press, 1990. 14 p.

Duistermaat K. Which Came First, the Bureaucrat or the Seal? Some thought, on the Non-Administrative Origins of Seals in Neolithic Syria, Seals and Sealing Practices in the Near East // *Orientalia Lovaniensia Analecta*. Leusen-Paris: Walpole-Ma, 2012. P. 4.

Dzhanfezova T. Y. Pintaderas: problems, specifics and ways for treating the information. A database proposal // *Aqvileia Nostra. Pubblicazione Annuale*. 2003. Anno 74. P. 13–76.

Kenoyer J. M. Indus seals: An overview of iconography and style // *Ancient Sindh*. 2006–2007. Vol. 9. P. 7–30.

Makkay J. Early stamp seals in south-east Europe. Budapest: Akademiai Kiado, 1984. 157 p.

Marshall J.S. Mohenjodaro — Harappan and the Indus civilization. Being an official account of archaeological excavations at Mohenjodaro carried out by the government of India between the years 1922 and 1927. Vol. 1. London: Artur Probsthain, Stephen Austin and Sons LTD, 1931. 428 p.

Noveck M. The Mark of Ancient Man // Ancient Near Eastern Stamp Seals and Cylinder Seals: The Gorelick Collection. New York: The Brooklyn Museum, 1975. 96 p.

Pittman H. Cylinder Seals and Scarabs in the Ancient Near East // Civilization of the Ancient Near East. New York: 1995. P. 1591.

Shah S. G. M., Parpola A. K. A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Collections in Pakistan // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae*. Ser. B, t. 240, (Memoirs of the Department of Archaeology and Museums, Government of Pakistan. V. 5). Helsinki: Suomalainen Tiedekatemia, 1991. Vol. 2, 448 p.

Smith A. T., Leon J. F. The Late Bronze Age Shrines at Gegharot, Armenia // *American Journal of Archaeology*. 2014. Vol. 118, No. 4. P. 549–563.

Umurtak G. N. Some Observations on a Lead Stamp Seal from the Bademağacı Excavations // *Anatolica*. 2002. No. 28. P. 159–169.

Castiglioni C. O. Origini e distribuzione delle pintaderas preistoriche «euro-asiatiche». Contributo alla conoscenza delle culture preistoriche della valle del Po // *Rivista di Scienze Preistoriche*. 1956. No. 11. P. 109–192 (на итал. языке).

Jiménez M. de la Cruz. Pintaderas de El Museo Canario // *El Museo Canario*. Retrieved 17, September 2013. (на испан. языке).

Mecquenem R. Fouilles de Suse 1929–1933 // *Mémoires de la mission archéologique de Perse*. 1934. Vol. 25. P. 177–237 (на франц. языке)

Cəlilov B. M. [Джалилов Б. М.] Göygöl-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının Goranboy rayonu ərazisində apardığı tədqiqatlar // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011*. 2012. P. 146–155 (на азерб. языке).

Cəlilov B. M., Axundova N. Ə., Mirzoyeva T. Ə. [Джалилов Б. М., Ахундова Н. Ə., Мирзоева Т. Ə.] Göygöl-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının 2013–2014-cü illərdə apardığı arxeoloji tədqiqatlara dair // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2013–2014*. 2015. P. 133–139 (на азерб. языке).

Diñçol A. [Динчол А.] Hitit Mühürçülüğü // *Eczacıbaşı Sanat Ansiklopedisi*. 1997. № 2. P. 1316 (на турец. языке).

Əliyev V. H. [Алиев В. Г.] Babadərvişdə son tunc və ilk dəmir dövrü yaşayış yerləri // *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti*. 1976. № 8. P. 104–130 (на азерб. языке).

Əsədov V. A. [Асадов В. А.] Azərbaycanın küp qəbirləri. Bakı: Elm və təhsil. 2018. 236 p. (на азерб. языке).

Göyüşova T. N. [Гёюшова Т. Н.] 2015–2016-cı illərdə Gədəbəy arxeoloji ekspedisiyasının Gədəbəy rayonunda apardığı arxeoloji tədqiqatların yekunlarına dair // *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2015–2016*. 2017. P. 170–176 (на азерб. языке).

Həsənov Z. H. [Гасанов З. Г.] Skiflər və onların Azərbaycan tarixində yeri. Tarix elmləri doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı. (AMEA A. A. Vəkihanov adına Tarix və Etnologiya İnstitutunun Elmi arxivi). Bakı: 2023. 60 p. (на азерб. языке).

Qaziyev S. M. [Казиев С. М.] Qazax və Ağstafa rayonlarındakı arxeoloji və tarixi abidələr haqqında (1957-ci il) // Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. 1962. № 4. P. 140–170 (на азерб. языке).

Muradova F. M., Nərimanov İ. H. [Мурадова Ф. М., Нариманов И. Г.] Yastıtərə qədim yaşayış yeri haqqında // Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. 1973. № 7. P. 46–55 (на азерб. яз.).

Müseibli N. Ə. [Мусейбли Н. А.] Leylatərə mədəniyyəti. Bakı: Elm və təhsil, 2020, 576 p. (на азерб. языке).

Nəcəfov Ş. N. [Наджафов Ш. Н.] Ağstafa rayonu ərazisindəki Yastıtərə son tunc — ilk dəmir dövrü yaşayış yerində 2010-cu ildə aparılmış arxeoloji qazıntıların geniş elmi hesabatı. AMEA AAİ. 2011. 73 p. (на азерб. языке).

Nəcəfov Ş. N. [Наджафов Ш. Н.] AMEA AA İnstitutunun Qazax arxeoloji ekspedisiyasının Qazax rayonunda apardığı arxeoloji tədqiqat işlərinin hesabatı (10.09–09.10.2021). AMEA. AAİ. 2021. 39 p. (на азерб. языке).

Nəcəfov Ş. N. [Наджафов Ш. Н.] Üzərliktərə yaşayış yeri (Şəmkir rayonu) // Azərbaycan arxeologiyası. 2017. T. 20, № 1. P. 69–83 (на азерб. языке).

Nərimanov İ. H. [Нариманов И. Г.] 1960-cı ildə Sarıtərədə arxeoloji qazıntılar // Tarix İnstitutunun Əsərləri. 1963. № 16. P. 81–98 (на азерб. языке).

Nərimanov İ. H., Xəlilov C. Ə. [Нариманов И. Г., Халилов Дж. А.] Sarıtərə arxeoloji qazıntıları (1956-cı il) // Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. 1962. № 4. P. 6–67 (на азерб. языке).

Özdemir B., Kortanoglu M. S. Haluk Perk Muzesi'nden bir grup damga mührün dəyərləndirilməsi // Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi. 2020. № 10. Temmuz. P. 173–203 (на турец. языке).

Rüstəmov C. N. [Рустамов Дж. Н.] Töyrətərədə kəşfiyyat qazıntısı // Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti. 1965. № 6. P. 15–31 (на азерб. языке).

Schmidt K. Taş Çağı Avcılarının Gizemli Kutsal Alanı Göbekli Tepe. En Eski Tapınığını Yapanlar. İstanbul: Arkeoloji ve Sanat Yayınları, 2007. 101 p. (на турец. языке).

Türkcan A. U. Çatalhöyük Damga Mühürleri (E. M. Haydaroğlu ed.) // Toprakтан sonsuzluğa Çatalhöyük (From earth to eternity Çatalhöyük). İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2006. P. 45–49 (на турец. языке).

References

Antonova Y. V. K probleme funktsii pečatei rannikh zemledel'tsev Vostoka [On the problem of the functions of seals of early farmers of the East]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1984, vol. 4, pp. 26–34 (in Russian).

Aslanov G. M., Vaidov R. M., Ione G. I. *Drevnii Mingechaur (epokha eneolita i bronzy)* [Ancient Mingachevir (Chalcolithic and Bronze Ages)]. Baku: AN Azerbaijanian SSR Publ., 1959, 190 p. (in Russian).

Bol'shakov A. M. *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny* [Auxiliary historical disciplines]. Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., 1942, p. 130–142 (in Russian).

Bruyako I. V. Pintadery rannego zheleznogo veka mezhdv Karpatami i Pontom [Pintadery of the Early Iron Age between the Carpathians and Pontus]. *Stratum plus*. 2014, vol. 3, pp. 39–49 (in Russian).

Bunyatov T. A., Guseynov M. M. Rezul'taty arkheologicheskikh poezdok Akstafinskii i Kazakhskii raiony v 1955 g. [Results of archaeological trips to the Akstafa and Kazakh regions in 1955]. *Trudy muzeya istorii Azerbaydzhana* [News of the Azerbaijan History Museum]. 1957, vol. 2, pp. 188–194 (in Russian).

Khanzadyan E. V., Mkrtchyan K. A., Parsamyan E. S. *Metsamor: Issledovaniya po dannym raskopok. 1965–1966 gg.* [Metsamor: Research based on excavation data. 1965–1966]. Yerevan: Academy of Science Armenian SSR publ., 1973, 214 p. (in Russian).

Krupnov E. I. Arkheologicheskie pamyatniki Accinckogo ushel'ya [Archaeological monuments of the Assin gorge]. *Raboty arkheologicheskikh ekspeditsii* [Works of archaeological expeditions]. *Trudy GIM* [Transactions of the State Historical Museum]. Moscow, 1941, vol. 12, pp. 156–179 (in Russian).

Krupnov E. I. Arkheologicheskie pamyatniki verkhov'ev reki Terek i basseina reki Sunzhi [Archaeological monuments of the upper reaches of the Terek River and the Sunzha River basin]. *Arkheologicheskii sbornik. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo Museya* [Archaeological collection]. [Transactions of the State Historical Museum]. Moscow, 1948, vol. 17, pp. 5–55 (in Russian).

Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaz* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow: AN SSSR publ., 1960, 520 p. (in Russian).

Krupnov E. I. Novye «pintadery» iz sel. Serzhen' — Yurt (Checheno-Ingushetiya). Novoe v sovetskoi arkheologii (pamyati S. V. Kiseleva, k 60-letiyu so dnya rozhdeniya) [New «pintadery» from the villages of Serzhen-Yurt (Chechen-Ingushetia). New in Soviet archeology (in memory of S. V. Kiselev, on the 60th anniversary of his birth)]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR (MIA)* [Materials and research on the archaeology of the USSR]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences publ., 1965, vol. 130, pp. 192–196 (in Russian).

Masson V. M. *Altyn-tepe (raskopki goroda bronzovogo veka v Yuzhnom Turkmenistane)* [Altyn-Tepe (excavations of the Bronze Age city in Southern Turkmenistan)]. Leningrad: Nauka Publ., 1981, 176 p. (in Russian).

Munchayev R. M. Pamyatniki Maikopskoi kul'tury v Checheno-Ingushetii [Monuments of the Maykop culture in Checheno-Ingushetia]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1962, vol. 3, pp. 176–198 (in Russian).

Nadzhafov Sh. N. Glinyanye pechati-pintadery iz poseleniya Sarvantepe [Clay seals-pintaderas from the Sarvantepe settlement]. *Povolzhskaya arkheologiya* [The Volga River Archaeology]. 2023, vol. 1, pp. 76–91 (in Russian).

Nadzhafov Sh. N. Ob itogakh arkheologicheskikh issledovaniy na poselenii Yastytepe [On the results of archaeological research at the settlement of Yastytepe]. *Novye materialy i metody arkheologicheskogo issledovaniya: materialy VI Mezhdunar. konf. molodykh uchenykh* [New materials and methods of archaeological research: materials of the VI international conference of young scientists]. Moscow: Russian Academy of Science publ., 2021, pp. 77–79 (in Russian).

Narimanov I. G. Glinyanye shtampy iz Zapadnogo Azerbaydzhana [Clay stamps from Western Azerbaijan]. *Material'naya Kul'tura Azerbaidzhana* [Material culture of Azerbaijan]. 1973, vol. 7, pp. 114–130 (in Russian).

Pitskhelauri K. N. *Drevnyaya kul'tura plemen, naselyavshikh territoriyu Ioro-Alazanskogo basseina (po arkheologicheskim materialam doantichnogo vremeni)* [Ancient culture of the

tribes inhabiting the territory of the Ioro-Alazani basin (based on archaeological materials of pre-antique times)]. Tbilisi: Metzniereba Publ., 1965. 148 p. (in Russian).

Shishlina N. I. Glinyanye pechati-shtampy mogil'nika Mandzhikiny-1 v Kalmykii [Clay seals-stamps of the burial ground Mandzhikiny-1 in Kalmykia]. *Rossiiskaya arkhologiya* [Russian Archaeology]. 2004, vol 3, pp. 136–143 (in Russian).

Vinogradov V. B. Glinyanyi shtamp s gorodishcha Alkhan-Kala [Clay stamp from the Alkhan-Kala settlement]. *Drevnosti Checheno-Ingushetii: sbornik statei* [Antiquities of Checheno-Ingushetia (collected articles)]. Moscow: USSR Academy of Sciences publ., 1963, pp. 212–216 (in Russian).

Asadov V. A. *Detailed scientific report excavation at Poylu II settlement at KP 389.2 SCPX pipeline*. Baku: ANAS: AAI. 2018, 88 p.

Chogovadze T. *Late Bronze-Early Iron Age seals (research and catalogue). The research paper has been completed in order to obtain Master's Academic Degree in Archaeology. Supervisor of the work Licheli V.* Tbilisi: Tbilisi State University, 2019, 128 p.

Collon D. *Interpreting the Past Near Eastern Seals*. London: University of California Press, 1990, 14 p.

Duistermaat K. Which Came First, the Bureaucrat or the Seal? Some thought, on the Non-Administrative Origins of Seals in Neolithic Syria, Seals and Sealing Practices in the Near East. *Orientalia Lovaniensia Analecta*. Leusen-Paris: Walpole-Ma, 2012, p. 4 (in English).

Dzhanfezova T. Y. Pintaderas: problems, specifics and ways for treating the information. A database proposal. *Aqvileia Nostra. Pubblicazione Annuale*. 2003. Anno 74, pp. 13–76.

Kenoyer J. M. Indus seals: An overview of iconography and style. *Ancient Sindh*. 2006–2007, vol. 9, pp. 7–30.

Makkay J. *Early stamp seals in South-East Europe*. Budapest: Akademiai Kiado, 1984, 157 p.

Marshall J. S. *Mohendjo-daro and the Indus Civilization. Being an official account of archaeological excavations at Mohenjo-daro carried out by the government of India between the years 1922 and 1927*. London: Artur Probsthain, Stephen Austin and Sons LTD, 1931, vol. 1, 428 p.

Noveck M. *The Mark of Ancient Man. Ancient Near Eastern Stamp Seals and Cylinder Seals: The Gorelick Collection*. New York: The Brooklyn Museum, 1975. 96 p.

Pittman H. Cylinder Seals and Scarabs in the Ancient Near East. *Civilization of the Ancient Near East*. New York: 1995, p. 1591.

Shah S. G. M., Parpola A. K. A. Corpus of Indus Seals and Inscriptions. Collections in Pakistan. *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B, t. 240, (Memoirs of the Department of Archaeology and Museums, Government of Pakistan, v. 5)*. Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1991, vol. 2, 448 p.

Smith A. T., Leon J. F. The Late Bronze Age Shrines at Gegharot, Armenia. *American Journal of Archaeology*. 2014, vol. 118, no. 4, pp. 549–563.

Umurtak G. N. Some Observations on a Lead Stamp Seal from the Bademağacı Excavations. *Anatolica*. 2002, vol. 28, pp. 159–169.

Castiglioni C. O. Origini e distribuzione delle pintaderas preistoriche «euro-asiatiche». Contributo alla conoscenza delle culture preistoriche della valle del Po [Origins and distribution of the prehistoric «Euro-Asiatic» pintaderas. Contribution to the knowledge of the prehistoric

cultures of the Po Valley]. *Rivista di Scienze Preistoriche* [Journal of Prehistoric Science]. 1956, vol. 11, pp. 109–192 (in Italian).

Jiménez, M. de la Cruz. Pintaderas de El Museo Canario [Pintaderas of the Canary Museum.]. *El Museo Canario*. Retrieved 17 September 2013 (in Spanish).

Mecquenem R. Fouilles de Suse 1929–1933 [Excavations at Susa 1929–1933]. *Mémoires de la mission archéologique de Perse* [Memoirs of the archaeological mission to Persia]. 1934, vol. 25, pp. 177–237 (in French).

Cəlilov B.M. Göygöl-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının Goranboy rayonu ərazisində apardığı tədqiqatlar [Research conducted by the Goygol-Goranboy archaeological expedition in the Goranboy region]. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2011* [Archaeological investigations in Azerbaijan-2011]. 2012, pp. 146–155 (in Azerbaijani).

Cəlilov B.M., Axundova N.Ə., Mirzoyeva T.Ə. Göygöl-Goranboy arxeoloji ekspedisiyasının 2013–2014-cü illərdə apardığı arxeoloji tədqiqatlara dair [On the archaeological investigations conducted by the Göygöl-Goranboy archaeological expedition in 2013–2014]. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2013–2014* [Archaeological investigations in Azerbaijan-2013–2014]. 2015, pp. 133–139 (in Azerbaijani).

Diñçol A. Hitit Mühürçülüğü [Hittite Seals]. *Eczacıbaşı Sanat Ansiklopedisi* [Eczacıbaşı Art Encyclopedia]. 1997, vol. II, p. 1316 (in Turkish).

Əliyev V.H. Babadərvişdə son tunc və ilk dəmir dövrü yaşayış yerləri [Late Bronze and Early Iron Age settlements in Babadervish]. *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti* [Material Culture of Azerbaijan]. 1976, vol. 8, pp. 104–130 (in Azerbaijani).

Əsədov V.A. *Azərbaycanın küp qəbirləri* [Jar burial graves of Azerbaijan]. Bakı: Elm və təhsil, 2018, 236 p. (in Azerbaijani).

Göyüşova T.N. 2015–2016-cı illərdə Gədəbəy arxeoloji ekspedisiyasının Gədəbəy rayonunda apardığı arxeoloji tədqiqatların yekunlarına dair [On the results of archaeological research conducted by the Gadabay archaeological expedition in the Gadabay region in 2015–2016]. *Azərbaycanda arxeoloji tədqiqatlar-2015–2016* [Archaeological investigations in Azerbaijan-2015–2016]. 2017, pp. 170–176 (in Azerbaijani).

Həsənov Z.H. *Skiflər və onların Azərbaycan tarixində yeri. Tarix elmləri doktoru elmi dərəcəsi almaq üçün təqdim edilmiş dissertasiyanın avtoreferatı* [Scythians and their place in the history of Azerbaijan. Abstract of the dissertation submitted for the degree of doctor of historical sciences]. Bakı, 2023, 60 p. (in Azerbaijani).

Qazıyev S.M. Qazax və Ağstafa rayonlarındakı arxeoloji və tarixi abidələr haqqında (1957-ci il) [About the archeological and historical monuments in the Kazakh and Agstafa regions (1957 year)]. *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti* [Material Culture of Azerbaijan]. 1962, vol. 4, pp. 140–170 (in Azerbaijani).

Muradova F.M., Nərimanov İ.H. Yastıtəpə qədim yaşayış yeri haqqında [About the ancient settlement of Yastitepe]. *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti* [Material Culture of Azerbaijan]. 1973, vol. 7, pp. 46–55 (in Azerbaijani).

Müseibli N.Ə. *Leylatəpə mədəniyyəti* [Leylatepe culture]. Bakı: Elm və təhsil, 2020, 576 p. (in Azerbaijani).

Nəcəfov Ş.N. *Ağstafa rayonu ərazisindəki Yastıtəpə son tun-ilk dəmir dövrü yaşayış yerində 2010-cu ildə aparılmış arxeoloji qazıntıların geniş elmi hesabatı* [An extensive scientific report

on archaeological excavations conducted in 2010 at the Late Bronze-Early Iron Age settlement site of Yastitepe in the Agstafa region]. 2011, 73 p. (In Azerbaijani).

Nəcəfov Ş. N. *AMEA AA İnstitutunun Qazax arxeoloji ekspedisiyasının Qazax rayonunda apardığı arxeoloji tədqiqat işlərinin hesabatı (10.09–09.10.2021)* [Report on archaeological research conducted by the Gazakh archaeological expedition of the Institute of Archaeology of ANAS in the Gazakh region (10.09–09.10.2021)]. 2021, 39 p. (In Azerbaijani).

Nəcəfov Ş. N. Üzərliktepə yaşayış yeri (Şəmkir rayonu) [Uzerliktepe settlement (Shamkir region)]. *Azərbaycan arxeologiyası* [Azerbaijani archaeology]. 2017, vol. 20, no. 1, pp. 69–83 (in Azerbaijani).

Nərimanov İ. H. 1960-cı ildə Sarıtepədə arxeoloji qazıntılar [Archaeological excavations in Sarıtepe in 1960]. *Tarix İnstitutunun Əsərləri* [Works of the Institute of History] 1963, vol. 16, pp. 81–98 (in Azerbaijani).

Nərimanov İ. H., Xəlilov C. Ə. Sarıtepə arxeoloji qazıntıları (1956-cı il) [Sarıtepe archaeological excavations (1956)]. *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti* [Material Culture of Azerbaijan]. 1962, vol. 4, pp. 6–67 (in Azerbaijani).

Özdemir B., Kortanoglu M. S. Haluk Perk Muzesi'nden bir grup damga mührün degerlendirilmesi [An evaluation of a group of stamp seals from the Haluk Perk Museum.]. *Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi* [Trakya University Faculty of Letters Journal]. 2020, vol. 10, Temmuz, pp. 173–203 (in Turkish).

Rüstəmov C. N. Töyrətəpədə kəşfiyyat qazıntısı [Exploration excavations at Toyretepe]. *Azərbaycanın Maddi Mədəniyyəti* [Material Culture of Azerbaijan]. 1965, vol. 6, pp. 15–31 (in Azerbaijani).

Schmidt K. *Taş çağı avcılarının gizemli kutsal alanı Göbekli Tepe. En eski tapınağını yapanlar* [Göbekli Tepe: The mysterious sacred site of stone age hunters. Those who built its oldest temple]. İstanbul: Archaeology and Art Publications, 2007, 101 p. (In Turkish).

Türkcan A. U. Çatalhöyük Damga Mühürleri [Çatalhöyük Stamp Seals]. *Topraktan sonsuzluğa Çatalhöyük (From Earth to Eternity Çatalhöyük)*. İstanbul: Yapı Kredi Yayınları, 2006, pp. 45–49 (in Turkish).

Статья поступила в редакцию: 28.02.2025

Принята к публикации: 20.09.2025

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 903.532; 393.05.9
DOI 10.14258/nreur(2026)2–03

А. А. Ковалев

Институт археологии РАН, Москва (Россия)

РАННЕТЕСИНСКИЕ СКЛЕПОВЫЕ ЗАХОРОНЕНИЯ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ПРАКТИКИ ВЫСТАВЛЕНИЯ ТРУПОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК КУРГАНА АРШАНОВО-30 В КОЙБАЛЬСКОЙ СТЕПИ)

В ходе раскопок кургана Аршаново-30, относящегося к раннему периоду тесинской культуры (тесинского этапа тагарской культуры), была исследована его основная коллективная могила («склеп», могила 9): первая известная гробница такого рода, не потревоженная грабителями. Результаты зачистки костей и погребального инвентаря на дне склепа дают основания полагать, что здесь захоранивались не только отдельные кости, но и фрагменты человеческих тел, что, скорее всего, было результатом их предварительного разложения. С юга от склепа располагалась каменная площадка, которая могла использоваться для выставления трупов. Аналогичные площадки найдены при раскопках других раннетесинских курганов. В статье приводятся аргументы в пользу того, что в качестве вероятной причины религиозной трансформации тагарской культуры на этом этапе (исчезновение «звериного стиля», новые формы погребения и курганной архитектуры) нужно рассматривать влияние традиций Турана, где выставление трупов и захоронение разложившихся останков практиковалось издревле. Кроме того, переход к тесинскому обряду захоронения не был связан с хуннской экспансией, а произошел на 100 лет раньше, на рубеже IV–III вв. до н. э., как показывают аналогии тесинскому погребальному инвентарю в хорошо датированных памятниках пазырыкской культуры, а также полученные по костям животных из склепа кургана Аршаново-30 две ¹⁴C даты (AMS): GV-04362 2271±33 некал. л. н.; GV-04363 2291±33 некал. л. н.

Ключевые слова: Республика Хакасия, Средняя Азия, тесинская культура (тесинский этап тагарской культуры), сарагашенский этап тагарской культуры, пазырыкская культура, Авеста, бронзовые votivные предметы, погребальный обряд, выставление трупов.

Для цитирования:

Ковалев А. А. Раннетесинские склеповые захоронения как свидетельство практики выставления трупов (по материалам раскопок кургана Аршаново-30 в Койбальской степи) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31. № 2. С. 59–85. DOI 10.14258/nreur(2026)2–03

Ковалев Алексей Анатольевич, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН, Москва (Россия). **Адрес для контактов:** chemurchek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2637-3131>

A. A. Kovalev

Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

EARLY TES' MASS GRAVES AS EVIDENCE OF THE PRACTICE OF EXPOSURE OF CORPSES (BASED ON THE EXCAVATIONS OF THE ARSHANOVO-30 KURGAN IN THE KOIBAL STEPPE)

During excavations of the Arshanovo-30 burial mound (early period of the Tes' culture or of Tes' stage of the Tagar culture), its main mass grave («crypt», grave 9) was investigated: the first known tomb of this kind, undisturbed by robbers. The results of cleaning the bones and grave goods at the bottom of the crypt give reason to believe that not only individual bones but also fragments of human bodies were buried here, which was most likely the result of their preliminary decay. To the south of the crypt there was a stone platform, which could have been used for exposure of corpses. Similar platforms were found in other early Tes' burial mounds. The article presents arguments in favor of the fact that the probable cause of the religious transformation of the Tagar culture at this stage (the disappearance of the «animal style», new forms of burials and kurgan architecture) should be considered the influence of the traditions of Turan, where the exposure of corpses and the burials of decomposed human remains have been practiced since ancient times. In addition, the transition to the Tes' burial rite was not associated with the Xiongnu expansion, but occurred a hundred years earlier, at the turn of the 4th-3rd centuries BC, as shown by analogies of Tes' burial goods in well-dated graves of the Pazyryk culture, as well as two ^{14}C dates (AMS) obtained from the bones of animals from the crypt of the Arshanovo-30 barrow: GV-04362 2271 \pm 33 BP; GV-04363 2291 \pm 33 BP.

Keywords: Republic of Khakassia, Central Asia, Tes' culture (Tes' stage of Tagar culture), Saragash stage of Tagar culture, Pazyryk culture, Avesta, bronze votive objects, burial rite, exposure of corpses.

For citation:

Kovalev A. A. Early Tes' mass graves as evidence of the practice of exposure of corpses (based on the excavations of the Arshanovo-30 kurgan in the Koibal steppe). *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 59–85. DOI 10.14258/nreur(2026)2–03

Kovalev Alexey Anatolievich, Scientific fellow of department of archaeological heritage preservation of Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Contact address: chemurchek@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2637-3131>

Введение

В июле — августе 2022 г. Бейским отрядом Института археологии РАН были проведены спасательные раскопки одиночного кургана Аршаново-30, попадающего в полосу отвода строительства железнодорожной инфраструктуры Бейского угольного месторождения. В результате работ было установлено, что первоначальным сооружением в кургане была подквадратная ограда размерами в плане 19,5×19,5 м из установленных на ребро каменных плит, ориентированная осями по сторонам света с отклонением около 15 градусов против часовой стрелки. Ограда была сильно разрушена в древности, особенно в западной части. Сохранившиеся *in situ* плиты ограды были в основном вкопаны на незначительную глубину (0,1–0,3 м от древней поверхности) и подпирались снаружи установленными на ребро камнями-контрфорсами.

Результаты раскопок склепа

В середине огражденной площадки была выкопана подквадратная яма (склеп, могила 9) около 6 м в поперечнике¹, ориентированная осями по сторонам света с отклонением около 8° против часовой стрелки, глубиной около 2,5 м от древней дневной поверхности. Выкиды материкового щебня из ямы легли к западу и востоку от нее, причем с востока в разрезе было прослежено, что выкид налегал на стенку ограды, которая служила препятствием для его расширения. На дне ямы, на дощатом полу, было устроено коллективное захоронение человеческих останков (по предварительной оценке — от нескольких сот человек) с погребальным инвентарем, не потревоженное при последующих прокопах (рис. 1). Склеп изначально был на уровне древнего горизонта перекрыт бревнами в один (два?) наката (фрагменты этих бревен сохранились у бортов ямы). После завершения захоронений в склепе перекрытие могилы 9 подверглось воздействию огня. Затем все сооружение было перекрыто насыпью из мешаного гумусированного суглинка с включениями кусков дерна. Через некоторое время с поверхности насыпи в центре кургана была выкопана бесформенная яма с пологими стенками размерами в плане 3,2×2,6 м, глубиной 2,7 м, глубоко врезавшаяся в заполнение могилы 9, но не затронувшая захоронения на ее дне. На дне этой ямы было устроено безынвентарное захоронение останков не менее 40 человек, чьи тела и фрагменты тел были бессистемно набросаны друг на друга (могила 5). После совершения захоронений яма была засыпана мешаным гумусированным суглинком, практически не отличавшимся от насыпи (заполнение прослеживалось в разрезах). В заполнении этой ямы позже (в таштыкское время) было устроено костяк останков домашних животных². Каких-либо следов ограбления кургана не прослежено.

¹ Стенки ямы в материковом щебне оползли и не прослеживались даже у ее дна, их конфигурация устанавливается по расположению фрагментов деревянных конструкций.

² По кости животного из костяка получена ¹⁴C дата GV-04361: 1732±33 л. н., 247 (95,4%) 406 CalAD (калибровка в программе OxCal v4.4.4.).

Судя по составу погребального инвентаря склепа (бронзовые votивные копии кинжалов, чеканов, зеркала с центральной петелькой, ножи, подвески-пирамидки, чешуйки слюды, характерная керамика, отсутствие изделий из железа), а также особенностям архитектуры кургана, он входит в круг «курганов-склепов раннетесинского периода» [Пшеницына, 1992: 234; Кузьмин, 2011: 33–34, 192–203]. От типологически предшествующих тагарских курганов т. н. «лепешкинского» этапа, в том числе эпонимного кургана у с. Лепёшкино, его отличают не только особенности конструкции, но и полное отсутствие предметов в зверином стиле, ПНН, «штандартов» [Вадецкая, 1986: 118; Кузьмин, 2011: 31–33, 38, 40, 43–45, 55–58; Герман, Субботин, Боброва, 2023: 142–144]. Соответствуют указанным критериям отнесенные к раннетесинским курганы Маяк, к. 8, Большое Русло, Степновка-II, к. 1, Чалпан-I, к. 1 и к. 2, Лисий (склеп «а»), Тогр-Таг, к. 1, Летник-II, к. 4 мог. 1, Новый Сарагаш, Разлив-I, к. 3, мог. 2 (впускное погр.) [Кузьмин, 2011: 33–34, 199–203, 251–300], а также, судя по инвентарю, склепы в курганах у с. Сухобузимское, у д. Карымское, у д. Татарская [Вадецкая, 2022], в кургане Шинное Кладбище-1 [Виноградов, 2022].

Рис. 1. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Вид с востока
Fig. 1. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. View from the east

Рис. 2. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Фрагменты: 1 — плетенка из луба (?), черепа и развалы сосудов (н. № 123, № 157) у северной стенки (вид с севера); 2 — плетенка из луба (?), кости и развалы сосудов (н. № 199, № 200) у северо-восточного угла (вид с запада)

Fig. 2. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. Fragments: 1 — bast wickerwork (?), skulls and broken vessels (No. 123, No. 157) near the northern side (view from the north); 2 — bast wickerwork (?), bones and broken vessels (No. 199, No. 200) near the north-eastern corner (view from the west)

Рис. 3. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30: 1 — кости и погребальный инвентарь на материковом затеке у южной стенки ямы, вид с северо-запада); 2 — скелет Б5 с керамическим сосудом (н. № 53) и бронзовым зеркалом (н. № 54), вид с запада; 3 — скелеты Б1, Б2, фрагмент скелета Б2а, бронзовый чекан (н. № 171), два бронзовых ножа (н. № 172), вид с запада

Fig. 3. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound: 1 — bones and grave goods on the talus near the southern wall of the pit, view from the north-west); 2 — skeleton B5 with a ceramic vessel (No. 53) and a bronze mirror (No. 54), view from the west; 3 — skeletons B1, B2, fragment of skeleton B2a, bronze pick-axe (No. 171), two bronze knives (No. 172), view from the west

Зачистка костей погребенных на дне склепа показала, что их сохранность в большинстве случаев не позволяет без полного разрушения отделить их друг от друга и от тлена досок пола, хотя в нескольких местах они перемежались циновками, плетеными из луба (?); кости и находки залегают как под этой плетенкой, так и на ней (рис. 2). Кости лежали в три-четыре слоя, они спеклись в единую массу и зачистить отдельные фрагменты тел в сочленении удавалось в единичных случаях. Многие кости уже рассыпались в прах (рис. 3.-2). В тех случаях, когда открывались не отдельные кости, а фрагменты скелетов в сочленении, их фиксация была возможна у стенок ямы, поскольку здесь они быстро перекрывались осыпями материкового галечника. Так, около северной стенки ямы были зафиксированы три головы (черепа с нижними челюстями) и два глиняных сосуда, уложенные в ряд на плетенку (рис. 2.-1), у западной стенки — два изначально неполных скелета с бронзовым инвентарем (рис. 3.-3), у южной стенки под мощным слоем осыпи — целый скелет человека, захороненного с бронзовым зеркалом и глиняным сосудом (рис. 3.-2). Этот последний скелет был перекрыт плетенкой и материковыми натеками, на которых залегают кости и артефакты, затоптанные и растащенные при неоднократных актах подхоронения (зафиксированы на первом этапе зачистки, рис. 3.-1). Отсюда, с южной стороны, где у края ямы размещалась ритуальная площадка (см. ниже), скорее всего, заносили останки с поверхности.

При зачистке на всей площади можно было проследить, что захоранивались не целые тела или скелеты, а их фрагменты, поскольку открывающиеся кости не находили своего анатомического продолжения. При этом сопроводительный инвентарь залегал в относительном порядке. Зачищены многочисленные развалы керамических сосудов, на которых и под которыми фиксировались разрозненные человеческие кости или останки частей трупов (рис. 2, 3.-2, 4). Зафиксированы комплекты бронзовых предметов (зеркало — нож — шило, кинжал — нож, кинжал — чекан, комплекты парных пирамидок и т. п.) (рис. 5). Все это свидетельствует об отсутствии намеренного вмешательства в положение останков после их захоронения.

Рис. 4. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Развалы сосудов. 1 — н. №200; 2 — н. №99, бронзовый чекан н. №100; 3 — н. №92, бронзовый кинжал н. №91; 4 — н. №66, 67, бронзовое зеркало н. №65; 5 — н. №118; 6 — н. №116, бронзовый кинжал н. №117

Fig. 4. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 mound. Discarded vessels. 1 — item No. 200; 2 — item No. 99, bronze pick-axe No. 100; 3 — item No. 92, bronze dagger No. 91; 4 — items Nos. 66, 67, bronze mirror No. 65; 5 — item №118; 6 — item №116, bronze dagger №117

Рис. 5. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. Комплекты бронзовых предметов.
 1 — зеркало (н. № 216) и нож (н. № 215); 2 — кинжал и нож (н. № 93); 3 — нож и зеркало
 (н. № 188); 4 — кинжал и нож (н. № 225)

Fig. 5. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. Sets of bronze artifacts.
 1 — mirror (№ 216) and knife (№ 215); 2 — dagger and knife (№ 93); 3 — knife and mirror (№ 188);
 4 — dagger and knife (№ 225)

Понять характер захоронения человеческих останков в склепе помогает уникальная ситуация у восточной стенки могилы. В этом месте после совершения на дощатом полу нескольких захоронений произошел мощный обвал материковой гальки. Образовавшийся выступ высотой около метра был обнесен тыном или лубяными циновками, а на его поверхности продолжали совершать захоронения. Таким образом сформировались два уровня захороненных останков, каждый практически в один слой, которые можно было зачистить. Наверху уступа были совершены захоронения 11–12 фрагментов человеческих тел, включая один почти целый труп (рис. 6.-1), а внизу, на дощатом полу сруба — захоронения двух неполных тел, отдельных фрагментов конечностей и трех голов (череп с нижней челюстью) (рис. 6.-2).

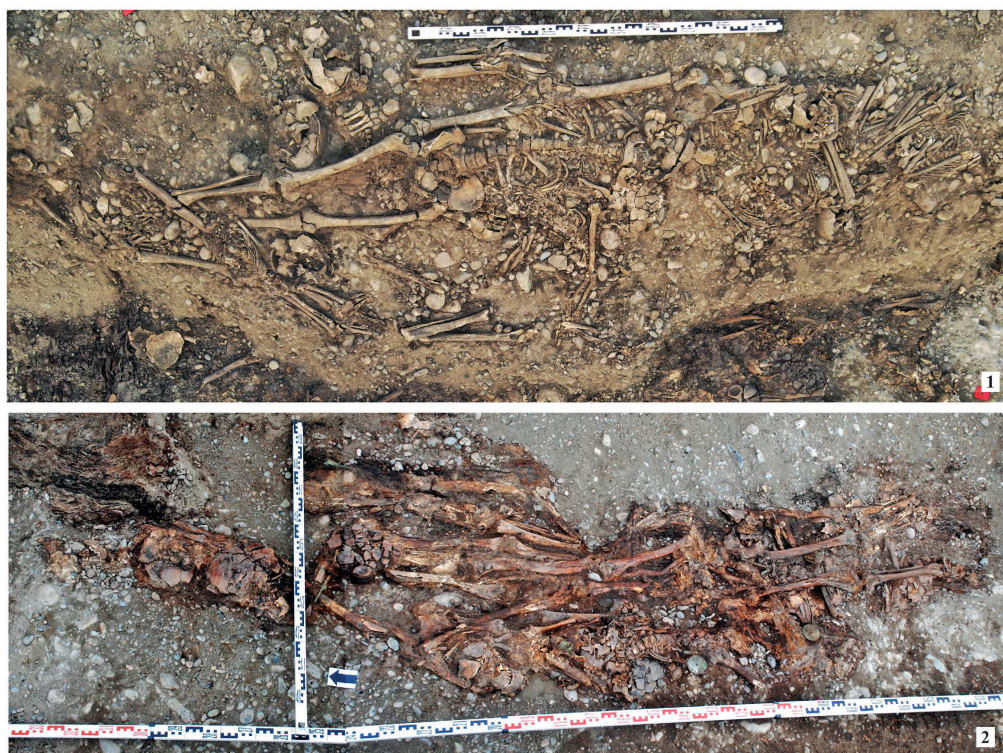

Рис. 6. Захоронение в склепе кургана Аршаново-30. 1 — человеческие останки на поверхности материкового оползня у восточной стенки, вид с запада; 2 — человеческие останки на полу склепа под материковым оползнем у восточной стенки, вид с запада
 Fig. 6. Burial in the crypt of the Arshanovo-30 burial mound. 1 — human remains on the surface of the talus near the eastern wall, view from the west; 2 — human remains on the floor of the crypt under the talus near the eastern wall, view from the west

Таким образом, укладывавшиеся в склеп человеческие останки уже были фрагментированными, что позволяет говорить об их предварительном разложении или, что менее вероятно, расчленении (нами была обнаружена только одна рассеченная длинная кость — бедренная: два фрагмента на затоптанной площадке у южной стенки ямы, рис. 3.-1). Исследователи раннетесинских склепов отмечают крайне неудовлетворительную сохранность и фрагментированность останков на дне могил, однако прийти к выводу о намеренном захоронении здесь фрагментов человеческих тел не позволяла высокая степень разрушения погребений грабителями. В нашем случае этот фактор отсутствует.

Интерпретация свидетельств погребального обряда

125 лет назад в статье «Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма» выдающийся русский ученый Александр Андреевич Спицын писал: «Если признать вероятным, что трупы до погребения в склепах предварительно помещались на бо-

лее или менее продолжительное время вне их, например хотя бы на таких деревянных подмостках, как у некоторых современных инородцев Сибири, то в данном обряде нельзя не видеть следов влияния учения Зороастра, выродившегося на сибирской почве в шаманизм» [Спицын, 1899: 140]. Основанием для такого предположения послужили полевые наблюдения А. В. Адрианова и Д. А. Клеменца при раскопках тагарских и таштыкских курганов. Спицын указывал: «...В склепы сносились не одни кости без мяса и сухожилий, так как отдельные части костяков в них нередко имеют и правильное расположение. Г. Адрианов замечал, что иногда кости, находясь в ямах, имеют следы выветривания, и что нередко количество черепов не соответствует числу других костей скелета»³. Данные дореволюционных раскопок были подтверждены в советское время на материалах поздних сарагашенских и особенно тесинских памятников, в которых многократно фиксировались парциальные захоронения. Наиболее раннее захоронение эскарнированных костей (женщины и подростка) было обнаружено под полом сруба сарагашенской могилы 3 кургана Новомихайловка 1 (могила 3а) [Кузьмин, 1994: 17]. Инвентарь обеих могил относит их к поздним сарагашенским, но не «лепешкинским» памятникам [см. Кузьмин, 1994: рис. 15–20] (рис. 7.-1). Массовые захоронения фрагментов человеческих тел зафиксированы при раскопках впускных погребений 3 и 6 в раннетесинский курган 8 мог. Маяк под Саяногорском [Кузьмин, 2011: табл. 10, 11, Приложение 5] (рис. 7.-2). Судя по найденным в этих могилах глиняным сосудам [Кузьмин, 2011: табл. 14], они относятся к раннетесинскому времени. Не затронутые грабителями тесинские могилы более позднего периода демонстрируют несомненные случаи захоронения отдельных частей человеческих тел [Кузьмин, 2011: 166–167].

Эти останки сегодня интерпретируются как следствие искусственной эскарнации либо естественного разложения во «временных могилах», где трупы умерших «хранились долгое время» в ожидании теплого времени года или установленной ритуалом даты [Кузьмин, 2011: 166–170]. Идея А. А. Спицына об обряде выставления трупов согласно «учению Зороастра» оказалась прочно забытой, хотя еще в 1980-х гг. Н. Ю. Кузьмин предлагал обратиться к материалам среднеазиатских оссуарных захоронений в поисках объяснения особенностей тесинского погребального обряда [Кузьмин, 1982; 1984]. Мнение Н. Ю. Кузьмина, крупнейшего исследователя тесинских древностей, постепенно изменялось. В 1994 г. он объяснял появление в сарагашенский период захоронений полуразложившихся трупов и очищенных костей «распространением

³ Любопытно, что С. И. Руденко [1960: 313–314] выдвинул версию о намеренном выставлении трупов на поверхности земли в раннетагарское время, причем с погребальным инвентарем: «Я предполагаю, что захоронению в грунтовых ямах предшествовало труположение на поверхности земли. Вместе с трупом умершего ... клались вещи, принадлежавшие покойникам. Трупы нередко, по-видимому, тревожили хищники, а большинство вещей после захоронения останков в грунтовых могилах оставались на месте. Во время моих раскопок... был вскрыт ряд заведомо непотревоженных вторичных погребений, причем в них нередко кости скелета лежали в полном беспорядке, иногда отсутствовали части скелета..., в то время как остальные кости скелета лежали в анатомическом порядке». Так он объяснял «невероятно большое» количество случайных находок тагарских бронзовых вещей. Последующие исследования показывают, что исследователь имел дело, скорее всего, с костяками, потревоженными при подхоронениях, а не с парциальными останками.

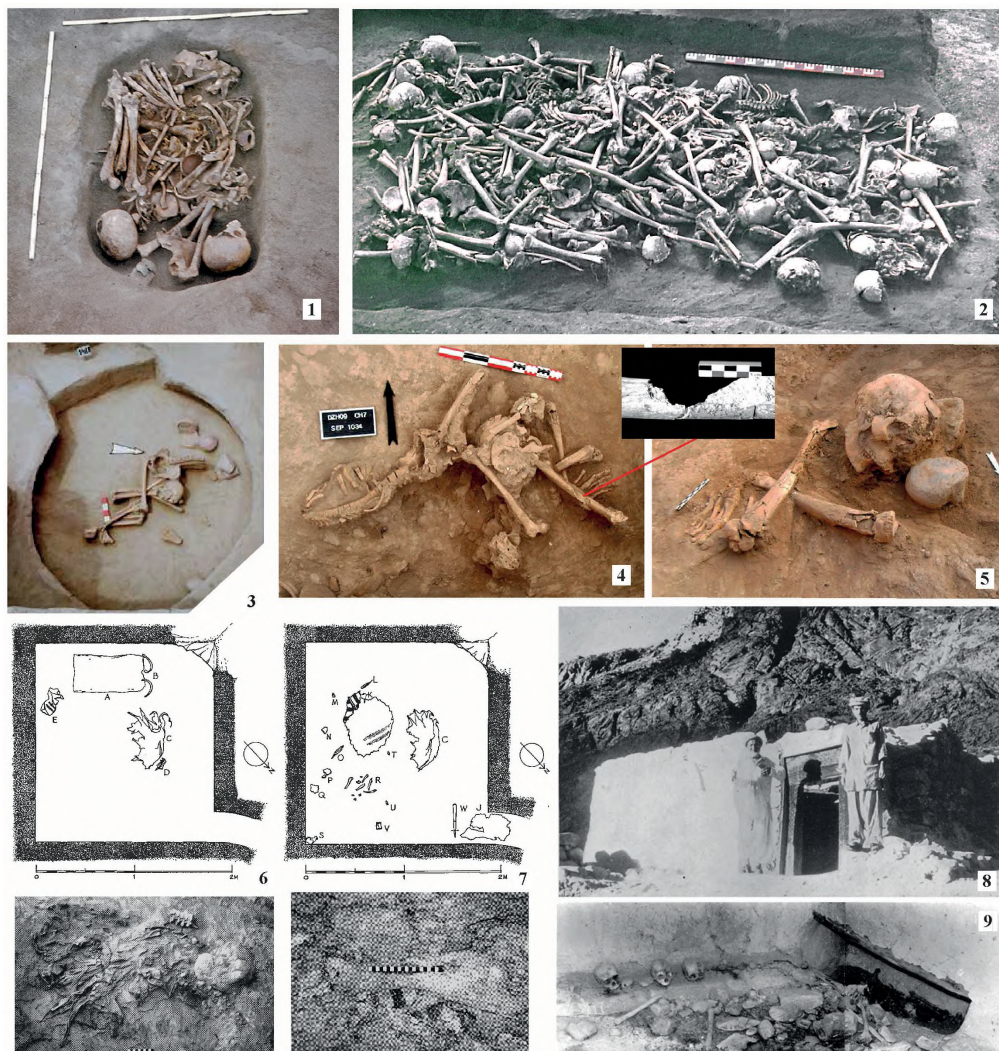

Рис. 7. Захоронения фрагментов человеческих тел. 1 — курган Новомихайловка 1, мог. 3а (эскарпированные кости); 2 — курган Маяк 8, мог. 6; 3 — могильник Бустон VI (Узбекистан), мог. 140; 4, 5 — пос. Джаркутан (Узбекистан), погр. 1034, две стадии зачистки, погрыз на бедренной кости; 6, 7 — Шахр-и Кумис (Иран), захоронение в помещении 23, стадии зачистки I и III; 8, 9 — «дом мертвых» у дер. Бубур (Гилгит-Балтистан), общий вид, вид нижней камеры. Источники в тексте статьи

Fig. 7. Burials of human body fragments. 1 — Novomikhaylovka mound 1, grave 3a (escarpment bones); 2 — Mayak mound 8, grave 6; 3 — Buston VI burial ground (Uzbekistan), grave 140; 4, 5 — Jarkutan settlement (Uzbekistan), burial 1034, two stages of cleaning, gnaw on a femur; 6, 7 — Shahr-i Qumis (Iran), burial in room 23, cleaning stages I and III; 8, 9 — «house of the dead» near the village of Bubur (Gilgit-Baltistan), general view, view of the lower chamber. Sources in the text of the article

верований, близких зороастризму» [Кузьмин, 1994: 33–34], однако впоследствии не распространял этот вывод на тесинские парциальные погребения, предпочитая рассматривать их в свете идеи о «шаманистских» корнях религиозно-мировоззренческих представлений тесинского общества [Кузьмин, 2011: 235].

Тем не менее именно идея о проникновении в Минусинскую котловину на исходе «скифского» времени комплекса религиозных представлений из Турана должна считаться рабочей гипотезой для объяснения массовых захоронений фрагментов человеческих тел и отдельных костей, примером которых является навал останков, обнаруженный нами в склепе кургана Аршаново-30. Это направление поиска нужно считать ведущим, поскольку именно в Средней Азии (в отличие от Сибири или Алтая) подобные традиции во II–I тыс. до н. э. развивались в различных izvodaх; в основе обряда выставления трупов лежали представления древних индоиранских племен о вознесении души на небеса [Boys, 1996: 113–114]. Изучению материальных свидетельств погребальной практики древнего маздаизма посвящена обширная литература [Иностранцев, 1909; Раппопорт, 1971; Литвинский, 1972: 199–210; Мейтарчиян, 1999: 55–95; Huff, 2004; Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев, 2008: 39–50]. Влиянием маздаизма, по мнению П. К. Дашковского, объясняется появление вторичных захоронений в памятниках скифского времени как на Алтае (пазырыкская культура), так и на сопредельных территориях [Дашковский, 2011: 124]. П. К. Дашковский связывает с иранскими религиозными традициями обычай препарирования тела и изготовления куклы-манекена на основе костей покойника, который наиболее полно фиксируется на материалах тесинских коллективных погребений [Там же].

Древнейшие погребения фрагментов человеческих тел, отпавших по естественным причинам, открыты в могильнике Бустон (Бустан) VI на юге Узбекистана: это более 30 могил с инвентарем, относящихся к середине — второй половине II тыс. до н. э. [Аванесова, 2013: 62–73] (рис. 7.-3). На поселении Джаркутан обнаружены «вторичные» захоронения фрагментов человеческих тел, которые датируются началом раннего железного века — XIII–XI вв. до н. э. по данным радиоуглеродного датирования; на костях выявлены следы погрызов хищных животных [Bendezu-Sarmiento, Lhuillier, Mustafakulov, Rakhimov, 2015: 29–34] (рис. 7.-4–5). «В VI–IV вв. до н. э. в Северной Бактрии бытовал способ захоронения предварительно очищенных костей без погребального сооружения. Человеческие кости обнаружены внутри поселений и за их пределами, что свидетельствует о закономерном характере данного погребального обряда, возможно, связанного с выставлением трупов» [Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев, 2008: 44]. Погребения в оссуариях, связанные с распространением маздаистской доктрины на север, зафиксированы в Южном Приаралье начиная с IV в. до н. э., в Присарыкамьшской дельте были случаи захоронения очищенных костей в некоторых курганных погребениях, «свидетельствующие об обрядовом и религиозном синкретизме» [Хожаниязов, Хакимниязов, 2020]. К концу I тыс. до н. э. относятся самые ранние «безоссуарные» захоронения костных останков (как считается, после обряда выставления) в крупных погребальных камерах («дахмаках») и в наземных строениях-наусах на территории бывшей Северной Бактрии [Мейтарчиян, 1999: 59–63]. Уникальный случай раскопок одиночной могилы сасанидского времени (VI в.) на северо-востоке Ирана

показывает, что зороастрийский погребальный обряд предполагал возможность компактного погребения разрозненных останков покойного вместе с личным инвентарем [Hansman, Stronach, 1970]. Согласно предложенной реконструкции кости человека (найдено 140 фрагментов) после выставления были помещены в кожаный контейнер, завернуты в отрезки ткани и положены на войлочную циновку в одном из помещений заброшенной парфянской постройки вместе с золотой монетой, железным ножом и костями лошади (рис. 7.-6–7). Древние погребальные практики, восходящие к маздаистскому наследию Турана, до последних лет сохранялись в верховьях Инда (долина Пуньял, Гилгит-Балтистан). Здесь, в селении Бубур, Карл Йеттмар в 1964 г. осмотрел «дом мертвых», представлявший, как считал исследователь, воплощение автохтонных культовых традиций доисламского времени [Jettmar, 1967: 68–71] (рис. 7.-8–9). Это сооружение состоит из двух этажей. Значение верхнего, наземного этажа не поясняется. Судя по аналогии с открытыми сооружениями такого рода (см. ниже), здесь проводились поминальные обряды. В нижнем (по словам информатора) помещении на пол укладывались тела покойных до их полного разложения. После этого черепа устанавливали на полоть (суфу) вдоль задней стены, а остальные кости задвигали в ниши деревянной лопатой: в правые ниши — кости мужчин, в левые — женщин. По сообщению К. Йеттмара, подобные погребальные камеры, верхняя секция которых представляет обнесенную стеной площадку, на которой проводились поминальные обряды, существовали и в других селениях Пуньяла. Вполне возможно, что среднеазиатские «курумы» — наземные вместилища человеческих останков — также использовались для выставления тел и операций с их фрагментами [Литвинский, 1972: 209–210].

Эти примеры говорят о долговременном развитии и разнообразии обрядовой практики при сохранении главного принципа — выставление тела умершего на поверхность земли с целью облегчения перехода его души на небеса и захоронение разложившихся останков. Мэри Бойс придерживалась мнения, что зороастрийская доктрина (зафиксированная в «Хадухт-наске» [см. перевод Мейтарчян, 1999: 31]) о пребывании души умершего на земле около тела в течение трех дней до перехода ее на небеса восходит к глубокой древности и могла оказать влияние на появление и характер обряда выставления мертвых [Boys, 1996: 114, 121, 328]. Скорее всего, до-зороастрийские верования не предполагали нахождения останков умершего на поверхности в течение года (!), как того требует «Видевдат» [Vd. 7.46, см. Ртвеладзе, Саидов, Абдуллаев, 2008: 149], поэтому захоронения фрагментов или еще почти целых тел (в зависимости от условий местности, погоды и времени года) осуществлялись вскоре после проведения обрядов, облегчающих переход души в иной мир. Так в хранилища наряду с разрозненными костями попадали неразложившиеся фрагменты или даже почти целые тела.

Ритуальные площадки-платформы

Серьезным аргументом в пользу предположения о сложении тесинского погребального обряда под влиянием туранского маздаизма является наличие в раннетесинских курганах (в том числе и в кургане Аршаново-30) близ края основной могилы монументальных помостов из каменных плит и дерева, которые могли использоваться как площадки для выставления трупов.

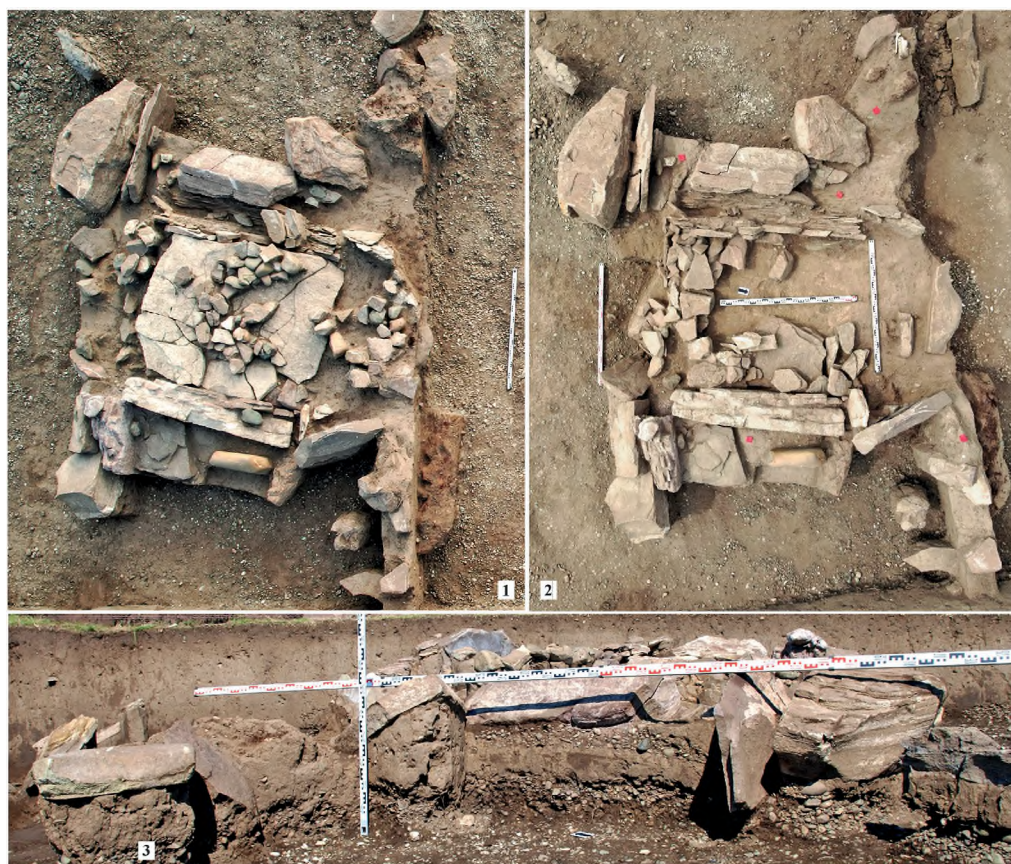

Рис. 8. Курган Аршаново-30. Ритуальная площадка (платформа) у южного края склепа. 1 — общий вид с востока; 2 — вид с востока после снятия горизонтальной плиты, грунтовой забутовки под ней и зачистки опорной каменной кладки; 3 — вид с запада на вкопанные плиты обрамления и материковый выкид из траншеи для их установки

Fig. 8. Arshanovo-30 mound. Ritual platform at the southern edge of the crypt. 1 — general view from the east; 2 — view from the east after removing the horizontal slab, the soil backfill underneath it and cleaning the supporting stonework; 3 — view from the west of the dug-in framing slabs and the dumping from the trench for their installation

При раскопках кургана Аршаново-30 выявилось, что не более чем в 3 м от середины южного борта могильной ямы склепа, в проходе, образованном западным и восточным материковыми выкидами, на уровне древнего горизонта была сооружена каменная площадка (рис. 8.-1). Ее основу составляла каменная плита размерами около 1,5×1,5 м, уложенная на опорные камни и грунтовую подсыпку мощностью до 0,3 м с целью обеспечить надлежащий уровень ее поверхности (рис. 8.-2). С запада и востока эту плиту обрамляли вкопанные в материк вертикальные плиты (с юга, видимо, была установлена такая же плита, но впоследствии она была извлечена, прослежен ровик для ее установки). Выкиды материкового щебня из ровиков для установки плит зафиксированы

на поверхности погребенной почвы (рис. 8.-3). С севера, со стороны склепа, по сторонам площадки были установлены небольшие камни, символически обозначавшие проход к могиле. Между площадкой и могильной ямой под фрагментом бревна перекрытия ямы были зачищены останки головы взрослого человека⁴.

Тщательное исследование каменной конструкции показывает, что ее главным элементом была платформа — каменная плита, уложенная на подсыпку и опорные камни с небольшим наклоном к могиле. Очевидно, что площадку невозможно рассматривать как конструктивный элемент реального «входа» в склеп. А ведь подобные сооружения у других раннетесинских склепов без каких-либо оснований принято называть «входами» и даже дополнять на реконструкциях несуществовавшими стенами и потолком [Кузьмин, 2011: 76, рис. 11, 12]. Непредвзятое изучение данных полевых исследований показывает, что около склепов раннетесинских курганов на древнем горизонте фиксировались именно аналогичные платформы, составленные либо из камней, либо из камней и дерева: Большое Русло (горизонтальная плита 1,5×1,5 м на высоте 20 см, обрамленная бревнами, надстроена еще на 30 см земляной досыпкой для укладки плиты меньшего размера) (рис. 9.-1-4), Чалпан 1, к. 2 (горизонтальная плита 1×1,5 м на высоте около 30 см, обрамленная вертикальными плитками) (рис. 9.-5), Чалпан 1, к. 1 (площадка из деревянных плах на высоте 30 см, обрамленная вертикальными плитками) (рис. 9.-6), Тогр-Таг (площадка полуразрушена при сооружении впускной могилы 2, *in situ* сохранились вкопанные плитки обрамления, горизонтальная плита размерами в плане 2×1,5 м отвалена в сторону) (рис. 9.-7-10) [Zubkov, 2003: Abb. 5-7, 28; Кузьмин, 2011: табл. 81, 93-95, Приложение V].

Все эти площадки, как и исследованная в кургане Аршаново-30, возвышались над уровнем земли и имели дополнительное обрамление. В совокупности с данными о захоронении в склепах фрагментов тел и отдельных человеческих костей их нужно рассматривать как места для выставления трупов («дахма»), которые позволяли отделить на время мертвое («нечистое») тело от земли (приподнятая над окружающей поверхностью каменная или деревянная платформа), а также за счет обрамляющих вертикальных плит минимизировать растаскивание костей. Как предполагается, древнейшая платформа для выставления трупов — каменный настил 2×3 м в плане, приподнятый на 30 см от древнего горизонта, — исследована в южном Узбекистане на могильнике Бустон VI второй половины II тыс. до н. э. [Аванесова, 2013: 512, 519].

⁴ Череп, нижняя челюсть, атлант. Голова могла быть захоронена намеренно или откатиться с площадки в результате разложения трупа; между площадкой и ямой на уровне древнего горизонта собраны разрозненные человеческие кости

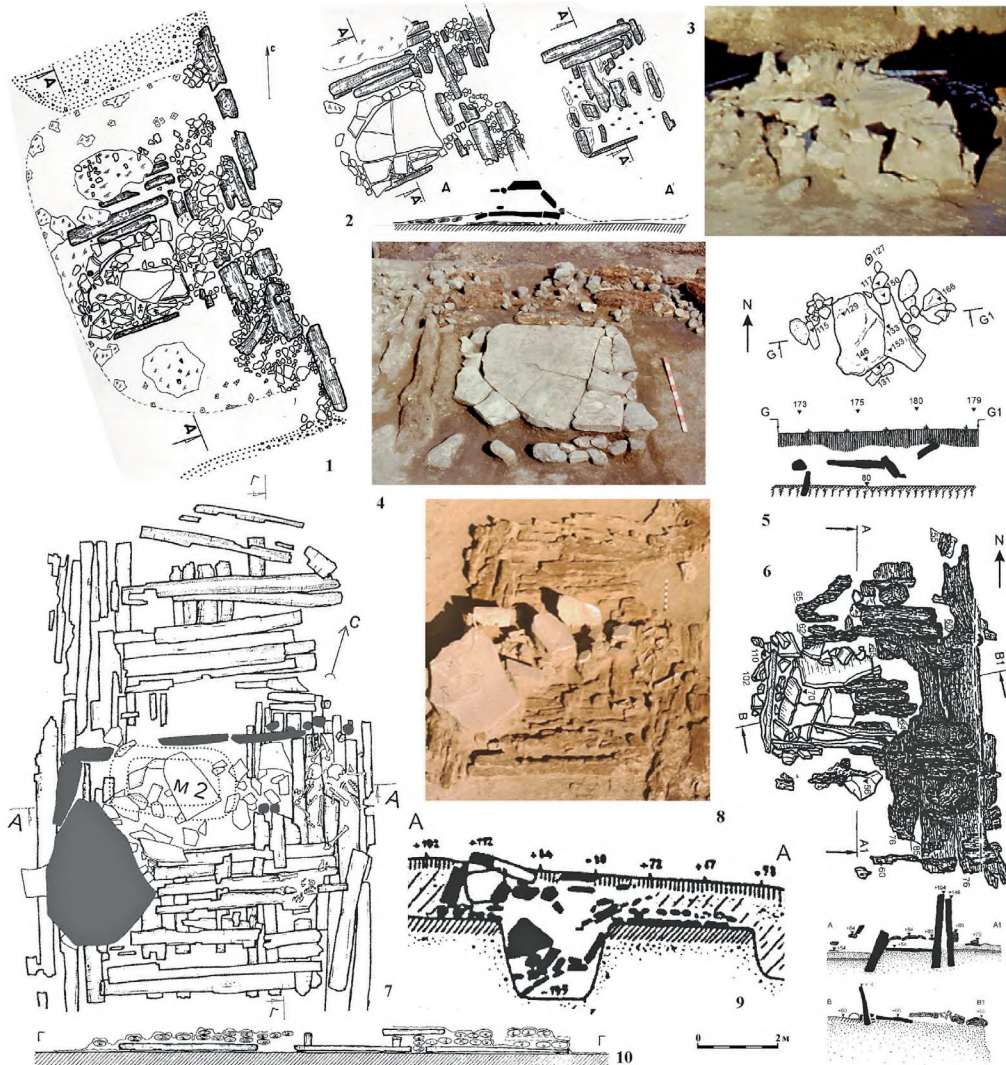

Рис. 9. Ритуальные площадки (платформы) у раннетесинских склепов. 1–4 — курган Большое Русло: 1, 2 — планы на последовательных стадиях зачистки и разрез, 3 — вид на надстроенную платформу с запада, 4 — вид на первоначальную платформу с запада; 5 — курган Чалпан 1–2, план и разрез платформы; 6 — курган Чалпан 1–1, план и разрезы платформы; 7–10 — курган Тогр-Таг: 7 — план конструкций на западном краю могильной ямы, серой заливкой отмечены вертикальные плиты обрамления, деревянные столбики и сдвинутая горизонтальная плита, 8 — общий вид конструкций с юга (в середине камни в заполнении впускной могилы 2, за ними плиты обрамления площадки), 9, 10 — разрезы.

Источники в тексте статьи

Fig. 9. Ritual sites (platforms) near the Early Tes' crypts. 1–4 — Bolshoe Ruslo mound: 1, 2 — plans at successive stages of cleaning and section, 3 — view of the secondary platform from the west, 4 — view of the original platform from the west; 5 — Chalpan 1–2 mound, plan and section of platform; 6 — Chalpan 1–1 mound, plan and sections of platform; 7–10 — Togr-Tag mound: 7 — plan of construction at the western edge of the burial pit, grey wash indicates vertical plating, wooden posts and a shifted horizontal plate, 8 — general view of construction from the south (in the middle, stones in the filling of the crypt 2, behind them are the plating plates of the platform), 9, 10 — sections.

of the platform; 6 — Chalpan 1–1 mound, plan and sections of the platform; 7–10 — Togr-Tag burial mound: 7 — plan of structures on the western edge of the burial pit, vertical framing slabs, wooden poles and a shifted horizontal slab are marked in grey, 8 — general view of structures from the south (in the middle, stones in the filling of the secondary grave 2, behind them, framing slabs of the platform), 9, 10 — sections. Sources in the text of the article

Заключение. Причины и датировка религиозной трансформации в тагарском обществе

То, что переход от сарагашенской к тесинской погребальной обрядности был следствием глобальной религиозной трансформации, а не эволюционного развития тагарского общества, подчеркивает самая яркая, бросающаяся в глаза особенность состава инвентаря раннетесинских захоронений: в них полностью отсутствуют предметы, выполненные в скифо-сибирском зверином стиле. По сравнению с предшествующим периодом это настолько необычно, что позволяет говорить о религиозном запрете изображений, характерных для традиционного языческого культа. Отдельные находки предметов с изображениями в «зверином стиле» известны из более поздних тесинских памятников и, как правило, связаны с культурой хунну (элементы поясной гарнитуры). Отсюда обычно делается вывод о влиянии на формирование тесинских погребальных традиций экспансии хунну, вызвавшей активные перемещения центральноазиатских племен [Кузьмин, 2011: 238–239]. Однако памятники средне- и поздне-тесинского времени, в инвентаре которых явно влияние культуры хуннской империи (железные кинжалы и ножи с кольцевыми навершиями, бронзовые ложечковидные окончания ремешков, ажурные пряжки и т. п.), как можно теперь утверждать, датируются как минимум на 100 лет позже, чем раннетесинские склепы.

Инвентарь наиболее ранних тесинских склепов, как и «лепешкиных» захоронений, содержит многочисленные бронзовые миниатюрные и уменьшенные копии предметов (кинжалы, чеканы, ножи, зеркала, шилья, «пирамидки»). В инвентарь склепа кургана Аршаново-30 входили 26 зеркал с центральной петелькой и три с боковой, 60 ножей, 24 кинжала, 23 чекана, 9 шильев, 15 «пирамидок». Типологически эти предметы соответствуют находкам в других раннетесинских склепах. Ближайшие аналогии они находят в курганах пазырыкской культуры Алтая, которая «может быть признана самой надежно датированной из всех для своей эпохи, так как целый пласт ее памятников получил календарные даты, благодаря построению дендрошкалы, привязанной к современности» [Чугунов, 2013: 99]. В пазырыкских комплексах найдены и уменьшенные копии, и полноразмерные предметы, аналогичные копиям из сарагашенских и раннетесинских склепов [Ковалев, 2025: 266–267, рис. 4, 5]. Соответствие в пазырыкском материале имеют ножи с петлевыми отверстиями, кинжалы с брусковидным и уплощенно-грибовидным навершиями, бабочковидным (включая слабовыраженное спрямленное) перекрестьем, плоской и рубчатой рукоятями, втульчатые и проушные чеканы с округлыми в сечении бойком и обушком (включая утолщенный обух). Все реальные ножи, кинжалы и чеканы, аналогичные найденным в аршановском склепе, датируются начиная с конца VI по IV в. до н. э., их вотивные копии — с V по III в. до н. э. [Кубарев, 1987; 1990; 1992; Кирюшин, Степанова, 2004: 57, 59–60, 74, Кубарев, Шульга, 2007:

74, 81–82, 87–89; Чотбаев, 2022]. Для курганов позднепазырыкского этапа юга Горного Алтая, откуда происходит большинство приведенных на нашем рисунке уменьшенных копий вооружения, согласно построенной на материалах их срубов абсолютной дендрошкале, получена узкая датировка в пределах последней трети IV — первой четверти III в. до н. э. [Слюсаренко, 2011: 248–249], причем можно заметить, что тесинские копии гораздо более точно передают формы кинжалов и чеканов, обычно относимых к V–IV вв. до н. э. Кроме того, в склепе кургана Аршаново-30, как и в других раннетесинских, а также в пазырыкских памятниках найдены разноразмерные копии кинжалов и чеканов, обычно разделяемые на «миниатюрные» и «уменьшенные». Поэтому «миниатюризация» вотивных изделий не может служить основанием для омоложения комплексов. Исходя из этого, дата склепа в кургане Аршаново-30 не должна выходить за пределы рубежа IV–III — начала III в. до н. э., близкие даты, видимо, имеют и другие раннетесинские памятники. Поздние сарагашенские курганы, где аналогичные бронзовые «уменьшенные» копии обнаружены вместе с тагарскими «штандартами», пин, ножами с трапециевидным окончанием, предметами в зверином стиле, должны смыкаться с ними во времени, поэтому целесообразно принять для них датировку IV — начало III в. до н. э.⁵

Это вывод подтверждают результаты радиоуглеродного датирования (AMS) двух образцов костей животных (челюсти КРС), залежавших в массе человеческих останков на дне склепа кургана Аршаново-30 (калибровка в программе OxCal v4.4.4.):

GV-04362 2271 ± 33 л. н.: 399 (42,1%) 349, 309 (53,4%) 207 гг. до н. э.;

GV-04363 2291 ± 33 л. н.: 406 (57,7%) 351, 295 (37,7%) 208 гг. до н. э.⁶

В тот же интервал укладываются современные радиоуглеродные даты (AMS), полученные по внешним годичным кольцам бревен из поздних пазырыкских курганов и использованные для привязки «плавающей» дендрошкалы: Пазырык-2 (2130 ± 40 л. н., 2170 ± 20 л. н.), Уландрык IV, курган 1 (2215 ± 25 л. н.; 2180 ± 25 л. н.) [Евразия в скифскую эпоху, 2005: 255–258].

Кроме того, в склепе кургана Аршаново-30 обнаружен кувшин типичной пазырыкской формы с орнаментом в виде полосы треугольных фестонов, заполненных ямочными вдавлениями. Аналогичные сосуды с такими же орнаментальными поясками были найдены в поздних пазырыкских комплексах, в том числе в кургане 11 могильника Барбугазы I [Кубарев, 1992: 126], в кургане 1 могильника Бийск II [Суразаков, 1988: 66] и как минимум в двух курганах (41 и 43) могильника Берель [Самашев, Онгар, Жунисханов, Киясбек, Кашкинбаев, Казырхан, 2013: 160; Калиева, Кунанбаева, 2013].

Таким образом, появление на Среднем Енисее новой погребальной обрядности, предполагающей массовое захоронение фрагментов человеческих тел и отдельных ко-

⁵ Предлагавшиеся ранее датировки лепешкинского этапа в пределах III–I вв. до н. э. основаны на традиционном мнении о поздней дате раннетесинских склепов и убеждении в том, что найденные в сарагашенских памятниках фаянсовые бусины могли появиться на Енисее почему-то только после освоения китайцами синьцзянского отрезка Шелкового пути [см.: Вадецкая, 1999: 153–154; Герман, Субботин, Боброва, 2023: 143–144].

⁶ Благодарим Центр коллективного пользования «Ускорительная масс-спектрометрия НГУ — Новосибирский научный центр» за проведение анализов.

стей, следует связывать с глобальной идеологической трансформацией, которая произошла под влиянием религии Турана в конце IV в. до н. э. Была ли эта индоктринация связана с приходом нового населения или она явилась следствием проповеди иноземного религиозного лидера?

Некоторые археологические данные свидетельствуют скорее о миграции группы населения из Средней Азии. Как отмечал Н. Ю. Кузьмин, отличительной чертой раннетесинской керамики является орнамент в виде поясков прочерченных треугольных фестонов, заполненных ямочными вдавлениями (курганы Большое Русло, Новосарага-шенский, Тогр-Таг, Чалпан 1, кург. 2) [Кузьмин, 2011: 201]. Как указывалось выше, сосуд с таким орнаментом типичной пазырыкской формы найден и в склепе кургана Аршаново-30, тот же орнамент украшает минимум четыре сосуда из курганов пазырыкской культуры. Ближайшие аналогии этому орнаменту представлены на сосудах из курганов кочевников северо-западного пограничья Хорезма (плато Устюрт), относящихся к концу VI — началу IV в. до н. э. (могильник Казыбаба I, группа III, курган 2 (3 сосуда), курган 4 (1 сосуд), группа VI, курган 4 (1 сосуд), курган 5 (1 сосуд) [Ягодин, Китов, Мамедов, Жамбулатов, 2022: 158–209, рис. 97]. Уникальными для раннетесинских склепов [Кузьмин, 2011: 202] являются также бронзовые подвески-пирамидки с отверстиями (в склепе Аршаново-30 их найдено 15 штук). Если считать их уменьшенными копиями реальных предметов наподобие миниатюрных кинжалов и чеканов, то их денотатами могут быть пирамидальные грузики для вертикального ткацкого станка, который был совершенно неизвестен в Сибири, в Восточной, Центральной, Внутренней Азии и мог проникнуть на Енисей только с территории Бактрии, где он вошел в обиход благодаря греческим переселенцам. Ближайший комплекс находок грузиков пирамидальной формы, типичных для Древней Греции, — нижние культурные слои Камыртепа (Александрия Оксиана) конца IV — начала III в. до н. э. [Ртвеладзе, 2017: 69]. Более определенный ответ о характере взаимодействия могут дать комплексные био-археологические исследования.

Благодарности и финансирование

Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда № 25–18–00424, <https://rscf.ru/project/25-18-00424>

Acknowledgements and funding

The work was carried out at the expense of the Russian scientific foundation (project No. 25-18-00424)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аванесова Н. А. Бустон VI — некрополь огнепоклонников доурбанистической Бактрии. Самарканд: изд. МИЦАИ, 2013. 640 с.

Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л.: Наука, 1986. 180 с.

Вадецкая Э. Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 440 с. (Archaeologica Petropolitana. Вып. 7).

Вадецкая Э. Б. Сухобузимский курган (новый взгляд на старые раскопки) // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск: «Литера-Принт», 2020. Вып. VI. С. 55–70.

Виноградов Д. А. Погребение тесинского времени в Красноярске (предварительное сообщение) // Евразия в энеолите — раннем средневековье. Инновации, контакты, трансляции идей и технологий: материалы Междунар. науч. конф. к 120-летию со дня рождения выдающегося исследователя древностей Южной Сибири и Центральной Азии Михаила Петровича Грязнова (1902–1984). СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 286–289.

Герман П. В., Субботин А. В., Боброва Л. Ю. Курган 29 Берёзовского могильника (раскопки М. Н. Пшеницыной 1981 года): к атрибуции позднеатагарских погребальных комплексов в лесостепном районе // Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН. 2023. № 29. С. 132–146.

Дашковский П. К. Мироззрение кочевников Саяно-Алтая и сопредельных территорий поздней древности и раннего средневековья (отечественная историография и современные исследования). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. 244 с.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология / ред. Г. И. Зайцева, Н. А. Боковенко, А. Ю. Алексеев, К. В. Чугунов, Е. М. Скотт. СПб.: Теза, 2005. 290 с.

Иностранцев К. А. О древне-иранских погребальных обычаях и постройках // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1909. Ч. 20. № 3. С. 95–121.

Калиева Ж. С., Кунанбаева Ш. Результаты технико-технологического анализа керамических коллекций Береля // Алтай — золотая колыбель тюркского мира: сборник материалов конференции. Усть-Каменогорск, 2013. С. 41–47.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 3: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуни. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. 282 с.

Ковалев А. А. Датировка и перспективы интерпретации раннетесинских коллективных захоронений (по материалам раскопок кургана Аршаново-30, Республика Хакасия) // Краткие сообщения Института археологии РАН. 2025. Dsg/281. С. 256–274.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 299 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2007. 282 с.

Кузьмин Н. Ю. Погребальные памятники хунно-сяньбийского времени в степях Среднего Енисея: Тесинская культура. СПб.: Айсинг, 2011. 456 с.

Кузьмин Н. Ю. Возможности интерпретации некоторых черт погребального обряда народов Сибири в гунно-сарматское время // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тезисы докладов. Иркутск, 1982. С. 108–110.

Кузьмин Н. Ю. К методике изучения погребального обряда тагарской культуры // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология: тезисы докладов. Кемерово, 1984. С. 148–151.

Кузьмин Н. Ю. Курган у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э. СПб., 1994. 60 с.

- Литвинский Б.А. Курганы и курумы Западной Ферганы. М.: Наука, 1972. 376 с.
- Мейтарчян М.Б. Погребальный обряд зороастрийцев. М.: Институт востоковедения РАН, 1999. 243 с.
- Пшеницына М.Н. Тесинский этап // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1992. С. 224–235 (Археология СССР).
- Раппопорт Ю.А. Из истории религии Древнего Хорезма (оссуарии). М.: Наука, 1971. 127 с. (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции VI)
- Ртвеладзе Э.В. Камыртепа-Александрия Оксианская: город-крепость на берегу Окса в эллинистическое и постэллинистическое время (конец IV в. до н. э. — I в. н. э.). Ташкент: Изд-во журнала «San'at», 2017. 144 с. (Материалы Тохаристанской экспедиции. Вып. X.).
- Ртвеладзе Э.В., Саидов А.Х., Абдуллаев К.В. Авеста «Закон против дэвов» (Видевдат). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 301 с.
- Руденко С.В. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 350 с.
- Самашев З., Онгар А., Жунисханов А., Киясбек Г., Кашкинбаев К.А., Казырхан М. Берел 2013. Новые исследования // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. Астана: Издательская группа ФИА им. А.Х. Маргулана в г. Астана, 2013. Т. II. С. 159–162.
- Слюсаренко И.Ю. Датирование скифских древностей Евразии: современные тенденции, достижения, проблемы, перспективы // Terra Scythica: материалы международного симпозиума. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 239–251.
- Спицын А.А. Коллективные могилы в верховьях Енисея и Чулыма // Записки императорского Русского археологического общества: новая серия. Труды отделения славянской и русской археологии. Санкт-Петербург: Типография И.Н. Скороходова, 1899. Т. 11. Вып. 1–2. С. 134–141.
- Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1988. 215 с.
- Хожаниязов Г., Хакимниязов Ж. Археологические памятники зороастризма в среднеазиатском междуречье (на материалах оссуарные находки в Южном Приаралье) // Universum: Общественные науки: электрон. научн. журн. 2020. № 5.
- Чотбаев А.Е. Новые материалы по вооружению ранних кочевников Казахского Алтая // Еуразиялық далалық өркениет: адам және тарихи-мәдени орта. Еуразия даласы археологиясы V халықаралық конгресінің материалдары (Түркістан қ., 11–14 қазан 2022 ж.) [Евразийская степная цивилизация: человек и историко-культурная среда: материалы V Международного конгресса археологии евразийских степей (г. Туркестан, 11–14 октября 2022 г.)]. Алматы: Түркістан: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2022. Т. II. С. 312–321.
- Чугунов К.В. Актуальные проблемы хронологии памятников эпохи ранних кочевников Центральной Азии и Сибири // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3. С. 97–102.

Ягодин В. Н., Китов Е. П., Мамедов А. М., Жамбулатов К. А. Степные племена на северо-западных границах Хорезма в VI–II вв. до н. э. — II–IV вв. н. э. (по материалам курганного могильника Казыбаба I). Самарканд: МЦАИ, 2022. 430 с.

Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Mustafakulov S., Rakhimov K. The Mortuary Practices of the Early Iron Age Populations: Recent Discoveries at Dzharkutan in Northern Bactria // Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies, International Institute for Central Asian Studies (Samarkand). 2015. Vol. 22. P. 26–45.

Boys M. A. History of Zoroastrianism. Volume one. The Early Period. Third impression with corrections. Leiden: E. J. Brill, 1996. 350 p.

Hansman J., Stronach D. A Sasanian repository at Shahr-i Qūmis // Journal of the Royal Asiatic Society. 1970. Vol. 102. Iss. 2: Studies in Honour of Sir Mortimer Wheeler. P. 142–155.

Huff D. Archaeological evidence of Zoroastrian funerary practices // Zoroastrian Rituals in Context. Leiden: E. J. Brill, 2004. P. 593–630 (Numen Book Series. Studies in the history of religions; Vol. 102).

Jettmar K. The Middle Asiatic Heritage of Dardistan. (Islamic Collective Tombs in Punyal and Their Background) // East and West. 1967. Vol. 17. No. 1/2. P. 59–82.

Zubkov V. S. Çalpan-1, ein Gräberfeld der Tes» — Stufe in Südchakassien // Eurasia Aniqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003. T. 9. P. 163–219 (на нем. языке).

References

Avanesova N. A. *Buston VI — nekropol' ognepoklonnikov dourbanisticheskoi Baktrii* [Buston VI — a necropolis of fire-worshippers of pre-urban Bactria]. Samarkand: International Institute of Central Asian Studies publ., 2013, 640 p. (In Russian).

Chotbayev A. Ye. *Novye materialy po vooruzheniyu rannikh kochevnikov Kazakhskogo Altaya* [New materials on the armament of the early nomads of the Kazakh Altai]. *Eýraziyalýq dalalyq órkeniet: adam jáne tarihi-mádeni orta. Eýrazia dalasynyń arheologiasy V halyqaralyq kongresiniń materialdary (Türkistan q., 11–14 qazan 2022 j.)* [Eurasian steppe civilization: human and the historical and cultural environment. Proceedings of the 5th International Congress of Archaeology of the Eurasian Steppes]. Almaty: Türkistan: Ә. ҚН. Марғұлан ат. Археология институты, 2022, vol. 2, pp. 312–321 (in Russian).

Chugunov K. V. *Aktual'nye problemy khronologii pamyatnikov epokhi rannikh kochevnikov Tsentral'noi Azii i Sibiri* [Current problems of the chronology of early nomads sites of Central Asia and Siberia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2013, no. 3, pp. 97–102 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Mirovozzrenie kochevnikov Sayano-Altaya i sopredel'nykh territorii pozdnei drevnosti i rannego srednevekov'ya (otechestvennaya istoriografiya i sovremennye issledovaniya)* [The worldview of the nomads of Sayano-Altai and adjacent territories of late Antiquity and the Early Middle Ages (Russian historiography and modern research)]. Barnaul: Altai University publ., 2011. 244 p. (In Russian).

German P. V., Subbotin A. V., Bobrova L. Yu. *Kurgan 29 Berozovskogo mogil'nika (raskopki M. N. Pshenitsynoi 1981 goda): k atributsii pozdnetagarskikh pogrebal'nykh kompleksov v lesostepnom rayone* [Mound No. 29 of the Berezovsky burial ground (excavations by

M. N. Pshenitsyna in 1981): towards the attribution of late Tagar burial complexes in the forest-steppe region]. *Zapiski Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii Nauk* [Notes of the Institute of the History of Material Culture of the RAS]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2023, no. 29, pp. 132–146 (in Russian).

Inostrantsev K. A. O drevne-iranskikh pogrebal'nykh obychayakh i postroikakh [About ancient Iranian funeral customs and buildings]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of Public Education. New series]. 1909, vol. 20, no. 3, pp. 95–121 (in Russian).

Kaliyeva Zh. S., Kunanbayeva Sh. Rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramicheskikh kollektzii Berelya [Results of technical and technological analysis of ceramic collections of Berel]. *Sbornik materialov konferentsii «Altai — zolotaya kolybel' tyurkskogo mira»* [Papers on the conference «Altai — the golden cradle of the Turkic world»]. Ust'-Kamenogorsk, 2013, pp. 41–47 (in Russian).

Khozhaniyazov G., Khakimniyazov Zh. Arkheologicheskie pamyatniki zoroastrizma v sredneaziatskom mezhdurech'e (na materialakh ossuarnye nakhodki v Yuzhnom Priaral'ye) [Archaeological monuments of Zoroastrianism in the Central Asian interfluvium (based on ossuary finds in the Southern Aral Sea region)]. *Universum: Obshchestvennyye nauki: elektronnyi nauchnyi zhurnal* [Universum: Social Sciences: electronic scientific journal]. 2020, no. 5. (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Chast' 3: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni* [Scythian era of Gorny Altai. Part 3: Burial complexes of the Scythian time of the Middle Katun]. Barnaul: Altai State University publ., 2004, 282 p. (In Russian).

Kovalev A. A. Novye perspektivy interpretatsii i datirovki rannetesinskikh kollektivnykh zakhoronenii (po materialam raskopok kurgana Arshanovo-30, Respublika Khakasiya) [New Prospects for Interpretation and Dating of Early Tes' Mass Graves (Based on Excavation Results of the Arshanovo-30 Burial Mound, Republic of Khakassia)]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii Rossiiskoi Akademii Nauk* [Brief Reports of the Institute of Archaeology of the RAS], 2025, iss. 281, pp. 256–274 (in Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Sailyugema* [Saylyugem burial mounds]. Novosibirsk: Nauka, 1992, 220 p. (In Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka* [Ulandryk burial mounds]. Novosibirsk: Nauka, 1987, 299 p. (In Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Yustyda* [Yustyd burial mounds]. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (In Russian).

Kubarev V. D., Shul'ga P. I. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (Chuya and Ursul burial mounds)]. Barnaul: Altai State University publ., 2007, 282 p. (In Russian).

Kuz'min N. Yu. K metodike izucheniya pogrebal'nogo obryada tagarskoi kul'tury [On the methodology of studying the burial rite of the Tagar culture]. *Skifo-sibirskii mir. Iskusstvo i ideologiya. Tezisy dokladov* [Scythian-Siberian world. Art and ideology. Abstracts]. Kemerovo, 1984, pp. 148–151 (in Russian).

Kuz'min N. Yu. *Kurgan u derevni Novomikhailovka. Problemy izucheniya kul'tury stepnykh plemen Eniseya V–III vv. do n. e.* [Mound near the village of Novomikhaylovka. Problems of studying the culture of the steppe tribes of the Yenisei in the 5th-3rd centuries BC]. St. Petersburg, 1994, 60 p. (In Russian).

Kuz'min N. Yu. *Pogrebal'nye pamyatniki khunno-syan'biyskogo vremeni v stepyakh Srednego Eniseya: Tesinskaya kul'tura* [Funeral monuments of the Xiongnu-Xianbei period in the steppes of the Middle Yenisei: Tes' culture]. St. Petersburg: Aysing, 2011, 456 p. (In Russian).

Kuz'min N. Yu. *Vozmozhnosti interpretatsii nekotorykh chert pogrebal'nogo obryada narodov Sibiri v gunno-sarmatskoe vremya* [Possibilities of interpretation of some features of the burial rite of the peoples of Siberia in the Hun-Sarmatian period]. *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri: tezisy dokladov* [Problems of archeology and ethnography of Siberia. Abstracts]. Irkutsk, 1982, pp. 108–110 (in Russian).

Litvinskiy B. A. *Kurgany i kurумы Zapadnoi Fergany* [Mounds and kurums of Western Fergana]. Moscow: Nauka, 1972, 376 p. (In Russian).

Meytarchiyan M. B. *Pogrebal'nyi obryad zoroastriitsev* [Funeral rite of the Zoroastrians]. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 1999, 243 p. (In Russian).

Pshenitsyna M. N. *Tesinskii etap* [Tes' Period]. *Stepnaya polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppe zone of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow: Nauka, 1992, pp. 224–235 (in Russian) (Arkheologiya SSSR [Archeology of the USSR]).

Rappoport Yu. A. *Iz istorii religii Drevnego Khorezma (ossuarii)* [From the history of religion of Ancient Khorezm (ossuaries)]. Moscow: Nauka, 1971, 127 p. (In Russian).

Rtveladze E. V. *Kamyrtapa-Aleksandriya Oksianskaya: gorod-krepost' na beregu Oksа v ellinisticheskoy i postellinisticheskoy vremya (konets IV v. do n. e. — I v. n. e.)* [Kamyrtapa-Alexandria of Oxus: a fortress city on the banks of the Oxus in the Hellenistic and post-Hellenistic times (late 4th century BC — 1st century AD)]. Tashkent: «San'at» Magazine publ., 2017, 144 p. (In Russian).

Rtveladze E. V., Saidov A. Kh., Abdullaev K. V. *Avesta «Zakon protiv devov» (Videvdat)* [Avesta «The Law against the Devas» (Videvdat)]. St. Petersburg: Polytechnic University publ., 2008, 301 p. (In Russian).

Rudenko S. V. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoye vremya* [The culture of the Central Altai people in the Scythian time]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR publ., 1960, 350 p. (In Russian).

Samashev Z., Ongar A., Zhuniskhanov A., Kiyasbek G., Kashkinbayev K. A., Kazyrkhan M. Berel 2013. *Novye issledovaniya* [Berel 2013. New research]. *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A. Kh. Margulana v g. Astana* [Works of the branch of the Institute of Archaeology named after A. Kh. Margulan in Astana]. Astana: A. H. Margulan FIA Publishing Group in Astana, 2013, vol. 2, pp. 159–162 (in Russian).

Slyusarenko I. Yu. *Datirovanie skifskikh drevnostei Evrazii: sovremennye tendentsii, dostizheniya, problemy, perspektivy* [Dating of Scythian antiquities of Eurasia: modern trends, achievements, problems, prospects]. «*Terra Scythica*»: *materialy mezhdunarodnogo*

simpoziuma [«Terra Scythica». Proceedings of the international symposium]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2011, pp. 239–251 (in Russian).

Spitsyn A. A. Kollektivnye mogily v verkhov'yakh Eniseya i Chulyma [Mass graves in the upper reaches of the Yenisei and Chulyum]. *Zapiski imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva: novaya seriya. Trudy otdeleniya slavyanskoi i russkoi arkheologii* [Notes of the Imperial Russian Archaeological Society: new series. Transactions of the Department of Slavic and Russian Archaeology]. St. Petersburg: Tipografiya I. N. Skorokhodova, 1899, vol. 11, no. 1–2., pp. 134–141 (in Russian).

Surazakov A. S. *Gornyi Altai i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza. Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [Mountain Altai and its northern foothills in the Early Iron Age. Problems of chronology and cultural demarcation]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk branch of the Altai Book Publishing House, 1988, 215 p. (In Russian).

Vadetskaya E. B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya [Archaeological sites in steppes of the Middle Yenisei]. Leningrad: Nauka, 1986, 180 p. (in Russian).

Vadetskaya E. B. Sukhobuzimskii kurgan (novyi vzglyad na starye raskopki) [Sukhobuzimsky burial mound (a new look at old excavations)]. *Yeniseiskaya provintsiya: al'manakh* [Yenisei province. Almanac. Issue VI]. Krasnoyarsk: Litera-Print, 2020, iss. VI, pp. 55–70 (in Russian).

Vadetskaya E. B. *Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri* [Tashtyk era in the ancient history of Siberia]. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedeniye, 1999, 440 p. (in Russian).

Vinogradov D. A. Pogrebenie tesinskogo vremeni v Krasnoyarske. (predvaritel'noe soobshchenie) [Burial of the Tes' time in Krasnoyarsk. (preliminary report)]. *Evrasiya v eneolite — rannem srednevekov'e. Innovatsii, kontakty, translyatsii idei i tekhnologii* [Eurasia in the Eneolithic — Early Middle Ages. Innovations, contacts, transmission of ideas and technologies]. St. Petersburg: Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, 2022, pp. 286–289 (in Russian).

Yagodin V. N., Kitov Ye. P., Mamedov A. M., Zhambulatov K. A. *Stepnye plemena na severo-zapadnykh granitsakh Khorezma v VI–II vv. do n. e. — II–IV vv. n. e. (po materialam kurgannogo mogil'nika Kazybaba I)* [Steppe tribes on the northwestern borders of Khorezm in the VI–II centuries BC — II–IV centuries. AD (based on materials from the Kazybaba I burial mound)]. Samarkand: International Institute of Central Asian Studies publ., 2022, 430 p. (In Russian).

Zaytseva G. I., Bokovenko N. A., Alekseyev A. Yu., Chugunov K. V., Skott Ye. M. (eds.) *Evrasiya v skifskuyu epokhu: radiouglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia in the Scythian era: radiocarbon and archaeological chronology]. St. Petersburg: Teza, 2005, 290 p. (In Russian).

Bendezu-Sarmiento J., Lhuillier J., Mustafakulov S., Rakhimov K. The Mortuary Practices of the Early Iron Age Populations: Recent Discoveries at Dzharkutan in Northern Bactria. *Bulletin of the International Institute of Central Asian Studies*, International Institute for Central Asian Studies (Samarkand), 2015, vol. 22, pp. 26–45.

Boys M. A. *History of Zoroastrianism. Volume one. The Early Period. Third impression with corrections*. Leiden: E. J. Brill, 1996, 350 p.

Hansman J., Stronach D. A Sasanian repository at Shahr-i Qūmis. *Journal of the Royal Asiatic Society*, 1970, vol. 102, iss. 2: Studies in Honour of Sir Mortimer Wheeler, pp. 142–155.

Huff D. Archaeological evidence of Zoroastrian funerary practices. *Zoroastrian Rituals in Context*. Leiden: E. J. Brill, 2004, pp. 593–630 (Numen Book Series. Studies in the history of religions; Vol. 102).

Jettmar K. The Middle Asiatic Heritage of Dardistan. (Islamic Collective Tombs in Punyal and Their Background). *East and West*, 1967, vol. 17, no. 1–2, pp. 59–82.

Zubkov V. S. Čalpan-1, ein Gräberfeld der Tes' — Stufe in Südchakassien [Čalpan-1, a cemetery of the Tes' stage in Southern Khakassia]. *Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens* [Eurasia Antiqua. Journal for the Archaeology of Eurasia]. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2003, vol. 9, pp. 163–219 (in German).

Статья поступила в редакцию: 14.09.2025

Принята к публикации: 25.02.2025

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 902.6

DOI 10.14258/nreur(2026)2–04

S. Tuğrul

Independent Researcher, Çanakkale (Türkiye)

NON-ADULT BURIALS IN THE SOUTH (TAVŞANDERE) NECROPOLIS OF PARION: DIACHRONY, FUNERARY PRACTICE, AND AGE-RELATED REPRESENTATION

This article examines 43 non-adult burials identified among 289 graves excavated in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion, spanning from the late seventh/early sixth century BCE to the third century CE. Rather than treating non-adults as a single biologically defined category, the study analyses funerary treatment through grave type, containment and closure systems, associated assemblages, micro-location data, and spatial patterning within the cemetery. Its aim is to evaluate how age-related funerary representation was materially constructed and how this repertoire changed over time.

The Archaic sample is dominated by enchytrismos and other container-based burials, while the limited Classical evidence suggests continuity rather than a clear break in this tradition. Hellenistic examples form a small but internally consistent group defined by tile-covered graves, whereas burials from the Roman period show the greatest variability in grave technology, assemblage composition, and depositional complexity. Across the dataset, objects such as figurines, astragaloi, shells, and coins cannot be assigned fixed meanings as «toys,» protective items, or Charon's obols without reference to grave architecture, depositional status, and object placement. Spatial evidence further suggests that non-adult burials were neither fully segregated nor evenly distributed, but instead clustered in particular parts of the funerary landscape.

The evidence suggests that non-adult burials at Parion are best understood as part of a funerary repertoire shaped by both continuity and change. By combining diachronic analysis with contextual readings of grave assemblages, the study contributes to current debates on childhood archaeology, mortuary variability, and age-related funerary representation in the Aegean and eastern Mediterranean.

Keywords: Parion; childhood archaeology; child burials; funerary archaeology; enchytrismos; mortuary variability; Troas

For citation:

Tuğrul S. Non-Adult Burials in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion: Diachrony, Funerary Practice, and Age-Related Representation. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 86–121. DOI 10.14258/nreur(2026)2–04

Tuğrul Sadık, Independent Researcher, PhD in Classical Archaeology.

Çanakkale (Türkiye). **Contact address:** tugrulsadik17@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7737-7728>

С. Тугрул

Независимый исследователь, Чанаккале (Турция)

ПОГРЕБЕНИЯ ИНДИВИДОВ НЕВЗРОСЛОГО ВОЗРАСТА В ЮЖНОМ (ТАВШАНДЕРЕ) НЕКРОПОЛЕ ПАРИОНА: ДИАХРОНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНАЯ ПРАКТИКА И ВОЗРАСТНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

В статье рассматриваются 43 погребения индивидов незрелого возраста, выявленные среди 289 могил, раскопанных в Южном (Тавшандере) некрополе Париона и датируемых периодом от конца VII — начала VI в. до н. э. до III в. н. э. Вместо того чтобы трактовать незрелых как единую биологически определяемую категорию, исследование анализирует погребальную практику через тип могилы, системы контейнеризации и перекрытия, состав сопроводительного инвентаря, микролокационные данные и пространственное распределение внутри некрополя. Цель работы — проследить, каким образом материально конструировалась возрастная погребальная репрезентация и как этот набор практик изменялся во времени.

Архаическая выборка характеризуется преобладанием энхитризма и других форм погребений в сосудах, тогда как ограниченный материал классического времени скорее указывает на преемственность этой традиции, чем на ее разрыв. Погребения эллинистического периода образуют небольшую, но внутренне согласованную группу, связанную прежде всего с черепичными могилами, тогда как комплексы римского времени демонстрируют наибольшую вариативность в погребальной технологии, составе инвентаря и депозиционной сложности. В рамках всего корпуса такие предметы, как терракотовые фигурки, астрагалы, раковины и монеты, не могут автоматически интерпретироваться как «игрушки», апотропеи или «обол Харона» вне связи с конструкцией могилы, депозиционным статусом и точным положением находок. Пространственные данные, в свою очередь, показывают, что погребения незрелых не были ни полностью изолированы, ни равномерно распределены, а, напротив, тяготели к определенным зонам погребального ландшафта.

Полученные данные позволяют рассматривать погребения индивидов незрелого возраста в Парионе как часть погребального репертуара, формировавшегося одновременно под воздействием преемственности и изменений. Сочетая диахронический анализ с контекстуальным чтением погребальных комплексов, статья вносит вклад

в современные дискуссии об археологии детства, варибельности погребального обряда и возрастной репрезентации в погребальной практике Эгейского мира и восточного Средиземноморья.

Ключевые слова: Парион, археология детства, детские погребения, погребальная археология, энхитризм, варибельность погребального обряда, Троада

Для цитирования:

Тугрул С. Погребения индивидов незрелого возраста в Южном (Тавшандере) некрополе Париона: диахрония, погребальная практика и возрастная репрезентация // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 86–121. DOI 10.14258/nreur(2026)2-04

Тугрул Садык, независимый исследователь, PhD по классической археологии. Чанаккале (Турция). **Адрес для контактов:** tugrulsadik17@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-7737-7728>

Introduction

Non-adult burials occupy a paradoxical position in funerary archaeology. They are essential for reconstructing how past communities understood infancy, childhood, adolescence, dependency, personhood, and age-related social roles, yet they remain difficult to interpret because low archaeological visibility, fragile skeletal preservation, uneven excavation histories, and context-specific disposal practices distort their representation in the cemetery record. The apparent absence, rarity, or simplicity of child burials cannot therefore be translated directly into low social value, weak emotional investment, or ritual marginality. Childhood in funerary contexts must instead be approached not as a self-evident biological category, but as a historically contingent and materially mediated social condition [Halcrow, Tayles, 2008: 191, 202–203; Carroll, 2011: 99–100, 113, 115; Beaumont, 2013: 198, 204–205; Lillehammer, 1989: 89, 102–103; Murphy, Le Roy, 2017: 2–9].

A related problem concerns associated objects. Figurines, astragaloi, shells, coins, miniature vessels, and other small finds have often been assigned fixed labels such as toys, apotropaic devices, or Charon's obols. Yet such identifications are rarely secure when based on object type alone. Their interpretive value depends on depositional status, grave architecture, object placement, and assemblage composition. Non-adult funerary treatment is therefore best reconstructed through context rather than isolated artefact categories [Serra, 2020: 194; Van Andringa, 2025: 11–12].

The South (Tavşandere) Necropolis of Parion provides a useful context for examining these issues. Located in north-western Anatolia at the Troas-Propontis interface (Fig. 1), the cemetery lies approximately 1 km south of the city centre (Fig. 2), within the wider topographical and archaeological setting of Parion as established through survey and excavation [Keleş, 2013: 29–36; Başaran, Yılmaz, 2021: 107–133], and preserves a stratified funerary sequence extending from the late seventh/early sixth century BCE to the third century CE. Previous work has established the necropolis» broad chronological development and burial customs across

its Archaic, Classical, Hellenistic, and Roman phases [Başaran, Kasapoğlu, 2018: 433–487; Kasapoğlu, 2019; Kasapoğlu, 2022: 261–262]. For the Hellenistic and Roman periods, recent work has further clarified patterns of continuity and change in grave typology, assemblage structure, and funerary practice [Tuğrul, 2024: 15–56]. What remains to be examined systematically is how non-adult burials participated in these changing funerary regimes across the full diachronic sequence.

Fig. 1. Location of Parion in the Troas-Propontis region
Рис. 1. Расположение Парiona в регионе Троады и Пропонтиды

This article examines 43 non-adult burials documented among 289 graves excavated in the South Necropolis between 2005 and 2025. The term non-adult is used here as an operational analytical category encompassing perinatal, infant, child, and adolescent individuals; it does not imply a socially homogeneous group [Halcrow, Tayles, 2008: 202–203; Beaumont, 2013: 196, 198]. The analysis combines grave type, containment and closure systems, associated assemblages, micro-location data, and spatial patterning in order to examine how age-related funerary distinction was materially constructed and reformulated over time. It further considers four related questions: how non-adult burials were distributed diachronically within the necropolis; whether the Archaic predominance of enchytrismos continued or was reformulated in later periods; how far age categories can be related to grave assemblages; and how the micro-location of selected finds can clarify depositional gestures without reducing repeated patterning to fixed meaning.

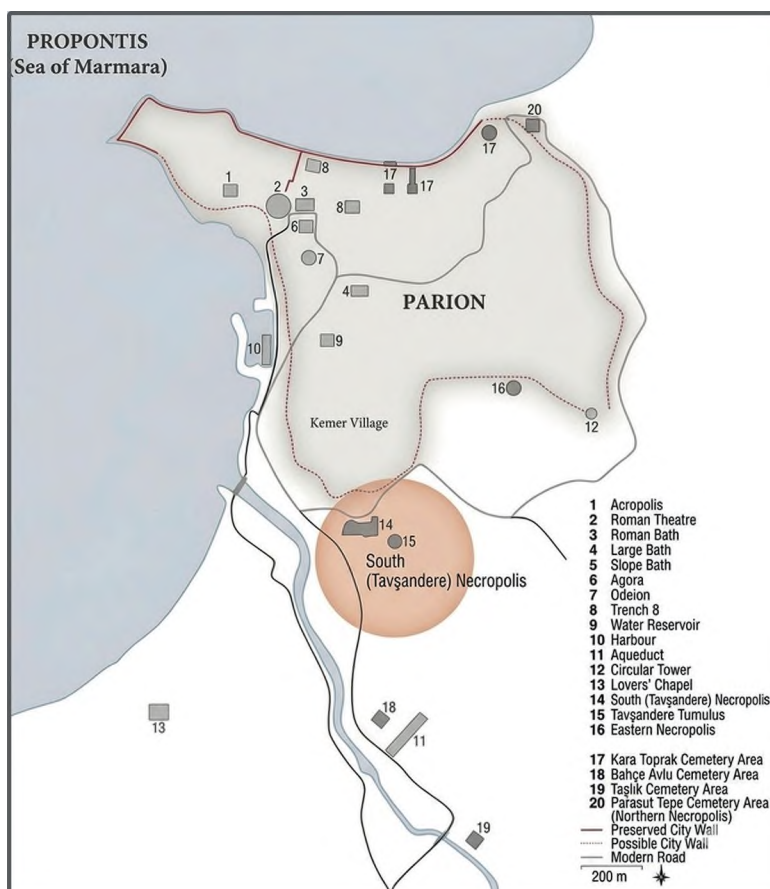

Fig. 2. Location of the South (Tavşandere) Necropolis in relation to the city centre of Parion

Рис. 2. Расположение Южного (Тавшандере) некрополя по отношению к центру города Парiona

Taken together, the evidence suggests that age-related funerary distinction at Parion did not disappear as burial regimes changed, but was reformulated through shifting combinations of grave technology, containment, assemblage selection, and spatial positioning. The study thus contributes to current debates on childhood archaeology, mortuary variability, and the contextual interpretation of age-related funerary practice in the Aegean and eastern Mediterranean [Dimakis, Dijkstra, 2020: 1–3].

Theoretical framework

Childhood is no longer understood in archaeology as a purely biological stage of growth. Rather, it is approached as a socially defined and historically variable condition in which age categories, expectations of dependency, and forms of belonging were culturally structured. Non-adult individuals should therefore not be reduced to passive bearers of chronological age. In funerary contexts, they are better understood as individuals whose age-related identities were materially negotiated through burial treatment, object selection, and spatial

positioning. This requires a distinction between biological age and social age, since the two may overlap without necessarily coinciding. In ancient Mediterranean contexts, moreover, biological existence and full social personhood did not necessarily begin at birth, as social recognition could be completed only through postnatal acts such as paternal acknowledgement and naming [Dasen, 2013]. At the same time, comparative analysis still requires explicit age categories, provided that these are treated as operational analytical tools rather than direct equivalents of past social stages [Halcrow, Tayles, 2008: 202–203; Beaumont, 2013: 196–198; Gowland, 2018: 104–121].

A second issue concerns visibility. Numerical weakness, uneven age representation, or simplified burial form cannot be read straightforwardly as evidence for social indifference or low emotional investment. Such patterns may instead reflect preservation, excavation history, recording resolution, and burial location. The problem is especially acute for perinatal and infant individuals, whose skeletal remains are more fragile and whose funerary treatment may not conform to the more archaeologically visible patterns of older children and adults [Carroll, 2011: 113–115; Cannon, Cook, 2015: 399–402; Dubois, 2012: 332–334]. Normative textual statements about infants and very young children must therefore be handled cautiously and should not be converted directly into explanations of local archaeological practice, since they often reflect selective elite discourse rather than the full range of funerary behaviour [Carroll, 2011: 99–100; Carroll, 2018a: 148–149].

A third issue concerns the analytical status of the grave context itself. In this study, the grave is treated not as a static container of artefacts, but as an analytical record of funerary action. Burial architecture, body treatment, object distribution, and depositional relations are therefore considered together in order to reconstruct how funerary gestures were materially organised. This approach follows recent funerary archaeology in stressing that ritual interpretation must be grounded in the contextual relationship between human remains, containment systems, grave closure, and the spatial arrangement of associated finds [Van Andringa, 2025: 11–12, 15–16; Serra, 2020: 194]. Micro-location is therefore used here not as proof of intention, but as a contextual tool for narrowing interpretation [Van Andringa, 2025: 15].

This principle is especially important for object categories frequently associated with child burials. Figurines, astragaloi, shells, coins, miniature vessels, and other small finds may in some contexts relate to play, protection, age status, affiliation, projected identity, or funerary performance. Yet none of these meanings can be assigned securely on the basis of object type alone, and astragaloi in particular cannot be treated automatically as toys or child markers [Sabetai, 2022: 10–12; Carè, 2012: 403–406]. Their significance depends on quantity, association, placement, and the wider grave assemblage in which they occur. For this reason, the Parion material is not approached through automatic labels such as toy, child marker, or Charon's obol. Instead, these finds are evaluated through their depositional status, their association with other objects, and their position within the burial context. This contextual strategy reduces over-interpretation while allowing a more controlled discussion of age-related funerary representation [Huysecom-Haxhi, Papaikonomou, Papadopoulos, 2012: 343–344].

On this basis, the next section outlines the principal analytical variables used in the study: age category, grave type, burial containment and closure, assemblage composition, micro-location, and spatial relations.

Material and methods

This study is based on 43 burial contexts identified as non-adult in the South (Tavşandere) Necropolis of Parion during the 2005–2025 excavation seasons. They are evaluated within the broader cemetery dataset of 289 graves documented to date. The analysed burials span from the late seventh/early sixth century BCE to the third century CE. The dataset derives from excavation records, post-excavation assessment, and contextual analysis undertaken for the necropolis, while Table A1 provides the full grave codes and contextual descriptions for the sample. Methodologically, the study combines osteobiological assessment, contextual evaluation, and funerary-archaeological analysis in order to examine age-related funerary treatment diachronically within the cemetery.

Dataset, chronology, age attribution, and limitations

Burials were included in the analytical sample only when two conditions were met: the individual could be identified as non-adult on osteological, contextual, or combined grounds; and the grave retained sufficient analytical resolution for comparison. At minimum, this required that some of the following variables could be assessed with confidence: grave type, burial mode, containment and closure system, associated assemblage, stratigraphic relation, spatial relations, or micro-location. Contexts with severely disturbed integrity, inadequate documentation, or no secure basis for age attribution were excluded.

Chronology was established through a context-based procedure combining stratigraphic relationships, datable grave finds, and typological and regional parallels. Superposition, cutting relationships, fill composition, and grave closure were used where available. Artefact-based dating relied primarily on ceramics, selected small finds, and coins. Where direct stratigraphic evidence was weak or absent, typological parallels from Troas and the wider northern Aegean and north-west Anatolian region were used cautiously. The procedure therefore followed a hierarchy in which stratigraphy provided the strongest basis, contextual dating through finds the second, and typological analogy the least secure.

Age estimation was based, whenever possible, on osteobiological indicators recorded during excavation and post-excavation assessment, including dental development, epiphyseal fusion, long bone measurements, and other preserved immature skeletal markers. Comparable osteoarchaeological work on immature assemblages from the Greek world likewise relies on preserved long bones and other immature skeletal elements for age estimation, while stressing that sex determination is not possible in immature remains [Bourbou, Themelis, 2010: 112–113]. Where osteological evidence was incomplete or absent, age attribution relied on contextual and morphological observations in the excavation record, but only where these were judged analytically usable rather than merely possible. The general framework follows standard procedures for the recording and assessment of human skeletal remains [Buikstra, Ubelaker, 1994]. For analytical consistency, the following age categories are used throughout: perinatal, here treated as an operational category for late foetal/neonatal individuals documented within approximately the first month of life; infant, >1 month to <3 years; child, 3–12 years; adolescent, 13–18 years. These remain analytical tools and do not imply direct equivalence between biological age and socially recognised stages of life [Halcrow, Tayles, 2008: 202–203; Beaumont, 2013: 198].

Biological sex was not used as an independent analytical variable. This reflects both the methodological unreliability of osteological sex estimation in prepubescent individuals [Bourbou, Themelis, 2010: 112–113] and the structure of the published anthropological dataset from Parion, which includes immature individuals for whom age and sex could not be securely assigned [Çırak, Şarbak, Mucur, Acar, Tarhan, Koç, Keleş, 2023: 13, 15–16, 19]. While this procedure increases comparability across the sample, it also introduces a selective bias in favour of better preserved and better documented contexts. Quantitative patterns should therefore be treated not as direct reflections of the original biodemographic structure of the cemetery population, but as patterns emerging from a sample shaped by preservation, excavation history, and recording resolution. For the same reason, graves with few or no associated finds were not interpreted automatically as evidence for low social value or limited ritual investment, since low archaeological visibility may also result from preservation and recovery biases rather than indifference toward the deceased [Carroll, 2011: 113–115].

Analytical variables and coding

The analysis integrates chronology, age category, grave type, burial mode, containment and closure system, assemblage composition, object position, and contextual relationships. The analytical axes used in the study are summarized in Table 1.

Table 1

Analytical axes and variables

Таблица 1

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОСИ И ПЕРЕМЕННЫЕ

Analytical axis	Variables
Chronology	Period or sub-phase: Archaic, Classical, Hellenistic, Roman
Age category	Perinatal, infant, child, adolescent
Grave type	Enchytrismos (amphora, hydria, pithos, coarse ceramic container), tile grave, simple earth grave, rock-cut grave, sarcophagus, possible wooden coffin or bier
Burial mode	Inhumation, cremation
Containment and closure system	Vessel containment, tile cover and closure, stone closure, possible wooden containment
Assemblage composition	Ceramic vessels; terracotta figurines; metal objects; glass objects; personal ornaments; coins; faunal remains; other small finds
Micro-location	C, T, AP, UE, LE, EXT; plus intra-cover or extra-cover, and in-vessel or out-of-vessel deposit status
Contextual relationships	Stratigraphic relationship, superposition, adjacency, micro-area clustering
Spatial analysis	Intra-necropolis distribution, proximity, clustering, horizontal and vertical relationships

For each grave, the following core fields were recorded: period or sub-phase, age category, grave type, burial mode, containment and closure system, find categories, intra-grave object position, and stratigraphic or spatial relationships. A strict distinction was maintained between recorded observations and interpretive inferences. Variables such as grave context, age category, grave type, find category, and object position belong to the observational level. By contrast, status, ritual purpose, identity representation, apotropaic significance, and models of continuity or change belong to the interpretive level and were not treated as primary data.

Contextual and spatial procedure

Micro-location data were assessed through in situ photographs, excavation drawings, and measured field documentation. Object position was coded by combining anatomical reference zones with deposit status. The zone system and the main depositional distinctions used in the coding procedure are shown in Fig. 3. The anatomical reference zones used in this study are as follows: C, cranial; T, thoracic; AP, abdominopelvic; UE, upper extremity; LE, lower extremity; and EXT, body exterior, used for finds located within the grave context but outside the body-related anatomical zones.

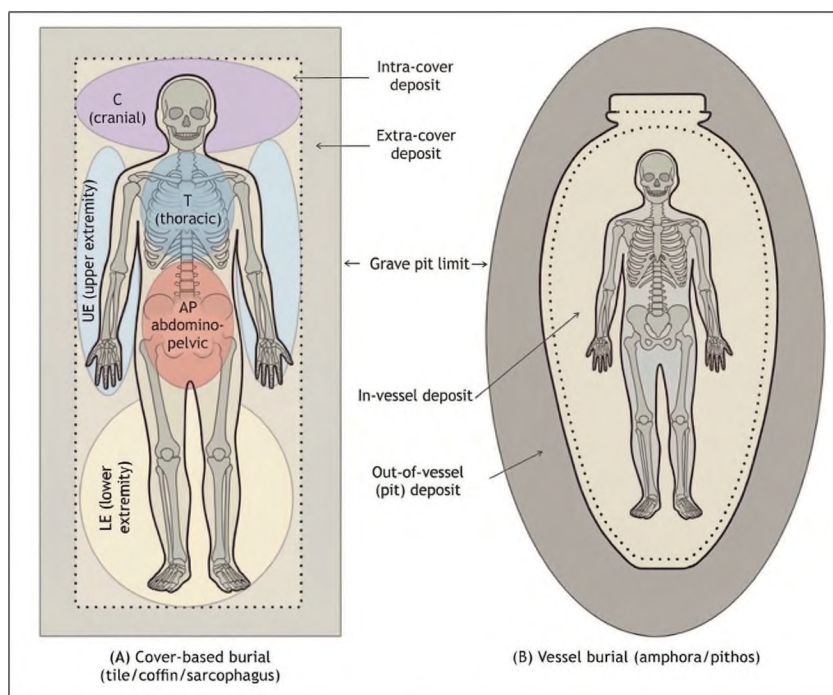

Fig. 3. Micro-location coding scheme¹. Panel A shows anatomical reference zones and intra-cover/extra-cover depositional distinctions in cover-based burials; Panel B shows in-vessel and out-of-vessel depositional distinctions in vessel burials

Рис. 3. Схема кодирования микролокации. Панель А показывает анатомические референтные зоны и различия в депозиционном статусе внутри перекрытия и вне перекрытия в погребениях с перекрытием; панель В показывает различия в депозиционном статусе внутри сосуда и вне сосуда в погребениях в сосудах

In graves with a clear containment system, finds were also distinguished according to whether they were located inside or outside the boundary of the primary burial containment.

¹ Cover limit is defined by the boundary of the primary burial covering/enclosure (tile cover, wooden burial containment, or sarcophagus). Finds located within this boundary are recorded as intra-cover deposits; finds outside the cover limit but within the grave pit are recorded as extra-cover deposits.

In vessel burials, the same principle was applied through the distinction between in-vessel and out-of-vessel deposit status. The relevant point of reference was therefore not the grave pit as a whole, but that primary containment boundary. This procedure allows object placement to be treated not simply as a list of grave contents, but as a potential trace of depositional action within the burial sequence [Van Andringa, 2025: 11–12]. At the same time, micro-location resolution is not uniform across the dataset. It is more limited in some Archaic vessel burials and in certain early excavation records. Micro-location evidence was therefore used interpretively only where documentation quality was sufficient. In this study, micro-location is not treated as proof of intention, but as a contextual tool for narrowing interpretation.

The non-adult sample includes vessel burials, especially enchytrismos in amphorae, hydriae, pithoi, and coarse ceramic containers, as well as tile graves, simple earth graves, rock-cut graves, and sarcophagi. Possible wooden containment was identified only where nail distribution, linear clustering, and possible edge or corner relationships together suggested a coherent structural pattern. Isolated nail finds were not treated as sufficient evidence for a coffin or bier. This threshold was adopted in order to avoid converting a single artefact class into an automatic indicator of wooden funerary furniture [Tuğrul, 2024: 107–108, 138].

Graves whose type and position could be securely identified were mapped in a GIS environment. Spatial analysis focused on the distribution of non-adult burials within the necropolis and on their horizontal and vertical relationships with neighbouring graves. Coordinate data were recorded by CORS and processed in the ITRF system. Here, spatial proximity is treated as an analytical observation rather than as direct proof of contemporaneity, household organisation, or social affiliation. Superposition, adjacency, and micro-area clustering were interpreted only where stratigraphic evidence or well-documented contextual relations supported such readings. The study therefore combines descriptive and contextual analysis while keeping data, pattern recognition, and interpretation methodologically distinct.

Results

This section presents the 43 non-adult burials from the South (Tavşandere) Necropolis at the level of recorded archaeological evidence. The material is organised diachronically in order to show changes in grave type, burial containment, associated assemblages, spatial relationships, and available micro-location data from the Archaic to the Roman period. Detailed grave descriptions are provided in Table A1. Interpretive claims concerning ritual meaning, status, or symbolic value are reserved for the Discussion section.

Non-adult burials in the Archaic period

The non-adult sample from the Archaic period comprises 14 grave contexts (Table 2; Table A1). It is dominated by container burials, especially amphora burials, followed by pithos burials and a single hydria burial. Two further contexts, M 171, a rock-cut grave delimited by a single row of rubble stones, and L 4, a sarcophagus, show that the sample was not restricted to one burial technology. All Archaic non-adult burials in the present dataset are inhumations, and no cremation burial attributable to this age group was identified.

Table 2

**Distribution of non-adult burials in the Archaic period
by grave type and age category**

Таблица 2

**Распределение погребений индивидов незрелого возраста архаического
периода по типам могил и возрастным категориям**

Grave type (Archaic)	Infant	Child	Total
Enchytrismos, pithos	1	1	2
Enchytrismos, amphora	9	0	9
Enchytrismos, hydria	1	0	1
Rock-cut grave	0	1	1
Sarcophagus	0	1	1
Total	11	3	14

Excavation records indicate recurring technical procedures in the preparation and closure of Archaic vessel burials. In amphora and hydria graves, the vessel was generally laid horizontally in the pit, a section of the vessel body was broken to facilitate deposition, the opening was reclosed with stone or ceramic fragments, and the mouth was then covered with a flat stone supported by rubble around the vessel [Kasapoğlu, 2019: 19; Kasapoğlu, Ayaz, 2024: 139]. Within the current dataset, this suggests a broadly comparable technical treatment across Archaic vessel burials, although documentation quality is uneven. Within the currently documented vessel-burial sample, AMP 9 provides a clear example of pebble bedding beneath the body (Fig. 4C). Comparable bedding practices are also reported in some Archaic pithos burials at Parion [Kasapoğlu, 2019: 19].

Pithos burials are few but contextually important, especially PM 2, which forms part of the Archaic micro-area discussed in the section «Spatial distribution and micro-area relations». Amphora burials are the most frequent grave type. Published identifications tentatively associate some of these vessels with Lesbian, Milesian, and Attic amphora types, including Attic SOS examples, although not all examples are sufficiently preserved for secure attribution [Kasapoğlu, 2019: 19–20]. Within the published Archaic amphora corpus, AMP 2 and AMP 3 are the clearest cases for which associated grave finds are explicitly reported [Kasapoğlu, Ayaz, 2024: 139]. The single hydria burial, AMP 7/HYD 1, shows that amphorae were not the only ceramic containers used for non-adult deposition in this phase; its association with the same local burial area as AMP 6 places it within the same Archaic funerary horizon, and it may be dated to the second half of the sixth century BCE [Kasapoğlu, 2019: 20].

Taken descriptively, the Archaic evidence is characterized by the strong predominance of container burials, only limited variation beyond that form, and a small number of rock-cut and stone-built grave types.

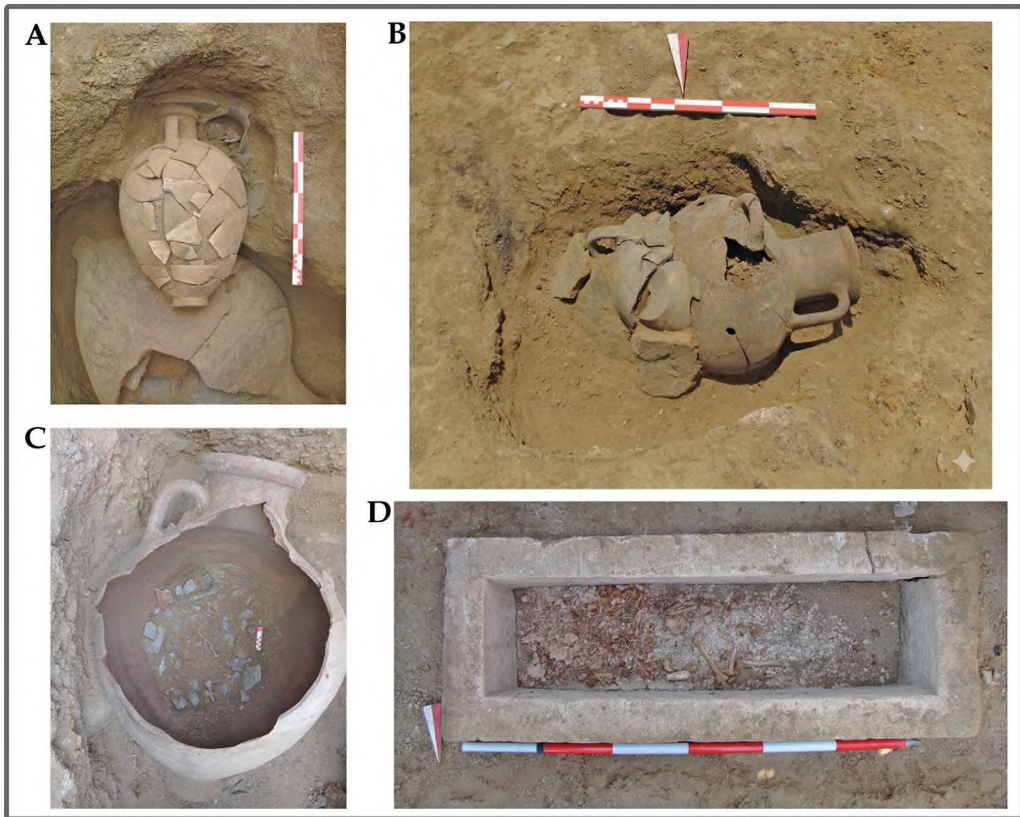

Fig. 4. Non-adult burial practices at Parion in the Archaic period: (A) AMP 4, amphora burial; (B) AMP 7/HYD 1, hydria burial; (C) AMP 9, pebble bedding beneath the body inside the vessel; (D) L 4, sarcophagus burial. Photo: Parion Excavation Archive

Рис. 4. Погребальная практика в отношении индивидов незрелого возраста в Париионе в архаический период: (A) AMP 4, амфорное погребение; (B) AMP 7/HYD 1, погребение в гидрии; (C) AMP 9, галечная подсыпка под телом внутри сосуда; (D) L 4, погребение в саркофаге. Фото: Архив раскопок Парииона

Non-adult burials in the Classical period

Evidence from the Classical period is extremely limited. At present, only one non-adult burial context, AMP 1, can be assigned to the fifth to fourth centuries BCE with sufficient contextual security. The available evidence therefore consists of a single infant amphora burial and does not permit broader internal comparison. This limited representation should not be read directly as evidence for reduced ritual attention or diminished funerary investment, since *in situ* graves from the Classical period at Parion are few in number, were deposited in a layer not yet fully exposed, and were often damaged by later Hellenistic burials [Kasapoğlu, 2022: 261–262].

AMP 1 is the only currently documented non-adult grave from the Classical period in the South (Tavşandere) Necropolis (Table A1). The small tibiae and other skeletal remains

recovered from the vessel indicate an infant approximately 1 to 1.5 years of age [Kasapoğlu, 2022: 275]. On typological grounds, the amphora has been dated to the last quarter of the fifth century BCE or the first half of the fourth century BCE. The burial was an inhumation in a horizontally placed amphora; the vessel was broken below the rim and handle zone to allow the deposition of the body, the individual was placed with the head toward the base and the feet toward the neck, and the broken section was then replaced. The amphora was then protected by surrounding it with rubble stones before the grave was covered with soil. No associated grave finds are reported in the currently available published documentation (Table A1). AMP 1 therefore provides the only clear example from the Classical period of continued container-based inhumation for a non-adult individual at Parion.

Non-adult burials in the Hellenistic period

The Hellenistic sample consists of only two non-adult burial contexts, DSM 2 and DSM 18. These are presented in Table A1 [Tuğrul, 2024: 231, 247]. In both cases, the burial mode is inhumation and the body position is recorded as dorsal. Both are straight-gabled tile graves covered with Corinthian-type stroter tiles, and together they represent one child and one adolescent burial. Within the present dataset, Hellenistic non-adult burials therefore form a very small but typologically consistent group defined by tile-grave technology.

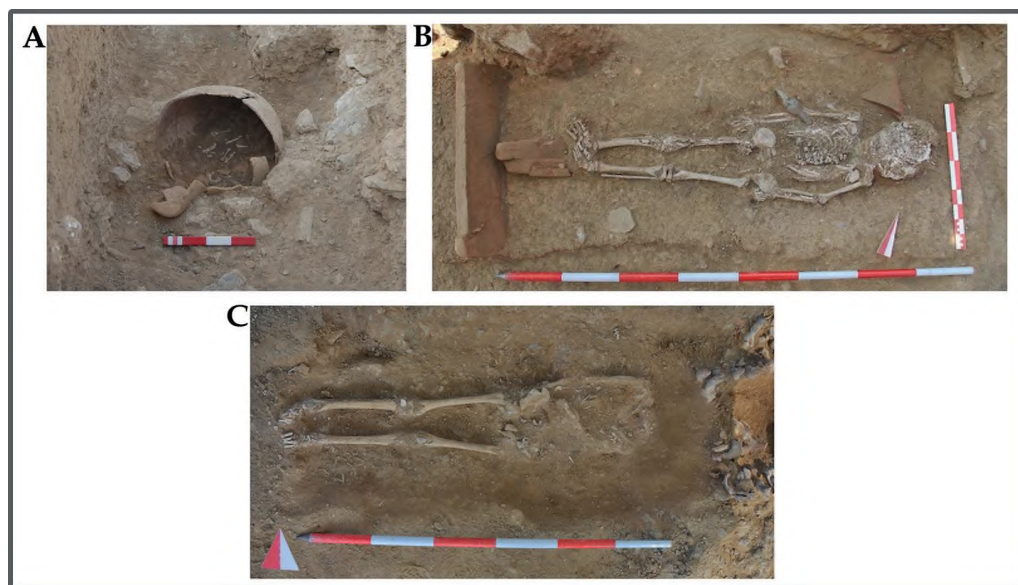

Fig. 5. Non-adult burials at Parion in the Classical and Hellenistic periods: (A) AMP 1, amphora burial from the Classical period; (B) DSM 2, Hellenistic tile grave; (C) DSM 18, Hellenistic tile grave.

Photo: Parion Excavation Archive

Рис. 5. Погребения индивидов не взрослого возраста в Париионе в классический и эллинистический периоды: (A) AMP 1, амфорное погребение классического периода; (B) DSM 2, эллинистическое черепичное погребение; (C) DSM 18, эллинистическое черепичное погребение. Фото: Архив раскопок Парииона

DSM 2 belongs to an adolescent individual of approximately 15 years of age and contained one unguentarium and one iron pin. DSM 18 is classified here as a child and contained a single iron pin. Both contexts are placed broadly between the second century BCE and the early first century BCE, though the precision of dating is not identical in the two graves (Table A1).

Micro-location data are more legible here than in most of the Archaic container burials, despite the very small sample. In DSM 2, the iron pin was recorded in the cranial zone and the unguentarium along the upper-extremity line, most probably in relation to the right arm. In DSM 18, the iron pin was recorded in the abdominopelvic zone. In descriptive terms, the Hellenistic sample differs from the Archaic one in combining a narrower assemblage range with more consistent reliance on tile-grave technology. Even so, the sample remains too small for this pattern to be treated as a secure period norm.

Non-adult burials in the Roman period

Non-adult burials from the Roman period constitute the largest sample in the dataset and display the greatest variability in grave technology, associated assemblages, and micro-location resolution. The Roman sample includes 26 burials and comprises possible wooden coffin or bier graves, tile graves, coarse ceramic container burials, one amphora burial, and one simple earth grave. The sample is overwhelmingly dominated by inhumation, but it also includes the rare case of child cremation, BTM 19 (Table A1).

Table 3

Distribution of non-adult burials in the Roman period by grave type and age category

Таблица 3

Распределение погребений индивидов незрелого возраста римского периода по типам могил и возрастным категориям

Grave type (Roman)	Perinatal	Infant	Child	Total
Possible wooden coffin or bier	0	3	14	17
Tile grave	0	1	4	5
Coarse ceramic container burial	2	0	0	2
Amphora burial	0	1	0	1
Simple earth grave	0	0	1	1
Total	2	5	19	26

The largest subgroup consists of burials classified as possible wooden coffin or bier burials. As defined in the section «Contextual and spatial procedure», these contexts were not identified on the basis of nail presence alone, but through nail distribution patterns, linear clustering, and possible edge or corner relations within the grave. This group is dominated by children, with a smaller number of infant burials, making probable wooden containment the most frequent funerary form for non-adults in the Roman period. ATM 2 provides one of the clearest examples, since the *in situ* nail line and preserved wood remains adhering to the nail shanks make probable coffin joints materially visible, as shown in Fig. 6a-b [Tuğrul, 2024: 32].

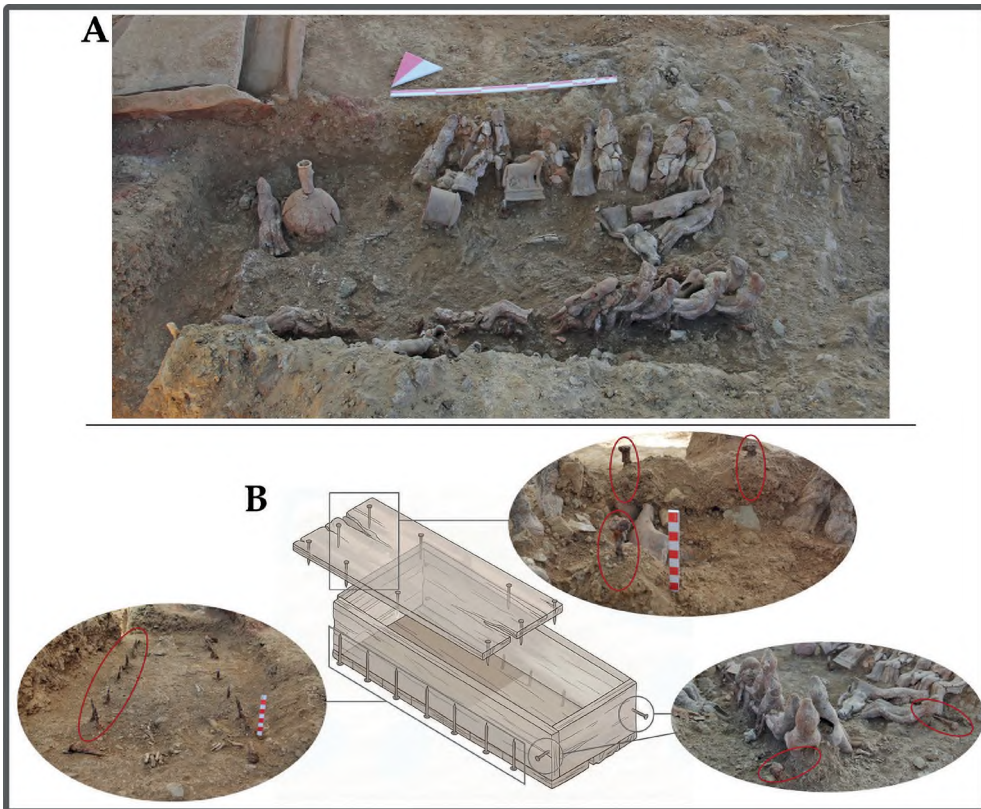

Fig. 6. ATM 2, probable wooden coffin burial from the Roman period: (A) general view of the burial context; (B) recorded in situ nail positions shown alongside a schematic reconstruction of the probable coffin arrangement². Photo: Parion Excavation Archive; drawing by the author
 Рис. 6. АТМ 2, вероятное погребение в деревянном гробу римского периода: (А) общий вид погребального контекста; (В) зафиксированные *in situ* положения гвоздей, представленные вместе со схематической реконструкцией предполагаемой конструкции гроба.

Фото: Архив раскопок Париона; рисунок автора

Tile graves form the second largest grave-type subgroup within the Roman non-adult sample. Within the analytical sample, these are represented by burials such as İSM 27, İSM 28, İSM 30, İSM 35, and İSM 63. Their assemblages range from a single coin to more complex deposits including vessels, figurines, beads, animal remains, and out-of-cover placements (Table A1). Container burials remain present in the Roman sample, but they are no longer the dominant grave form. Two perinatal burials are represented by coarse ceramic containers, and one infant burial, AMP 15, was placed in an amphora; in that context the recorded associated

² The wooden planks shown in panel B are schematic and do not represent preserved boards. The reconstruction is based on the recorded position, alignment, and level of the nails. Wood remains were documented on the shanks of all recovered nails.

finds consisted of one chytra and two shells placed inside the vessel (Table A1). In container burials, orientation is defined primarily by the mouth-to-base axis of the vessel, whereas in tile graves and the simple earth grave it is recorded from the head-to-foot direction of the body.

Fig. 7. AMP 15, amphora burial from the Roman period: (A) grave before opening, showing closure with ceramic sherds and a tile fragment at the mouth; (B) grave after opening, showing skeletal remains and associated finds within the vessel. Photo: Parion Excavation Archive

Рис. 7. АМР 15, амфорное погребение римского периода: (А) могила до вскрытия, с закрытием устья керамическими фрагментами и фрагментом черепицы; (В) могила после вскрытия, с костными останками и сопутствующими находками внутри сосуда.

Фото: Архив раскопок Парииона.

Associated assemblages from the Roman period are more varied than those recorded for the earlier phases. Across the sample, recorded finds include terracotta figurines, astragaloi, shells, glass or ceramic unguentaria, metal pins, beads, earrings, mirrors, lamps, jugs, coins, and iron nails. Sample graves such as ATM 1, ATM 2, ATM 3, ATM 4, İSM 27, İSM 35, and İSM 63 illustrate this variability clearly. At the same time, several Roman-period contexts were recorded without associated grave finds; the presence or absence of associated grave finds is therefore treated only descriptively and not as a direct index of ritual investment or social rank. What can be stated with confidence is that the Roman sample displays the widest recorded range of assemblages within the non-adult dataset. Micro-location data are likewise

more legible here than in the earlier phases, especially in tile graves and selected inhumation contexts with clearer internal depositional relationships.

Spatial distribution and micro-area relations

Non-adult burials are considered here both at the scale of necropolis-wide distribution and, where the excavation record permits, through local positional relationships within restricted micro-areas. The orthophoto/GIS plan codes graves by period, grave type, and age category (Fig. 8). Spatial proximity is treated only as a positional relationship and, unless supported by stratigraphic evidence, is not used as proof of contemporaneity, household organisation, or kin-based clustering.

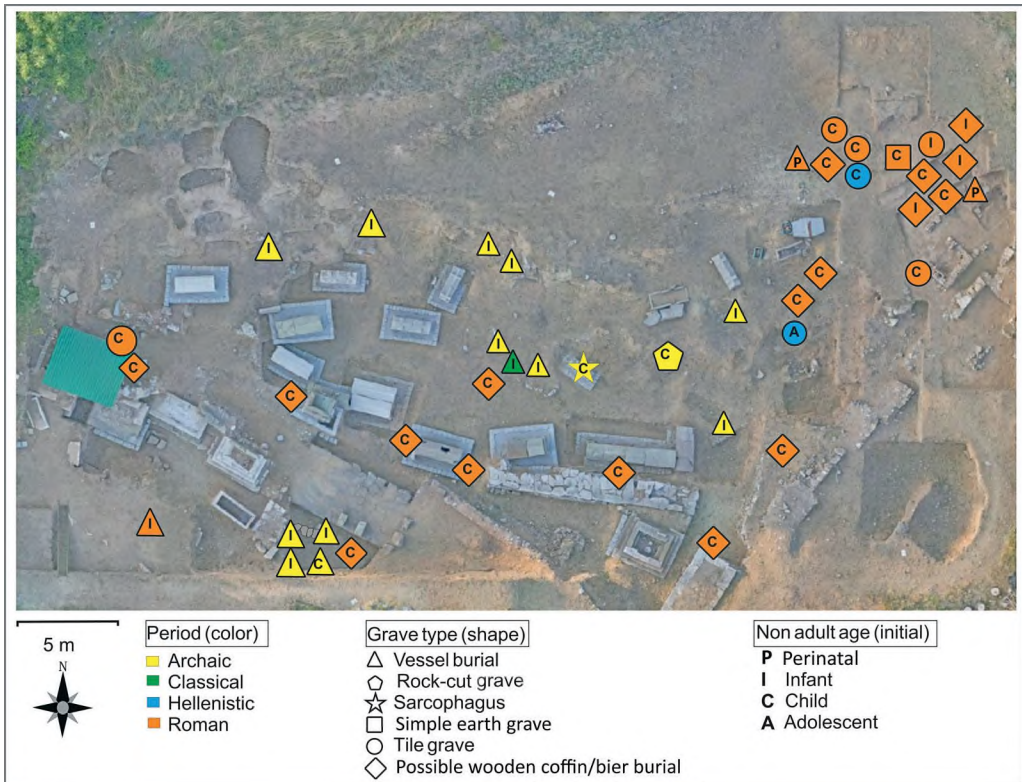

Fig. 8. Orthophoto/GIS plan showing the spatial distribution of non-adult burials in the South (Tavşandere) Necropolis. Photo: Parion Excavation Archive

Рис. 8. Ортофотоплан/GIS-план, показывающий пространственное распределение погребений индивидов незрелого возраста в Южном (Тавшандере) некрополе.

Фото: Архив раскопок Парииона

Across the excavated area, non-adult burials were not confined to a single segregated sector. They occur within the broader funerary landscape and in association with other grave groups, but their distribution is uneven rather than uniform. The clearest concentration is the Archaic cluster of container burials around PM 2. Within this micro-area, PM 2 lies below AMP 4

and AMP 5, while AMP 6 and AMP 7/HYD 1 belong to the same adjacent burial area. AMP 2 and AMP 3 are separated by a single row of stones, and PM 2, together with another infant burial, lies directly below AMP 3. Taken together, these relationships define the clearest local concentration of Archaic non-adult burials within the excavated area [Kasapoğlu, Ayaz, 2024: 139]. This arrangement is shown schematically in Fig. 9.

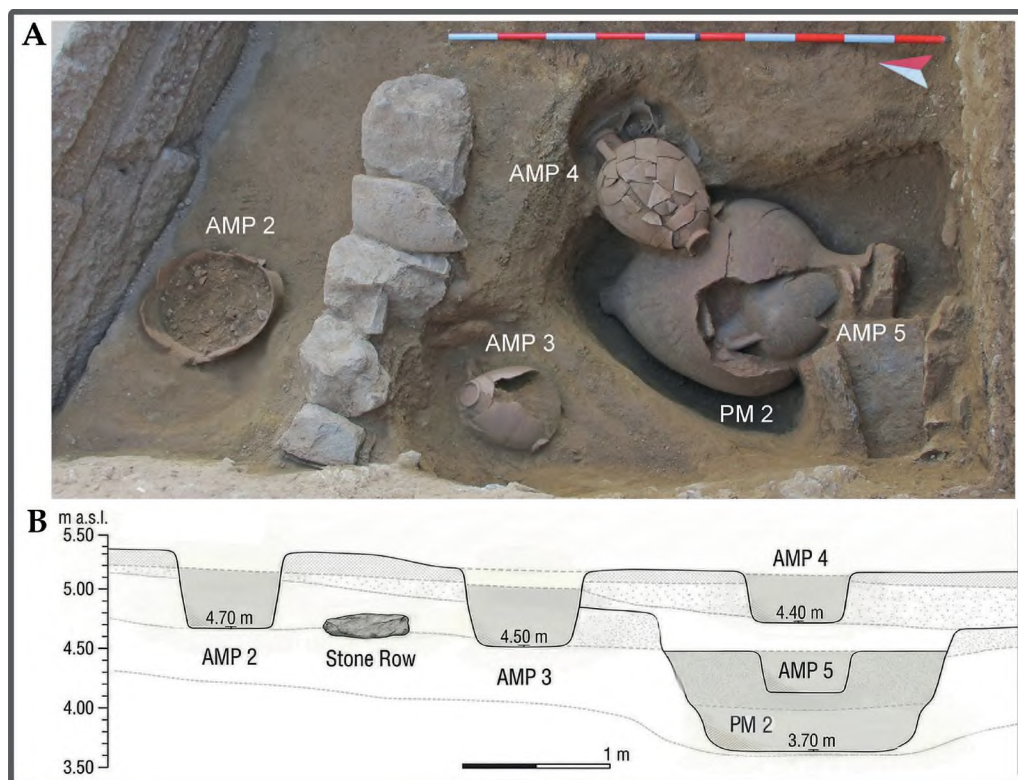

Fig. 9. Field photograph and schematic section of the Archaic micro-area showing adjacency and superposition among PM 2, AMP 2, AMP 3, AMP 4, and AMP 5: (A) field photograph; (B) schematic section showing the stone row between AMP 2 and AMP 3 and the lower position of PM 2 beneath AMP 4 and AMP 5. Photo: Parion Excavation Archive; drawing by the author

Рис. 9. Полевая фотография и схематический разрез архаического микроучастка, показывающие смежность и стратиграфическое перекрытие между PM 2, AMP 2, AMP 3, AMP 4 и AMP 5: (A) полевая фотография; (B) схематический разрез, показывающий каменный ряд между AMP 2 и AMP 3, а также более низкое положение PM 2 под AMP 4 и AMP 5. Фото: Архив раскопок Парiona; рисунок автора

This configuration shows that some non-adult burials should be evaluated not only as isolated grave contexts but also through local spatial relationships. Even so, the evidence is sufficient only to identify superposition, adjacency, and repeated use of a narrow burial zone; it does not demonstrate a formally bounded children's sector, a household plot, or a kinship

parcel. Outside this Archaic micro-area, the dataset does not show comparably clear local clusters for the Classical or Hellenistic phases, largely because securely attributable non-adult graves are very few in number. The Roman sample is more numerous and more dispersed, occurring across several grave technologies rather than within a single confined locus.

Micro-location patterns

Micro-location data are presented here only at the level of recorded positional patterning. As defined in the methodological section, object position was coded through anatomical zones and deposit status rather than interpretive categories. Usable micro-location information is uneven across periods and grave types: Archaic vessel burials are more often documented through in-vessel or out-of-vessel distinctions, or through uncertain positional descriptions, whereas graves from the Roman period, especially tile graves and possible wooden coffin or bier burials, provide the highest proportion of anatomically legible placements. The Hellenistic sample is fully usable at zonal level, but it remains too small to structure the overall pattern on its own (Table A1; see also Table 4).

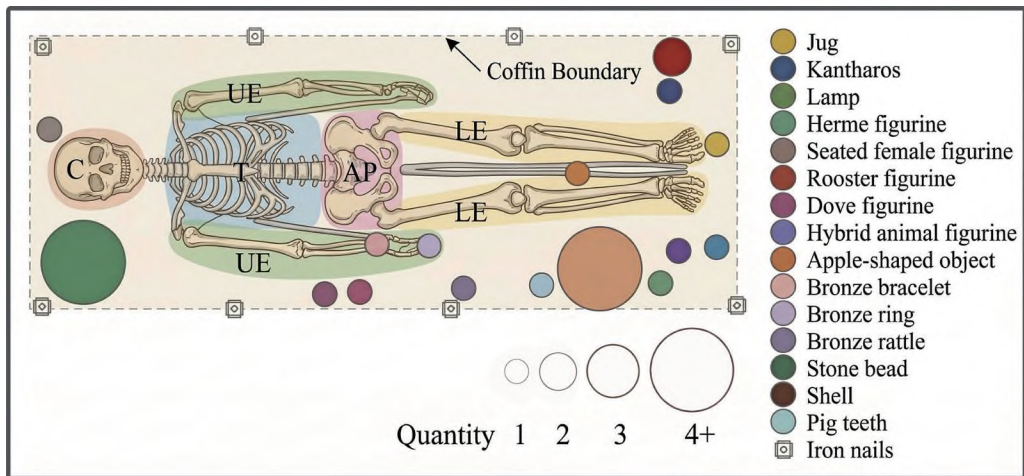

Fig. 10. Example of coded micro-location recording in the non-adult burial ATM 5 from the Roman period, showing body-related zones, the coffin boundary, and the distribution of associated finds³.

Рис. 10. Пример кодированной фиксации микролокации в погребении индивида не взрослого возраста ATM 5 римского периода, показывающий зоны, связанные с телом, границу гроба и распределение сопутствующих находок.

Table 4 summarises coded placements by major object category and body zone. Coins show the clearest repeated positional pattern, with a marked concentration in cranial placements and only minimal unclear cases. Figurines display the broadest and most dispersed distribution, with particularly frequent exterior and unclear placements, alongside a substantial lower-extremity component, rather than clustering in a single anatomical zone. Jewellery and beads

³ The figure illustrates a coded burial plan rather than an interpretive reconstruction. Object sizes are schematic and reflect distribution rather than exact dimensions.

are most strongly associated with the upper-extremity line, while lamps tend more often toward exterior or unclear placements. Vessels are distributed across several zones, but are concentrated above all in unclear placements, followed by lower-extremity positions. Less frequent object categories, including pins/needles, shells, astragaloi, rattles, faunal remains, and other small finds, are likewise dispersed, though lower-extremity and unclear positions are the most frequent.

Table 4

Summary of coded micro-location placements by major object category and body zone in the Parion non-adult sample⁴

Таблица 4

Сводка кодированных микролокационных размещений по основным категориям предметов и зонам тела в выборке погребений индивидов невзрослого возраста из Парiona

Object category	Cranial	Trunk	Upper extremity	Lower extremity	Exterior	Unclear	Total
Coins	13	0	0	0	0	2	15
Figurines	2	9	0	11	21	25	68
Jewellery / beads	2	1	6	1	0	1	11
Lamps	0	2	0	1	4	3	10
Vessels	2	4	6	9	3	21	45
Less frequent object categories	3	2	1	8	4	7	25
Total	22	18	13	30	32	59	174

Taken together, the coded evidence shows not a single non-adult depositional template, but a set of recurrent positional tendencies that vary by object category and by the quality of contextual documentation and preservation. These tendencies are discussed interpretively in the following section.

Discussion

The Parion dataset does not support the existence of a single, stable template for non-adult burial, nor does it suggest a simple chronological replacement in which one funerary rite disappeared and another took its place. Instead, the cemetery preserves a funerary repertoire in which continuity and transformation operated simultaneously. Some practices, above all the recurrent use of container burial for the youngest individuals, show marked durability. Others, especially grave architecture, assemblage variability, and the organisation of mortuary space, were reformulated more substantially across time. The result is not a fixed burial tradition for non-adults, but a historically shifting funerary grammar through which age-related difference was made materially visible [Dijkstra, 2019: 212–213; Dimakis, 2019: 297–298].

⁴ Counts refer to coded placements rather than to the total number of objects or graves. Only records with usable micro-location documentation were included. Trunk combines thoracic and abdominopelvic placements. «Vessels» includes unguentaria/toiletry vessels and other vessels. Less frequent object categories include pins/needles, shells, astragaloi, rattles, faunal remains, and other small finds.

Continuity and transformation in non-adult funerary treatment

The clearest long-term continuity in the Parion dataset is the durable association between the youngest individuals and container-based burial. In the Archaic phase, the non-adult sample is dominated by amphorae, pithoi, and a single hydria burial; in the Classical phase, the only securely attributable burial, AMP 1, remains an amphora inhumation; and in the Roman period container burial persists, though no longer as the dominant form. This fits wider Aegean evidence in which enchytrismos and related vessel burials were strongly associated with foetal, neonatal, infant, and young-child burial and often followed recurrent procedures of deposition and closure [Vlanti, 2022: 6–8]. At the same time, technical continuity cannot be equated automatically with stable funerary meaning, since recurrent forms may persist while their funerary significance shifts [Dijkstra, 2019: 213; Dimakis, 2019: 297–298].

Regional comparison points in the same direction. At Antandros, Archaic infant and child inhumations employed amphorae, hydriae, khytrai, pithoi, and simple earth graves, while Classical-period evidence shows amphorae and pithoi continuing alongside tile and simple earth graves [Yağız, 2025: 86; Yağız, 2020: 865]. Tenedos presents a similar picture, where pithos and amphora graves formed only part of a wider repertoire that also included stone-built graves, some of them used for children, other inhumations, and a rock-cut tomb [Özkan, 1993: 199–200]. In this regional context, Parion's Archaic and Classical container burials are best understood not as anomalous survivals, but as local expressions of a broader north-west Anatolian funerary repertoire in which repetition and variation coexisted.

At Parion itself, continuity also involved selective reuse of restricted burial space. The PM 2-AMP 2-AMP 3 micro-area indicates repeated deposition of infants and children within a tightly delimited Archaic burial zone, combining superposition, adjacency, and separation by stone alignment rather than fully isolated grave placement [Kasapoğlu, Ayaz, 2024: 139]. The AMP 2 dog burial adds a further layer of complexity to this micro-area. Greek comparative evidence suggests that associations between infants and dogs were not necessarily accidental, although they were not semantically uniform. In the Athenian Agora Bone Well, now fully published as a monograph, infant and foetal remains were deposited together with numerous dogs [Liston, Rotroff, Snyder, 2018], and this association has been discussed in relation to childbirth, untimely death, companionship, guardianship, and purification rather than through a single fixed symbolism [Liston, Rotroff, 2013: 64; Carroll, 2018b: 24; Day, 1984: 21, 27–28; Bourbou, Themelis, 2010: 116–117]. Comparable associations are also attested at Messene and Eretria, where infant or perinatal deposits were likewise found with substantial dog remains, and in Messene dogs were even buried among groups of child burials [Bourbou, Themelis, 2010: 111–112, 116–117; Fox, 2012: 415–416]. A later Roman comparison from northern Italy likewise associates dog burials with fetuses, stillborns, and perinatal individuals, and has been interpreted in terms of companionship, protection, guardianship, and liminal purification [Amoretti, Bassi, Fontana, 2018: 319–320]. At Parion, the safest conclusion is therefore not a fixed symbolic reading of the dog burial, but recognition that the AMP 2-AMP 3-PM 2 cluster records a local funerary zone in which burial repetition, age-sensitive placement, and unusual associated practice converged.

Compared with the Archaic predominance of container burials, later phases reveal a reconfiguration of non-adult funerary treatment. The Hellenistic sample forms a small

but internally coherent group centred on tile graves, whereas the Roman phase shows the greatest variability in grave technology, assemblage composition, and depositional resolution. In particular, the prominence of possible wooden coffin/bier burials in the Roman sample indicates a significant shift in funerary media. What persisted, however, was not a single burial form, but the repeated need to materialise age difference through changing combinations of containment, grave technology, and associated deposition. Age distinction remained visible, but the means through which it was expressed changed over time [Dijkstra, 2019: 212–213; Dimakis, 2019: 297–298]. This contrast must nevertheless be treated with caution. Because the Classical and Hellenistic samples are extremely limited, the transition between the Archaic and Roman endpoints remains only partially visible, and the intermediate stages of this long-term trajectory are still archaeologically fragmented.

Age, grave technology, and funerary representation

One of the clearest outcomes of the Parion dataset is that age and grave technology were related, but never in a rigid one-to-one manner. Biological or osteological age categories did not automatically correspond to socially recognised stages of life; age must therefore be investigated rather than assumed, and the relationship between biological, chronological, and social age could be asynchronous rather than fixed [Beaumont, 2013: 196; Gooch, 2025: 30–31]. In the same vein, Mariaud argues that child burials should be examined within the wider burial system rather than treated in advance as a wholly separate category of «special death» [Mariaud, 2012: 23].

At Parion, the clearest age-related pattern is the recurrent use of container burial for the youngest individuals in the sample (Table 3; Table A1). In the Archaic phase, the non-adult dataset is dominated by amphora, pithos, and hydria burials, and the single Classical burial, AMP 1, also remains an amphora inhumation. In this respect, the Parion evidence fits more broadly within the grave culture of the western Anatolian island — coastal zone [Mohr, 2015]. This pattern, however, does not justify any automatic equation between enchytrismos and infancy. Across the Greek world, enchytrismoι are often associated with foetuses, newborns, infants, and young children, but the relationship is not universal. Vlanti has shown that the rite was strongly linked to the biologically youngest in Attica and Euboea, whereas the wider regional picture remained more variable. At Antandros, pithoi were initially used for infant and child burials but later also for adults, while amphorae remained associated mainly with foetuses and infants [Vlanti, 2022: 6–7; Yağız, 2025: 86, 94]. A broadly comparable trajectory can also be observed elsewhere in the Troas, where early child burials at Assos include amphora and small stone-cist forms, whereas stone sarcophagi became dominant in the West Gate necropolis from the Classical period onward [Freydank, 2000]. The Parion evidence therefore supports a patterned association between biologically young individuals and container burial, not an inflexible code. More broadly, Greek and Roman evidence indicates that foetuses, neonates, and very young infants could receive distinct mortuary treatment, including burial in containers and, at times, spatial separation from the main communal cemetery, without implying neglect or indifference [Dasen, 2013].

The relationship between age and grave technology becomes clearer in the Hellenistic and Roman phases. The Hellenistic sample is very small, but both non-adult burials are tile graves, pointing to a narrower technical repertoire within this limited dataset. In the Roman period,

by contrast, non-adult burials occur in possible wooden coffin or bier burials, tile graves, coarse ceramic container burials, an amphora burial, a simple earth grave, and the rare child cremation BTM 19 (see Table 3; Table A1). The Roman amphora example at Parion is best read against wider Roman evidence showing that infant amphora burials have often been explained as practical reused containers for the poor, but could also reflect age- or stature-sensitive choices in vessel selection, modification, and funerary treatment [Stevens, 2013: 627–628, 635, 640; Carroll, 2018b: 184–185]. ATM 2 provides one of the clearest examples of probable coffin-based burial, since nail alignments and preserved wood remains make the structural logic of wooden containment materially visible, as shown in Fig. 6 and Table A1. [Tuğrul, 2024: 32]. BTM 19, by contrast, shows that variability in the Roman period extended not only across grave technology but also across burial mode (Fig. 11; Table A1). Comparison reinforces the point. At Antandros, simple earth graves could also contain young individuals with substantial assemblages [Yağız, 2025: 94]. Parion does not reproduce that pattern directly, but the broader point still holds: age was materially differentiated, yet the media through which that differentiation was expressed changed with chronology, local practice, and the funerary technologies available to the burying group.

Fig. 11. Child cremation burial dated to the Roman period. Photo: Parion Excavation Archive

Рис. 11. Детское кремационное погребение, датируемое римским периодом.

Фото: Архив раскопок Парииона

This has important consequences for interpretation. The Parion evidence does not suggest that children were represented in death merely through «small» or «simple» burials, but neither does it support the opposite assumption that richer graves necessarily imply higher status. Comparative evidence shows that simple graves may still contain substantial and carefully structured deposits. At Antandros, for example, a simple earth grave could contain

a young individual accompanied by a rich and varied assemblage [Yağız, 2025: 94]. More broadly, the quantity and quality of associated funerary objects need not communicate the same messages, since age differentiation operated within a wider burial system rather than through grave wealth alone [Mariaud, 2012: 23–25]. As recent childhood archaeology has emphasised, non-adult mortuary expenditure may reflect identities constructed by mourners, including projected identities, rather than the achieved identity of the deceased as an autonomous social actor [Gooch, 2025: 279–280]. At Parion, grave technology is therefore best understood as one of several media through which age difference was made materially legible, negotiated, and reformulated within the wider burial system, rather than as a simple age label in itself.

The key point, then, is not that particular grave forms can be assigned directly to specific age groups, but that grave technology formed one component within a wider funerary grammar through which age was materially expressed. In some periods, this grammar was relatively narrow, as in the Archaic predominance of container burial or the small Hellenistic tile-grave group; in others, especially the Roman phase, it became more diversified (see Table 3; Table A1). What can be observed archaeologically is therefore not social age as an abstract category, but the material strategies through which age difference was made visible, negotiated, and reconfigured within the cemetery [Halcrow, Tayles, 2008: 202–203].

Assemblages, micro-location, and depositional logic

The Parion assemblages show that associated finds cannot be read through a single interpretive lens. Grave goods are neither transparent reflections of the deceased's identity nor random additions to grave fill, but selected deposits whose significance depends on their relationship to the body, their position, burial technology, and the wider funerary context [Cooper, Garrow, Gibson, Giles, Wilkin, 2022: 38, 53]. This caution is especially important for non-adult graves. As Mariaud has shown for the East Aegean, objects in child graves do not fundamentally differ in quality or quantity from those in adult burials, and age differentiation was only one among several criteria expressed within the wider burial system [Mariaud, 2012: 23–25]. De Larminat similarly demonstrates that the analytical force of grave goods lies not simply in typology, but in placement, association, and depositional treatment within the grave [de Larminat, 2012: 308], while Huysecom-Haxhi and colleagues argue that figurines should be interpreted not one by one, but as components within wider assemblage-level constellations [Huysecom-Haxhi, Papaikonomou, Papadopoulos, 2012: 343]. The Parion material strongly supports this relational approach.

This is particularly clear in the sample from the Roman period. Even securely documented graves show substantial internal variability: İSM 35 combines a figurine head, a bronze coin, a glass bead, and four external unguentaria; ATM 4 combines a mug, an unguentarium, multiple seated female figurines, and nails; ATM 22 yielded only a lamp, a bronze coin, and a single iron nail; and ATM 5 preserves one of the richest coffin-defined assemblages in the sample, including vessels, figurines, jewellery-related objects, a bronze rattle, a shell, pig teeth, and nails [Tuğrul, 2024: 326–327, 365–367, 383–384]. These deposits are too variable to sustain any single formula such as «toy set,» «amuletic set,» or «domestic set,» especially since even in child graves small and miniature objects may retain ambiguous and multiple functions rather than carrying one fixed meaning, and figurines in particular need not have

functioned as toys but could also evoke projected or unrealised social identities [Harlow, 2013: 335; Dasen, 2010: 26–27]. Even so, they are not arbitrary: their recurrence in patterned combinations indicates selective deposition within a funerary logic that likely combined practical, representational, and ritual dimensions.

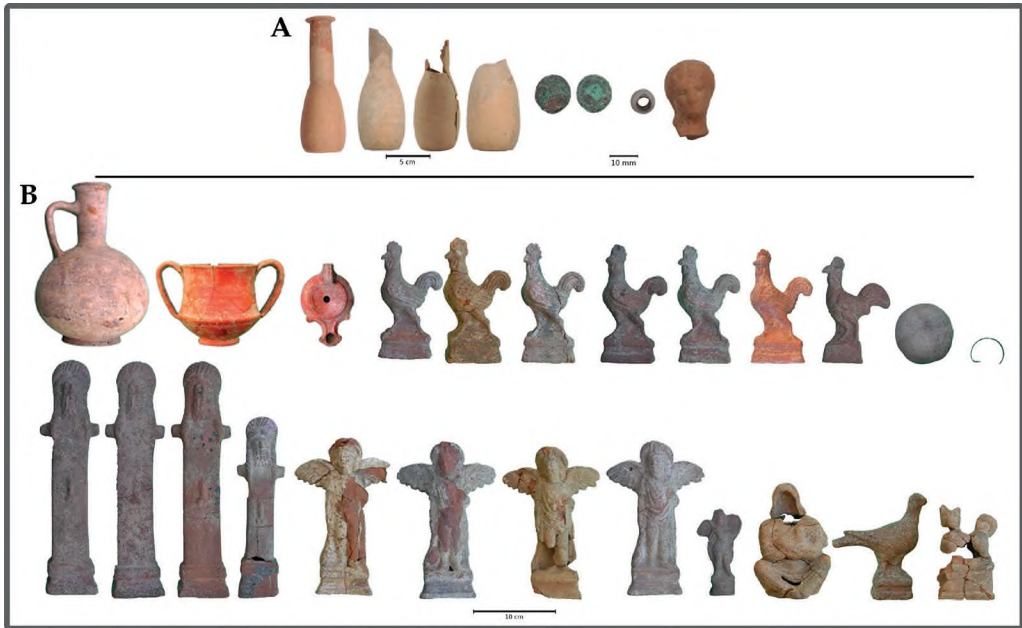

Fig. 12. Representative grave assemblages from Parion in the Roman period⁵: (A) ISM 35, showing a compact assemblage; (B) ATM 5, showing a more complex assemblage.

Photo: Parion Excavation Archive

Рис. 12. Репрезентативные погребальные комплексы из Парииона римского периода: (A) ISM 35, демонстрирующий компактный комплекс; (B) ATM 5, демонстрирующий более сложный комплекс. Фото: Архив раскопок Парииона.

Micro-location evidence sharpens this argument by showing that deposition followed recurrent but non-universal positional tendencies. Coins provide the clearest example. As Andújar Suárez and Blázquez Cerrato stress, coins in child burials should not be labelled automatically as Charon's obols, since their number, position, relation to grave type, and association with other finds must first be considered [Andújar Suárez, Blázquez Cerrato, 2019: 89, 91; Baldoni, 2008: 176–177]. In the Parion sample, coins show the most consistent recurrent tendency, with repeated cranial placement, often near the mouth or face. Figurines are distributed between body-related and more external or less body-centred placements; jewellery- and bead-related finds show a stronger association with the upper-extremity

⁵ The figure groups selected associated finds in order to illustrate assemblage composition and variability; it is not intended as a typological plate.

line; and lamps tend more often toward external placements. These contrasts suggest that depositional logic at Parion operated through differentiated placement rather than through a single rule governing all object classes, as shown in Table 4 and Table A1. [Andújar Suárez, Blázquez Cerrato, 2019: 96].

A useful way to structure this analytically without reducing the material to rigid categories is to distinguish intersecting analytical axes for assemblage interpretation at Parion (Table 5): functional or operational deposits linked to treatment of the body, libation, anointment, lighting, closure, and related practical acts; symbolic, apotropaic, or identity-related deposits involving protective, representational, divine, animal, gendered, or age-sensitive associations; and personal, biographical, or prospective deposits referring not only to lived experience but also to anticipated or unrealised life-course identities. This framework builds on contextual approaches that interpret grave goods through association, placement, and funerary sequence rather than through fixed typological meanings [Van Andringa, 2025; Mariaud, 2012: 23–25; Huysecom-Haxhi, Papaikonomou, Papadopoulos, 2012: 343]. The prospective dimension is especially relevant where objects may relate not only to lived experience but also to projected identities or unrealised life-course expectations [Gooch, 2025: 185, 281]. These analytical axes are not mutually exclusive, and the same object may operate in more than one register depending on context. Their value lies not in assigning fixed meanings, but in structuring contextual interpretation.

Table 5

Suggested analytical axes for the contextual interpretation of non-adult funerary assemblages at Parion

Таблица 5

Предлагаемые аналитические оси для контекстуальной интерпретации погребальных комплексов индивидов невзрослого возраста в Париионе

Analytical axis	Definition	Indicative Parion examples
Functional or operational	Objects linked to treatment of the body, libation, anointment, lighting, closure, or practices accompanying burial and grave closure	Unguentaria; jugs and pouring vessels; lamps; nails; textile-related pins; vessels placed inside or immediately outside primary containment
Symbolic, apotropaic, or identity-related	Objects carrying protective, representational, age-sensitive, gendered, divine, animal, or socially coded associations	Figurines; jewellery; beads; shells; rattles; astragaloi; coins, where interpretation depends on placement and association
Personal, biographical, or prospective	Objects that may relate to the deceased's lived world, socially expected life stage, or unrealised but anticipated identity	Small ornaments, selected figurines, and certain grouped small finds in child burials, especially where assemblages are internally coherent and body-related

This model explains why the Parion material resists shorthand labels. Figurines, for example, should be interpreted not one by one but as elements within wider assemblage constellations and may, in some contexts, relate simultaneously to representational and prospective dimensions of identity [Huysecom-Haxhi, Papaikonomou, Papadopoulos, 2012: 343; Gooch, 2025: 279–281]. Lamps may belong to practical funerary sequences, but their interpretive value also depends on final placement within or outside the primary burial containment [de Larminat, 2012: 306–308]. Coins, finally, may belong to recurrent cranial patterns often

discussed in Charon-related terms, but this meaning cannot be assumed automatically without considering their number, placement, grave type, and association with other finds [Andújar Suárez, Blázquez Cerrato, 2019: 89, 91, 96]. What matters methodologically is not the object type in isolation, but the combined consideration of object class, placement, depositional status, and burial architecture [Van Andringa, 2025: 11–12; de Larminat, 2012: 306–308; Huysecom-Haxhi, Papaikonomou, Papadopoulos, 2012: 343].

The broader point here is methodological. Parion supports neither the view that non-adult grave goods form a simple catalogue of childhood markers nor the view that they are merely generic funerary furnishings devoid of age-related relevance. Instead, it suggests that assemblages were formed through selective and context-sensitive combinations whose logic can only be understood relationally through grave type, containment, object association, and micro-location [Mariaud, 2012: 23–25; de Larminat, 2012: 306–308; Huysecom-Haxhi, Papaikonomou, Papadopoulos, 2012: 343–344].

Conclusion

This study has examined 43 non-adult burials from the South (Tavşandere) Necropolis of Parion within a broader cemetery dataset of 289 graves spanning from the late seventh/early sixth century BCE to the third century CE. Rather than treating non-adults as a single undifferentiated biological category, it has approached funerary treatment through grave type, containment and closure, associated assemblages, micro-location, and spatial relations, while recognising that age categories are analytical rather than direct equivalents of past social stages and that child burials must be examined within the wider burial system [Gooch, 2025: 30–31; Mariaud, 2012: 23–25]. The resulting picture is not one of uniformity or simple chronological replacement, but of continuity and transformation operating together in the material construction of age-related funerary distinction.

The clearest long-term pattern is the durable association between the youngest individuals in the sample and container-based burial (see Sections 4.1–4.4; Table 3; Table A1). In the Archaic phase, amphorae and pithoi dominate the non-adult sample, alongside a single hydria burial; the single securely attributable Classical burial was likewise an amphora inhumation; and even in the Roman period container burial does not disappear completely. Yet this continuity should not be mistaken for an unchanging child-burial tradition. The Hellenistic sample is instead represented by a small but coherent tile-grave group, whereas the Roman phase shows the greatest variability in grave technology, assemblage composition, and burial mode. What persisted, therefore, was not a single funerary form, but the repeated need to materialise age difference through changing combinations of grave technology, containment, and deposition, a pattern that also finds broader regional parallels in the north-west Anatolian and Aegean record [Vlanti, 2022: 6–7; Yağız, 2025: 86, 94].

A second key point concerns the interpretation of associated finds. The Parion material shows that figurines, astragaloi, shells, lamps, coins, vessels, and other small finds cannot be assigned fixed meanings on the basis of typology alone. Their significance depends instead on association, placement, containment, and recurrence within the burial context, while micro-location analysis shows that some object classes, especially coins, followed recurrent but non-universal depositional tendencies [Andújar Suárez, Blázquez Cerrato, 2019: 89, 91, 96]. The broader methodological implication is that non-adult grave goods should be read

neither as a simple catalogue of childhood markers nor as generic funerary furnishings devoid of age-related relevance. Instead, they are best understood as selective and context-sensitive assemblages whose logic can only be approached relationally through grave type, containment, object association, and micro-location [Mariaud, 2012: 23–25; de Larminat, 2012: 306–308; Huysecom-Haxhi, Papaikonomou, Papadopoulos, 2012: 343–344].

A third point concerns the spatial and diachronic framing of non-adult burial. At Parion, non-adult burials were neither fully segregated within a discrete cemetery sector nor distributed evenly across the funerary landscape. The Archaic PM 2 micro-area instead suggests that repeated placement, selective clustering, and physical separation could operate together within a restricted burial zone, without demonstrating kinship, household grouping, or a formally bounded children's quarter (see the section «Spatial distribution and micro-area relations»; Fig. 9). These conclusions, however, must remain proportionate to the dataset: the Classical and Hellenistic samples are small, preservation and documentation are uneven, and micro-location evidence is not uniformly available (see Table 3; Table 4; Table A1). The main point is not that age can be read directly from burial form, but that age-related funerary representation at Parion was repeatedly constructed through changing material strategies. In this sense, the Parion dataset contributes not only to the archaeology of childhood, but also to wider debates on mortuary variability, contextual interpretation, and the necro-social organisation of funerary practice. By treating burial evidence not as an isolated catalogue of finds but as a record of age-related social representation, this study also contributes to the broader integration of archaeological evidence on child burial into socio-cultural histories of childhood in antiquity [Laes, 2015].

Acknowledgements and funding

This study was carried out within the scope of the Parion excavations under the auspices of Ondokuz Mayıs University. I am sincerely grateful to Prof. Dr. Vedat Keleş, Director of the Parion excavations, for permission to conduct this study and for his support throughout the research process. I also thank the members of the Parion excavation team for their assistance and collegial support during the preparation of this work.

Благодарности и финансирование

Данное исследование было выполнено в рамках раскопок Парииона, проводимых под эгидой Университета Ондокуз Майыс. Я искренне благодарен профессору доктору Ведату Келешу, руководителю раскопок Парииона, за разрешение провести это исследование и за его поддержку на всех этапах работы. Также благодарю членов археологической экспедиции Парииона за их помощь и коллегиальную поддержку при подготовке данной публикации.

Appendix A. Grave catalogue of the Parion non-adult sample**Table A1. Full grave codes and contextual descriptions⁶**

Приложение А. Каталог погребений невзрослой выборки Парииона

Таблица А1. Полные коды погребений и описания контекста⁷

Grave No.	Date	Age category	Assemblage
PM 2	590–550 BCE	Child	Inside the pithos: Bronze bracelet (1), Astragaloi (25).
PM 5	6th century BCE	Infant	No associated finds recorded.
AMP 3	late seventh/early sixth century BCE	Infant	Inside the amphora: Oinochoe (1). Outside the amphora: Cooking pot (1; incomplete).
AMP 4	590–550 BCE	Infant	Outside the amphora: Mug (1).
AMP 5	590–550 BCE	Infant	No associated finds recorded.
AMP 6	550–525 BCE	Infant	No associated finds recorded.
AMP 9	600 BCE	Infant	No associated finds recorded.
AMP 10	550–525 BCE	Infant	No associated finds recorded.
AMP 11	560–540 BCE	Infant	No associated finds recorded.
AMP 12	500–475 BCE	Infant	No associated finds recorded.
AMP 13	600–580 BCE	Infant	No associated finds recorded.
HYD 1	550–525 BCE	Infant	No associated finds recorded.
M 171	610–580 BCE	Child	Oinochoe (1), Aryballo (3), Ink pot (1).
L 4	525–500 BCE	Child	Inside the sarcophagus: Marble alabastron (1), Bronze earrings (2), Bronze ring (1), Astragaloi (6), Iron pin (1), Textile fragments. Outside the sarcophagus: Metal tools, including pliers, hammer, and a nail-cleaning implement.

⁶ Age categories follow the operational classification used in this study: perinatal (c. 0–1 month), infant (>1 month to <3 years), child (3–12 years), and adolescent (13–18 years). Original excavation and field labels were normalised to this system where necessary for analytical consistency. Deposit status is recorded with reference to the boundary of the primary burial containment; in vessel burials, this is specified as in-vessel or out-of-vessel. Only deposits explicitly recorded as outside the primary containment are noted separately. The expression «No associated finds recorded» indicates that no associated grave goods were documented in the excavation record for that context; it should not be taken to imply the original absence of perishable materials that may not have survived archaeologically. Burials coded as ATM were classified as possible wooden coffin or bier burials on contextual grounds, including nail distribution, linear clustering, and edge or corner relations, rather than on nail presence alone.

⁷ Возрастные категории соответствуют операционной классификации, принятой в данном исследовании: перинатальный (приблизительно 0–1 месяц), младенец (от 1 месяца до 3 лет), ребёнок (3–12 лет) и подросток (13–18 лет). Исходные полевые и лабораторные обозначения были нормализованы в соответствии с этой системой при необходимости для обеспечения аналитической согласованности. Статус депозита фиксируется относительно границы первичного погребального вместилища; в случае захоронений в сосудах это уточняется как «внутри сосуда» или «вне сосуда». Отдельно отмечаются только те депозиты, которые согласно документации находятся за пределами первичного вместилища. Выражение «Сопутствующих находок не зафиксировано» означает, что в полевой документации для данного контекста не было отмечено никаких погребальных даров; это не следует рассматривать как указание на изначальное отсутствие материалов, которые могли не сохраниться в археологической записи. Погребения с кодом ATM были классифицированы на контекстуальных основаниях как возможные захоронения в деревянных гробах или на носилках — с учетом распределения гвоздей, линейной кластеризации, соотношений по краям и углам, а не только на основе наличия самих гвоздей.

Продолжение таблицы А1

Grave No.	Date	Age category	Assemblage
AMP 1	500–440 BCE	Infant	No associated finds recorded.
DSM 2	2nd century BCE	Adolescent	Unguentarium (1), Iron pin (1).
DSM 18	2nd century — early 1st century BCE	Child	Iron pin (1).
AMP 15	late 1st century BCE — early 2nd century CE	Infant	Inside the amphora: Chytra (1), Shells (2).
BTM 19	Roman (stratigraphic)	Child	No associated finds recorded.
ÇM 1	Roman (stratigraphic)	Perinatal	No associated finds recorded.
ÇM 2	late 2nd — early 3rd century CE	Perinatal	Outside the pot: Lamp (1).
İSM 27	second half of the 1st century CE	Child	Inside the grave: Jug (1), Terracotta seated female figurine on a throne (1), Terracotta figurines (3; fragmentary), Glass unguentarium (1), Bronze coin (1). Outside the tile cover, adjacent to it: Lamp (1), Terracotta Eros figurines (2), Terracotta rooster figurine (1).
İSM 28	second half of the 1st century CE	Child	Bronze coin (1).
İSM 30	second half of the 1st century CE	Child	Jug (1), Bowl (1), Bronze coin (1).
İSM 35	second half of the 1st century CE	Child	Inside the grave: Bronze coin (1), Glass bead (1), Pig mandible. Outside the tile cover, adjacent to it: Terracotta figurine head (1), Unguentaria (4).
İSM 63	2nd century CE	Infant	String of glass beads (5), Glass jug (1), Bone pendant (1), Bronze coin (1).
ATM 1	second half of the 1st century BCE — early 1st century CE	Child	Thymiaterion (1), Terracotta Aphrodite Anadyomene figurine (1), Silver earrings with beads (2), Bronze coin (1).
ATM 2	early 1st century CE	Child	Inside the grave: Terracotta seated female figurines (14), Terracotta Kybele figurine (1), Jug (1), Pyxis (1), Bronze coin (1), Bronze ring (1). Outside the wooden coffin, adjacent to it: Terracotta seated female figurines (19), Terracotta Kybele figurine (1), Terracotta Aphrodite figurine (1), Terracotta bull figurine (1), Astragalos (1).
ATM 3	early 1st century CE	Child	Jug (1), Unguentarium (1), Cup (1), Terracotta seated female figurines on a throne (5), Terracotta seated armless female figurine (1), Terracotta draped nude Aphrodite figurines (3), Terracotta dove figurine (1), Bone object (1).
ATM 4	early 1st century CE	Child	Mug (1), Unguentarium (1), Terracotta seated armless female figurines (4), Terracotta seated female figurine on a throne (1).
ATM 5	early 1st century CE	Child	Jug (1), Kantharos (1), Lamp (1), Terracotta herm figurines (4), Terracotta Eros figurines (5), Terracotta seated female figurine (1), Terracotta rooster figurines (7), Terracotta dove figurine (1), Terracotta hybrid animal figurine combining dog, wolf, and lion features (1), Terracotta apple-shaped object (1), Bronze bracelet (1), Bronze ring (1), Bronze rattle (1), Stone bead (1), Shell (1), Pig teeth.

Окончание таблицы А1

Grave No.	Date	Age category	Assemblage
ATM 6	early 1st century CE	Child	Jug (1), Unguentarium (1), Terracotta seated armless female figurines (2), Terracotta seated female figurines with birds (5), Terracotta Aphrodite Anadyomene figurines (2), Terracotta child carrying a rooster figurine (1), Bronze coin (1).
ATM 7	early 1st century CE	Child	Inside the grave: Unguentarium (1), Bronze coin (1). Outside the wooden coffin, adjacent to it: Terracotta herm figurine of old Hermes (1), Terracotta herm figurine of Dionysos (1), Terracotta draped epebe figurines (3), Terracotta young Eros playing with a dog figurine (1), Terracotta Eros with goose figurine (1), Terracotta dove figurine (1), Terracotta pomegranate object (1).
ATM 9	second half of the 1st century CE	Child	Inside the grave: Jug (1), Mug (1), Kantharos (1), Unguentarium (1), Terracotta herm figurine of Dionysos (1), Terracotta child Eros playing with a dog figurine (2), Terracotta dove figurine (1), Terracotta pig figurine (1), Bronze coin (1), Mussel shell (1). Outside the wooden coffin, adjacent to it: Lamp (1).
ATM 11	1st century CE	Child	Inside the grave: Bronze coin (1). Outside the wooden coffin, adjacent to it: Terracotta Aphrodite figurines (3), Terracotta Eros and Psyche figurine (1), Terracotta herm figurine of old Hermes (1), Jug (1), Lamp (1), Glass unguentarium (1).
ATM 12	1st century CE	Child	Cup (1), Feeding bottle (1), Unguentaria (4), Glass unguentaria (2), Terracotta Aphrodite Anadyomene figurine (1), Terracotta Eros and Psyche figurine (1), Terracotta draped male figurine (1), Terracotta dove figurine (1), Bone pin (1), Bone objects (4).
ATM 13	1st century CE	Child	Jug (1), Terracotta seated female figurine with diptych (1), Terracotta seated female figurines on a throne (2), Terracotta draped nude Aphrodite figurine (1), Terracotta nude Aphrodite figurine with strophion (1), Terracotta dove figurine (1), Lamp (1).
ATM 16	1st century CE	Infant	Jug (1), Terracotta Aphrodite figurines (2), Terracotta seated female figurine with diptych (1), Terracotta kissing Erotes figurine (1), Shell (1), Bronze rattle (1), Bronze coin (1).
ATM 19	late 1st — early 2nd century CE	Infant	Inside the grave: Terracotta child Eros playing with a dog figurine (1), Terracotta dove figurines (2), Rattles (2), Unguentarium (1), Bronze rattle (1), Bronze coin (1). Outside the wooden coffin, adjacent to it: Lamp (1).
ATM 22	second half of the 1st — early 2nd century CE	Infant	Lamp (1), Bronze coin (1).
ATM 24	2nd century CE	Child	Inside the grave: Glass unguentarium (1), Glass bowls (2), Terracotta gladiator figurines (3), Terracotta seated female figurine on a throne (1), Terracotta attendant/slave figurine (1). Outside the wooden coffin, adjacent to it: Lamp (1).
ATM 25	2nd century CE	Child	Terracotta Apollo figurine (1), Terracotta gladiator figurines (3), Glass unguentaria (2).
ATM 27	second half of the 2nd century CE	Child	Bronze coin (1), Iron tacks.

References

- Amoretti V., Bassi C., Fontana A. Associated Stillborn and Dog Burials: The Uncommon Case of the Cemetery of Via Tommaso Gar (TN). *Antropologia e Archeologia a Confronto: Archeologia e Antropologia della Morte* [Anthropology and Archaeology in Comparison: Archaeology and Anthropology of Death]. Rome: Romarché, 2018, pp. 319–330.
- Andújar Suárez A., Blázquez Cerrato C. Coin Finds in Roman Child Burials. *Journal of Archaeological Numismatics*. 2019, no. 9, pp. 89–123.
- Beaumont L.A. Shifting Gender: Age and Social Status as Modifiers of Childhood Gender in Ancient Athens. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 195–206.
- Bourbou C., Themelis P. Child Burials at Ancient Messene. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité I: Nouvelles recherches dans les nécropoles grecques. Le signalement des tombes d'enfants* [The Child and Death in Antiquity I: New Research in Greek Necropolises. The Marking of Children's Graves]. Paris: De Boccard, 2010, pp. 111–128.
- Breiby M. P. Child Mortality; An Insight into Society? A Diachronic Comparative Analysis of Child Graves from the North Cemetery at Corinth, 700–400 BC. Master's thesis. University of Oslo, 2018, 91 p.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (eds.) *Standards for Data Collection from Human Skeletal Remains*. Arkansas Archeological Survey Research Series 44. Fayetteville, AR: Arkansas Archeological Survey, 1994, 272 p.
- Cannon A., Cook K. Infant Death and the Archaeology of Grief. *Cambridge Archaeological Journal*. 2015, vol. 25, no. 2, pp. 399–416. <https://doi.org/10.1017/S0959774315000049>
- Carroll M. Infant Death and Burial in Roman Italy. *Journal of Roman Archaeology*. 2011, vol. 24, pp. 99–120. <https://doi.org/10.1017/S1047759400003329>
- Carroll M. Archaeological and Epigraphic Evidence for Infancy in the Roman World. *The Oxford Handbook of the Archaeology of Childhood*. Oxford: Oxford University Press, 2018a, pp. 148–164.
- Carroll M. *Infancy and Earliest Childhood in the Roman World: «A Fragment of Time»*. Oxford: Oxford University Press, 2018b, 317 p.
- Cooper A., Garrow D., Gibson C., Giles M., Wilkin N. *Grave Goods: Objects and Death in Later Prehistoric Britain*. Oxford; Philadelphia: Oxbow Books, 2022, 308 p.
- Dasen V. Becoming Human: From the Embryo to the Newborn Child. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 17–39. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199781546.013.001>
- Day L. P. Dog Burials in the Greek World. *American Journal of Archaeology*. 1984, vol. 88, no. 1, pp. 21–32.
- Dimakis N. Burial and Commemoration of Children in Hellenistic Greece. *Griechische Nekropolen: Neue Forschungen und Funde* [Greek Necropolises: New Research and Finds]. Möhnese: Bibliopolis, 2019, pp. 287–306.
- Dimakis N., Dijkstra T.M. Mortuary Variability and Social Diversity in Ancient Greece: A Prologue. *Mortuary Variability and Social Diversity in Ancient Greece: Studies on Ancient Greek Death and Burial*. Oxford: Archaeopress, 2020, pp. 1–4.

Dijkstra T. M. *From Polis to Colonia: Death, Burial, and Society in Hellenistic and Roman Patras*. PhD diss. University of Groningen, 2019, 513 p. <https://doi.org/10.33612/diss.107805288>

Fox S. C. The Bioarchaeology of Children in Graeco-Roman Greece. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité II: Types de tombes et traitement du corps des enfants dans l'antiquité gréco-romaine* [The Child and Death in Antiquity II: Types of Tombs and Treatment of Children's Bodies in Greco-Roman Antiquity]. Alexandrie: Centre d'Études Alexandrines, 2012, pp. 409–427.

Gooch E. *Experiencing Childhood in Ancient Athens: Material Culture, Iconography, Burials, and Social Identity in the 9th to 4th Centuries BCE*. Oxford: Oxford University Press, 2025, 340 p.

Gowland R. Infants and Mothers: Linked Lives and Embodied Life Courses. *The Oxford Handbook of the Archaeology of Childhood*. Oxford: Oxford University Press, 2018, pp. 104–121.

Halcrow S. E., Tayles N. The Bioarchaeological Investigation of Childhood and Social Age: Problems and Prospects. *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2008, vol. 15, no. 2, pp. 190–215. <https://doi.org/10.1007/s10816-008-9052-x>

Harlow M. Toys, Dolls, and the Material Culture of Childhood. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 322–340. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199781546.013.016>

Kasapoğlu B. E. Critical Assessment on Grave Types and Burial Customs in Classical Period of Parion Southern-Tavşandere Necropolis. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry*. 2022, vol. 22, no. 2, pp. 261–287. <https://doi.org/10.5281/zenodo.7023564>

Laes C. Children, Burial and Death: New Perspectives for the History of Childhood in Antiquity. *L'Antiquité Classique* [Classical Antiquity]. 2015, vol. 84, pp. 259–269. <https://doi.org/10.3406/antiq.2015.3875>

Lillehammer G. A Child Is Born: The Child's World in an Archaeological Perspective. *Norwegian Archaeological Review*. 1989, vol. 22, no. 2, pp. 89–105. <https://doi.org/10.1080/00293652.1989.9965496>

Liston M. A., Rotroff S. I. Babies in the Well: Archeological Evidence for Newborn Disposal in Hellenistic Greece. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 62–82. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199781546.013.003>

Liston M. A., Rotroff S. I., Snyder L. M. *The Agora Bone Well*. Hesperia Supplement 50. Princeton, NJ: American School of Classical Studies at Athens, 2018, 186 p.

Murphy E., Le Roy M. Introduction: Archaeological Children, Death and Burial. *Children, Death and Burial: Archaeological Discourses*. Oxford: Oxbow Books, 2017, pp. 1–18.

Sabetai V. The Archaeology of Play in Boeotia: A Contribution to the Ludic Culture of a Greek Region. *Toys as Cultural Artefacts in Ancient Greece, Etruria, and Rome*. Drémil-Lafage: Éditions Mergoil, 2022, pp. 153–171.

Serra A. The Recognition of Children and Child-Specific Burial Practices at the Necropolis of Spina, Italy. *Ages and Abilities: The Stages of Childhood and Their Social Recognition in Prehistoric Europe and Beyond*. Oxford: Archaeopress, 2020, pp. 193–208.

Stevens S. T. Stages of Infancy in Roman Amphora Burial. *The Oxford Handbook of Childhood and Education in the Classical World*. Oxford: Oxford University Press, 2013, pp. 625–643. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199781546.013.030>

Van Andringa W. Funerary Practices: Their Study and Their Potential. *Hellenistic Funerary Culture in Pergamon and the Aeolis: A Collection of Current Approaches and New Results*. Berlin: iDAI. publications/books, 2025, pp. 11–19. <https://doi.org/10.34780/7086dg50>

Vlanti D. The Burial Rite of Enchytrismos in Attica, Euboea and Boeotia during the Late Geometric and Archaic Periods: Towards an Understanding of its Social Significance. *Teiresias Journal Online*. 2022, vol. 1, no. 1, P. 6–9. <https://doi.org/10.17879/tjo-2022-4313>

Yağız K. The Antandros Necropolis: An Evaluation in Light of Research Carried Out in 2001–2018. *Hellenistic Funerary Culture in Pergamon and the Aeolis: A Collection of Current Approaches and New Results*. Berlin: iDAI. publications/books, 2025, pp. 83–101. <https://doi.org/10.34780/ndah5n46>

Baldoni D. Le tombe e i corredi [The Tombs and Grave Goods]. In: *Pian di Bezzo di Sarsina: la necropoli romana* [Pian di Bezzo di Sarsina: The Roman Necropolis]. Bologna, 2008, pp. 21–180 (in Italian).

Carè B. L'astragal in tomba nel mondo greco: un indicatore infantile? Vecchi problemi e nuove osservazioni a proposito di un aspetto del costume funerario [The Astragalus in Graves in the Greek World: An Indicator of Childhood? Old Problems and New Observations on an Aspect of Funerary Custom]. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité III: Le matériel associé aux tombes d'enfants* [The Child and Death in Antiquity III: Material Associated with Children's Graves]. Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 2012, pp. 403–416. <https://doi.org/10.4000/books.pccj.1384> (in Italian).

Dasen V. Archéologie funéraire et histoire de l'enfance dans l'Antiquité: nouveaux enjeux, nouvelles perspectives [Funerary Archaeology and the History of Childhood in Antiquity: New Issues, New Perspectives]. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité I: Nouvelles recherches dans les nécropoles grecques. Le signalement des tombes d'enfants* [The Child and Death in Antiquity I: New Research in Greek Necropolises. The Marking of Children's Graves]. Paris: De Boccard, 2010, pp. 19–44 (in French).

de Larminat S. Le mobilier déposé dans les sépultures d'enfants en Afrique du Nord à l'époque romaine [Grave Goods Deposited in Children's Burials in North Africa in the Roman Period]. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité III: Le matériel associé aux tombes d'enfants* [The Child and Death in Antiquity III: Material Associated with Children's Graves]. Arles: Éditions Errance, 2012, pp. 293–310 (in French).

Dubois C. Des objets pour les bébés? Étude du mobilier déposé dans les tombes de bébés et de nourrissons du monde grec [Objects for Babies? A Study of the Grave Goods Deposited in the Burials of Babies and Infants in the Greek World]. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité III: Le matériel associé aux tombes d'enfants* [The Child and Death in Antiquity III: Material Associated with Children's Graves]. Arles: Éditions Errance, 2012, pp. 329–342 (in French).

Freydank J. *Die Westtor-Nekropole von Assos in klassischer und hellenistischer Zeit* [The West Gate Necropolis of Assos in the Classical and Hellenistic Periods]. *PhD diss.* Universität Mannheim, 2000, 305 p. (in German).

Huysecom-Haxhi S., Papaikonomou I.-D., Papadopoulos S. Les figurines en terre cuite dans les sépultures d'enfants en Grèce ancienne: le cas des jeunes filles nues assises [Terracotta Figurines in Children's Burials in Ancient Greece: The Case of Seated Nude Young Girls]. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité III: Le matériel associé aux tombes d'enfants* [The Child and Death in Antiquity III: Material Associated with Children's Graves]. Aix-en-Provence: Publications du Centre Camille Jullian, 2012, pp. 343–366. <https://doi.org/10.4000/books.pccj.1381> (in French).

Mariaud O. Mobilier funéraire et classes d'âge dans les cités grecques d'Égée orientale à l'époque archaïque [Grave Goods and Age Classes in the Greek Cities of the Eastern Aegean in the Archaic Period]. *L'Enfant et la mort dans l'Antiquité III: Le matériel associé aux tombes d'enfants* [The Child and Death in Antiquity III: Material Associated with Children's Graves]. Arles: Éditions Errance, 2012, pp. 23–37 (in French).

Mohr E.-M. *Eisenzeitliche Nekropolen im westlichen Kleinasien: Struktur und Entwicklung zwischen dem 9. und 6. Jh. v. Chr.* [Iron Age Necropolises in Western Asia Minor: Structure and Development between the 9th and 6th Centuries BC]. Byzas 21. Istanbul: Ege Yayınları, 2015, 506 p. (in German).

Başaran C., Kasapoğlu H. 2005–2013 Yılları Verileriyle Parion Güney Nekropolisi Ölü Gömme Gelenepleri [Burial Customs in the South Necropolis of Parion in the Light of the Data from 2005–2013]. *17. Türk Tarih Kongresi. 1. Cilt. Eski Anadolu Uygarlıkları* [17th Turkish Historical Congress. Volume 1. Ancient Anatolian Civilizations]. Ankara: Türk Tarih Kurumu, 2018, pp. 433–487 (in Turkish).

Başaran C., Yılmaz A. Parion'un (Parium) MS 1.-2. Yüzyıl Kentsel Gelişimi ve Mimarisi Hakkında Ön Değerlendirme [A Preliminary Evaluation on the Urban Development and Architecture of Parion (Parium) in the First and Second Centuries AD]. *Anadolu Arkeolojisiyle Harmanlanmış Bir Ömür: Mehmet Karaosmanoğlu'na Armağan* [A Life Blended with Anatolian Archaeology: A Volume in Honour of Mehmet Karaosmanoğlu]. Ankara: Bilgin Kültür Sanat Yayınları, 2021, pp. 107–133 (in Turkish).

Çırak M. T., Şarbak A., Mucur S., Acar E., Tarhan E., Koç F., Keleş V. *Parion'un Ölüler Kitabı: Antropolojik ve Zooarkeolojik Çalışmalar* [Parion's Book of the Dead: Anthropological and Zooarchaeological Studies]. Parion Studies VII. İstanbul: Ege Yayınları, 2023, 174 p. (in Turkish).

Kasapoğlu B. E. *Parion Güney Nekropolisi Arkaik Dönem Mezar ve Kontekstleri* [Archaic Period Graves and Contexts of the South Necropolis of Parion]. *PhD diss.* Atatürk Üniversitesi, Erzurum, 2019, 549 p. (in Turkish).

Kasapoğlu B. E., Ayaz M. Parion'dan Ölü Hediyesi Olarak Arkaik Tek Renkli Mutfak ve Pişirme Kapları [Archaic Monochrome Kitchen and Cooking Wares from Parion as Grave Gifts]. *Parion Kazıları 20. Yıl Armağanı* [Parion Excavations 20th Anniversary Volume]. İstanbul: Ege Yayınları, 2024, pp. 137–146 (in Turkish).

Keleş V. Yüzey Araştırmaları [Survey Research]. *Antik Troas'ın Parlayan Kenti Parion* [Parion: The Shining City of Ancient Troas]. İstanbul: Ege Yayınları, 2013, pp. 29–36 (in Turkish).

Özkan T. *Tenedos Arkaik ve Klasik Nekropolü* [The Archaic and Classical Necropolis of Tenedos]. *PhD diss.* Ege Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü, İzmir, 1993, 220 p. (in Turkish).

Tuğrul S. *Hellenistik ve Roma Dönemlerinde Parion'da Nekro-Sosyal Süreklilik ve Değişim: Güney (Tavşandere) Nekropolü* [Necro-Social Continuity and Change at Parion in the Hellenistic and Roman Periods: The South (Tavşandere) Necropolis]. *PhD diss.* Ondokuz Mayıs Üniversitesi Lisansüstü Eğitim Enstitüsü, Samsun, 2024, 505 p. (in Turkish).

Yağız K. Antandros Nekropolisi: Klasik Dönem Ölü Gömme Gelenekleri [The Antandros Necropolis: Burial Customs in the Classical Period]. *Propontis ve Çevre Kültürleri* [Propontis and Surrounding Cultures]. İstanbul: Ege Yayınları, 2020, pp. 859–870 (in Turkish).

Статья поступила в редакцию: 06.04.2026

Принята к публикации: 24.05.2026

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 902.6

DOI 10.14258/nreur(2026)2–05

Я. В. Фролов

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

А. С. Федорук

*Алтайский государственный университет, Барнаул, (Россия);
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, (Россия)*

Д. В. Папин

*Алтайский государственный университет, Барнаул, (Россия);
Институт археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, (Россия)*

БРОНЗОВЫЕ БЛЯХИ И ПОДВЕСКИ ИЗ ЖЕНСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СТАРОАЛЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В памятниках староалейской культуры обнаружена наиболее крупная для Верхнего Приобья серия бронзовых петельчатых поясных блях-накладок и подвесок. В мужских могилах петельчатые бляхи-накладки обычно входили в состав поясных наборов. В женских захоронениях они встречены по отдельности и в компактных скоплениях. Изучение погребений женщин показало, что одиночные петельчатые бляхи-накладки являлись украшениями головных уборов и других частей костюма. Комплексы блях и накладок в женских могилах служили подвесками к костюму или сумкам. Они могли выступать как «шумящие» подвески. В костюме женщин староалейской культуры петельчатые бляхи-накладки применяются не по первоначальному назначению. Это свидетельствует о трансформации традиций, связанных с использованием предметов престижного статуса, характерных для культур скифоидного облика. В системе традиций староалейского населения ряд культурных черт, характерных для скифо-сакских групп, носит периферийный — производный характер. При изучении скоплений бронзовых блях и подвесок выделяется два основных направления связей: северное и южное. Староалейская культура является самым южным анклавом культурных образований, соединяющих черты южно-таежного комплекса культур и традиций скифо-сакского ареала. Южное направление контактов связано с населением Тувы скифо-сакского периода. Вопрос о происхождении петельчатых поясных блях остается дискуссионным. Известны многочисленные находки подобных изделий и устойчивая традиция их использования в поясных наборах особого типа в провинциях Ганьсу, Внутренняя Монголия и на сопредельных территориях. Это дает весомые основания рассматривать данные регионы в рамках зоны, где формировался основной ареал бытования петельчатых блях-накладок.

Ключевые слова: Верхнее Приобье, Саяно-Алтай, скифо-сакское время, староалейская культура, поясная фурнитура, накладные бабочковидные бляшки

Цитирование статьи:

Фролов Я. В., Федорук А. С., Папин Д. В. Бронзовые бляхи и подвески из женских погребений староалейской культуры // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 122–151. DOI 10.14258/nreur(2026)2–05

Фролов Ярослав Владимирович, кандидат исторических наук, директор Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** frolov_jar@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>.

Федорук Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия; научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, (Россия). **Адрес для контактов:** fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Папин Дмитрий Валентинович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета, Барнаул, (Россия); заведующий Барнаульской лабораторией Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, (Россия). **Адрес для контактов:** papindv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Ya. V. Frolov

Altai State University, Barnaul (Russia)

A. S. Fedoruk

Altai State University, Barnaul, Russia; Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

D. V. Papin

Altai State University, Barnaul, Russia; Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia

BRONZE PLAQUES AND PENDANTS FROM WOMEN'S BURIALS OF THE STAROALEY CULTURE

The largest series of bronze looped belt plaques and pendants for the Upper Ob region was found in the monuments of the Staroalei culture. In male graves, looped plaques were usually part of belt sets. In female burials, they were found separately and in compact clusters. A study of women's burials showed that single looped plaques were decorations for headdresses and other parts of the costume. Complexes of plaques and plates in women's graves served as pendants for costumes or bags. They could act as «noisy» pendants. In the costume of women of the Staroalei culture, looped plaques are used for purposes other than their original purpose. This indicates a transformation of traditions associated with the use of prestigious status items characteristic of Scythian cultures. In the system of traditions of the Staroalei population, a number of cultural features characteristic of the Scythian-Saka groups are of a peripheral — derivative nature. When studying the accumulations of bronze plaques and pendants, two main directions of connections are distinguished: northern and southern. The Staroalei culture is the southernmost enclave of cultural formations that combine the features of the southern taiga complex of cultures and traditions of the Scythian-Saka area. The southern direction of contacts is associated with the population of Tuva of the Scythian-Saka period. The question of the origin of looped belt plaques remains debatable. Numerous finds of such items are known, as well as a stable tradition of their use in belt sets of a special type in the provinces of Gansu, Inner Mongolia and adjacent territories. This gives good reason to consider these regions within the zone where the main area of existence of looped plaques-onlays was formed.

Key words: Upper Priobye, Sayano-Altai, Scythian-Saka period, Staroalei culture, Belt Accessories, false butterfly plaques

For citation:

Frolov Ya. V., Fedoruk A. S., Papin D. V. Bronze plaques and pendants from women's burials of the Staroalei culture. Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 122–151. DOI 10.14258/nreur(2026)2–05

Frolov Yaroslav Vladimirovich, Candidate of Historical Sciences, Director of the Museum of Archeology and Ethnography of Altai, of the Altai State University, Barnaul (Russia).

Contact address: frolov_jar@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7259-2840>.

Fedoruk Alexander Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Laboratory for interdisciplinary study of the Archeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, (Russia); Researcher, Barnaul Laboratory of Archeology and Ethnography of Southern Siberia, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, (Russia). **Contact address:** fedorukas@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9825-1822>

Papin Dmitry Valentinovich, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, Laboratory of Interdisciplinary Study of Archaeology of Western Siberia and Altai, Altai State University, Barnaul, (Russia); Head of the Barnaul Laboratory, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, (Russia). **Contact address:** papindv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2010-9092>

Введение

Могильники староалейской культуры дали наиболее крупную для Верхнего Приобья серию бронзовых поясных блях и подвесок, которые обнаружены как в женских, так и в мужских могилах (22 погребения). Состав бронзовых блях, их расположение в захоронении, а значит, и использование подобных предметов в традиционной культуре отличалось у женщин и мужчин. В 2020 г. на могильнике Фирсово XIV, в одном из погребений скифо-сакского времени (м. 12) был обнаружен новый комплекс бронзовых блях и подвесок, продолжающий серию подобных находок на этом же памятнике и других некрополях староалейской культуры. Полученные материалы дают возможность дополнить ряд аргументов для выявленных закономерностей, связанных с бытованием бронзовых поясных блях и подвесок, и конкретизировать представление об особенностях традиций использования и применения подобных блях в costume. А также это поможет уточнить ряд особенностей культурогенеза «староалейцев» и более детально говорить о культурных контактах населения юга Верхнего Приобья скифо-сакского времени с группами населения лесостепной и подтаежной зоны Западной Сибири с одной стороны и Саяно-Алтая — с другой.

Материалы

В данной работе рассматриваются материалы из женских погребений староалейской культуры, в которых обнаружены бронзовые поясные бляхи и подвески. Они происходят из могильников Фирсово XIV, Обские Плесы II и Староалейка II. Все памятники расположены в долине р. Обь в Барнаульском Приобье.

В 1987–1996 и в 2020 г. на могильнике Фирсово XIV были изучены две женские могилы староалейской культуры (м. 307 и м. 12 (2020 г.)), где обнаружены скопления бронзовых блях, имеющих сходную локализацию, а также два погребения, где одиночные бабочковидные бляхи обнаружены в районе головы умерших женщин (м. 56 и м. 205).

Могила № 56 (1987–1996 г.). Захоронение совершено в узкой подовальной могильной яме размерами 1,9×0,47 м, глубиной 0,86 м от дневной поверхности. В могиле была погребена женщина (30–35 лет — здесь и далее определения С. С. Тур) вытянуто на спине головой на запад. У локтя правой руки, умершей найдено пряслице, у правого плеча — керамический сосуд и дисковидная каменная плитка. В районе черепа погребенной обнаружены три бронзовые шпильки, около левого виска — бронзовая серьга и с правой стороны от черепа, между виском и плечом, бронзовая бабочковидная бляха (рис. 1.-3; 6.-10).

Могила № 205 (1987–1996 г.). Погребение сооружено в подпрямоугольной могильной яме размерами 2,2×0,78 м, глубиной 1,44 м от дневной поверхности. Вдоль стенок ямы зафиксированы остатки дощатой рамы. Умершая женщина была уложена вытянуто на спине, головой юго-юго-запад. У левого плеча в головах погребенной стоял сосуд, в ногах справа — берестяной туесок и небольшая керамическая баночка, у правого локтя обнаружено керамическое пряслице, в районе пояса — необработанная галька и у правого виска — бронзовая бабочковидная бляшка (рис. 1.-4; 6.-7).

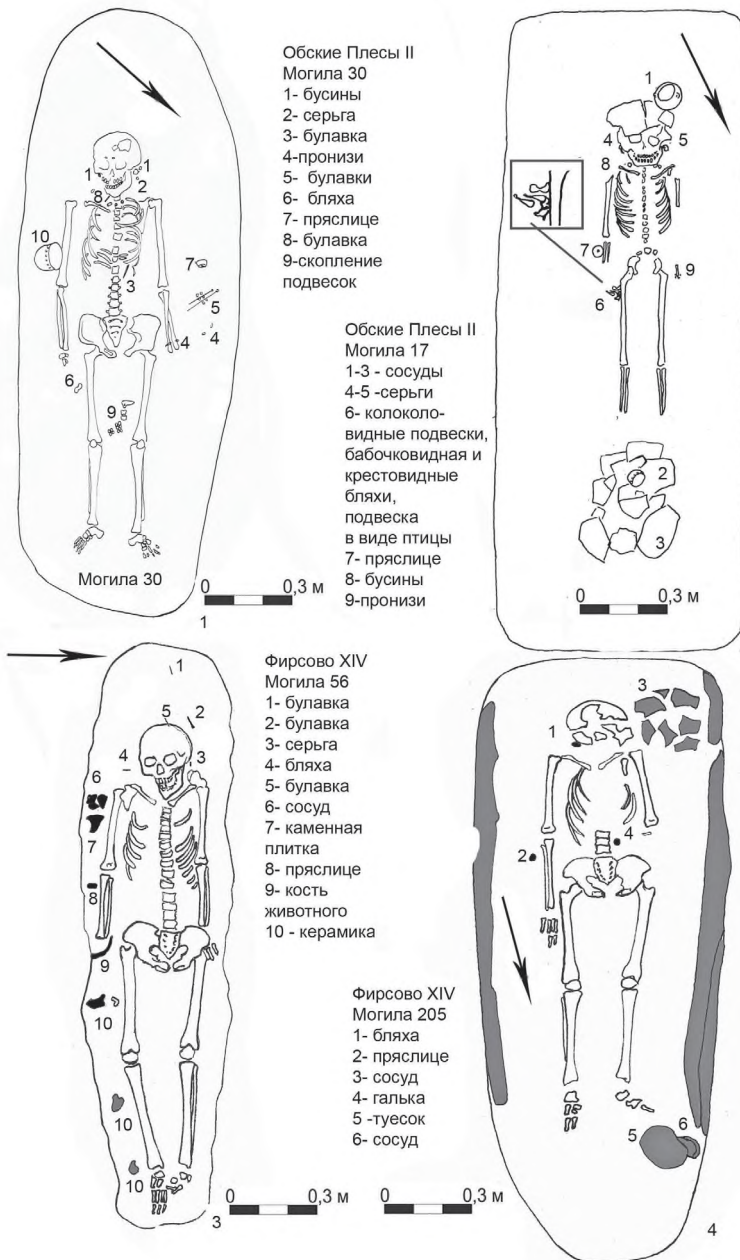

Рис. 1. Планы погребений женщин староалеической культуры с бронзовыми петельчатыми бляхами и подвесками: 1 — могильник Обские Плесы II, м. 30; 2 — могильник Обские Плесы II, м. 17; 3 — могильник Фирсово XIV, м. 56; 4 — могильник Фирсово XIV, м. 205

Fig. 1. Plans of burials of women of the Old Aleika culture with bronze looped plaques and pendants: 1 — Obskie Plesy II cemetery, m. 30; 2 — Obskie Plesy II cemetery, m. 17; 3 — Firsovo XIV cemetery, m. 56; 4 — Firsovo XIV cemetery, m. 205

Могила № 307 (1987–1996 г.). Захоронение было ограблено в древности. Сохранилась только северо-восточная часть погребения. Размеры могильной ямы — 1,75×0,7 м. Глубина от дневной поверхности составляла 1,2 м. В непо потревоженной части погребения зафиксированы следы продольного деревянного перекрытия из тонких жердей диаметром 5–8 см и широкой плахи или полубревна шириной 13 см и толщиной 5–8 см. *In situ* сохранились только ноги ниже колен умершей женщины (20–30 лет). Судя по их расположению, она лежала вытянуто на спине головой на юго-запад. Нетронутым в погребении также оказался участок в районе левой кисти женщины. Здесь рядом с фалангами пальцев размещались каменная курильница и несколько бронзовых предметов. Севернее курильницы друг на друге располагались две бронзовые бабочковидные бляхи и рядом проволочное кольцо-обойма. Южнее курильницы обнаружено бронзовое пряслице (колесовидная подвеска), бронзовый колокольчик с язычком (располагающимся внутри). Язычком являлась миниатюрная бляха-подвеска с прямоугольным щитком из восьми попарно совмещенных полусферических выпуклостей. На ушке колокольчика располагалась крупная бронзовая обойма. В этом же скоплении находилась и бронзовая четырехгранная игла (рис. 2.-1, 2; 6.-1–5).

Могила № 12 (2020 г.). Погребение частично разрушено в результате ограбления. Грабительский шурф был значительно больше погребения, в результате чего точных контуров могильной ямы определить не удалось. В захоронении зафиксированы части деревянной конструкции, потревоженной грабителями. Это, вероятнее всего, было продольное перекрытие. В могиле похоронены мужчина (30–40 лет) и женщина (?) (14–16 лет). Умершие лежали вытянуто на спине головами на юго-запад. Руки женщины были вытянуты вдоль тела. Кисть правой руки располагалась под тазом. В заполнении могилы найдено бронзовое пряслице (колесовидная подвеска), в центральной отверствии которого обнаружены остатки деревянного стержня. Под черепом в затылочной части мужского скелета найдена бронзовая серьга с подвеской в виде цепочки. На шее женского скелета обнаружены бусины из разных материалов — камня, стекла, бронзы и железа. У запястья левой руки зафиксировано компактно расположенное скопление шести бронзовых блях и подвесок. Предметы располагались в три ряда, вплотную друг к другу, сверху (севернее) лежала бронзовая бабочковидная бляха, ниже нее — бляха с прямоугольным щитком из шести совмещенных попарно дисков (шестисекционная), подвеска с похожим щитком и бантовидная бляха. Ниже находилась подвеска со щитком из шести совмещенных попарно полусфер и бронзовая лапчатая привеска. Предметы частично перекрывали друг друга и, вероятно, использовались как подвески (рис. 2.-3, 4; 5.-1–6).

Описываемые погребения (м. 56, 205, 307 (1987–1996 г.), 12 (2020 г.)) хорошо укладываются в рамки погребальной обрядности староалеийского комплекса захоронений могильника и датируются, как и весь основной комплекс в рамках конца VI–V в. до н. э. Находки скоплений бронзовых блях и подвесок в районе кистей женщин из могил 307 и 12 являются редкой особенностью состава погребального инвентаря староалеийских погребений.

Рис. 2. Планы и фотографии погребений женщин из могильника Фирсово XIV со скоплениями бронзовых подвесок: 1, 2 — погребение 307; 3, 4 — погребение 12 (2020 г.)
Fig. 2. Plans and photographs of burials of women from the Firsovo XIV cemetery with clusters of bronze pendants: 1, 2 — burial 307; 3, 4 — burial 12 (2020)

Похожие скопления встречены еще в трех женских могилах староалейской культуры: в могильниках Обские Плесы II (м. 17, 30) и Староалейка II (м. 19). Так как описания этих погребений публиковались уже неоднократно [Кирюшин, Кунгуров, 1996; Ведянин, Кунгуров, 1996; Фролов, 2008; Шульга, 2023], в настоящей публикации мы дополним ряд сведений по указанным выше захоронениям и представим ранее не опубликованные планы и находки из этих могил (рис. 1.-1, 2; 3; 4).

Рис. 3. Предметы из кожи. Могильник Староалейка-II, погребение 19: 1–3 — фрагмент сумки; 4 — окончание плетеного шнура в виде кисти; 5 — плетеный шнурок; 5 — ремешки
 Fig. 3. Leather items. Staroaleika-II cemetery, burial 19: 1–3—fragment of a bag; 4 — end of a braided cord in the form of a tassel; 5 — braided cord; 5 — straps

В могиле 19 некрополя Староалейка II скопление блях находилось под фрагментом кожаного изделия — в «кожаной сумке», сшитой из нескольких лоскутков кожи, как отмечают авторы публикации [Кирюшин, Кунгуров, 1996: 116]. Сохранившийся фрагмент «кожаной сумки» показывает, что изделие выполнено из нескольких мелких лоскутков кожи, на внешней и на внутренней поверхности фрагмента хорошо видны наружные стебельчатые швы (рис. 3.-1, 2). Предмет состоит как минимум из четырех слоев кожи (рис. 3.-3). Не ясно, находились ли подвески с бляхами внутри «сумки», так как все они обнаружены были под кожаным изделием, а уже под бляхами и подвесками другого слоя кожи не было, хотя, судя по условиям, он должен был сохраниться. Почти все бронзовые бляхи и подвески из скопления имели остатки кожаных ремешков в петлях или отверстиях для крепления, еще несколько кожаных ремешков находились рядом. Ремешки нарезаны из сыромятной кожи толщиной 0,2–1,5 мм и шириной 1–4 мм (рис. 3.-6). Среди этих ремешков встречен плетеный шнурок, а также конец крупного плетеного кожаного шнура с окончанием в виде кисти, выполненной из кожи (рис. 3.-4, 5).

В состав скопления входят шесть петельчатых блях с прямоугольным щитком из совмещенных попарно шести дисков (шестисекционных), три таких же подвески без петель и три бабочковидные бляхи (рис. 4). Следует отметить, что в первой публикации комплекса в состав скопления бронзовых подвесок и блях было ошибочно включен рисунок петельчатой бляхи из могилы 24, а изображения одной подвески приведено не было [Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 5.-1, 6.-7]. В данной публикации мы приводим фото и рисунок недостающего предмета (рис. 4.-10). Кожаные ремешки служили для закрепления петельчатых блях как подвесок. Ремешки были завязаны в узлы на петлях, продеты в отверстия на щитках, что позволяет говорить о том, что бляхи не являлись деталями поясного набора и не крепились к кожаному поясу, а были именно подвесками [Кирюшин, Кунгуров, 1996: 116, рис. 5.-1–13; Фролов, 2008: 108, рис. 68, 77]. Этому же мнения придерживается и П. И. Шульга [Шульга, 2023: 104].

В могиле 30 некрополя Обские Плесы-II скопление блях располагалось между ног, в районе коленей погребенной молодой женщины (15–18 лет). Предметы — подвеска-костылек (пряжка?) с изображением головы барана на щитке и петлей на его обороте, две массивные сегментовидные пронизи, петельчатая бляха с прямоугольным щитком из совмещенных попарно шести дисков и такая же с обломанным щитком из четырех совмещенных дисков находились близко друг к другу и располагались в один изогнутый ряд. Бабочковидная бляха из этого погребения размещалась возле правого бедра у кисти руки умершей. С. Д. Ведянин и А. Л. Кунгуров при описании данного скопления, на стр. 112 ошибочно включили бабочковидную бляху в состав скопления [Ведянин, Кунгуров 1996: 112], об этой неточности говорит план погребения (рис. 1.-1) и их же описание на с. 108 [Ведянин, Кунгуров 1996: 112, рис. 15]. Авторы раскопок интерпретируют данное скопление как остатки поясного набора [Ведянин, Кунгуров 1996: 112], но это не очевидно. Бляхи лежат компактной группой. Они не были смещены со своих мест, и соответственно их положение отлично от расположения блях в «классических» поясных наборах, располагавшихся на пояснице известных в мужских староалейских могилах (например: Обские Плесы II м. 2, Фирсово XIV, м. 184) [Фролов, 2008: 107, 418–419, рис. 118.-1, 133]. С этим согласен и П. И. Шульга [Шульга, 2023: 110].

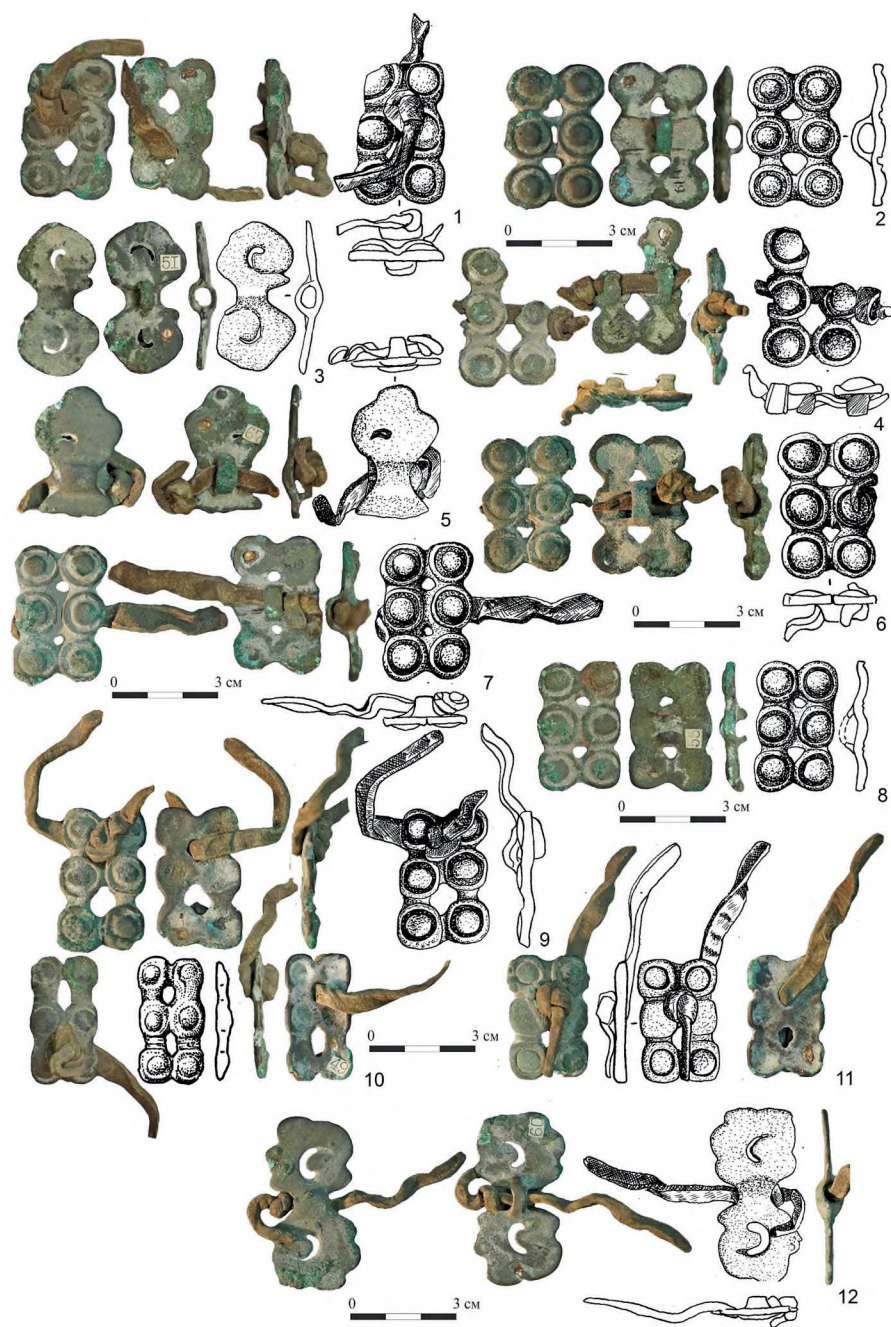

Рис. 4. Бронзовые петельчатые бляхи и подвески с кожаными ремешками из погребения 19 могильника Староалейка-II [рисунки 1–9, 11–12 по: Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 5.-2–12]

Fig. 4. Bronze looped plaques and pendants with leather straps from burial 19, Staroaleyka-II cemetery [figures 1–9, 11–12 after: Kiryushin, Kungurov, 1996: fig. 5.-2–12]

Другое скопление блях из могильника **Обские Плесьи II (м. 17)**, судя по описанию, находилось в «органическом мешочке» у правого бедра в районе кисти умершего подростка 10–12 лет. В его состав входили две колоколовидные подвески, подвеска в виде птицы, крестовидная подвеска со щитком, совмещенным из пяти полусфер, и бабочковидная (S-образная) бляха [Ведянин, Кунгуров 1996: 113, рис. 15.-2–6]. В публикации материалов из этого захоронения есть неточность. В описании могилы бабочковидная бляха не упомянута в составе скопления подвесок, а представлена как происходящая из могилы 12, но в описании этого погребения бляхи нет [Ведянин, Кунгуров 1996: 106, 113]. На плане могилы 17 есть рисунок этой бляхи, и она входит в состав скопления из этого погребения (рис. 1.-2).

Обсуждение

Находки скоплений предметов в районе пояса или кистей рук женщин в погребениях скифо-сакского времени Верхнего Приобья известны и в других памятниках. Такое скопление найдено в захоронении молодой девушки из погребения быстрянской культуры на могильнике Усть-Иша-5 (к. 55, м. 2) [Папин, Демин, Савко и др., 2022: 681]. Здесь в районе таза найдены: бронзовое пряслице (колесовидная подвеска) и бронзовая бляха с круглым щитком и петлей на обороте. Под предметами зафиксированы следы кожи и фрагмент узкого кожаного ремешка, что позволяет говорить, что изделия размещались в кожаном мешочке или сумке.

Скопление подвесок из зубов северного оленя и двух бронзовых изделий, в том числе колоколовидной подвески, находившихся, возможно, в мешочке, найдено в женском погребении (№ 2) могильника Усть-Шилка II в Енисейском Приангарье [Мандрыка, 2008: 118; рис. 1.-6–8].

В Туве в ограбленном погребении в могильнике Соускен-3 (об. 4) на костях таза обнаружено кожаное изделие (сумка?), под которым кости были окрашены в зеленый цвет окислами бронзовых изделий. В этой же могиле найдены петельчатые поясные бляхи, в том числе бабочковидные изделия [Семенов, Кидауновская 2014: 401, 417–418, рис. 9.-8–11, 13].

В данном контексте можно упомянуть и войлочную сумочку для зеркала из погребения женщины в могильнике Ак-Алаха-3. Рядом с сумкой в складках юбки были обнаружены бронзовые колоколовидные (котловидные) подвесочки. Плетеный шерстяной пояс из этой могилы украшен на концах кистями, похожими на кисть из могилы 19 некрополя Староалейка II [Полосьмак, 2001: рис. 86; Полосьмак, Баркова, 2005: рис. 2.37, 2.39а, в, 2.40].

Один из авторов данной статьи уже выдвигал предположение о том, что скопления бронзовых блях могли являться «шумящими» привесками и деталями костюма [Фролов, 2008: 108, 160]. В пользу того, что данные предметы использовались как «шумящие» подвески, говорят находки в этих скоплениях колоколовидных подвесок и использование блях-подвесок без петель на обороте. Использование восьмисекционной подвески как язычка колокольчика из могилы 307 некрополя Фирсово XIV (рис. 6.-3, 4), подтверждает данный вывод. Находки в скоплениях разнородных бронзовых предметов (костылька-подвески, фигурки птицы, крестовидных блях, лапчатой привески), бракованных и поломанных изделий в качестве подвесок также говорят в пользу этого предпо-

ложения. С подобной интерпретацией поясных блях из скоплений в женских могилах согласен и П. И. Шульга [Шульга, 2023: 104, 109, 114]. Часть из зафиксированных скоплений поясных блях сопровождается остатками кожаных «сумочек». В них могли храниться в том числе изделия, связанные с прядением, а также, возможно, швейные принадлежности. В состав скопления могилы 307 некрополя Фирсово XIV входили бронзовые игла и пряслице (колесовидная подвеска) (рис. 2.-1, 2; 6.-2). Похожее пряслице обнаружено и в сумочке из могильника Усть-Иша-5 [Папин, Демин, Савко 2022: 681]. Не исключено, что бляхи-подвески как шумящие привески крепились с помощью ремешков к сумочкам, использовавшимся женщинами староалейской культуры. Кожаное изделие и скопление ремешков и блях-подвесок из захоронения 19 могильника Староалейка II позволяет говорить об этом более конкретизированно (рис. 3, 4). В качестве сходного примера крепления подвесок на сумках можно привести металлические подвески и нашивки на игольницах и сумочках с женскими принадлежностями хантов. У них в качестве привесок использовались самые разнообразные металлические предметы, и в том числе колокольчики и найденные древние предметы (например, средневековая подвеска с прямоугольным щитком из совмещенных дисков) [Бауло, 2011: 27, 33, рис. 15, 16, 22, 24]. На игольницах хантов встречаются прямоугольные оловянные нашивки со щитками в виде совмещенных дисков или ромбов [Иванов, 1963: 81–82, рис. 37; Бауло, 2011: 36, рис. 27; 2013: 164, рис. 212]. Надо полагать, что это отдаленные аналогии, но при этом следует отметить достаточно длительное бытование в среде культур лесостепной и лесной зоны Западной Сибири в I тыс. н. э. бронзовых блях и нашивок со щитками из совмещенных дисков и полусфер, имеющих сходство с бляхами из староалейских некрополей [Фролов, 2008: 161, рис. 147.-20–23]. Продолжали использовать похожие предметы в памятниках позднего средневековья и нового времени [Носкова, 2008, Ил. 9.-1–9; Зыков, Кокшаров, 2003: 127, Ил. 8.-17]. Поэтому применение оловянных прямоугольных нашивок с орнаментом в виде совмещенных дисков или ромбов для украшения одежды и игольниц у хантов и манси [Иванов, 1963: 81–82, рис. 37; Рындина, 1995: 81, 193, 265, 336, 25.-2; Гемуев, 1990: 67–68, рис. 54; Бауло, 2013: 104, рис. 118] позволяет рассуждать о длительной трансляции традиций использования металлических украшений архаичных форм в Западной Сибири начиная с раннего железного века.

Находки бронзовых поясных блях, использующихся как украшения головных уборов и детали ожерелий, также специфическая черта женских и детских погребений староалейской культуры. В захоронениях некрополя Фирсово XIV (м. 56 и 205) с правой стороны от черепа обнаружены бабочковидные бляхи, а также в могиле 20 (2010–2011 гг.) с левой стороны от черепа погребенной девочки найден обломок лопасти бабочковидной бляшки [Погребальный обряд..., 2015: 12, 37–38, рис. 100.-25] (рис. 6.-7, 10, 11). В захоронениях могильника Обские Плесы II в детских могилах 3 и 12 бляха со щитком в виде лошади и бабочковидная бляха находились в районе шеи и груди умерших [Ведянин, Кунгуров, 1996: 113, рис. 15.-5; 17.-1].

Подобное «нестандартное» положение предметов, изначально использовавшихся в поясной гарнитуре, встречается в памятниках раннего железного века достаточно редко. Мы можем привести примеры находки бабочковидной бляхи, украшавшей

головной убор из погребения цепаньской культуры могильника Сергушкин-3 (м. 13), и располагавшейся у плеча бляхи подобного типа в могиле 5 некрополя Усть-Шилка II в Енисейском Приангарье [Герман, Казакова, 2014: 87, рис. 1.-1, 2.-18–19; Мандрыка, 2008: 122, рис. 3.-4, 5.-10, 11–12, 15].

Как украшения в составе ожерелий из женских погребений староалейской культуры используются и бронзовые полукруглые пронизи (Фирсово XIV, м. 12 (2020 г.); Обские Плесы II, м. 32) [Ведянин, Кунгуров 1996: 108, рис. 13.-13]. Подобные изделия начиная с VI в. до н. э. встречаются в составе конской амуниции [Шульга, 2015: 105]. В староалейских памятниках такие пронизи используются как детали портупей [Фролов, 2008: рис. 136.-12–14; Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 8.-5, 16.-3; Ведянин, Кунгуров, 1996: рис. 13.-13].

Применение бронзовых предметов (поясных блях, деталей конской упряжи) в качестве украшений в погребениях староалейских женщин говорит о размывании и трансформации «типичной» системы традиций, связанных с вещевым комплексом, характерным для кочевников Саяно-Алтая. Староалейские группы, формирующиеся на периферии мира ранних кочевников, хотя и используют престижные предметы скифоидных культур, но часто применяют их не по назначению. Высокий (престижный) статус бронзовых поясных блях с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле в традиционной культуре староалейцев подчеркивается использованием их не только как украшений, но и как предметов культа в качестве приношений. О сакрализации и культовом значении бронзовых бабочковидных и других петельчатых поясных блях скифо-сакского времени говорят их многочисленные находки, встречающиеся в качестве ритуальных прикладов Верхнем Приобье, Томско-Нарымском Приобье, Приангарье [Фролов, 2008: 132, 159, 163–164; Плетнева, 1977: 68–70; Дроздов, Гревцов, Заика, 2011: 77–79, 84; Гревцов, 2013: 92, 105; Герман, Казакова, 2014: 87]. В материалах староалейской культуры следует отметить приклады около детских могил 259 некрополя Фирсово XIV (рис. 6.-8, 9) и могильника Обские Плесы II (м. 32, 51) [Фролов, 1997: 163–164, рис. 1.-4, 5]. О культовом значении скоплений бронзовых блях в женских погребениях староалейской культуры говорит и П. И. Шульга [Шульга, 2023: 114].

Рассмотрим *состав скоплений бронзовых блях* и подвесок из могильника Фирсово XIV и других староалейских некрополей. Наиболее часто в таких скоплениях встречаются **двухлопастные**, часто называемые бабочковидными бляхи. Обнаружены они в могилах 56, 205, 307 и 12 (2020 г.). Кроме описываемых женских погребений бабочковидные бляхи найдены в мужской могиле 178 (184), в составе поясного набора и как приклад около детской могилы 259 [Фролов, 1997: 163–164, рис. 1.-4, 5; Фролов, 2008: рис. 133] (рис. 6.-8, 9, 16). Все эти бляхи достаточно разнообразны и относятся к нескольким типам подобных изделий.

Среди поясных блях из могильника Фирсово XIV выделяются бантовидная и S-видная бляхи, обнаруженные в могиле 12 (2020 г.). Бантовидная бляха небрежно отлита. Из-за многочисленного тиражирования или некачественного оттиска матрицы в форме изображения на отливке плохо читаются. Детали противопоставленных голов грифонов, выделенные на лопастях, слабо различимы. Видна длинная шея, массивный клюв, выше него глаз и «ухо» (рис. 5.-1). В отличие от «классических» бантовидных блях (на-

пример, бляха из Новоалтайского могильника) [Фролов, 2008: рис. 140.-36] головы грифонов на лопастях смотрят в разные стороны, что делает композицию на бляхе достаточно необычной. Похожие «нестандартные» бантовидные бляхи найдены в могильниках Новочекино-2 и Сеитово IV (м. 9а) [Полосьмак, 1987: рис 60.-3, 5; Тихомиров, 2019: 639, рис. 4].

В центральной части щитка этой бляхи выделена полусфера с отверстием, образовавшимся в ходе неудачной отливки предмета. На обороте имеется петля, расположенная поперек длинной оси предмета, что предполагает расположение данного изделия длинной стороной вдоль пояса, это обычно не характерно для «классического» положения подобных блях (рис. 5.-1).

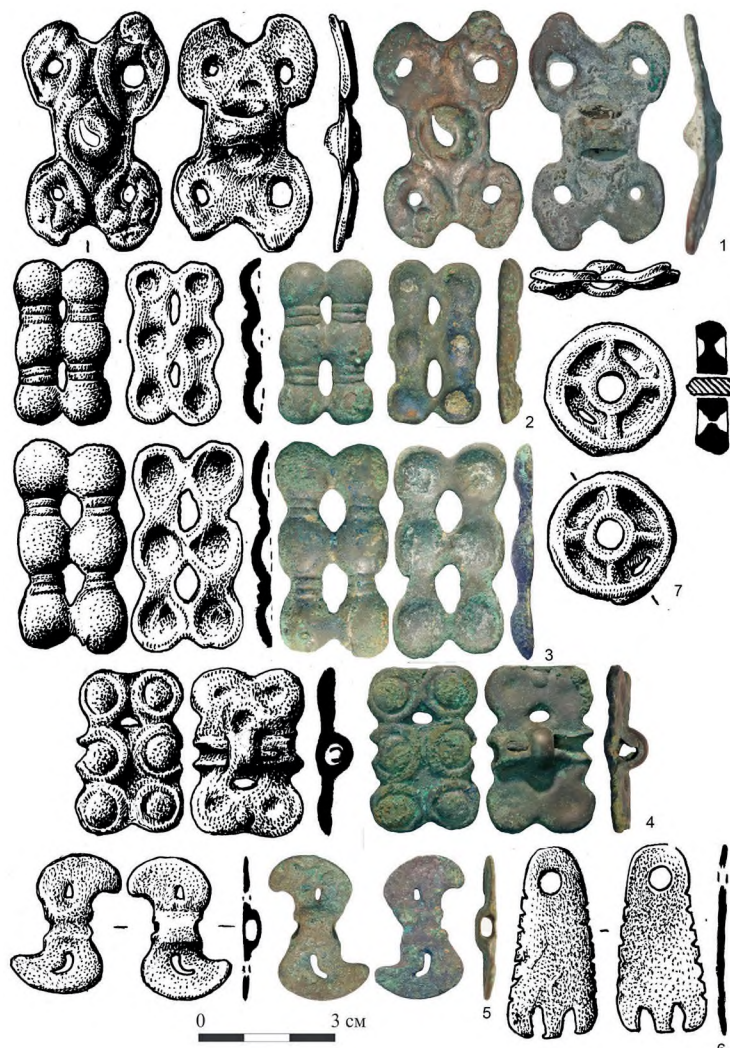

Рис. 5. Бронзовые предметы из погребения 12 могильника Фирсово XIV

Fig. 5. Bronze objects from burial 12, Firsovo cemetery XIV

На S-образной бляхе из могилы 12 (2020 г.) изображение трудно определимо. На обороте фиксируется широкая петля-втулка (рис. 5.-5). Похожие изделия обнаружены в могиле 17 некрополя Обские Плесы II, погребении 56 могильника Староалейка II и других захоронениях могильника Фирсово XIV (м. 56, 307), причем бляхи из могил 56 и 12 (2020 г.) некрополя Фирсово XIV практически идентичны [Ведянин, Кунгуров, 1996: рис. 15.-6; Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 15.-8; Фролов, 2008: рис. 74.-8, 119.-6, 136.-4, 6] (рис. 6–5, 10).

Достаточно необычна геометрическая композиция, изображающая голову рогатого грифона с крупным глазом и огромным клювом на бляхе из могилы 307 некрополя Фирсово XIV (рис. 6.-1). Выделение глаза птицы в виде диска с окантовкой и изображение похожих дисков на шее и в центре композиции щитка бляхи позволяет сопоставить данное изделие с шестисекционными бляхами, имеющими на прямоугольных щитках похожие диски с окантовкой, совмещенные попарно (рис. 4.-1, 2; 5.-4). Это может говорить о том, что эти шестисекционные бляхи с совмещенными дисками на прямоугольных щитках являются стилизацией «грифонных» изображений — где основным (и единственным) элементом выступает глаз птицы. На бляхе из могилы 205, где на щитке представлено более реалистичное изображение головы птицы, также виден гипертрофированный диск-глаз. Остальные детали — ухо и массивный клюв — характерны для других похожих реалистичных образов грифона (рис. 6.-7). «Классический» вариант бабочковидных блях представлен в женских захоронениях из могилы 19 некрополя Староалейка II, погребения 30 могильника Обские Плесы II (рис. 4.-3, 5, 12; 6.-8, 9) и в составе поясных наборов в мужских погребениях из этих же памятников [Ведянин, Кунгуров, 1996: рис. 14.-5–8, 15.-11; Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 5.-10–12, 6.-5, 15.-5, 16.-4; Фролов, 2008: 133.-4–6, 136.-2–3].

В Верхнем Приобье бабочковидные бляхи распространены в основном в некрополях староалейской культуры [Фролов, 2008: рис. 69.-5, 74.-5, 8, 118.-5–8, 133.-3–6, 136.-1–6; Шульга, 2023]. Достаточно редко встречаются в быстрианских могильниках: Аэродромный, Березовка-1, Каменка, Чултуков Лог-1; Победа [Кунгуров, Кунгурова, 1982: рис. 2.-3–4; Полторацкая, 1961: рис. 6.-2, 7–9; Казаков и др., 2015: рис. 1. 9, 10; Троицкая, Бородовский, 1992: рис. 19.-2; Кунгуров, 1995: 114, рис. 1.-3; Бородовский, Бородовская, 2013: 38, 64, рис. 78.-7]. Единичны находки бабочковидных и бантовидных блях в ранних каменных памятниках Новотроицкое-2, Новый-Шарап-1, Почта-3, Новоалтайский могильник [Троицкая, Бородовский, 1992: рис. 19.-10; табл. XIX.-14–16, XXII.-15; Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 162–164, рис. 44.-7; 115.-9, 10; Могильников, 1997, рис. 54.-10, 55.-6, 12; Фролов, 2008: рис. 140.-36].

Данные изделия маркируют связи населения Верхнего Приобья VI–IV вв. до н. э. с группами кочевников Саяно-Алтая начала скифо-сакского периода (раннепазырыкскими и уюкско-саглыинскими), использующих особый тип поясных наборов с петельчатыми бляхами-накладками [Чугунов, 2001: 176–177; Фролов, 2008: 157, 165–166, 180–181, Бородовский, Бородовская, 2013: 38, 64; Килуновская, Фролов, 2020: 130–132].

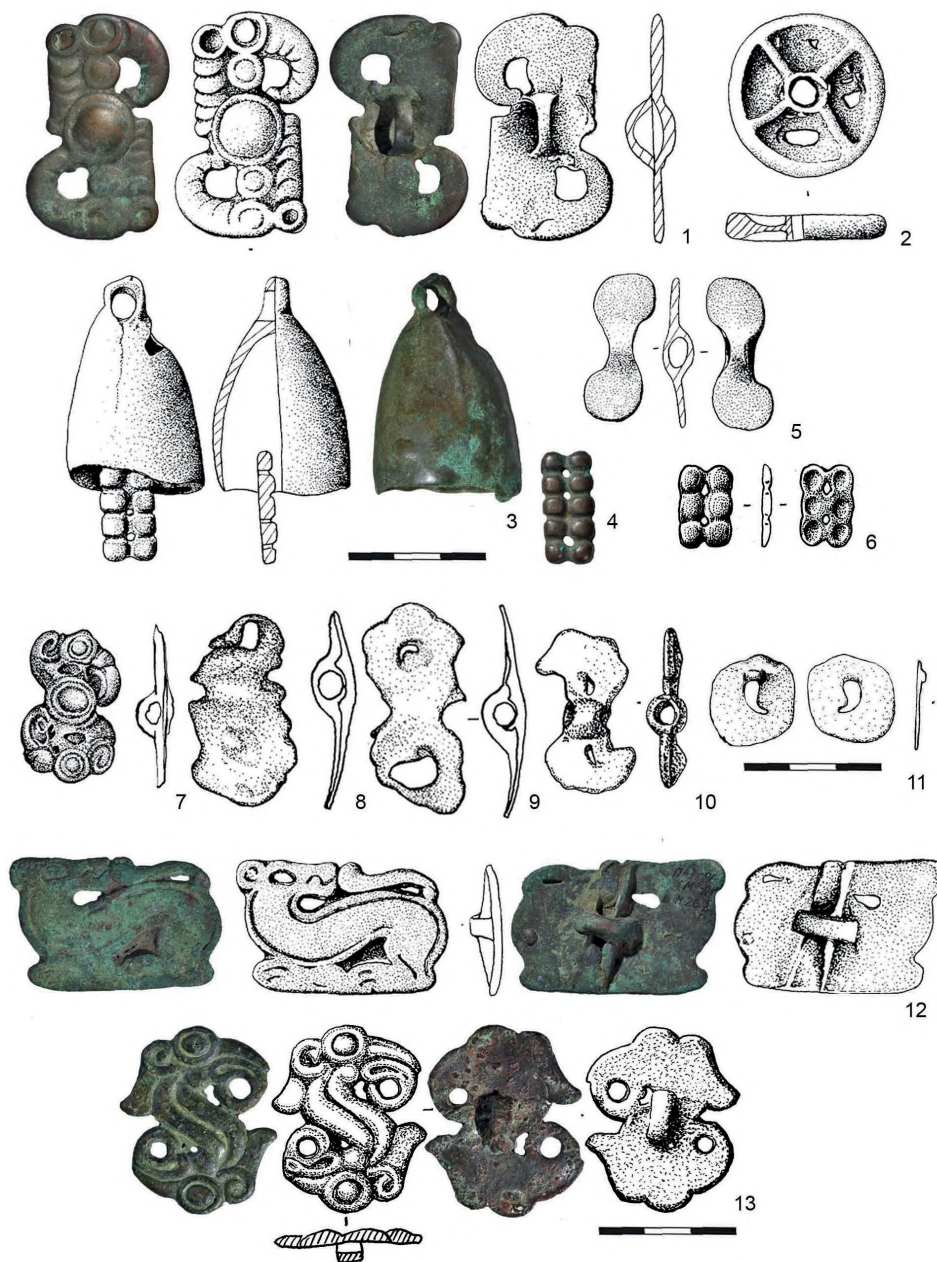

Рис. 6. Бронзовые предметы из могильника Фирсово XIV и с. Островное: 1–5 — могила 307; 6 — с. Островное, случайная находка; 7 — могила 205; 8–9 — могила 259; 10 — могила 56; 11 — могила 20 (2010–2011 гг.); 12 — могила 262; 13 — могила 178 (184)

Fig. 6. Bronze objects from the Firsovo XIV burial ground and the village of Ostrovnoye: 1–5 — grave 307; 6 — the village of Ostrovnoye, an accidental find; 7 — grave 205; 8–9 — grave 259; 10 — grave 56; 11 — grave 20 (2010–2011); 12 — grave 262; 13 — grave 178 (184)

Если в материалах пазырыкской культуры подобные бляхи сравнительно редки, обнаружены они в могильниках Карбан-2 и Себыстей [Каммарт и др., 1998: рис. 4.-1; Демин, Головченко, 2018: рис. 1.-2–3], то в тувинских некрополях уюкско-саглынской культуры известно большое число аналогий подобным изделиям [Семенов, Килуновская, 2014: 401, 417–418, рис. 9.-8–11, 13; Килуновская, Семенов, Семенов и др., 2021: рис. 9; Килуновская, Альборова, Бусова и др., 2023: 8.-17–22, 24–27; Килуновская, Фролов, 2020: 130–133; рис. 1.-5–10, 18, 19, 25–30; Килуновская, Альборова, Анিকেева и др., 2024: рис. 6.-7–18]. Отдельные предметы из Тувы и Барнаульского Приобья имеют практически идентичное оформление щитков, как, например, бляхи из могилы 178 (184) некрополя Фирсово XIV и могильника Эки-Оттут-2 [Килуновская, Фролов, 2020: 130, рис. 1.-1, 2] (рис. 6.-13). Это говорит о некоем едином процессе распространения похожих изделий, а также о достаточно близких, возможно, прямых контактах групп староалеийского и уюкско-саглынского населения, где в цепочке тиражирования бабочковидных блях использовался один прототип подобных изделий.

Другой обширный регион, где часто встречаются двухлопастные (бабочковидные, бантовидные, S-образные) бляхи, — это Томско-Нарымское Приобье и Приангарье. Здесь подобные изделия обнаружены в основном в составе ритуальных комплексов, но известны и находки в погребениях [Герман, Казакова, 2014: 87, рис. 1.-1, 2.-18–19; Мандрька, 2008: 122, рис. 3.-4, 5.-10, 11–12, 15; Фролов, 2008: 132, 159, 163–164; Плетнева, 1977: 68–70; Дроздов, Гревцов, Заика, 2011: 77–79, 84; Гревцов, 2013: 92, 105]. Многочисленные и разнообразные поясные двухлопастные бляхи известны в культурах начала скифского времени в Северном Китае [Шульга 2023: 101–102, 111–114; Шульга, Шульга, 2023: 970–974].

Материалы женских староалеийских погребений включают и еще один тип петельчатых блях и подвесок. **Поясные бляхи с прямоугольным щитком из совмещенных попарно дисков или выпуклостей (шестисекционные, бусинные)** с петлей и похожие подвески без петель из захоронения представлены в двух вариантах. Первый — это изделия, имеющие «классическую» для староалеийских могил форму со щитком из шести совмещенных попарно дисков, подчеркнутых концентрической окружностью по краю и петлей на обороте. Они происходят из могильника Староалеика II (м. 19, 24, 56); Обские Плесы II (м. 30), Фирсово XIV (м. 12 (2020 г.)) [Ведянин, Кунгуров, 1996: рис. 15.-10, 12; Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 5.-2–9, 6.-7, 15.-4, Фролов, 2008: рис. 74.-4, 77.-2–9, 119.-10–12] (рис. 4.-1, 2, 4, 7, 8; 5.-4). Находки подобных предметов для Верхнего Приобья и Саяно-Алтая достаточно редки. В Верхнем Приобье они встречены только в староалеийских могилах. В Саяно-Алтае достаточно редко их находят в уюкско-саглынских памятниках [Килуновская, Альборова, Бусова и др., 2023: 251, рис. 8.-32, 33; Килуновская, Фролов, 2020: рис. 2.-5, 8; Килуновская, Альборова, Анিকেева и др., 2024: рис. 6.-19–20]. Как на староалеийских, так и на уюкско-саглынских бляхах встречается разное расположение петель и их количество. На бляхах из могильника Эки-Оттут-2, на щитках представлены три и четыре ряда дисков [Килуновская, Альборова, Бусова и др., 2023: 251, рис. 8.-32, 35]. Две петли на каждом из рядов дисков присутствуют на бляхах из могильника Обские Плесы II и Староалеика II [Ведянин, Кунгуров, 1996: рис. 15.-10, 12; Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 5.-6] (рис. 4.-4).

Другой тип изделий — это бляхи-подвески без петли со щитком, выполненным в виде совмещенных попарно шести полусфер («бусинные»), представлены двумя видами. Это подвески, разделенные узкими рифлеными бордюрами (могильники Фирсово XIV, м. 12 (2020 г.) и Староалейка II, м. 19 (рис. 4.-10; 5.-2, 3), и подвески с полусферическими выпуклостями, представленные двумя предметами, найденными на могильнике Фирсово XIV (м. 307) в виде миниатюрной подвески — язычка колокольчика (рис. 6.-4) и на могильнике Староалейка II, м. 62, в составе портупейного набора [Фролов, 2008: рис. 136.-10; Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 16.-2]. Случайная находка похожей миниатюрной подвески происходит из Восточной Кулунды. Она обнаружена в 1 км к северо-западу от с. Островное Мамонтовского района Алтайского края, в 500 км востоку от моста через р. Касмала (рис. 6.-б). Наиболее близкая аналогия подвеске из могильника Староалейка II происходит из Ачинско-Марьинской лесостепи. Она была найдена в Арчекаских курганах [Кулемзин, 1979: рис. 46.-15].

Подвески со спиралевидным декором на спаренных дисках найдены в каменном могильнике Новотроицкое-2, в Туве и Забайкалье [Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 112, рис. 90.-3; Гришин, 1981: рис. 62.-9; Ванштейн, Дьяконова, 1960: 194, табл. I.-1].

Изделия, похожие на первый тип подвесок («бусинных») с рифлеными разделителями выпуклостей найдены в Туве [Килуновская, Фролов, 2020; рис. 2.-4, 5, Килуновская, Семенов, Семенов и др., 2021: рис. 10.-4, 5]. Восточнее отдельные находки похожих изделий известны в плиточных могилах [Гришин, 1981: рис. 42.-4, 49.-3, 62.-9; Фролов, 2008: 160–161, Килуновская, Фролов, 2020: 130–131]. Известны довольно многочисленными находки подобных предметов из провинции Ганьсу. В большинстве они найдены в составе поясных наборов в могильниках культуры шацзин, где представлены разнообразными вариантами сочетания дисковидных и полусферических выпуклостей на щитках и способами крепления [Комиссаров, Шульга, Сутягина, 2017: рис. 2.-а, б; Шульга, Шульга, 2023: 970, рис. 2; Шульга, 2023: 114].

Как отмечала еще Н.Л. Членова, подобные изделия с декором на щитках в виде совмещенных дисков и полусфер на прямоугольных и крестовидных щитках проникают в Саяно-Алтай из Центральной Азии (Монголии или Ордоса) [Членова, 1961: 140]. Несмотря на то что вопрос о происхождении петельчатых поясных блях (бабочковидных и шестисекционных) остается дискуссионным [Шульга 2023: 101, 113–114], многочисленными находками и устойчивой традицией использования в поясных наборах особого типа подобных изделий в Ганьсу, Внутренней Монголии и на сопредельных территориях дает весомые основания рассматривать данные регионы в рамках зоны, где формировался основной ареал бытования петельчатых блях-накладок [Килуновская, Фролов, 2020: 132, 133; Шульга, Шульга, 2023: 974].

Как уже отмечалось выше, дериваты (производные формы) блях с совмещенными дисками или полусферами на прямоугольных или крестовидных щитках в Западной Сибири бытуют в I тыс. н. э. и позднее [Фролов, 2008: 161]. Бляхи со щитками крестовидной формы из совмещенных дисков и выпуклостей входили в общий набор петельчатых блях-накладок и подвесок и их распространение сходно с рассмотренными выше группами похожих артефактов [Фролов, 2008: 161].

Колоколовидные подвески — еще один достаточно своеобразный тип изделий, выделяющий староалейские погребения женщин. О том, что это именно колокольчики, свидетельствует находка язычка-бляхи в могиле 307 некрополя Фирсово XIV. В памятниках начала скифского времени колоколовидные и котловидные подвески распространены широко, но их находки единичны. В Приобье кроме староалейских небольшая серия подобных изделий найдена в кижиевско-шеломокских памятниках [Плетнева, 1977: 41, рис. 22.-2, 26.-16, 29.-1]. О том, что данный предмет играл знаковую роль в женском костюме, говорит находка котловидных подвесок из могильника Ак-Алаха-3 [Полосьмак, 2001: 74; Полосьмак, Баркова, 2005: рис. 2.-39в]

Из состава скоплений бронзовых предметов в могилах женщин староалейской культуры следует выделить **подвеску «птицевидной формы»** из погребения 17 могильника Обские Плесы II [Ведянин, Кунгуров, 1996: рис. 15.-5; Фролов, 2008: рис. 112.-18], практически полная аналогия подобного предмета происходит из кургана Аржан-2. Там похожее изделие являлось подвеской к бронзовому ножу из могилы 13 [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: табл. 90.-1, 108.-1а, б]. Аналогии в Аржане-2 находит и **подвеска-костылек** со щитком в виде головы барана из погребения 30 могильника Обские Плесы II [Чугунов, Парцингер, Наглер, 2017: табл. 32.-16, 52.-1; Ведянин, Кунгуров, 1996: рис. 15.-7, Фролов, 2008: рис. 119.-7]. Похожие изделия известны и в Северном Китае [Фролов, 2008: рис. 151.-12, 13].

Редкой находкой для староалейских памятников является **бронзовое пряслице** из могилы 12 (2020 г.) (рис. 6.-7). Данные изделия иногда интерпретируют как колесовидные подвески. Находка остатков деревянного стержня в отверстии пряслица из могилы 12 (2020 г.) Фирсово XIV дает еще один факт в обоснование того, что подобные предметы в староалейских женских могилах являются пряслицами. Похожее изделие встречено в еще одной могиле (307) некрополя Фирсово XIV [Фролов, 2008: рис. 136.-8]. В Верхнем Приобье подобные изделия найдены и в других памятниках: быстринском захоронении могильника Усть-Иша-5, (к. 55, м. 2), каменском некрополе Рогозиха I [Папин, Демин, Савко и др., 2022: 681; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005: 26, рис. 25.-8, 52.-21]. Данные предметы встречаются достаточно широко в погребениях ранних кочевников в VI–III вв. до н. э., в подавляющем большинстве случаев они интерпретируются как пряслица [Федоров, 2018: 30].

Большой интерес представляет и находка в составе скопления блях в могиле 12 (2020 г.) некрополя Фирсово XIV **бронзовой лапчатой привески**, которая имеет полные аналогии в карасукских памятниках Минусинской котловины (тип 1 по классификации А. В. Полякова) [Поляков, 2006: 91, рис. 1.-28–30] (рис. 5.-6). Нам известна только одна практически аналогичная находка лапчатой привески на поселении Моховое III в Восточной Кулунде [Иванов, 2000: рис. 43.-9]. В других памятниках эпохи поздней бронзы на территории Верхней Оби лапчатые привески встречены в редких случаях, и они отличаются от «классических» (тип 1) карасукских привесок [Поляков, 2006: рис. 4]. Известны находки лапчатых привесок в баиновских памятниках [Поляков, 2006: рис. 3]. Обнаружение подобного изделия, характерного для периода поздней бронзы, в составе комплекса, относящегося к скифскому времени, трудно объяснить. Возможно, лапчатую привеску «староалейцы» обнаружили как «случайную» на-

ходку из разрушенного древнего захоронения и затем переиспользовали в своем наборе «шумящих» привесок. Сводку предметов (ножей и кинжалов) периода поздней бронзы и раннескифского времени, встреченных в комплексах скифо-сакского времени, привела Н.Л. Членова [Членова, 1993: 65].

В общем, следует подчеркнуть, что в составе скоплений бронзовых предметов из женских захоронений староалейской культуры подвески различных типов играют значительную роль, петельчатые бляхи также выступали в качестве подвесок. Традиция применения шумящих привесок в староалейских памятниках достаточно устойчива, о чем свидетельствуют новые находки.

Выводы

Особенности применения петельчатых блях-накладок и подвесок в староалейской культуре, использующихся как украшения костюма женщин и шумящие привески к поясу или сумкам, а также как предметы, задействованные в ритуалах (приклады), свидетельствуют о размывании традиций скифоидных культур в среде подвергшихся их влиянию групп населения лесостепной и лесной зон Западной Сибири.

О том, что петельчатые бляхи являются одним из индикаторов, позволяющих определить направление этнокультурных связей староалейских групп населения, один из авторов этой публикации говорил уже достаточно давно [Фролов, Шамшин, 1999: 224; Фролов, 2008: 159–160, 2018: 193]. Практически полное отсутствие подобных изделий на западе от Верхнего Приобья — в материалах тасмолинской культуры, савроматских памятниках, у саков Приаралья, их единичные находки в ареале тагарских памятников восточнее достаточно отчетливо маркируют границы культурных контактов староалейского населения.

При изучении скоплений бронзовых блях и подвесок выделяется два основных направления связей: северное и южное. Отчетливо проявляются связи с населением скифо-сакского времени Томско-Нарымского Приобья. Староалейские комплексы являются самым южным анклавом культурных образований, соединяющих черты южно-таежного комплекса культур и традиций скифо-сакского ареала. Они тесно связаны с кижировско-шеломокскими комплексами, имеющими большую культурную близость с памятниками васюганского этапа кулайской культуры и демонстрирующими определенное сходство с приангарскими комплексами (нижнепорожинская, шилкинская культуры). Традиции, связанные с функционированием бронзовых блях и подвесок, появившиеся в скифское время в материальном комплексе в Западной Сибири, достаточно устойчивы и транслируются длительное время.

Южное направление демонстрируют тесные контакты староалейцев с населением Тувы скифо-сакского периода. Это подтверждают многочисленные новые находки. Направление контактов с кочевыми группами Саяно-Алтая, в особенности с уюско-саглыньскими, дополняется новыми материалами и выглядит все более отчетливо [Фролов, 2018: 193–194; Килуновская, Фролов, 2020: 133].

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ проект № 20–18–00179 П «Миграции и процессы этнокультурного взаимодействия как факторы формирования

полиэтнических социумов на территории Большого Алтая в древности и средневековье: междисциплинарный анализ археологических и антропологических материалов». Работа выполнена в рамках госзадания ИАЭТ СО РАН «Закономерности распространения и источниковедческие аспекты сохранения объектов археологического наследия в условиях техногенных изменений ландшафтов Евразии» (FWZG-2025–0012)

Acknowledgements and funding

The study was carried this work was financially supported by Russian Science Foundation: Project No. 20–18–00179 П «Migrations and Processes of Ethno-Cultural Interaction as Factors in the Formation of Multi-Ethnic Societies on the Territory of the Greater Altai in Antiquity and the Middle Ages: Interdisciplinary Analysis of Archaeological and Anthropological Materials». The work was carried out within the framework of the state assignment of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences «Patterns of Distribution and Source Studies Aspects of the Preservation of Archaeological Heritage Objects in the Context of Man-Made Changes in the Landscapes of Eurasia» (FWZG-2025–0012).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бауло А. В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 260 с.

Бауло А. В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: этнографический альбом. Ханты-Мансийск, Екатеринбург: Баско, 2013. 208 с.

Бородовский А. П., Бородовская Е. Л. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2013. 220 с.

Ванштейн С. И., Дьяконова В. П., Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. VIII. Кызыл, 1960. С. 192–201.

Ведакин С. Д., Кунгуров А. Л. Грунтовый могильник староалеической культуры Обские Пльсы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 88–114.

Гемуев И. Н., Мироззрение манси: Дом и Космос. Новосибирск: Наука, 1990. 232 с.

Герман П. В., Казакова Е. А. Новые материалы Цэпаньской культуры Северного Приангарья (погребение 13 могильника Сергушкин-3 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3. С. 80–89.

Гревцов Ю. А. Воинские пояса скифской эпохи Северного Приангарья по материалам Усть-Тасеевского культового комплекса // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2013. С. 92–106.

Гришин Ю. И. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

Демин М. А., Головченко Н. Н. Раскопки могильника Карбан-2 на Средней Катунь // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история): 2017 год. Вып. 13. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет, 2018. С. 3–7.

Дроздов Н. И., Гревцов Ю. А., Заика А. Л. Усть-Тасеевский культовый комплекс на Нижней Ангаре // Древнее искусство в зеркале археологии: К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011. С. 77–85.

Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Итоги изучения Эмдера в 2001 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Вып. 1. Томск; Ханты-Мансийск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2003. С. 111–136.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам XIX — начала XX в.). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 501 с.

Казаков А. А., Семибратов В. П., Редников А. А., Матренин С. С., Григоров Е. В. Исследование погребального комплекса быстрианской культуры Каменка в Советском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XXI. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 103–109.

Каммарт Л., Хюле В. В., Буржуа И., Миккелсен Я. Х. Два сезона комплексных бельгийско-российских исследований в долине Себыстея (Кош-Агачский район, Горный Алтай). Предварительные результаты // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. Т. 1. С. 229–239.

Килуновская М. Е., Альборова И. А., Бусова В. С., Семенов В. А., Мустафин Х. Х., Учанева Е. Н. Памятники середины I тысячелетия до н. э. в урочище Эки-Оттуг (Центральная Тува): от типологии и хронологии к антропологии и генетике // Археологические вести. 2023. № 40. С. 245–273. <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2023-40-245-273>

Килуновская М. Е., Альборова И. Э., Анিকেева О. В., Браун С., Бусова В. С., Кожухова Е. И., Мустафин Х. Х., Семенов В. А., Учанева Е. Н. Реконструкция этнокультурных процессов второй половины I тыс. до н. э. в Центральной Туве (по данным памятников урочища Саускен) // Уфимский археологический вестник. 2024. Т. 24, № 2. С. 263–295. <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.016>

Килуновская М. Е., Семенов В. А., Семенов А. В., Бусова В. С. Поясные наборы в культуре кочевников Тувы // Новые исследования Тувы. 2021. № 1. С. 30–50. <https://doi.org/10.25178/nit.2021.1.2>

Килуновская М. Е., Фролов Я. В. Сравнительный анализ поясных украшений скифского времени Барнаульского Приобья и Тувы // Вещь в контексте погребального обряда. М.: РГГУ, 2020. С. 126–138.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильник Староалеика 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996. С. 115–134.

Комиссаров С. А., Шульга Д. П., Сулягина Н. А. Культура шацзин (Ганьсу, Китай): основные памятники и вопросы хронологии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. 23. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 336–340.

Кулемзин А. М. Арчакские курганы // Археология Южной Сибири. Кемерово: Кем. гос. ун-т, 1979. Вып. 10. С. 87–99.

Кунгуров А. Л. Погребальные комплексы быстрианской культуры на среднем Чумыше // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та: 1995. С. 114–117.

Кунгуров А. Л., Кунгурова Н. Ю. Раскопки могильника Аэродромный в Бийске // Археология и этнография Алтая. Барнаул, 1982. С. 77–89

Мандрыка П. В. Могильник Усть-Шилка II как индикатор культурно-исторической ситуации раннего железного века Енисейского Приангарья // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2008. Т. 7, № 3. С. 117–131.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Пушинский научный центр РАН, 1997. 196 с.

Носкова А. В. Раскопки могильника Сайгатинский IV в полевом сезоне 2009 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск: ТГУ, 2010. Вып. 8. С. 331–339.

Папин Д. В., Демин М. А., Савко И. А., Федорук А. С. Особенности погребальной практики населения предгорного Алтая раннего железного века по материалам могильника Усть-Иша-5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 677–682. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2022.28.0677-0682>

Плетнева Л. М. Томское Приобье в конце VIII–III вв. до н. э. Томск, 1977. 142 с.

Погребальный обряд древнего населения Барнаульского Приобья (материалы из раскопок 2010–2011 гг. грунтового могильника Фирсово-XIV). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 208 с.

Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. Новосибирск: Наука, 1987. 144 с.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.

Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н. э.). Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. 231 с.

Полторацкая В. Н. Могильник Березовка I // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.: Государственный Эрмитаж, 1961. Вып. III. С. 74–88.

Поляков А. В. Лапчатые привески карасукской культуры (по материалам погребений) // Археологические вести. 2006. № 13. С. 82–101.

Рындина О. М. Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1995. Т. 3. 639 с.

Семенов В. А. Кидуновская М. Е. Могильник скифского времени Саускен 3 в долине р. Эрбек (Республика Тыва) // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения: Памяти Вадима Михайловича Массона. СПб: ИИМК РАН, 2014. С. 393–423.

Тихомиров К. Н. Новые данные о погребальных традициях предков тарских татар (по материалам раскопок могильника Сеитово IV 2019 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2019. Т. 25. С. 626–630. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.626-630>

Троицкая Т. Н., Бородовский А. П. Большереченская культура лесостепного Приобья. Новосибирск: Наука, 1994. 184 с.

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. Барнаул, 2005. 204 с.

Федоров В. К. Бронзовые колесики в погребениях ранних кочевников // Археология ранних кочевников Евразии. Самара: ООО «КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО», 2018. С. 22–40.

Фролов Я. В. Место комплексов раннего железного века Рублевского археологического микрорайона в кругу памятников раннескифского и скифского времени Кулунды // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2013. № 5. С. 45–57.

Фролов Я. В. О параллелях в материалах скифского времени культур Верхнего Приобья и Тувы // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. Вторая Всероссийская научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Александра Даниловича Грача (С. — Петербург, 10–14 декабря 2018 г.): тезисы. СПб., 2018. С. 192–194.

Фролов Я. В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н. э. — II в. н. э. (по данным грунтовых могильников). Барнаул: Азбука, 2008. 479 с.

Фролов Я. В. Ритуальные «клады-приношения» у детских погребений староалейской культуры // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. С. 163–166.

Фролов Я. В., Шамшин А. Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 219–226.

Членова Н. Л. Место культуры Тувы скифского времени в ряду других «скифских» степных культур Евразии // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. IX. Кызыл, 1961. С. 133–155.

Членова Н. Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербургский археологический вестник. СПб.: Фарн, 1993. С. 32–72.

Чугунов К. В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н. э. // Евразия сквозь века. СПб., 2001. С. 173–177.

Чугунов К. В., Парцингер Г., Наглер А. Царский курган скифского времени Аржан-2 в Туве. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 500 с.

Шульга П. И. Поясные бляшки Староалейской культуры. Происхождение и использование // Народы и религии Евразии. 2023. Т. 28, № 3. С. 99–119. <https://doi.org/10.14258/nreug> (2023) 3–05

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 329 с.

Шульга П. И., Шульга Д. П. Варианты использования накладных поясных бляшек скифского времени в Южной Сибири и Северном Китае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. XXIX. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2023. С. 969–976. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0969-0976>

Reference

Baulo A. V. *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchainykh sborov* [Ancient bronze from ethnographic complexes and chance finds]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2011, 260 p. (In Russian).

Baulo A. V. *Svyashchennye mesta i atributy severnykh mansi v nachale XXI veka: etnograficheskii al'bom* [Sacred places and attributes of the Northern Mansi at the beginning of the 21st century. Ethnographic album]. Khanty-Mansiysk, Yekaterinburg: Basko Publ., 2013, 208 p. (In Russian).

Borodovsky A. P., Borodovskaya E. L. *Arkheologicheskie pamyatniki gornoi doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites of the mountain valley of the Lower Katun in the Paleometal era]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2013, 220 p. (In Russian).

Chlenova N. L. Mesto kul'tury Tuvy skifskogo vremeni v ryadu drugikh «skifskikh» stepnykh kul'tur Evrazii [The place of the Scythian period culture of Tuva among other «Scythian» steppe cultures of Eurasia]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Scientific notes of the Tuvinian Research Institute of Language, Literature and History]. Kyzyl, 1961, iss. IX, pp. 133–155 (in Russian).

Chlenova N. L. O pozdnei date karasukskikh bronz v Mongolii, Gornom Altae, Zabaikal'e i Ordose [On the late date of Karasuk bronzes in Mongolia, Gorny Altai, Transbaikalia and the Ordos]. *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik* [Petersburg Archaeological Bulletin]. St. Petersburg: Farn Publ., 1993, pp. 32–72 (in Russian).

Chugunov K. V. Lokal'no-khronologicheskie osobennosti kul'tury Tuvy v seredine I tysyacheletiya do n. e. [Local-chronological features of the culture of Tuva in the mid-1st millennium BC]. *Evraziya skvoz' veka* [Eurasia through the centuries]. St. Petersburg, 2001, pp. 173–177 (in Russian).

Chugunov K. V., Partsinger G., Nagler A. *Tsarskii kurgan skifskogo vremeni Arzhan-2 v Tuve* [The royal barrow of the Scythian period Arzhan-2 in Tuva]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017, 500 p. (In Russian).

Demin M. A., Golovchenko N. N. Raskopki mogil'nika Karban-2 na Srednei Katuni [Excavations of the Karban-2 cemetery on the Middle Katun]. *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya): 2017 god* [Field studies in Altai, the Irtysh region and the Upper Ob region (archaeology, ethnography, oral history): 2017]. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State University Publ., 2018, iss. 13, pp. 3–7 (in Russian).

Drozdov N. I., Grevtsov Yu. A., Zaika A. L. Ust' — Taseevskii kul'tovyi kompleks na Nizhnei Angare [The Ust-Taseevsky cult complex on the Lower Angara]. *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: K 70-letiyu D. G. Savinova* [Ancient art in the mirror of archaeology: On the 70th anniversary of D. G. Savinov]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat Publ., 2011, pp. 77–85 (in Russian).

Fedorov V. K. Bronzovye kolesiki v pogrebeniyakh rannikh kochevnikov [Bronze wheels in burials of early nomads]. *Arkheologiya rannikh kochevnikov Evrazii* [Archaeology of early nomads of Eurasia]. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo publ., 2018, pp. 22–40 (in Russian).

Frolov Ya. V. Mesto kompleksov rannego zheleznogo veka Rublevskogo arkheologicheskogo mikroraiiona v krugu pamyatnikov ranneskifskogo i skifskogo vremeni Kulundy [The place of Early Iron Age complexes of the Rublevsky archaeological microdistrict among the sites of the Early Scythian and Scythian periods of Kulunda]. *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* [Antiquities of Siberia and Central Asia]. Gorno-Altaysk: GAGU Publ., 2013, No. 5, pp. 45–57 (in Russian).

Frolov Ya. V. O paralelyakh v materialakh skifskogo vremeni kul'tur Verkhnego Priob'ya i Tuva [On parallels in the Scythian period materials of the cultures of the Upper Ob region and Tuva]. *Drevnie kul'tury Tsentral'noi Azii i Sankt-Peterburg. Vtoraya Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 90-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Danilovicha Gracha (Sankt-Peterburg, 10–14 dekabrya 2018 g.): tezisy* [Ancient cultures of Central Asia and St. Petersburg. Second All-Russian Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Alexander Danilovich Grach (St. Petersburg, December 10–14, 2018). Abstracts]. St. Petersburg, 2018, pp. 192–194 (in Russian).

Frolov Ya. V. Ritual'nye «klady-prinosheniya» u detskikh pogrebenii staroaleiskoi kul'tury [Ritual «hoard-offerings» in children's burials of the Staroaleyka culture]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Barnaul: Altai University Publ., 1997, pp. 163–166 (in Russian).

Frolov Ya. V. *Pogrebal'nyi obryad naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya v VI v. do n. e. — II v n. e. (po dannym gruntovykh mogil'nikov)* [Funerary rite of the population of the Barnaul Ob region from the 6th century BC to the 2nd century AD (based on data from ground cemeteries)]. Barnaul: Azbuka Publ., 2008, 479 p. (In Russian).

Frolov Ya. V., Shamshin A. B. Mogil'niki rannego zheleznogo veka Firsovskogo arkheologicheskogo mikroraiona (Firsovo-III, XI, XIV) [Early Iron Age cemeteries of the Firsovsky archaeological microdistrict (Firsovo-III, XI, XIV)]. *Itogi izucheniya skifskoi epokhi* [Results of the study of the Scythian era]. Barnaul: Altai University Publ., 1999, pp. 219–226 (in Russian).

Gemuev I. N. *Mirovozzrenie mansi: Dom i Kosmos* [The worldview of the Mansi: House and Cosmos]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990, 232 p. (In Russian).

German P. V., Kazakova E. A. Novye materialy Tsepan'skoi kul'tury Severnogo Priangar'ya (pogrebenie 13 mogil'nika Sergushkin-3) [New materials of the Tsepan culture of the Northern Angara region (burial 13 of the Sergushkin-3 cemetery)]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of archaeology, anthropology and ethnography]. 2014, no. 3, pp. 80–89 (in Russian).

Grevtsov Yu. A. Voinskie poyasa skifskoi epokhi Severnogo Priangar'ya po materialam Ust'-Taseevskogo kul'tovogo kompleksa [Warrior belts of the Scythian era of the Northern Angara region based on materials from the Ust'-Taseevsky cult complex]. *Arkheologicheskie issledovaniya drevnostei Nizhnei Angary i sopredel'nykh territorii* [Archaeological studies of antiquities of the Lower Angara and adjacent territories]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk Regional Museum Publ., 2013, pp. 92–106 (in Russian).

Grishin Yu. I. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zheleznogo vekov lesostepnogo Zabaikal'ya* [Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the forest-steppe Transbaikalia]. Moscow: Nauka Publ., 1981, 204 p. (In Russian).

Ivanov S. V. *Ornament narodov Sibiri kak istoricheskii istochnik (po materialam XIX — nachala XX v.)* [Ornament of the peoples of Siberia as a historical source (based on materials from the 19th — early 20th centuries)]. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1963, 501 p. (In Russian).

Kammart L., Hüle V. V., Bourgeois I., Mikkelsen Ya. Kh. Dva sezona kompleksnykh bel'giisko-rossiiskikh issledovaniy v doline Sebysteya (Kosh-Agachskii raion, Gornyi Altai).

Predvaritel'nye rezul'taty [Two seasons of complex Belgian-Russian research in the Sebystey valley (Kosh-Agach district, Gorny Altai). Preliminary results]. *Sibir' v panorame tysyacheletii* [Siberia in the panorama of millennia]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 1998, vol. 1, pp. 229–239 (in Russian).

Kazakov A. A., Semibratov V. P., Rednikov A. A., Matrenin S. S., Grigorov E. V. Issledovanie pogrebal'nogo kompleksa bystryanskoi kul'tury Kamenka v Sovetskom raione Altaiskogo kraia [Study of the funerary complex of the Bystryanka culture Kamenka in the Sovetsky district of Altai Krai]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraia* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Barnaul: Altai University Publ., 2015, iss. XXI, pp. 103–109 (in Russian).

Kilunovskaya M. E., Alborova I. A., Busova V. S., Semenov V. I. A., Mustafin Kh. Kh., Uchaneva E. N. Pamyatniki serediny I tysyacheletiya do n. e. v urochishche Eki-Ottug (Tsentral'naya Tuva): ot tipologii i khronologii k antropologii i genetike [Sites of the mid-1st millennium BC in the Eki-Ottug tract (Central Tuva): from typology and chronology to anthropology and genetics]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news]. 2023, no. 40, pp. 245–273 (in Russian). <https://doi.org/10.31600/1817-6976-2023-40-245-273>

Kilunovskaya M. E., Alborova I. E., Anikeeva O. V., Braun S., Busova V. S., Kozhukhova E. I., Mustafin Kh. Kh., Semenov V. I. A., Uchaneva E. N. Rekonstruktsiya etnokul'turnykh protsessov vtoroi poloviny I tys. do n. e. v Tsentral'noi Tuve (po dannym pamyatnikov urochishcha Sausken) [Reconstruction of ethnocultural processes of the second half of the 1st millennium BC in Central Tuva (based on data from sites in the Sausken tract)]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin]. 2024, Vol. 24, No. 2, pp. 263–295 (in Russian). <https://doi.org/10.31833/uav/2024.24.2.016>

Kilunovskaya M. E., Frolov Ya. V. Sravnitel'nyi analiz pojasnykh ukrashenii skifskogo vremeni Barnaul'skogo Priob'ya i Tuvy [Comparative analysis of belt ornaments of the Scythian period from the Barnaul Ob region and Tuva]. *Veshch' v kontekste pogrebal'nogo obryada* [Object in the context of funerary rite]. Moscow: RGGU Publ., 2020, pp. 126–138. (In Russian).

Kilunovskaya M. E., Semenov V. I. A., Semenov A. V., Busova V. S. Poyasnye nabory v kul'ture kochevnikov Tuvy [Belt sets in the culture of the nomads of Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy* [New studies of Tuva]. 2021, no. 1, pp. 30–50 (in Russian). DOI: 10.25178/nit. 2021.1.2

Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Mogil'nik Staroaleika 2 [The Staroaleyka 2 cemetery]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya* [Funerary rite of ancient tribes of Altai]. Barnaul, 1996, pp. 115–134 (in Russian).

Komissarov S. A., Shulga D. P., Sutyagina N. A. Kul'tura shatsz'in (Gansu, Kitai): osnovnye pamyatniki i voprosy khronologii [The Shajing culture (Gansu, China): main sites and issues of chronology]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2017, vol. 23, pp. 336–340 (in Russian).

Kulemzin A. M. Arhekas'skie kurgany [The Arhekas barrows]. *Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri* [Archaeology of Southern Siberia]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 1979, iss. 10, pp. 87–99 (in Russian).

Kungurov A. L. Pogrebal'nye komplekсы bystryanskoi kul'tury na srednem Chumyshe [Funerary complexes of the Bystryanka culture on the Middle Chumysh]. *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya* [Problems of preservation, study and use of the cultural heritage of Altai]. Barnaul: Altai University Publ., 1995, pp. 114–117 (in Russian).

Kungurov A. L., Kungurova N. Yu. Raskopki mogil'nika Aerodromnyi v Biiske [Excavations of the Aerodromny cemetery in Biysk]. *Arkheologiya i etnografiya Altaya* [Archaeology and ethnography of Altai]. Barnaul, 1982, pp. 77–89 (in Russian).

Mandryka P. V. Mogil'nik Ust' — Shilka II kak indikator kul'turno-istoricheskoi situatsii rannego zheleznogo veka Eniseiskogo Priangar'ya [The Ust-Shilka II cemetery as an indicator of the cultural and historical situation of the Early Iron Age in the Yenisei Angara region]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2008, vol. 7, no. 3, pp. 117–131 (in Russian).

Mogilnikov V. A. *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine — vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e.* [Population of the Upper Ob region in the mid-second half of the 1st millennium BC]. Moscow: Pushchinskii nauchnyi tsentr RAN Publ., 1997, 196 p. (In Russian).

Noskova A. V. Raskopki mogil'nika Saigatinskii IV v polevom sezone 2009 g. [Excavations of the Saigatinsky IV cemetery in the 2009 field season]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: TGU Publ., 2010, iss. 8, pp. 331–339. (In Russian).

Papin D. V., Demin M. A., Savko I. A., Fedoruk A. S. Osobennosti pogrebal'noi praktiki naseleniya predgornogo Altaya rannego zheleznogo veka po materialam mogil'nika Ust' — Isha-5 [Features of the funerary practice of the population of the Altai foothills of the Early Iron Age based on materials from the Ust-Isha-5 cemetery]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2022, vol. 28, pp. 677–682 (in Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2022.28.0677-0682>

Pletneva L. M. *Tomskoe Priobe v kontse VIII–III vv. do n. e.* [The Tomsk Ob region in the late 8th–3rd centuries BC]. Tomsk, 1977, 142 p. (In Russian).

Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Barnaul'skogo Priob'ya (materialy iz raskopok 2010–2011 gg. gruntovogo mogil'nika Firsovo-XIV) [Funerary rite of the ancient population of the Barnaul Ob region (materials from the 2010–2011 excavations of the Firsovo-XIV ground cemetery)]. Barnaul: Altai University Publ., 2015, 208 p. (In Russian).

Polosmak N. V. *Vsadniki Ukoka* [Horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO-press Publ., 2001, 336 p. (In Russian).

Polosmak N. V. *Baraba v epokhu rannego zheleza* [Baraba in the Early Iron Age]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, 144 p. (In Russian).

Polosmak N. V., Barkova L. L. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (IV–III vv. do n. e.)* [Costume and textiles of the Pazyryk people of Altai (4th–3rd centuries BC)]. Novosibirsk: INFOLIO Publ., 2005, 231 p. (In Russian).

Poltoratskaya V.N. Mogil'nik Berezovka 1 [The Berezovka 1 cemetery]. *Arkheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological collection of the State Hermitage Museum]. Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh Publ., 1961, iss. III, pp. 74–88 (in Russian).

Polyakov A.V. Lapchatye priveski karasukskoi kul'tury (po materialam pogrebenii) [Paw-shaped pendants of the Karasuk culture (based on burial materials)]. *Arkheologicheskie vesti* [Archaeological news]. 2006, no. 13, pp. 82–101 (in Russian).

Ryndina O.M. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri* [Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia]. Tomsk: Tomsk State University Publ., 1995, vol. 3, 639 p. (In Russian).

Semenov V.A., Kilunovskaya M.E. Mogil'nik skifskogo vremeni Sausken 3 v doline r. Eerbek (Respublika Tyva) [Scythian period cemetery Sausken 3 in the Eerbek River valley (Republic of Tuva)]. *Arkheologiya drevnikh obshchestv Evrazii: khronologiya, kul'turogenез, religioznye vozzreniya: Pamyati Vadima Mikhailovicha Massona* [Archaeology of ancient societies of Eurasia: chronology, cultural genesis, religious views: In memory of Vadim Mikhailovich Masson]. St. Petersburg: IIMK RAN Publ., 2014, pp. 393–423 (in Russian).

Shulga P.I. Poyasnye blyashki Staroaleiskoi kul'tury. Proiskhozhdenie i ispol'zovanie [Belt plaques of the Staroaleyka culture. Origin and use]. *Narody i religii Evrazii* [Peoples and Religions of Eurasia]. 2023, vol. 28, no. 3, pp. 99–119 (In Russian). [https://doi.org/10.14258/nreur\(2023\)3-05](https://doi.org/10.14258/nreur(2023)3-05).

Shulga P.I., Shulga D.P. Varianty ispol'zovaniya nakladnykh poyasnykh blyashek skifskogo vremeni v Yuzhnoi Sibiri i Severnom Kitae [Variants of the use of overlay belt plaques of the Scythian period in Southern Siberia and Northern China]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Novosibirsk: IAET SO RAN Publ., 2023, vol. XXIX, pp. 969–976 (In Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2023.29.0969-0976>

Shulga P.I., Umanskii A.P., Mogilnikov V.A. *Novotroitskii nekropol'* [The Novotroitsk necropolis]. Barnaul: Altai University Publ., 2009, 329 p. (In Russian).

Tikhomirov K.N. Novye dannye o pogrebal'nykh traditsiyakh predkov tarskikh tatar (po materialam raskopok mogil'nika Seitovo IV 2019 goda) [New data on the funerary traditions of the ancestors of the Tara Tatars (based on materials from the 2019 excavations of the Seitovo IV cemetery)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* [Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. 2019, vol. 25, pp. 626–630 (In Russian). <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.626-630>

Troitskaya T.N., Borodovsky A.P. *Bol'sherechenskaya kul'tura lesostepnogo Priob'ya* [The Bolsherechenskaya culture of the forest-steppe Ob region]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1994, 184 p. (In Russian).

Umanskii A.P., Shamshin A.B., Shulga P.I. Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-1 na levoberezh'e Obi [The Scythian period cemetery Rogozikha-1 on the left bank of the Ob River]. Barnaul, 2005, 204 p. (In Russian).

Vainshtein S.I., Dyakonova V.P. Unikal'nye nakhodki iz raskopok drevnikh kurganov Tuvy [Unique finds from excavations of ancient barrows of Tuva]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Scientific notes of the Tuvinian

Research Institute of Language, Literature and History]. Kyzyl, 1960, iss. VIII, pp. 192–201 (in Russian).

Vedyanin S. D., Kungurov A. L. Gruntovyi mogil'nik staroaleiskoi kul'tury Obskie Plesy 2 [Ground cemetery of the Staroaleyka culture Obskie Plesy 2]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya* [Funerary rite of ancient tribes of Altai]. Barnaul: Altai University Publ., 1996, pp. 88–114 (in Russian).

Zykov A. P., Koksharov S. F. Itogi izucheniya Emdera v 2001 g. [Results of the study of Emdera in 2001]. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo* [Khanty-Mansi Autonomous Okrug in the mirror of the past]. Tomsk; Khanty-Mansiysk: National Research Tomsk State University Publ., 2003, iss. 1, pp. 111–136 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 15.10.2024

Принята к публикации: 05.12.2024

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 902:004.925.83:528.74

DOI 10.14258/nreur(2026)2–06

А. А. Тишкин, С. Ю. Бондаренко

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

ТЕХНОЛОГИЯ КОМПЬЮТЕРНОГО АНАЛИЗА ГЕОМЕТРИИ ЦИФРОВЫХ КОПИЙ ИЗВЯНИЙ ДЛЯ АВТОМАТИЧЕСКОГО РАСПОЗНАВАНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ «ОЛЕННОГО» КАМНЯ ИЗ ТУВЫ)

В статье подробно представлен один из современных компьютерных методов выделения рельефных форм на 3D-моделях изваяний, полученных с помощью фотограмметрии. Разработанный комплекс последовательных действий направлен на автоматизацию процесса выявления изображений на каменных поверхностях, что позволяет значительно сократить трудозатраты при ручной прорисовке и повысить необходимую точность результатов. Предложенный способ включает компьютерный анализ геометрии цифровых копий с использованием специализированных алгоритмов, обученных разделять ровные, вогнутые и выпуклые участки. Работа всей реализуемой программы показана на примере изучения хорошо известного «оленного» камня, экспонируемого в стеларии филиала «Алтын Дошка» Национального музея Республики Тыва (г. Кызыл, Россия). Продемонстрирована достаточная эффективность в процессе выявления сложных изображений, включая фигуры животных и рунические знаки. Комбинация двух взаимодополняющих алгоритмов способна обеспечить полную визуализацию рельефных форм и не имеет ограничений в существующих неспециализированных подходах. Представленные рендеры и графические прорисовки «Сайгынской стелы», выполненные с помощью компьютера, сравнивались с ранее выполненными результатами ручного копирования. Данная верификация не только показала эффективность представленного метода, но и способствовала уточнению изображений. В статье подчеркивается потенциал использования цифровых технологий в археологии, а также отмечается необходимость обязательной экспертной оценки получаемых результатов. Разработанный алгоритм запатентован и уже используется в исследовательской деятельности. Кроме этого, создано онлайн-приложение для web-просмотра 3D-моделей с функцией демонстрации автоматического выделения изображений.

Ключевые слова: Тува, музей, «оленный» камень, фотограмметрия, изображения, руническая надпись, цифровые технологии, графические прорисовки, патент

Цитирование статьи:

Тишкин А. А., Бондаренко С. Ю. Технология компьютерного анализа геометрии цифровых копий изваяний для автоматического распознавания изображений (на примере «оленного» камня из Тувы) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, №2. С. 152–168. DOI 10.14258/nreur(2026)2–06

Тишкин Алексей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой археологии, этнографии и музеологии, главный научный сотрудник Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** tishkin210@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Бондаренко Сергей Юрьевич, кандидат технических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела сопровождения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ Алтайского государственного университета, Барнаул, Россия. **Адрес для контактов:** bonsu@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>

A. A. Tishkin, S. Yu. Bondarenko

Altai State University, Barnaul (Russia)

TECHNOLOGY OF COMPUTER ANALYSIS OF THE GEOMETRY OF DIGITAL COPIES OF SCULPTURES FOR AUTOMATIC IMAGE RECOGNITION (USING THE EXAMPLE OF THE «DEER» STONE FROM TUVA)

The article details one of the modern computer methods for extracting relief forms on 3D models of sculptures obtained via photogrammetry. The developed complex of sequential actions is aimed at automating the process of detecting images on stone surfaces, which significantly reduces labor costs compared to manual tracing and increases the required accuracy of results. The proposed method involves computer analysis of the geometry of digital copies using specialized algorithms trained to distinguish flat, concave, and convex areas. The operation of the entire implemented program is demonstrated using the well-known «deer» stone exhibited in the stelae hall of the «Altyn Doska» branch of the National Museum of the Republic of Tuva (Kyzyl, Russia). It shows sufficient effectiveness in detecting complex images, including animal figures and runic signs. The combination of two complementary algorithms enables full visualization of relief forms without the limitations of existing non-specialized approaches. The presented computer-generated renders and graphic tracings of the «Saygyn stela» were compared with previously created manual copies. This verification not

only demonstrated the effectiveness of the presented method but also contributed to refining the images. The article emphasizes the potential of digital technologies in archaeology and notes the necessity of mandatory expert evaluation of the results. The developed algorithm is patented and already used in research activities. Additionally, an online application has been created for web viewing of 3D models with a function demonstrating automatic image highlighting.

Keywords: Tuva, museum, «deer» stone, photogrammetry, images, runic inscription, digital technologies, graphic drawings, patent

For citation:

Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu. Technology of computer analysis of the geometry of digital copies of sculptures for automatic image recognition (using the example of the «deer» stone from Tuva). *Nations and religions of Eurasia*. 2025, vol. 31, no. 2, pp. 152–168. DOI 10.14258/nreur(2026)2–06

Tishkin Alexey Alexeevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Archaeology, Ethnography and Museology, Chief Researcher of the Department of Support for Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia. **Contact address:** tishkin210@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7769-136X>

Bondarenko Sergey Yuryevich, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher of the Department of Support of Research and Development Work of the Altai State University, Barnaul, Russia. **Contact address:** bonsu@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4295-4120>

Введение

Цифровизация стала неотъемлемой частью современной науки, преобразуя методы и принципы, а также открывая новые горизонты для исследований. В археологии она представляет собой уникальный этап, существенно меняющий подходы к изучению и сохранению объектов историко-культурного наследия. Все началось с простого использования компьютеров для обработки данных. Затем появилась возможность сканирования бумажной полевой документации и рисунков артефактов с последующей обработкой. С развитием вычислительной техники расширилось поле деятельности. Внедряется лазерное сканирование и фотограмметрия. Формирование 3D-моделей позволило создавать детальные копии разных сооружений и находок. Появление машинного обучения и алгоритмов искусственного интеллекта способствовало обработке больших объемов данных, распознаванию образов, классификации артефактов и даже прогнозированию открытий. В настоящее время цифровые технологии превратились в необходимый и эффективный инструмент для исследования и реконструкции археологических объектов разного плана.

Цель данной статьи — рассмотреть ключевую возможность технологии компьютерного анализа геометрии цифровых копий каменных изваяний, полученных с помощью фотограмметрии.

Фотограмметрия в археологии используется достаточно давно [Бондаренко, 2025, с. 33–71]. Первые результаты, которые уже можно было считать профессиональным созданием 3D-моделей, как относительно точных цифровых копий, стали появляться еще в начале 2000-х гг. [Pavlidis G., Koutsoudis A., Arnaoutoglou F. et al, 2007]. Однако применение их было ограничено созданием простых и общих моделей, отражающих внешний вид объекта. Технология продолжила развиваться, реализуя все более совершенные методы. Но мы хотели бы сконцентрироваться на аспекте применения фотограмметрии именно для анализа, а не только для визуализации, что меняет сам подход к процессу ее проведения и к критериям оценки качества результата.

Метод создания 3D-моделей, который точнее называть «Structure From Motion» — структурой из движения (SFM), а не фотограмметрией, является хорошим примером известной проблемы инноваций: использование технологий ради технологий, когда исследователи забывают, что это инструмент для чего-то большего, чем зачастую обычная 3D-визуализация. SFM — это мощный инструмент для изучения и анализа. Только потом важна доказательная демонстрация. Однако для реализации имеющегося потенциала необходимы эффективные математические алгоритмы. Нужно стремиться именно к их нахождению и/или разработке. Такая деятельность ведется нами уже несколько лет [Тишкин, Бондаренко, 2023; Тишкин, Бондаренко, Тишкин (мл.), 2023; Тишкин, Табалдиев, Бондаренко, 2023; и др.]. В результате использовалось множество различных (в том числе взаимоисключающих) подходов: от прямого анализа геометрии с помощью сравнения ее с эквидистантной поверхностью до применения законов оптики и машинного анализа с помощью сверточной нейронной сети U-Net.

В данной статье рассмотрим один из способов, показавший на данном этапе наиболее качественный результат при анализе рельефных форм на каменных изваяниях, с целью выделения на них выбивки.

Ручная прорисовка изображений по фотографиям или микалентным копиям — это трудоемкая и субъективно неоднозначная работа, требующая определенного опыта и подхода как к методам фотографирования и копирования археологического объекта, так и к интерпретации полученных результатов. На фотографии представлено лишь двухмерное изображение трехмерного объекта. Третья координата на ней отсутствует и может восприниматься лишь условно, только как комбинация светотени или субъективное видение перспективы. К тому же на фотоснимке трудно уловить четкие границы изобразительной линии. При результатах микалентного копирования имеются те же проблемы, которые усугубляются различным качеством получаемого оттиска и деформацией используемого длиноволокнистого хлопкового полотна. Поэтому целью нашей работы являлось создание полностью автоматического способа получения адекватного изображения выбивки на цифровой копии каменной поверхности изваяния. Важно было получить выделение всех возможных элементов (контуры, линии, углубления и т. п.), при этом существенно сократить время обработки, снизить

трудоемкость, а также добиться повышения точности и качества графического воспроизводства рисунка, выполненного выбивкой на разных камнях.

Обзор существующих методов

Для начала необходимо создать цифровую копию объекта методом фотограмметрии, что обеспечивает возможность переместить ее в виртуальное пространство. Несомненно, что данная область 3D-моделирования, а именно помещение цифровой копии в программное обеспечение систем рендеринга, является перспективной технологией. Она позволяет работать с физически корректным светом, его направлением, распределением и частотой, устанавливать степень отражения и поглощения поверхности предмета, создавать множество карт, дающих возможность лучше увидеть поверхностную геометрию. Это помогает исследователю рассмотреть и зафиксировать малозаметные детали, сконцентрировать внимание на нужных участках объекта путем выделения всех впадин на цифровой копии, а также предоставляет предварительную прорисовку изобразительных линий. За последние годы уже предпринимались попытки решения перечисленных задач. Правда, они базировались на основе использования уже существующих алгоритмов. Авторы применяли имеющийся опыт в основном из области геодезии, разработанный для геоморфологических исследований и не созданный для анализа поверхности артефактов. Но данный функционал, в принципе, может быть использован.

Существующие аналоги подобных алгоритмов изначально создавались для анализа специфических особенностей ландшафтов, таких как долины, хребты, вершины, ямы или аномалии, связанные в том числе и с археологическими памятниками [Stular, Kokalj, Ostir et al., 2011]. Эти алгоритмы в применении к изваянию рассматривают поверхность камня как ландшафт, а участки выбивки — в виде небольших долин, окаймленных склонами и гребнями. Естественным образом использование подобных неспециализированных алгоритмов для несвойственной им задачи анализа искусственных углублений на камне имеет ряд недостатков, однозначно возникающих в подобных случаях.

Применяется также один из простейших инструментов, имитирующий искусственное освещение на поверхности, который основан на том же принципе, что и использование наклонного источника света. Однако в таком случае глубина выбивки не может быть точно определена, как и любые линейные аномалии, лежащие параллельно лучу света [Zakšek, Ostir, Kokalj, 2011]. Несмотря на то, что несколько виртуальных источников света нивелирует эти недостатки, данная процедура лучше адаптирована именно к резким рельефам, чего во многих случаях у выбивок нет.

Известен способ затенения, основанный на алгоритме видимости (коэффициенте обзора). Это широко используемый альтернативный метод затенения, в том числе для обнаружения археологических объектов по растровым данным лидара [Zakšek, Ostir, Kokalj, 2011]. Он основан на измерении части полушария, ограниченного рельефом, видимым из заданной точки [Oke, 1987], и может быть получен для каждой ячейки и в пределах определенного радиуса [Dozier, Frew, 1990]. Практически коэффициент обзора вычисляется путем дискретизации пространства и поиска вертикального угла. Обычно используют восемь секторов, которых считается достаточно для получения приемлемого результата при сохранении разумного времени вычислений. Значе-

ния коэффициента обзора, близкие к 1, указывают на максимальную видимость и интерпретируются как выпуклая или горизонтальная поверхность. В то же время значения, близкие к 0, указывают на вогнутые части — долины, или выбивки в нашем случае.

Недостатком представленного метода является то, что параметры (максимальный радиус) при этом устанавливаются вручную с учетом размера объектов, которые будут выделены, поскольку от этого зависит усиление основных структур при высоких значениях либо их детализации (а также «шумов») при уменьшении радиуса. Это при одинаковой величине впадины у естественной шероховатости камня и выбивки приводит к искажению (зашумленности) результатов. К тому же максимальный видимый угол неба ограничен 90° (поскольку небо покрывает только полусферу). Тогда как значения углов теоретически могут достигать 180° [Doneus, 2013].

Известен алгоритм, основанный на «открытости точки» или «степени доминирования либо ограждения местоположения на неровной поверхности» [Yokoyama, Shirasawa, Pike, 2002]. Для вычисления положительной (или отрицательной) открытости определяется зенит (надир) для каждой ячейки в пределах искомого радиуса по восьми направлениям. Для каждого из них вычисляется наибольший угол к зениту (надиру) до пересечения с поверхностью. Затем эти значения усредняются, показывая вершины и гребни, впадины или отверстия, т. е. вогнутости и выпуклости. Этот алгоритм имеет те же недостатки, что и вышеописанный, так как является неспециализированным и создан для решения других задач.

Имеется метод, который был разработан для классификации форм рельефа с использованием распознавания образов, а не для дифференциальной геометрии. В нем рассматривается локальная окрестность вокруг центральной ячейки. Восемь смежных ячеек помечаются как «-», если они ниже, «+» — для более высоких значений и «0» — для равных значений. Таким образом, каждая ячейка определяется строкой из восьми меток, представляющим геоморфон, т. е. геоморфологический фенотип. Взаимосвязь между центральной ячейкой и ее соседями основаны на видимости так же, как описано выше для «открытости точки» [Jasiewicz, Stepinski, 2013]. Недостатки этого метода проистекают опять же из-за того, что он создан для решения других задач и не подходит для выявления выбивки на камне, так как не обеспечивает качественного результата. Для его реализации необходимо вручную настроить по крайней мере два важных параметра: расстояние поиска, которое соответствует максимальному масштабу элемента рельефа, и порог плоскостности, ниже которого любая местность считается плоской. Теоретически существует $3^8 = 6561$ различных паттернов, но это число слишком велико. Поэтому геоморфоны приходится группировать в классы, соответствующие десяти наиболее распространенным формам рельефа: равнина, вершина, гребень, плечо, отрог, склон, лощина, подножие, долина и впадина. Однако классифицировать подобным образом выбивку на камне зачастую просто невозможно.

В итоге, можно сделать вывод о том, что применимость существующих методов анализа, разработанных некоторыми исследователями, довольно ограничена и дает нечеткий результат, зависящий от настроек программы. Поэтому необходимо создание узкоспециализированного алгоритма, позволяющего решать именно необходимую задачу и учитывающего все нюансы геометрии при желательном результате.

Описание разработанного метода

Предлагаемый нами способ включает в себя модель просчета интенсивности падающего на точку поверхности света таким образом, чтобы щели и впадины объектов были затемнены, а плоские и выпуклые участки, наоборот, приобрели более светлый тон.

Логика построения заключается в том, что яркость каждой точки зависит от наличия в видимой полусфере других точек, доступности элемента поверхности лучам света и просчитывается проверкой пересечения лучей с другими участками объекта. Если такого пересечения нет и лучи уходят в бесконечность, то это увеличивает яркость точки, и наоборот. В результате чем больше точки оказываются окружены геометрией, тем они отображаются темнее — это те точки, которые находятся во впадинах. Причем чем дальше точка от поверхности, тем больше она окружена и тем темнее будет зарисовываться. И наоборот, точки с малым количеством окружающей их геометрии (выпуклые) будут выглядеть светлее. Применение такого механизма позволило получить более наглядный результат, где явно выделены все возможные выбивки независимо от происхождения.

Программная логика основывается на расчете того, насколько сильно каждая точка на поверхности модели открыта для окружающей среды. Для каждой точки модели программа создает луч, который идет в направлении окружающих объектов. Затем программа проверяет, насколько этот луч был затенен при столкновении с другими объектами, и использует эту информацию для определения степени затенения точки. Чем меньше луч попал в затененную область, тем больше теней будет на точке, что, в свою очередь, влияет на яркость ее цвета.

Несмотря на простоту основной идеи, часть которой взята из вышеописанного алгоритма «открытости точки», данный алгоритм может быть реализован с помощью различных методов (например, с помощью симуляции лучей, нормалей или текстур). И вот здесь возникает проблема, связанная с технической реализацией любого из применяемых способов. Дело в том, что ни один из способов сам по себе не способен учитывать и просчитывать все возникающие факторы, а ограничивается только своей зоной определения. Несмотря на то что алгоритмы основаны на указанной логике, разная программная реализация приводит к тому, что любой алгоритм выделяет лишь часть выбивки, что связано с геометрией объекта (формой, шероховатостью перекрываемых зон поверхности и т. п.).

Но существуют два логических решения, являющихся инверсионными друг относительно друга и тем самым способных закрыть каждый свою зону, не внося изменения в результат альтернативного просчета. Эти алгоритмы в конечном итоге способны дать сумму полученных данных, не имея зон потери информации о параметрах поверхности.

Описание «оленного» камня

Реализуемую логику и разработанный метод продемонстрируем на примере изучения «оленного» камня с руническими знаками («Сайгынская плита, E57»), находящегося в стеларии филиала «Алтын Дошка» Национального музея Республики Тыва (г. Кызыл, Россия) (рис. 1.-а).

Рис. 1. а — фотография «олениного» камня в стеларии музея; б — рендер ортогональных видов созданной модели с небольшой подсветкой зоны с изображениями

Fig. 1. a — photograph of the «deer» stone in the museum's stela hall; б — render of orthogonal views of the created model with slight highlighting of the image area

Это изваяние было доставлено в музей с юга Тувы в 1973 г. Оно находилось в местности Борбак-Арыг, вблизи с. Самагалтай Тес-Хемского района, и было обнаружено Ю.Л. Аранчином в 1952 г. в кургане, который в 1963 г. раскопал М.Х. Маннай-оол. В фонды тувинского музея стелу передал А. Ч. Кунаа [Монгуш, 2019]. На ней имеются изображения оленей, часть из которых несколько повреждена или утрачена. Поверх одной фигуры была вертикально выбита руническая надпись.

Судя по имеющимся данным, такие стелы устанавливались у поминальных курганов, к северо-западу или западу от них. Влияние классического енисейского эпитафийного канона отразилось в вертикальном размещении надписей (направленных снизу вверх) и краткости (имена и титулы) [Кызласов, 2015]. Рассматриваемая «Сайгынская стела» стояла у северного края каменной курганной выкладки. Широкие грани были ориентированы по линии Ю–С, с обращенной к кургану надписью на южной стороне [Аранчин, 1951; 1953]. Шесть вертикально выбитых рун были прочитаны как личное мужское имя и титул — б (е) лү чор «Бенгю-чор» [Кызласов, 2010]. Изображения данной стелы неплохо изучены и, что крайне важно для нашего исследования и определения адекватности работы алгоритмов, ни изображения, ни надпись не вызывают кривотолков [Кызласов, 2010] и двойного прочтения.

Изваяние имеет следующие видимые размеры (нижняя часть скрыта): высота 140 см, максимальная ширина 59 см и толщина 22 см. Объем изваяния чуть менее 0,2 м³ и площадь поверхности 1,7 м², около 30% которой занято выбивкой. На одной из сторон (рис. 1.-б) видна крупная выбивка передней части оленя, расположенного мордой вниз

(размерами 116×40 см вместе с рогами), и обрывающаяся сверху. Между ветвей рогов выбиты три фигуры лошадок, самая маленькая сверху и самая крупная внизу, размерами 14×11 см, 15×11 см и 17×12 см соответственно. Также имеются крупные зоны не идентифицированных частей выбивки, являющихся, по всей видимости, частями изображений других оленей.

По телу оленя идет более глубокая выбивка рунической надписи, состоящей из шести символов, расположенных вертикально. Общий габаритный размер ее — 36×9,6 см. Верхний символ имеет параметры 9,5×4,2 см, второй сверху — 5,2×3,1 см, следующий — 8,2×4,1 см, четвертый — 9,6×4,5 см, пятый — 9×2,6 см и последний — 7,8×7,5 см. Толщина линий 0,9–1 см.

На противоположной стороне есть выбивка частей двух оленей: рога и задняя часть одного (размерами 63×41 см), а ниже — средняя часть туловища и часть рога другого (размерами 40×26 см). На туловище заметен силуэт перекрывающей выбивки, похожей на ногу. Слева сверху заметна выбивка неопределяемой формы (рис. 2).

Методика работы

Довольно четкие формы выбивки, несомненно, упрощают визуальную проверку работы алгоритма. Несмотря на то что рисунок выбивки является геометрической впадиной, он еще имеет цветовую дифференциацию, которую необходимо отбросить, как способную дать ложный результат. Важно провести анализ только чистой геометрии.

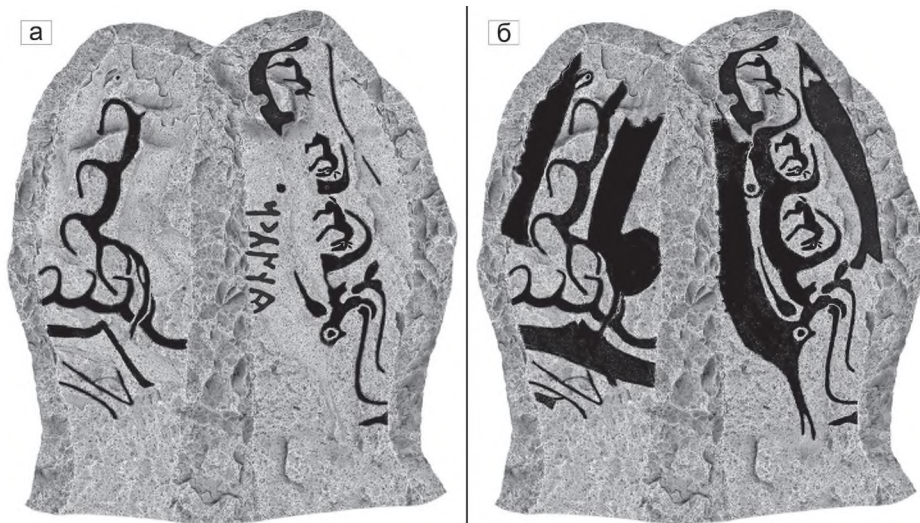

Рис. 2. Сайгынская стела. Развертка «оленного» камня с прорисовкой: а — прорисовка выбивки первым алгоритмом; б — вторым алгоритмом
 Fig. 2. The Saygyn Stele. Unfolding of the «deer» stone with tracing: a — tracing of the relief by the first algorithm; б — by the second algorithm

При использовании первого из вышеуказанных алгоритмов получена прорисовка (рис. 2.-а), формирующая начальную текстуру, где видно, что тела оленей оказались

не выделенными. Это произошло потому, что площади их выбивки слишком велики относительно других изображений и общей площади поверхности изваяния. В результате они рассчитываются программой как естественная форма камня, что происходит из-за заданных в программе условий, позволяющих классифицировать и отделять искусственную выбивку от естественной геометрии.

Система следующего алгоритма, формирующая вторую текстуру, как видно на рис. 2.-б, на первый взгляд выделила все без ошибок. Но логика ее работы не способна учитывать глубину выбивки, потому что работает по принципу «да/нет» (если выбивка существует, программа ее помечает темным). В большинстве случаев этого достаточно. Однако в данной ситуации имеется выбивка на выбивке с разной глубиной, и алгоритм отображает их как одну, заливая все темным цветом. В таком случае происходит потеря информации. Поэтому на рисунке не видны руны, а также пропали пересекающиеся части других рисунков, которые находятся в зоне окружающей их выбивки тел оленей (рис. 2.-б).

Несмотря на явные недостатки в логике работы каждой из программ, сумма данных, полученная каждой из них, как было написано выше, способна предоставить исследователю полную картину (рис. 3 и 4).

Ручное сравнение выделенной зоны с геометрической формой выбивок не выявило отличий или ложной информации, что может свидетельствовать об адекватном механизме работы представленного алгоритма.

Рис. 3. Сайгынская стела: а — развертка «олениного» камня с полной прорисовкой;

б — увеличенная зона выбивки с рунами; 1 — первый уровень выбивки,

2 — более глубокая выбивка

Fig. 3. The Saygyn Stele. a — unfolding of the «deer» stone with full tracing; б — enlarged area of the relief with runes; 1 — first level of relief, 2 — deeper relief

Наличие виртуальной объемной среды дает возможность поместить прорисовку обратно на 3D-объект цифровой копии и рассматривать ее со всех сторон вращением.

К сожалению, печатный формат статьи не позволяет продемонстрировать все имеющиеся возможности, и на рисунке приведены только проекции с выделенной формой поверхности и выявленной выбивкой.

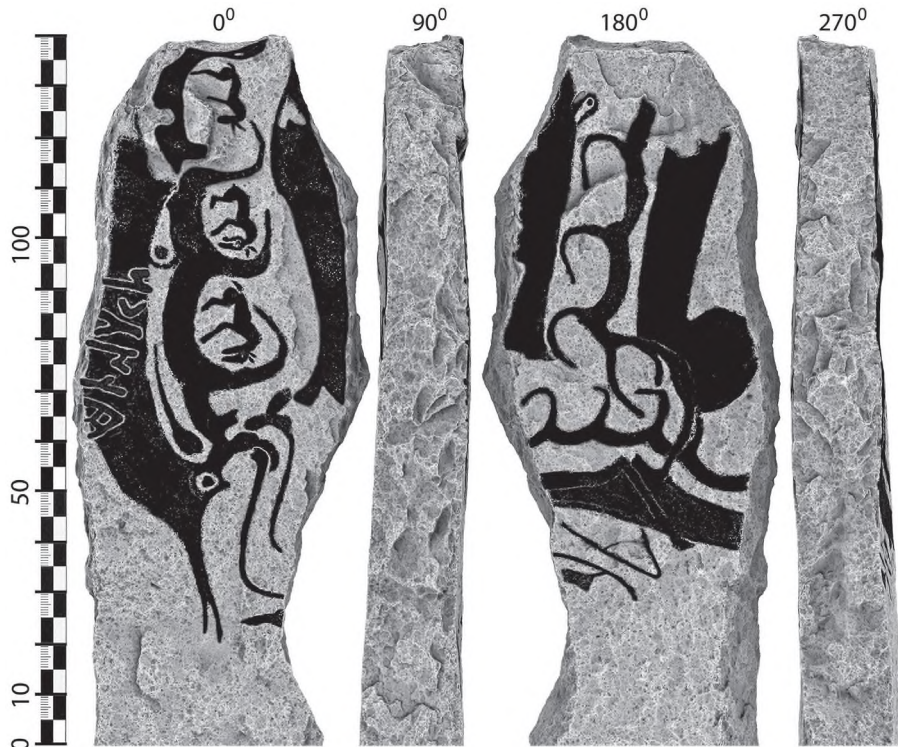

Рис. 4. Сайгынская стела. Рендер ортогональных видов модели с выделенными выбивками
Fig. 4. The Saygyn Stele. Render of orthogonal views of the model with highlighted reliefs

Необходимо отметить такой нюанс — посередине между шестью рунами есть небольшая впадина, которую можно трактовать как «точку», разделяющую знаки на две равные группы (рис. 2.-а; 5). В ранней публикации И.А. Кызласова [2010: 89, рис. 4.-1] на прорисовке она отсутствует. Однако на иллюстрации в статье, вышедшей пятью годами позже [Кызласов, 2015: 201, рис. 4], имеется. Рассматриваемая впадина видна на объекте и хорошо определяется на его цифровой копии. Но вот ее трактовка именно как искусственно сделанной точки, а не естественного образования, затруднительна. Визуальный анализ показывает наличие подобных образований в разных местах на поверхности изваяния, но вероятность случайного его нахождения строго между рунами все-таки маловероятна. По нашему мнению, данная впадинка, скорее всего, является специально сделанным знаком. Однако на автоматической прорисовке «точка» отсутствует (рис. 3–4), что закономерно, учитывая логику работу алгоритма, призванного при прорисовке находить баланс между потерей информации о выбивке и «замусориванием» прорисовки лишними элементами. Параметры данного баланса зада-

ет человек, и в данном случае все изолированные объекты, имеющие общую площадь меньше 5 см², были в определенной мере проигнорированы.

Наличие данной ситуации приводит к необходимости перепроверки работы алгоритмов специалистом и внесения необходимых корректировок, что вполне прогнозируемо: никакое программное обеспечение не способно заменить многолетний исследовательский опыт, и оно предназначено прежде всего для уменьшения очевидной рутинной работы, но не для нюансов, понимать и оценивать которые должен именно профессионал. Алгоритм настроен так, чтобы не выделять сомнительные элементы и не придумывать несуществующие формы, что может привести к ложной трактовке. Окончательное решение спорных вопросов и нюансов должен принимать только опытный специалист.

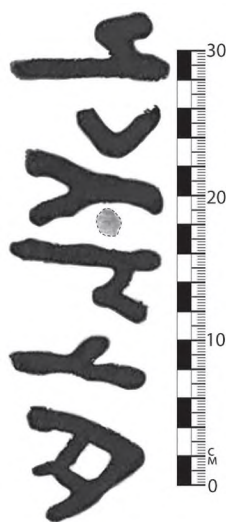

Рис. 5. Сайгынская стела. Компьютерная прорисовка рунической надписи и впадина в центре нее

Fig. 5. The Saygyn Stele. Computer rendering of a runic inscription and a depression in its center

Прорисовка всех сторон также дает дополнительную возможность проверки ее путем наложения на истинную текстурную развертку с последующим анализом (рис. 6), который производится алгоритмом путем ручной регулировки на основании определения субъективно лучшей видимости. Если зоны совпадают, они подсвечиваются белым или затеняются черным, если нет — то красным. Это позволяет лучше ориентироваться при визуальном сравнении. Такой способ, к сожалению, не позволяет выявить утраченную и не выявленную выбивку, но точно даст понимание, что в процессе обработки не появилось новых линий и не сформировались ложные данные (это бывает при похожести естественной эрозии на продолжение ручной выбивки).

Очевидная актуальность использования таких программ проявляется в том, что подобный результат, полученный полностью в автоматическом режиме, позволяет сэкономить существенное количество времени исследователю, получить более адекватную

копию, правильно интерпретировать зафиксированную информацию и даже служить инструментом решения споров. Также объект сохраняет при этом формат 3D и может рассматриваться со всех сторон вращением, приближением с получением рендера множества ракурсов и частей. При этом технология может применяться как ко всей модели, так и к ее части, содержащей интересующую исследователя или неоднозначно трактуемую информацию.

Рис. 6. Сайгынская стела. Рендер текстурной развертки с технологией наложения рисунка: а — истинная текстура изваяния (0%); б — 20% наложения; в — 40% наложения; г — 60% наложения

Fig. 6. The Saygyn Stele. Render of texture unfolding with drawing overlay technology: a — true texture of the sculpture (0%); б — 20% overlay; в — 40% overlay; г — 60% overlay

Заключение

Разработанный алгоритм очень хорошо показал себя на выбитых формах различной топологии, позволяя делать прорисовку множества типов объектов, а также находить закономерности, отличающиеся от тех, которые фиксирует исследователь. На представленную технологию в 2024 г. был получен патент на изобретение [Бондаренко, Тишкин, 2024].

Методика не связана условными понятиями человеческого восприятия, обеспечивая независимые результаты. Но у нее нет того опыта, который есть у специалиста, что может приводить к отдельным неточностям. Однако именно непредвзятый подход помогает найти ту информацию, которую исследователь не замечает.

Так как рендеры демонстрируют только статические виды, нами была разработана отдельная программа для онлайн-демонстрации 3D-моделей цифровых копий древних каменных изваяний. На эту компьютерную программу в 2024 г. получено свидетельство о государственной регистрации № 2024682361. Данная разработка ограничена демонстрацией модели, упрощенной в тысячи раз, и несколькими функциями, позволяющими выделить выбивки, оценить и изучать графическую прорисовку, получить многоплановые сечения и др. Она, конечно, не сравнится с возможностями профессионального пакета, однако дает вполне достаточную информацию о конкретном объекте и его особенностях.

Несмотря на то что новые цифровые технологии являются мощным инструментом и способны оказать существенную помощь в научных исследованиях, добавив в них как возможность получать новые данные, так и увеличивая степень их объективности, заменить специалистов они не могут. Поэтому современные актуальные разработки являются лишь инструментом в руках ученых, опыт которых станет решающим фактором при их использовании и при интерпретации получаемых результатов.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22–18–00470–П «Мир древних кочевников Внутренней Азии: междисциплинарные исследования материальной культуры, изваяний и хозяйства», <https://rscf.ru/project/22-18-00470/>.

Acknowledgements and funding

The research was funded by the Russian Science Foundation, project No. 22–18–00470–П «The World of Ancient Nomads of Inner Asia: Interdisciplinary Research on Material Culture, Sculptures and Economy», <https://rscf.ru/project/22-18-00470/>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аранчин Ю.А. О древних енисейских камнеписных памятниках на территории Тувинской автономной обл. // Ученые записки ТНИИЯЛИ. 1953. Вып. I. С. 55–58.

Аранчин Ю.А. Сайгынская плита с древнетюркской надписью // Эпиграфика Востока. 1951. Т. V. С. 76–77.

Бондаренко С.Ю., Тишкин А.А. Способ выделения рельефных форм на 3D-моделях каменных изваяний, полученных с помощью фотограмметрии // Бюллетень ФИПС РФ. 2024. № 23. С. 1–22.

Кызласов И.Л. К выделению автохтонных рунических памятников Тувы VIII–XII вв. // *Alkiš bitig. Scripta in honorem DM Nasilov* [Alkiš bitig. Письмена в честь Д. М. Насилова]. М.: Изд-во МБА, 2015. С. 195–206.

Кызласов И.Л. Новый тип поминальных памятников тюркоязычного населения Южной Сибири (к расселению и ранней истории чиков) // Российская археология. 2010. № 4. С. 88–100.

Монгуш Ч.А.-С. Коллекция каменных памятников в собрании Национального музея Тувы // Новые исследования Тувы. 2019. № 2. С. 84–94. <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.7>

Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю. «Оленные» камни, использованные тюрками: новый взгляд на сохранившиеся изображения (по материалам Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. 2023. Вып. XXIX. С. 239–247. <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2023.29.36>

Тишкин А.А., Бондаренко С.Ю., Тишкин Ал.Ал. «Оленный» камень из Тувы: современные возможности получения графических рисунков // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. III. С. 275–281.

Тишкин А.А., Табалдиев К.Ш., Бондаренко С.Ю. Использование цифровых технологий при документировании «оленных» камней в Кыргызстане // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. III. С. 281–286.

Stular B., Kokalj Z., Ostir K., Nuninger L. Visualization of lidar-derived relief models for detection of archaeological features // J. Archaeol. Sci. 2012. № 39. P. 3354–3360.

Dozier J., Frew J. Rapid calculation of terrain parameters for radiation modeling from digital elevation data // IEEE Transact. Geosci. Remote Sens. 1990. № 28. P. 963–969.

Jasiewicz J., Stepinski T. F. Geomorphons — a pattern recognition approach to classification and mapping of landforms // Geomorphology. 2013. № 182. P. 147–156.

Zaksek K., Ostir K., Kokalj Z. Sky-view factor as a relief visualization technique // Remote Sens. 2011. № 3. P. 398–415.

Doneus M. Openness as visualization technique for interpretative mapping of airborne Lidar derived digital terrain models // Remote Sens. 2013. № 5. P. 6427–6442.

Pavlidis G., Koutsoudis A., Arnaoutoglou F., Tsioukas V., Chamzas C. Methods for 3D digitization of cultural heritage // Journal of cultural heritage. 2007. T. 8, № 1. P. 93–98.

Yokoyama R., Shlrasawa M., Pike R. J. Visualizing topography by openness: A new application of image processing to digital elevation models // Photogramm. Eng. Remote Sens. 2002. № 68. P. 257–265.

Oke T. E. Boundary layer climates. 2nd ed. Library of Congress, 1987. 464 p.

References

Aranchin Yu. L. O drevnikh eniseiskikh kamnepisnykh pamyatnikakh na territorii Tuvinskoj avtonomnoi obl. [On ancient Yenisei runic stone inscriptions in the territory of the Tuva Autonomous Region]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii* [Scientific Notes of Tuvan Scientific Research Institute of Language, Literature and History], 1953, iss. I, pp. 55–58 (in Russian).

Aranchin Yu. L. Saigynskaya plita s drevnetyurkskoi nadpis'yu [The Saigyn slab with an Old Turkic inscription]. *Epigrafika Vostoka* [Epigraphy of the East], 1951, vol. V, pp. 76–77 (in Russian).

Bondarenko S. Yu., Tishkin A. A. Sposob vydeleniya rel'efnykh form na 3D-modelyakh kamennykh izvayanii, poluchennykh s pomoshch'yu fotogrammetrii [A method for identifying relief forms on 3D models of stone sculptures obtained using photogrammetry]. *Byulleten' Federal'noi sluzhby po intellektual'noi sobstvennosti* [Bulletin of the Federal Institute of Industrial Property of the Russian Federation], 2024, no. 23, pp. 1–22 (in Russian).

Kyzlasov I. L. Novyi tip pominal'nykh pamyatnikov tyurkoyazychnogo naseleniya Yuzhnoi Sibiri (k rasseleniyu i rannei istorii chikov) [A new type of memorial monuments of the Turkic-speaking population of Southern Siberia (on the settlement and early history of the Chiks)]. *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2010, no. 4, pp. 88–100 (in Russian).

Kyzlasov I. L. K vydeleniyu avtokhtonnykh runicheskikh pamyatnikov Tuvy VIII–XII vv. [On identifying autochthonous runic monuments of Tuva of the 8th-12th centuries]. *Alkiš bitig. Scripta in honorem D. M. Nasilov*. Moscow: MBA Publ., 2015, pp. 195–206 (in Russian).

Mongush Ch. A.-S. Kolleksiya kamennykh pamyatnikov v sobranii Natsional'nogo muzeya Tuvy [Collection of stone monuments in the holdings of the National Museum of Tuva]. *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], 2019, no. 2, pp. 84–94 (in Russian). <https://doi.org/10.25178/nit.2019.2.7>

Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu. «Olennye» kamni, ispol'zovannye tyurkami: novyi vzglyad na sokhranivshiesya izobrazheniya (po materialam Istoriko-arkhitekturnogo muzeya pod otkrytym nebom IAET SO RAN) [«Deer stones» used by Turks: a new view of preserved images (based on materials from the Historical-Architectural Open-Air Museum of IAET SB RAS)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and Study of the Cultural Heritage of the Altai Region], 2023, iss. XXIX, pp. 239–247 (in Russian). <https://doi.org/10.14258/2411-1503.2023.29.36>

Tishkin A. A., Bondarenko S. Yu., Tishkin A. A. «Olennyi' kamen» iz Tuvy: sovremennye vozmozhnosti polucheniya graficheskikh risunkov [A «deer stone» from Tuva: modern possibilities of obtaining graphic drawings]. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii* [Modern Solutions to Topical Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul: Altai State University Publ., 2023, iss. III, pp. 275–281 (in Russian).

Tishkin A. A., Tabaldiev K. Sh., Bondarenko S. Yu. Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologii pri dokumentirovani «olennykh» kamnei v Kyrgyzstane [Use of digital technologies in documenting deer stones in Kyrgyzstan]. *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem evraziiskoi arkheologii* [Modern Solutions to Topical Problems of Eurasian Archaeology]. Barnaul: Altai State University Publ., 2023, iss. III, pp. 281–286 (in Russian).

Doneus M. Openness as visualization technique for interpretative mapping of airborne lidar derived digital terrain models. *Remote Sensing*, 2013, no. 5, pp. 6427–6442.

Dozier J., Frew J. Rapid calculation of terrain parameters for radiation modeling from digital elevation data. *IEEE Transactions on Geoscience and Remote Sensing*, 1990, no. 28, pp. 963–969.

Jasiewicz J., Stepinski T. F. Geomorphons — a pattern recognition approach to classification and mapping of landforms. *Geomorphology*, 2013, no. 182, pp. 147–156.

Oke T. R. *Boundary layer climates*. 2nd ed. London: Routledge, 1987, 464 p.

Pavlidis G., Koutsoudis A., Arnaoutoglou F., Tsioukas V., Chamzas C. Methods for 3D digitization of cultural heritage. *Journal of Cultural Heritage*, 2007, vol. 8, no. 1, pp. 93–98.

Stular B., Kokalj Z., Ostir K., Nuninger L. Visualization of lidar-derived relief models for detection of archaeological features. *Journal of Archaeological Science*, 2012, no. 39, pp. 3354–3360.

Yokoyama R., Shirasawa M., Pike R. J. Visualizing topography by openness: A new application of image processing to digital elevation models. *Photogrammetric Engineering & Remote Sensing*, 2002, no. 68, pp. 257–265.

Zakšek K., Ostir K., Kokalj Z. Sky-view factor as a relief visualization technique. *Remote Sensing*, 2011, no. 3, pp. 398–415.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2026

Принята к публикации: 01.04.2026

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 902

DOI 10.14258/nreur(2026)2–07

*П. К. Дашковский**Алтайской государственной университет, Барнаул (Россия)**М. А. Демин**Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул (Россия)*

КОМПЛЕКСНАЯ ХРОНОЛОГИЯ И АТРИБУТАЦИЯ АРТЕФАКТОВ ИЗ ВТОРИЧНЫХ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА СКИФСКОЙ ЭПОХИ ХАНХАРИНСКИЙ ДОЛ (АЛТАЙ)

Представлен анализ основных категорий инвентаря, обнаруженных в процессе исследования вторичных погребений в курганах № 4, 5, 6, 8, 21, 37 могильника Ханхаринский Дол, который расположен в Краснощековском районе Алтайского края (Северо-Западный Алтай). В пяти из шести курганов были похоронены женщины, преимущественного зрелого и пожилого возраста, в одном объекте выявлено парное погребение ребенка и подростка мужского пола. Погребальный инвентарь включал в себя бронзовые миниатюрные зеркала, железные ножи, восьмеркообразные серьги, в том числе изготовленные из золота, железные удила, бронзовую модель кинжала, а также керамическую посуду. Кроме того, в кургане № 4 обнаружен женский головной убор в виде остроговерхой формы колпака, который был сшит из двух симметричных половинок с небольшими полями, украшенный аппликациями из золотой фольги. Сравнительно-исторический подход позволил выявить аналогии различным категориям вещей как среди других памятниках пазырыкской культуры Алтая, так и в синхронных комплексах сопредельных регионов Тувы, Монголии, Хакаско-Минусинской котловины и Казахстана. В результате была установлена датировка курганов № 4, 5, 6, 8, 21, 37 могильника Ханхаринский Дол в пределах IV–III вв. до н. э. Результаты археологического датирования дополнены данными радиоуглеродного анализа, полученными для курганов № 4, 5, 6, 8 могильника Ханхаринский Дол.

Ключевые слова: пазырыкская культура, погребальный инвентарь, кочевники, вторичные погребения, Алтай, скифская эпоха

Цитирование статьи:

Дашковский П. К., Демин М. А. Комплексная хронология и атрибуция артефактов из вторичных погребений могильника скифской эпохи Ханхаринский Дол (Алтай) // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 2. С. 169–194. DOI 10.14258/nreur(2026)2–07

Дашковский Петр Константинович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, заведующий лабораторией этнокультурных и религиоведческих исследований Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** dashkovskiy@fpu.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Демин Михаил Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Барнаульского государственного педагогического университета, Барнаул (Россия). **Адрес для контактов:** mademin52@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

P. K. Dashkovskiy

Altai State University, Barnaul (Russia)

M. A. Demin

Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia)

COMPLEX CHRONOLOGY AND ATTRIBUTION OF ARTIFACTS FROM SECONDARY BURIALS OF THE BURIAL GROUND OF THE SCYTHIAN ERA KHANKARINSKY DOL (ALTAI)

The analysis of the main categories of inventory found during the study of secondary burials in mounds is presented № 4, 5, 6, 8, 21, 37 The Khankharinsky Dol burial ground, which is located in the Krasnoshchekovsky district of the Altai Territory (Northwestern Altai). In five of the six burial mounds, women, mostly mature and elderly, were buried, and one object revealed the paired burial of a child and a male teenager. The funeral inventory included miniature bronze mirrors, iron knives, eight-shaped earrings, including those made of gold, iron bits, a bronze model of a dagger, as well as ceramic dishes. In addition, a female headdress in the form of an island-shaped cap was found in kurgan No. 4, which was sewn from two symmetrical halves with small margins, decorated with gold foil appliques. The comparative historical approach made it possible to identify analogies to various categories of things both among other monuments of the Pazyryk culture of Altai, and in synchronous complexes of neighboring regions of Tuva, Mongolia, the Khakass-Minusinsk basin and Kazakhstan. As a result, the dating of the mounds was established № 4, 5, 6, 8, 21, 37 the Khankharinsky Dol burial ground within the IV–III centuries BC. The results of archaeological dating are supplemented by radiocarbon analysis data obtained for mounds No. 4, 5, 6, 8 of the Khankharinsky Dol burial ground.

Keywords: Pazyryk culture, burial equipment, nomads, secondary burials, Altai, Scythian epoch

For citation:

Dashkovskiy P. K., Demin M. A. Complex chronology and attribution of artifacts from secondary burials of the burial ground of the scythian era Khankharinsky Dol (Altai). Nations and religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 169–194. DOI 10.14258/nreur(2026)2–07

Dashkovskiy Petr Konstantinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Regional Studies of Russia, National and State-Confessional Relations, Head of the Laboratory of Ethnocultural and Religious Studies, Altai State University, Barnaul (Russia). **Contact address:** dashkovskiy@fpn.asu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4933-8809>

Demin Mixail Aleksandrovich. Doctor of History, Professor, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia. **Contact address:** mademin52@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-0954-9297>

Введение

Пазырыкская культура Алтая, несмотря на длительный период научного изучения, привлекает внимание исследователей и на современном этапе. При этом важно отметить, что памятники этой культуры изучены неравномерно по всему ареалу ее распространения. Одним из таких наименее изученных районов распространения пазырыкской культуры является территория Северо-Западного Алтая. Это обстоятельство повлияло на принятие решения исследовать погребальные памятники кочевников скифской эпохи именно на территории Северо-Западного Алтая. В результате с 2001 г. началась ежегодная работа Краснощековской археологической экспедиции Алтайского государственного университета под руководством одного из авторов на памятниках Чинетинского археологического микрорайона, расположенного в среднем течении р. Иня и в окрестностях с. Чинета Краснощековского района Алтайского края.

В процессе многолетних исследований были изучены памятники разных исторических периодов: эпохи верхнего палеолита, объекты афанасьевской, пазырыкской, тюркской, сrostкинской, кыргызской культур, а также погребальные комплексы скифского времени, отражающие процесс межкультурного взаимодействия кочевников в данном регионе [Дашковский, 2023]. Среди приоритетных направлений работы было изучение курганов на могильнике Ханхаринский Дол, одном из эталонных памятников пазырыкской культуры Алтая.

Некрополь расположен в восточной части второй надпойменной террасы на левом берегу р. Иня (левый приток Чарыша) в 1–1,5 км к ЮВ от с. Чинета. В настоящее время на памятнике исследовано более 40 курганов скифо-сакского времени, большая часть которых относится непосредственно к памятникам пазырыкской культуры. На данном могильнике раскопаны курганы, которые отражают различные этапы развития

пазырыкской культуры, особенности взаимодействия кочевников с племенами сопредельных регионов Внутренней Азии и Китая. Кроме того, изученные объекты демонстрируют особенности социального развития номадов скифо-сакский период. Исследование курганов на могильнике Ханхаринский Дол позволило зафиксировать важные особенности погребальной обрядности кочевников, в т. ч. такое явление, как вторичные погребения. Такого типа погребения были выявлены в курганах № 4, 5, 6, 8, 21, 37 на могильнике Ханхаринский Дол. Подробное описание и интерпретация отражены в отдельной работе автора. В данном случае основное внимание уделено анализу сопроводительного инвентаря, который обнаружен при исследовании указанных объектов.

Половозрастной состав погребенных людей

Следует отметить, что в последние годы среди исследователей наблюдается повышенный интерес к погребениям с нарушенной анатомической целостностью, а также к постпогребальным ритуалам, которые были достаточно широко представлены у разных народов, в том числе у кочевников степной полосы Евразии [Зайцева, 2005; Очир-Горяева, 2018]. Анализу особенностей вторичных погребений в курганах № 4, 5, 6, 8, 21, 37 на могильнике Ханхаринский Дол посвящены отдельные публикации [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; Дашковский, 2025]. В данном случае отметим только, что указанные погребения не содержали никаких признаков ограбления или осквернения. Зафиксированные особенности расположения костей позволяют сделать вывод о том, что все захоронения были совершены через более или менее длительный промежуток времени после смерти, когда тело покойника частично или почти полностью разложилось.

Важно обратить внимание на половозрастной состав погребенных из рассматриваемых курганов могильника Ханхаринский Дол. В пяти из шести курганов это были одиночные погребения женщин (курганы № 4, 6, 8, 21, 37), а в одном случае — парное погребение ребенка и подростка мужского пола (курган № 5). Среди женских погребений обращает на себя внимание тот факт, что в четырех случаях это были захоронения достаточно возрастных и даже пожилых женщин в возрасте 35–50 лет и старше 55 лет. Только в одном случае в кургане № 21 зафиксировано погребение молодой девушки в возрасте 17–19 лет¹.

Наличие вторичных погребений на могильниках скифской эпохи Горного Алтая не является широко распространенным явлением, хотя иногда и встречается. В частности, такие объекты были обнаружены на Средней Катуні при исследовании курганов на могильнике Верх-Еланда-2 [Степанова, Неверов, 1994, с. 13, 19, рис. 7.-2; с. 21, рис. 10.-2], хотя первоначально данному явлению не придали серьезного внимания. Более пристальное внимание данной особенности погребальной обрядности древних кочевников уделил А. П. Бородовский после исследования погребений на некрополях Барангол-2, 4, Чулгуков Лог-1, 2, на территории которых наряду с обычными захоронениями зафиксирован целый ряд вторичных — курганы № 1–4 [Бородовский, 2000: 204–205, рис. 1.-3, 7, 11, 12; Бородовский, Бородовская, 2013: 44–51]. Среди исследован-

¹ Все половозрастные определения сделаны к. и. н. С. С. Тур, за что авторы выражают ей благодарность.

ных вторичных погребений в курганах скифского времени в районе нижнего и среднего течения р. Катунь также обнаружены преимущественно женские вторичные погребения, что хорошо видно и по инвентарю [Бородовский, Бородовская, 2013: 46–51; 2018; Степанова, Неверов, 1994].

Отмеченная практика обращения с телами покойников на могильнике Ханхаринский Дол [Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; Дашковский, 2025] находит также определенные аналогии в Минусинской котловине [Murphy, 2004: 122–132] и Туве [Мандельштам, 1983: 27; 1992: 181]. По мнению Э. М. Мерфи, практика вторичных погребений в скифское время на территории Евразии, вероятнее всего, связывается с сезонными миграциями и необходимостью хоронить покойников на родовых кладбищах [Murphy, 2004: 122–132]. Действительно, у кочевников Центральной Азии как в эпоху поздней древности, так и в средневековье широко была распространена практика погребать умерших в определенное время года — обычно ранней весной или осенью. Выявленная закономерность сезонности погребений у кочевников горных районов Алтая в пазырыкское время объясняется как палеодемографическими процессами, так и определенными мировоззренческими представлениями [Руденко, 1953; 1960; Полосьмак, 2001, 238–255; Тишкин, Дашковский, 2003: 136–144, 253–254].

Во-вторых, наличие указанного типа погребений свидетельствует о существовании у кочевников традиции хоронить своих умерших в пределах родовых (клановых) могильников. В данном случае исследователи неоднократно указывали на семейно-клановый характер курганных цепочек, в которых хоронили, как правило, умерших, связанных родственными узами [Шульга, 1989; Кубарев, 1991: 25; Марсаолов, 2000: 70; Тишкин, Дашковский, 2001: 163–164; и др.). Могильники, которые включали две или более цепочки, возможно, оставлены несколькими родственными общинами или кланами [Суразаков, 1992: 53]. Родственный характер погребенных в могилах и в пределах курганных цепочек пазырыкской культуры подтверждается и палеогенетическими исследованиями, которые стали активно проводиться на современном этапе [Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001: 22]. Наличие вторичных погребений женщин в достаточно зрелом и преклонном возрасте вполне закономерно, поскольку, вероятно, сезонные или вынужденные перекочевки были для них особенно тяжелы. При этом особо нужно отметить, что средняя продолжительность жизни женщин в кочевом обществе в рассматриваемый период составляла около 30,4 года, а мужчин — 34,6 года [Тишкин, Дашковский, 2003: 196]. В этой связи примечательно, что во вторичных погребениях выявлен относительно большой процент именно возрастных и преклонного возраста женщин.

Датировка и характеристика инвентаря

Погребальный инвентарь из вторичных погребений могильника Ханхаринский Дол достаточно разнообразен и включает в себя бронзовые миниатюрные зеркала (к. № 4, 6, 8, 37; рис. 1.-1; 6.-18; 9.-1-2; 11.-1-2; 12), железные ножи (к. № 4, 5, 6, 21, 37; рис. 1.-22; 4.-3-4; 6.-12; 10.-1; 11.-3), железные заколки (рис. 1.-17-20; 6.-16-17; 7.-1-2; 11.-4), восьмеркообразные серьги, изготовленные из золота (к. № 6; рис. 6.-14-15) и бронзы (курган № 21; рис. 10.-2; 12.-4), железные удила (к. № 4, 5; рис. 1.-21; рис. 4.-2), бронзовая модель кинжала (к. № 5). Кроме того, во всех курганах выявлена керамическая посуда,

однако восстановить сосуды удалось не во всех случаях (рис. 10.-3; 11.-5). В кургане № 4 обнаружен женский головной убор в виде островерхой формы колпака (рис. 2–3), который был сшит из двух симметричных половинок с небольшими полями и украшен аппликациями из золотой фольги. Изучению женского головного убора посвящена отдельная публикация [Дашковский, 2024], поэтому в этой статье остановимся на характеристике некоторых категорий погребального инвентаря.

Указанные категории предметов имеют устойчивые аналогии среди памятников пазырыкской культуры, исследованных в разных районах Алтая [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Кирюшин, Степанова, 2004; Дашковский, 2023; Суразаков, 1989; Могильников, 1983а; 1983б; и др.].

В данном случае отдельно рассмотрим такую категорию инвентаря, как зеркала. Все обнаруженные зеркала представляли собой уменьшенные копии, изготовленные специально для погребений. Зеркало из кургана № 4 представляло собой изделие округлой формы диаметром 4,6 см с ручкой слегка подтрапециевидной формы длиной 2,7 см, шириной 2–2,2 см (рис. 1.-1). Другой экземпляр зеркала из кургана № 6 имел также округлую форму диска диаметром 5 см, с одной стороны которого находилась ручка подтрапециевидной формы длиной 2 см, шириной 1,5–2 см (рис. 6.-18). Ручка в верхней части имела закругление, а также круглое отверстие диаметром около 0,5 см. Третье зеркало из кургана № 8 имело диаметр дисковой части 5 см, а длину ручки трапециевидной формы — 2,5 см (рис. 9.-1; 12.-1). В центральной части ручки было сделано отверстие также трапециевидной формы, длиной 1,2 см. Четвертое, совсем миниатюрное, зеркало из кургана № 37 очень схематично передавало очертания изделия (рис. 11.-1–2). Оно имело не совсем правильную округлую форму диаметром 3,75 см. С одной стороны изделия зафиксирована слабо выраженная ручка длиной около 1 см и шириной 1 см.

Проблемой типологии зеркал из курганов скифской эпохи Горного Алтая занимались разные исследователи [Суразаков, 1989: 77–79, Кубарев, 1987: 90–91; 1991: 97–99; Кирюшин, Степанова, 2004: 218–219; и др.]. Не останавливаясь подробно на всех подходах, отметим только такие важные при классификации морфологические признаки, как диаметр диска и форма ручки изделия при ее наличии. В данном случае экземпляры из курганов № 4, 6, 8 типологически можно отнести к односоставным изделиям к типу № 1 по классификации Ю. Ф. Кирюшина и Н. Ф. Степановой [2004: 78–79]. При этом экземпляр из кургана № 8 имел ручку ярко выраженной трапециевидной формы, что соответствует варианту 3 в указанной классификации. Экземпляры из курганов № 4 и № 6 в большей степени тоже тяготеют к подтрапециевидной форме.

Аналогичного типа изделия известны в кургане № 11 могильника Верх-Еланда-2, кургане № 4 могильника Юстыд XII, кургане № 1 могильника Джолин II и др. [Кирюшин, Степанова, 2004: 79, рис. 218.-6, 15; Кубарев, 1991: табл. XXI.-4–5; LXXI.-1; и др.]. Совсем миниатюрный экземпляр зеркала из кургана № 37, вероятно, также может быть отнесен к типу 1, но к варианту 1, который характеризуется подквадратной или подпрямоугольной ручкой, длина которой не превышает диаметр зеркала. При этом изделие из кургана № 37, как отмечено выше, было весьма миниатюрным и небрежно изготовленным. Такой тип зеркал, но большего размера и с бо-

лее четко выраженной ручкой подпрямоугольной или квадратной формы гораздо чаще встречается в курганах скифского времени Горного Алтая. В частности, такого типа изделия обнаружены в кургане № 6 могильника Юстыд I, кургане № 21 могильника Юстыд XII, кургане № 23 могильника Малталу IV, кургане № 23 могильника Тыкескень VI, кургане № 60 могильника Усть-Эдиган и др. [Кубарев, 1991: табл. XI.-4, L.-15–16; Кубарев, 1992: табл. LXVII.-6; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003: 186, рис. 18.-3; Кирюшин, Степанова, 2004: 78].

В хронологическом отношении зеркала с короткой боковой подпрямоугольной ручкой датируются V–IV, IV или IV–III вв. до н. э., в то время как изделия с округлой или овальной петлей известны преимущественно из курганов конца VI–V или V–IV вв. до н. э. [Кирюшин, Степанова. 2004: 82]. Для зеркал с короткой трапециевидной ручкой на данном этапе более устойчивой закономерности пока не прослеживается, но в целом они встречаются в основном в памятниках V–III и IV–III вв. до н. э. В данном случае рассмотренные экземпляры можно отнести к периоду IV — начала III в. до н. э. Следует также отметить, что зеркала с короткой боковой ручкой известны в синхронных памятниках и на соседних территориях, в частности в Туве [Грач, 1980: 174, 204], Монголии [Новгородова, 1989: 266–268, 285; и др.], Хакаско-Минусинской котловине [Мартынов, 1979: 55; Членова, 1967: 88, табл. 21.-16], Казахстане [Акишев, Кушаев, 1963: табл. XI.-34, 37; Хабдулина, 1994: 59], в Забайкалье [Диков, 1958: табл. 1–12]. Широкий ареал распространения медалевидных зеркал с выступающей короткой или удлиненной ручкой позволил сделать предположение об их центрально-азиатском происхождении [Кубарев, 1991: 100].

Учитывая морфологические признаки и не совсем качественное изготовление зеркал из курганов № 4, 6, 8 и 37 могильника Ханхаринский Дол, можно предположить, что они изготавливались специально для погребения и даже особо не обрабатывались после отливки. Такая практика изготовления предметов, в том числе зеркал, именно для погребений была широко распространена у носителей пазырыкской культурной традиции на Алтае [Кирюшин, Степанова, 2004: 82; Кубарев, 1987; 1992]. Этот вывод подтверждается как анализом всей совокупности зеркал из курганов пазырыкской культуры Алтая, так и находкой в парных погребениях, например в кургане № 4 могильника Юстыд XII одинаковых миниатюрных зеркал, отлитых в одной форме [Кубарев, 1991: 105, рис. 25.-7, 8, табл. XXI.-4, 5].

Среди предметов женского туалета можно отметить находки в курганах № 6 и № 21 могильника Ханхаринский Дол восьмеркообразных серег (рис. 6.-14–15; 10.-2; 12.-4). Примечательно, что серьги у кочевников носили как мужчины, так и женщины. При этом у женщин в погребении, как правило, встречается по две серьги, а у мужчин — по одной [Руденко, 1953: 132; Кубарев, 1987: 122–123]. Две серьги из кургана № 6 из некрополя Ханхаринский Дол были изготовлены из золотой проволоки (рис. 6.-14–15). Указанного типа серьги были достаточно широко распространены у кочевников разных районов Горного Алтая с конца VI по III в. до н. э. [Суразаков, 1989: 75, рис. 34.-12; Кубарев, 1991: 131–132; и др.).

Другая категория вещей представлена женскими заколками, которые обнаружены в курганах № 4, 6 и 37 (рис. 1. — 17–20; 6.-16–17; 7.-1–2; 11.-4). В кургане № 4, вероятно,

было две железные заколки, орнаментированные навершия которых покрыты золотой фольгой (рис. 1.-17–20). Длина сохранившейся части первой заколки всего 3,3 см, хотя изначально изделие достигало в длину около 10 см. Диаметр ее шаровидного дольчатого навершия составлял 1,7 см. Вторая железная заколка имела длину сохранившейся части 7,5 см. Вверху изделия зафиксировано небольшой гвоздевидное навершие диаметром 0,8 см, покрытое золотой фольгой и украшенное дольчатым орнаментом.

Первая железная заколка из кургана № 6 могильника Ханхаринский Дол имела те же морфологические признаки, что и рассмотренная заколка из кургана № 4. Длина ее сохранившейся части — 2,7 см, хотя первоначально она имела длину примерно 10 см. Диаметр шаровидного дольчатого навершия, покрытого золотой фольгой, — 1,7 см (рис. 6.-16–17). При этом дольчатый орнамент навершия в данном экземпляре был более редким по сравнению с первой заколкой из кургана № 4. Вторая железная заколка из кургана № 6 сохранилась очень плохо. Длина сохранившейся части — 3,6 см, диаметр — 0,4–0,5 см. Изделие, вероятно, имело гвоздевидное навершие диаметром до 0,9 см, покрытое фольгой (рис. 6.-13). Данная заколка по своим морфологическим признакам аналогична второй заколке из кургана № 4. Еще одна железная заколка, обнаруженная в кургане № 37 могильника Ханхаринский Дол, имела длину сохранившейся части 3,3 см, а сверху заканчивалась, вероятно, небольшим грибовидным навершием диаметром 0,9 см (рис. 11.-4).

Заколки аналогичной шаровидной формы и с дольчатым орнаментом навершия обнаружены в курганах № 9 могильника Юстыд XIII [Кубарев, 1991, с. 111, табл. LXII.-5], в курганах № 3 и № 9 могильника Малталу IV [Кубарев, 1992, с. 94–95, рис. XLII.-8; XLIX.-5], в кургане № 15 могильника Ханхаринский Дол [Дашковский, Мейкшан, 2015]. Необходимо отметить, что железные, а также бронзовые заколки с различными типами наверший встречаются не очень часто в погребениях кочевников скифской эпохи Горного Алтая. Вероятно, более широко были распространены деревянные шпильки, но они редко сохраняются [Кубарев, 1991, с. 111; 1992, с. 93–95; и др.]. По подсчетам исследователей на начало XXI в. было известно около 50 таких предметов [Кирюшин, Степанова, 2004, с. 86]. С учетом раскопок курганов пазырыкской культуры за последние 20 лет на могильниках Ханхаринский Дол, Чинета-II и других памятниках Алтая количество таких изделий составляет не менее 60 экз.

Близкого шаровидного типа заколки известны и в памятниках каменной культуры Алтая, в частности в кургане № 12 (могила 8), № 15 (могила 3) могильника Новотроицкое-I [Шульга, Уманский, Могильников, 2009: 215, рис. 15.-15, с. 224, рис. 24.-2; Могильников, 1997: 77–78, рис. 57.-1–2], в кургане № 19 (могила 15) могильника Рогози-ха-I [Уманский, Шамшин, Шульга, 2005: 24, рис. 42.-3; 53.-5], курган № 1 (могила 2) могильника Иня-3 [Горбунов, Тишкин, Фролов, Дашковский, 2011: 103, рис. 1.-1–2] и др. При исследовании объектов пазырыкского периода найдено несколько экземпляров железных заколок гвоздевидного (грибовидного) типа. В частности, они найдены в кургане № 18 могильника Кок-Су I [Сорокин, 1974: 69], кургане № 14 некрополя Тыткескень VI [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2004: 183, рис. 15.-6], кургане № 25 памятника Малталу IV [Кубарев, 1992: 218, табл. LXX.-15], которые относятся как к раннему (середина VI–V в. до н. э.), так и позднему (IV–III вв. до н. э.) этапам пазырыкской культу-

ры. При этом следует особо отметить, что заколки с гвоздевидным навершием, покрытые золотой фольгой, обнаружены еще в кургане № 15 могильника Ханхаринский Дол и кургане № 32 некрополя Чинета II, датированных в пределах IV–III вв. до н. э. [Дашковский, Мейкшан, 2015; Дашковский, Ожиганов, Шершнева, 2020].

По мнению исследователей, железные заколки с шаровидным навершием достаточно часто встречаются на территории степной полосы Евразии [Кирюшин, Степанова, 2004: 90]. При этом больше всего таких изделий, шаровидные навершия которых покрыты золотой фольгой, известно в Верхнем Приобье. На указанной территории они появились в конце V — IV в. до н. э. и продолжали существовать вплоть до II в. до н. э. [Могильников, 1997: 78]. В то же время в некоторых районах Алтая, в частности в районе Средней Катуня, железные заколки с шаровидной головкой появляются несколько ранее — в VI–V вв. до н. э. [Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003: 85]. С учетом имеющихся аналогий, а также других предметов вещевого комплекса заколки из курганов № 4, № 6, № 37 могильника Ханхаринский Дол можно датировать IV–III вв. до н. э.

Из предметов вооружения в кургане № 5 обнаружена бронзовая модель кинжала с остатками плохо сохранившихся деревянных ножен. Общая длина кинжала 19,1 см. Длина ромбического клинка 11,2 см, ширина у перекрестия 1,9 см, толщина 0,6 см, навершие в виде бруска, а перекрестие ближе к прямому (рис. 4.-1; 5).

Указанного типа кинжалы достаточно хорошо известны по памятникам пазырыкской культуры Алтая [Кирюшин, Степанова, 2004: 54–55; Кубарев, 1991: 73–75; Кубарев, Шульга, 2007: 74–81]. Аналогичного типа изделие обнаружено в парном погребении представителей региональной элиты, которое исследовано в кургане № 30 могильника Ханхаринский Дол. При раскопках указанного кургана было обнаружено сразу четыре миниатюрных бронзовых кинжала, часть из которых по своим морфологическим характеристикам очень близки к рассматриваемому экземпляру [Дашковский, 2022]. Кроме того, бронзовые и деревянная уменьшенные копии кинжалов с навершием в виде уплощенного бруска и прямым перекрестием выявлены в кургане № 1 могильника Арагол, кургане № 18 могильника Барбургазы II [Суразаков, 1989: 41–42, рис. 16: 4, 6], кургане № 13 могильника Кайнду [Кирюшин, Степанова, 2004: 55, рис. 18: 2], кургане № 23 могильника Юстыд II [Кубарев, 1991: табл. LI.-23] и др. При этом в ряде случаев указанные экземпляры имели прорезную рукоять, что отличает такие кинжалы от предметов из курганов № 5 и № 30 могильника Ханхаринский Дол. Следует отметить, что традиционно считается, что кинжалы (и их уменьшенные модели) с прямым перекрестием как правило более поздние, датируются начиная с IV в. до н. э. и получают широкое развитие в III–II вв. до н. э. [Суразаков, 1989: 49]. Кинжалы с навершием в виде уплощенного бруска и прямым перекрестием, но из железа выявлены в памятниках каменной культуры, в частности в кургане № 16 (погребение 2) могильника Новотроицк-II. Датировано указанное погребение концом IV — III в. до н. э. [Могильников, 1997: 46, рис. 37: 4]. Бронзовые кинжалы с прямым перекрестием, но грибовидным навершием обнаружены в Туве в синхронных памятниках саглынской культуры, в частности в кургане № 5 могильника Саглы-Бажи II [Грач, 1980: 169, рис. 31]. В то же время не исключается, что бронзовые кинжалы с прямым перекрестием мог-

ли существовать и на начальном этапе развития пазырыкской культуры Алтая [Кубарев, Шульга, 2007: 82]. Встречаются близкие к прямым перекрестья у кинжалов VI в. до н. э. в Верхнем Приобье, в частности в могиле 38 могильника Староалеика II [Кирюшин, Кунгуров, 1996: рис. 9.-2].

Из предметов снаряжения лошади в курганах № 4 и № 5 могильника Ханхаринский Дол выявлены железные удила. В кургане № 4 они были представлены комплектом двусоставных с однокольчатым окончанием звеньев. Длина одного звена 11,8 см, а второго — 12,5 см. Внешний диаметр кольцевого окончания слегка вытянутой формы — 3,75 см и 3,5 см соответственно (рис. 1.-21).

В кургане № 5 обнаружено только одно звено аналогичного изделия, длина которого 10,3 см. Внешний диаметр звена 3,5 см (рис. 4.-2). Удила с такими особенностями в достаточном количестве известны на памятниках пазырыкской культуры из разных районов Алтая, в том числе в Северо-Западной его части [Кубарев, Шульга, 2007: 270, рис. 4.-11–18; Шульга, 2015: 93–97; Кирюшин, Степанова, 2004: 45–46; Дашковский, 2023; Кубарев, 1991: 42–44; и др.]. На территории горных районов Алтая указанного типа железные удила появляются с VI в. до н. э. и продолжали функционировать на протяжении всего периода существования пазырыкской культуры [Шульга, 2015: 96; Суразаков, 1989: 25; Кубарев, 1992: 32; и др.].

Среди бытовых орудий труда в пяти из шести погребений были обнаружены железные пластинчатые ножи (рис. 1.-22; 4.-3–4; 6.-12; 10.-1; 11.-3). При этом в парном погребении найдены сразу два таких изделия. Бронзовые или железные ножи встречаются вместе с остатками ритуальной пищи (кости барана, реже — лошади) почти в каждом, за редким исключением, погребении пазырыкской культуры. По своим морфологическим признакам железные ножи из рассматриваемых курганов могильника Ханхаринский Дол могут быть отнесены к прямым пластинчатым ножам без выделенной ручки и наверший. Длина ножа из кургана № 4 составляла 12,7 см, а ширина — 1,1 см (рис. 1.-22). Первый нож из кургана № 5 имел длину 8,8, ширину до 1 см, а второй соответственно длину 13,3 а ширину до 1,4 см (рис. 4.-3–4). Нож из кургана № 6 имел длину 7,7 см, а максимальную ширину лезвия 0,8 см (рис. 6.-12). Длина ножа из кургана № 21 составляла 6,7 см, а максимальная ширина в верхней части 1,5 см (рис. 10.-1). Наконец, еще один экземпляр ножа из кургана № 37 был длиной 4,3 см, а шириной до 0,9 см (рис. 11.-3). Ножи с отмеченными морфологическими характеристиками имели значительное распространение в течение всего периода существования пазырыкской культуры [Суразаков, 1989: 16–23; Кирюшин, Степанова, 2004: 72–76; Кубарев, 1987: 52–54; 1991: 69–70; 1992: 53–54; и др.].

Керамическая посуда, обнаруженная в курганах № 4, 5, 6, 8, 21 и 37 некрополя Ханхаринский Дол (рис. 10.-3; 11.-5), также имеет широкие аналогии в памятниках пазырыкской культуры Алтая, выступая одним из обязательных атрибутов погребальной обрядности кочевников [Кубарев, 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, 2004; и др.].

Таким образом, анализ различных категорий погребального инвентаря позволяет отнести курганы № 4, 5, 6, 8, 21 и 37 могильника Ханхаринский Дол к пазырыкской культуре и датировать в пределах IV–III вв. до н. э. Кроме того, планиграфически кур-

ганы № 4, 5, 6 и 8 входят в одну микрогруппу — курганную цепочку и сооружены с совсем небольшим интервалом. Курган № 21 также входил в основную цепочку, в которой находились и вышеназванные четыре кургана, но значительно южнее их. Курган 37 располагался соответственно к северу от указанной микрогруппы и входил в другую курганную группу. В то же время на основе анализа погребального обряда и инвентаря курганы № 21 и № 37 также датируются в пределах IV–III вв. до н. э. Археологическое датирование в целом нивелируется с результатами радиоуглеродного анализа образцов, взятых из некоторых рассматриваемых курганов [Тишкин, Дашковский, 2007; Дашковский, Тишкин, 2015; и др.].

Заключение

Анализ погребального инвентаря из курганов № 4, 5, 6, 8, 21, 37 могильника Ханхаринский Дол позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, по составу погребального инвентаря рассмотренные артефакты из вторичных погребений ничем принципиально не отличались от предметов, обнаруженных в процессе раскопок обычных погребений кочевников. Во-вторых, состав категорий вещей, которые помещали в погребение, во многом определялся тем, какое место занимал умерший в половозрастной, социальной, имущественной и профессиональной структуре кочевого общества. В пяти из шести курганов были похоронены женщины, в одном объекте выявлено парное погребение ребенка и подростка мужского пола. При этом почти все женщины из рассматриваемых погребений относятся к группе возрастных и пожилых женщин, особенно с учетом средней продолжительной жизни кочевников в скифскую эпоху. В-третьих, сравнительно-исторический подход позволил выявить аналогии различным категориям вещей как среди других памятников пазырыкской культуры Алтая, так и в синхронных комплексах сопредельных регионов Тувы, Монголии, Хакаско-Минусинской котловины и Казахстана. В результате была установлена датировка курганов № 4, 5, 6, 8, 21, 37 могильника Ханхаринский Дол в пределах IV–III вв. до н. э. При этом планиграфически курганы № 4, 5, 6 и 8 образовывали одну микроцепочку, что дополнительно может указывать на родственный (клановый) характер погребений. Курган № 21 располагался южнее указанных объектов, но в одной курганной группе. Следует также подчеркнуть, что в пяти из шести рассмотренных курганов зафиксированы сопроводительные захоронения лошадей, что дополнительно указывает на социальный статус погребенных людей. Особенно это важно отметить в отношении четырех погребений женщин.

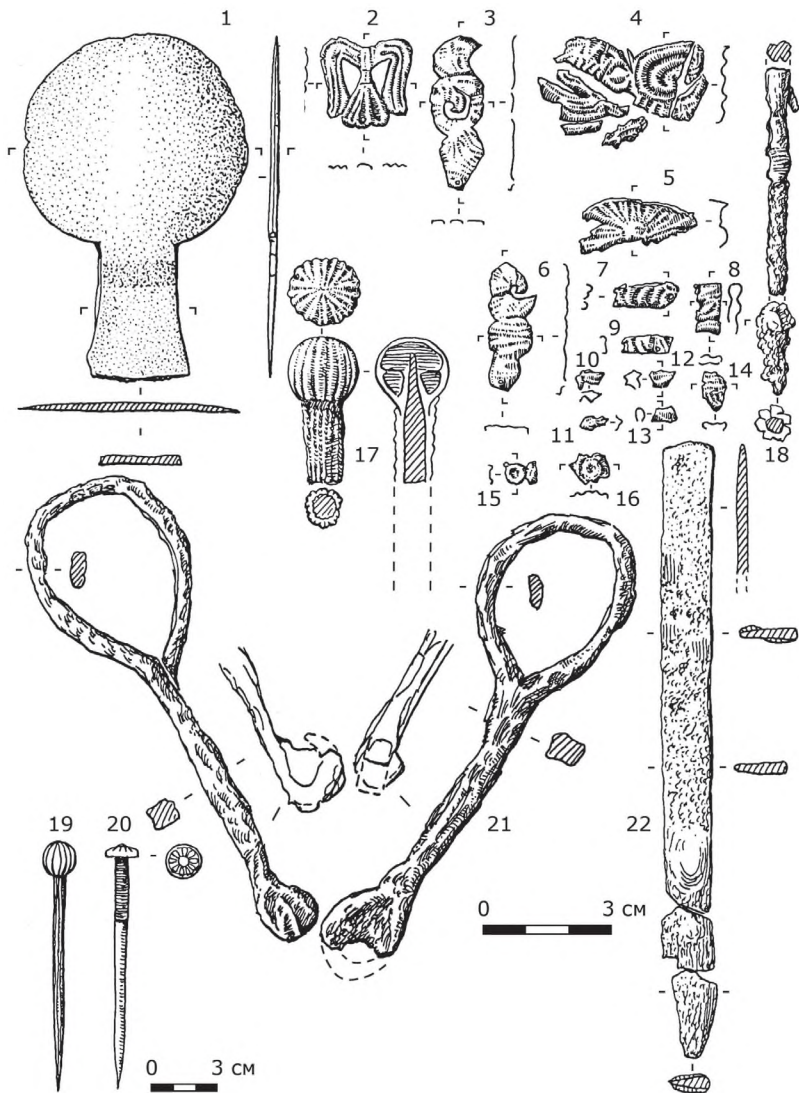

Рис. 1. Инвентарь из кургана №4 могильника Ханхаринский Дол: 1 — бронзовое зеркало; 2 — аппликация в виде изображения орла; 3, 6 — аппликации в виде асимметричного листа; 4–5, 7–16 — фрагменты золотой фольги; 17 — железная заколка с шаровидным навершием, покрытым фольгой; 18 — железная заколка с грибовидным навершием, покрытым фольгой; 19–20 — реконструкция женских заколок; 21 — железные удила; 22 — железный нож

Fig. 1. Inventory from barrow No. 4 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — bronze mirror; 2 — appliqué in the form of an eagle image; 3, 6 — appliqué in the form of an asymmetric leaf; 4–5, 7–16 — gold foil fragments; 17 — iron hairpin with a spherical head covered with foil; 18 — iron hairpin with a mushroom-shaped head covered with foil; 19–20 — reconstruction of female hairpins; 21 — iron bridle bits; 22 — iron knife

Рис. 2. Инвентарь из кургана №4 могильника Ханхаринский Дол:

1 — аппликация фигурки орла; 2–3 — аппликации в виде асимметричного листка.

Fig. 2. Inventory from barrow No. 4 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — appliqué of an eagle figurine; 2–3 — appliques in the form of an asymmetric leaf with a cutout on the outer surface

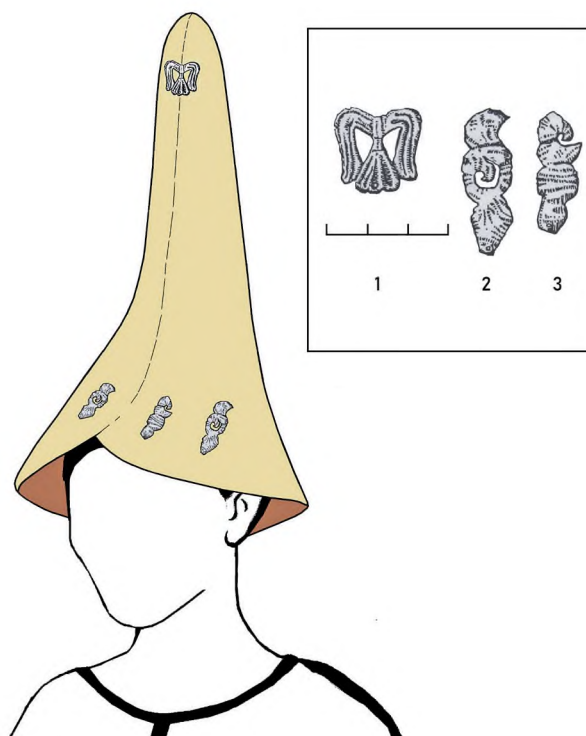

Рис. 3. Реконструкция женского головного убора из кургана №4 могильника Ханхаринский Дол: 1 — аппликация фигурки орла; 2–3 — аппликации в виде асимметричного листка.

Fig. 3. Reconstruction of a female headdress from barrow No. 4 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — appliqué of an eagle figurine; 2–3 — appliques in the form of an asymmetric leaf.

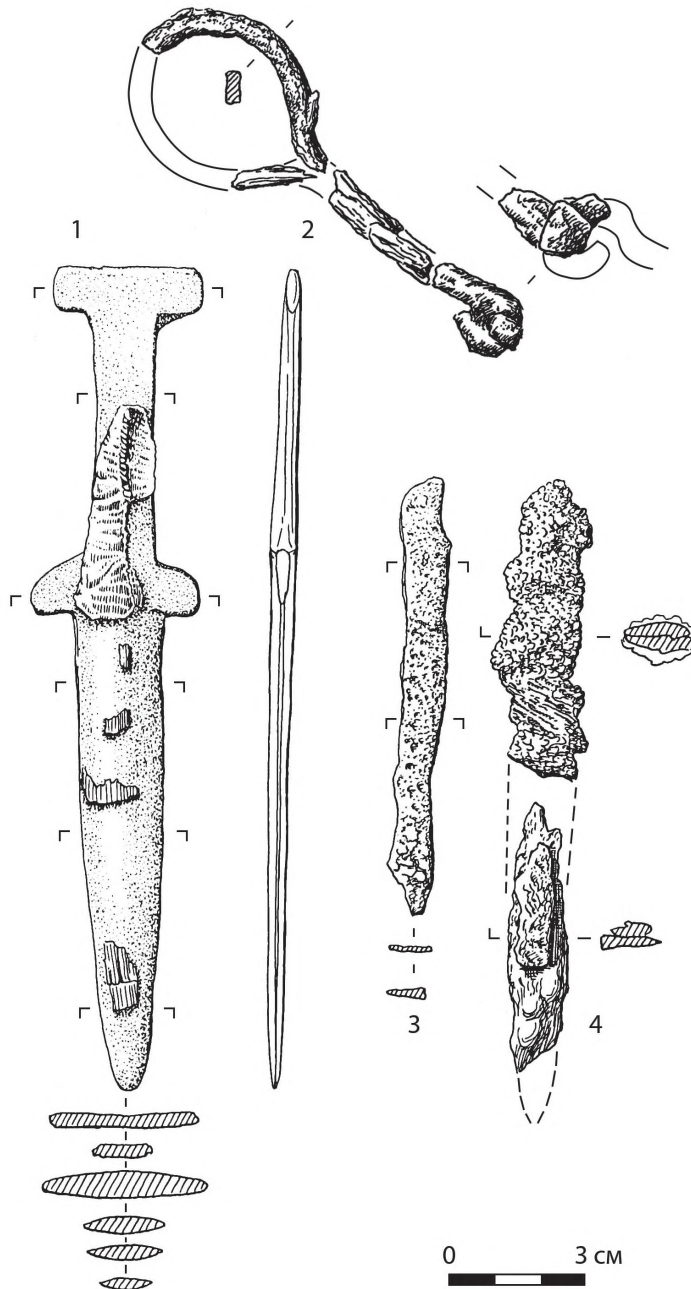

Рис. 4. Инвентарь из кургана №5 могильника Ханхаринский Дол:
 1 — бронзовый кинжал; 2 — железные удила; 3, 4 — железные ножи
 Fig. 4. Inventory from barrow No. 5 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — bronze dagger;
 2 — iron bridle bits; 3, 4 — iron knives

Рис. 5. Миниатюрный бронзовый кинжал из кургана №5 могильника Ханхаринский Дол
 Fig. 5. Miniature bronze dagger from barrow No. 5 of the Khankharinsky Dol cemetery

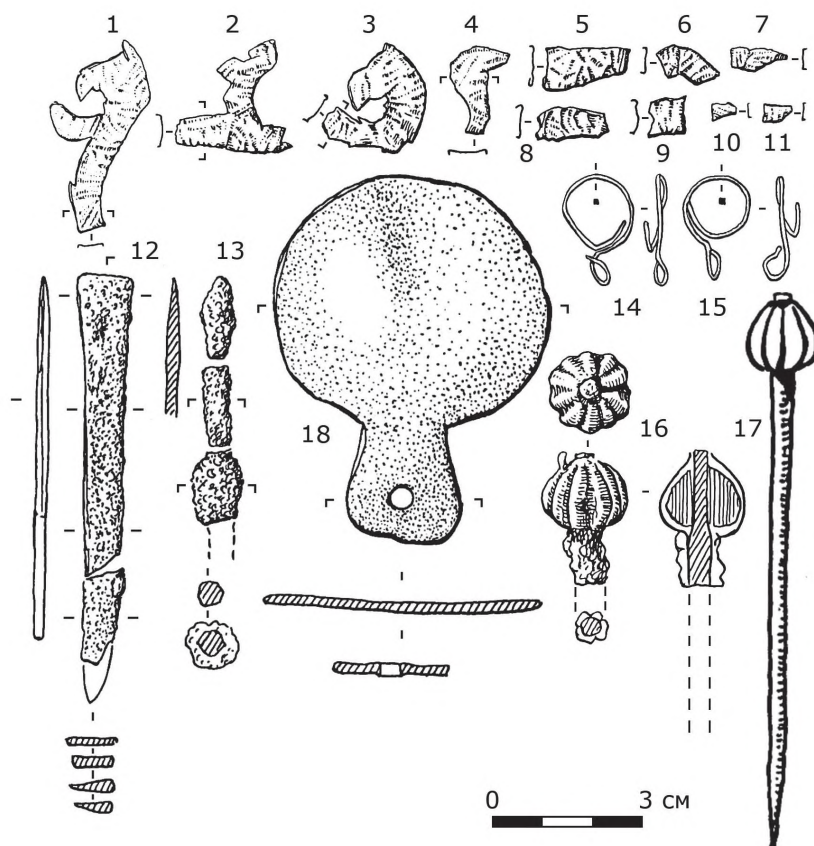

Рис. 6. Инвентарь из кургана №6 могильника Ханхаринский Дол: 1–4 фрагменты аппликации из золотой фольги; 5–11 — фрагменты золотой фольги; 12 — железный нож; 13 — железная заколка; 14–15 — золотые серьги; 16 — железная заколка с шаровидным навершием из фольги; 17 — реконструкция женской заколки; 18 — бронзовое зеркало

Fig. 6. Inventory from barrow No. 6 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1–4 — fragments of appliqué made of gold foil; 5–11 — gold foil fragments; 12 — iron knife; 13 — iron hairpin; 14–15 — gold earrings; 16 — iron hairpin with a spherical head made of foil; 17 — reconstruction of a female hairpin; 18 — bronze mirror

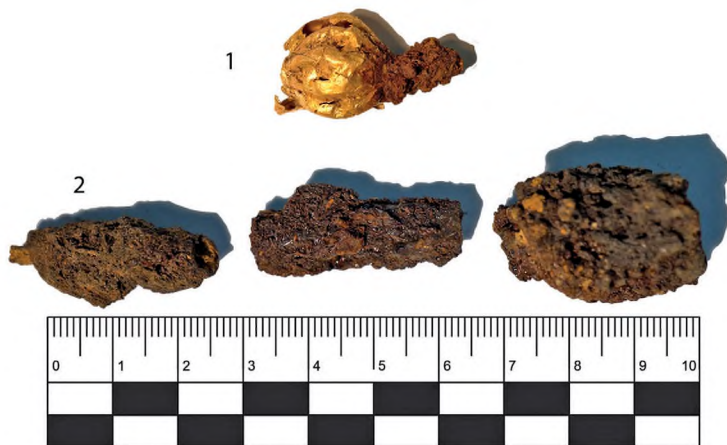

Рис. 7. Инвентарь из кургана №6 могильника Ханхаринский Дол: 1 — фрагмент железной заколки №1 с навершием, покрытой фольгой; 2 — железная заколка №2

Fig. 7. Inventory from barrow No. 6 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — fragment of an iron hairpin with a head covered with foil, No. 1; 2 — iron hairpin No. 2

Рис. 8. Инвентарь из кургана №6 могильника Ханхаринский Дол. Фрагменты аппликаций из золотой фольги

Fig. 8. Inventory from barrow No. 6 of the Khankharinsky Dol cemetery: fragments of appliqué made of gold foil

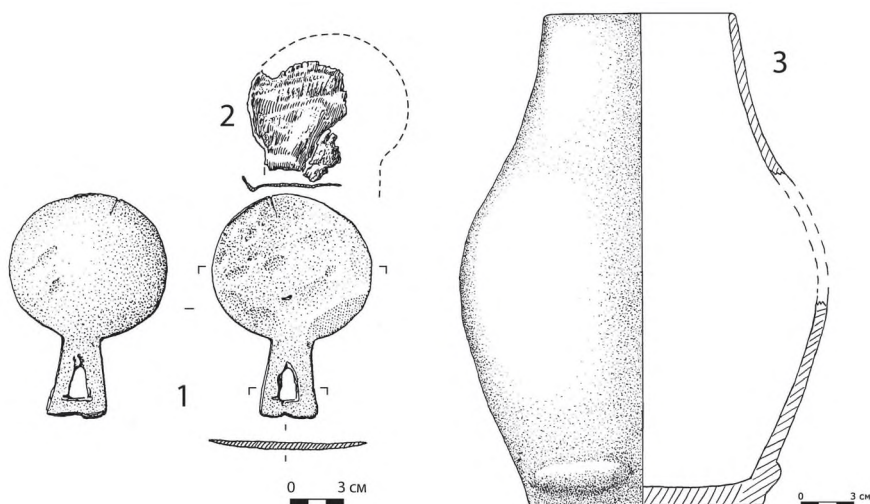

Рис. 9. Инвентарь из кургана №8 могильника Ханхаринский Дол: 1 — бронзовое зеркало;
2 — фрагмент кожаного футляра; 3 — керамический сосуд

Fig. 9. Inventory from barrow No. 8 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — bronze mirror;
2 — fragment of a leather case; 3 — ceramic vessel

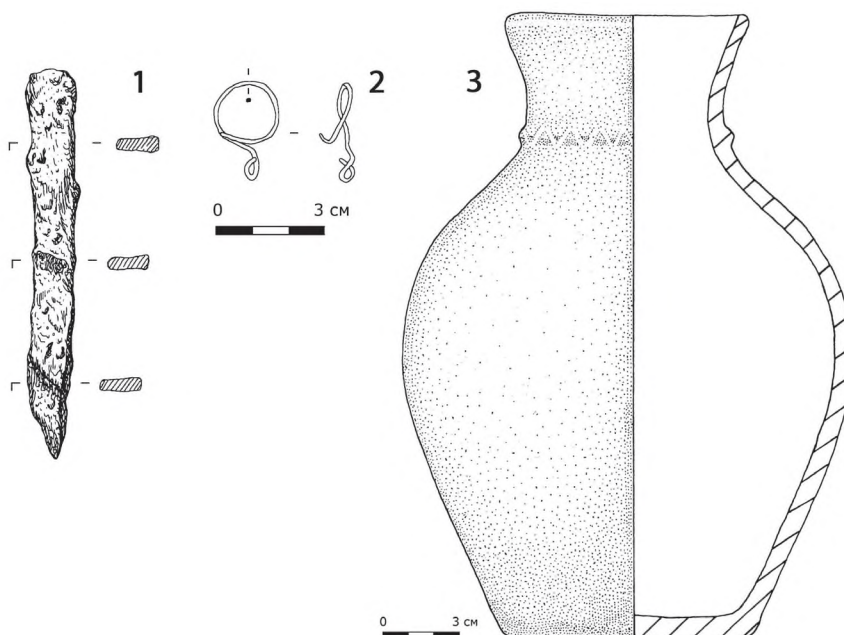

Рис. 10. Инвентарь из кургана №21 могильника Ханхаринский Дол: 1 — железный нож;
2 — бронзовая серьга; 3 — керамический сосуд

Fig. 10. Inventory from barrow No. 21 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — iron knife;
2 — bronze earring; 3 — ceramic vessel

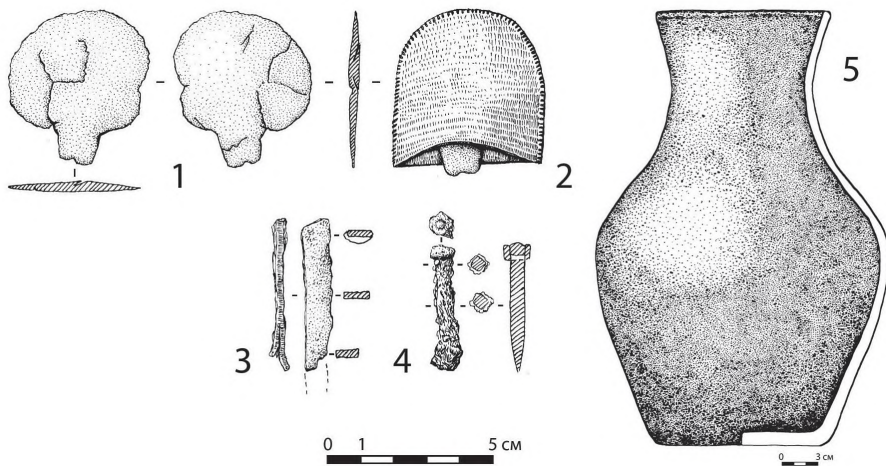

Рис. 11. Инвентарь из кургана №37 могильника Ханхаринский Дол:
 1 — бронзовое зеркало; 2 — реконструкция кожаного футляра для зеркала;
 3 — бронзовый нож; 4 — железная заколка; 5 — керамический сосуд
 Fig. 11. Inventory from barrow No. 37 of the Khankharinsky Dol cemetery: 1 — bronze mirror;
 2 — reconstruction of a leather case for the mirror; 3 — bronze knife; 4 — iron hairpin;
 5 — ceramic vessel

Рис. 12. Инвентарь из могильника Ханхаринский Дол: 1–3 — бронзовое миниатюрное зеркало;
 4 — бронзовая серьга; 1 — курган №8; 2 — курган №37; 3 — курган №4; 4 — курган №21
 Fig. 12. Inventory from the Khankharinsky Dol cemetery: 1, 2, 3 — miniature bronze mirrors; 4 —
 bronze earring; 1 — barrow No. 8, 2 — barrow No. 37, 3 — barrow No. 4, 4 — barrow No. 21

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Акишев К. А., Кушаев Г. А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата: Наука КазССР, 1963. 298 с.

Бородовский А. П. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катунь (по материалам Барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Вып. XI. Барнаул, 2000. С. 197–200.

Бородовский А. П., Бородовская Е. П. Археологические памятники горной долины нижней Катунь в эпоху палеометалла. Новосибирск: Изд-во ИАиЭ СО РАН, 2013. 220 с.

Бородовский А. П., Бородовская Е. П. Вторичные погребения раннего железного века горной долины нижней Катунь // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 134–146.

Горбунов В. В., Тишкин А. А., Фролов Я. В., Дашковский П. К. Аварийные раскопки на курганном могильнике Иня-3 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. XII. Барнаул, 2001. С. 101–104.

Грач А. Д. Древние кочевники в Центре Азии. М.: Наука, 1980. 256 с.

Дашковский П. К. Реконструкция головного убора и датировка артефактов из кургана № 4 могильника пазырыкской культуры Ханхаринский дол (Алтай) // Археология евразийских степей. 2024. № 5. С. 8–20.

Дашковский П. К. Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30, № 2. С. 7–39.

Дашковский П. К. Чинетинский археологический микрорайон на Алтае: краткий путеводитель. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2023. 72 с. (Этнокультурные и религиоведческие исследования в Евразии. Вып. 6).

Дашковский П. К., Мейкшан И. А. Изучение региональной элиты кочевников Южной Сибири, Западного Забайкалья и Северной Монголии эпохи поздней древности (на примере пазырыкского общества и хунну) // Элита в истории древних и средневековых народов Евразии: коллективная монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 72–85.

Дашковский П. К., Ожиганов А. Н., Шершнева Е. А. Предварительные итоги изучения кургана № 32 на могильнике Чинета-II в Северо-Западном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. № 26. Барнаул, 2020. С. 36–41.

Дашковский П. К., Тишкин А. А. Новые данные по радиоуглеродному датированию кургана № 5 могильника Ханкаринский дол (Алтай) // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. С. 119–125.

Дашковский П. К., Тишкин А. А., Тур С. С. Вторичные погребения в курганах скифского времени на памятнике Ханкаринский дол // Западная и Южная Сибирь в древности. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. С. 62–68.

Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Новосибирск: Изд-во СО АН СССР, 1958. 106 с.

Зайцева О. В. Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: методика исследования и возможности интерпретации: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Кирюшин Ю. Ф., Кунгуров А. Л. Могильный раннего железного века Староалейка-2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–134.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунни. 292 с.

Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. 234 с.

Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск: Наука, 1991. 190 с.

Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. 282 с.

Кубарев В. Д. Курганы Сайлюгема. Новосибирск: Наука, 1992. 220 с.

Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск: Наука, 1987. 302 с.

Мандельштам А. М. Исследования на могильном поле Аймырлыг: Некоторые итоги и перспективы // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 25–33.

Мандельштам А. М. Ранние кочевники на территории Тувы // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР. М.: Наука, 1992. С. 178–196.

Марсадалов Л. С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н. э. // Пятое историческое чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2000. С. 69–72.

Мартынова А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск: Наука, 1979. 208 с.

Могильников В. А. Население Верхнего Приобья в середине — второй половине I тысячелетия до н. э. М.: Наука, 1997. 195 с.

Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII — памятники пазырыкской культуры Алтая // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983а. С. 3–39.

Могильников В. А. Курганы Кызыл-Джар II–V и некоторые вопросы состава населения Алтая во второй половине I тыс. до н. э. // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1983б. С. 40–71.

Новгородова Э. А. Древняя Монголия. М.: Наука, 1989. 384 с.

Очир-Горяева М. А. Следы постпогребальных обрядов в курганах скифской эпохи степей Евразии // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. СПб: ИИМК РАН, 2016. С. 113–128.

Пластеева Н. А., Дашковский П. К., Тишкин А. А. Морфологическая характеристика лошадей из памятников пазырыкской культуры Северо-Западного Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2020. Т. 32, № 4. С. 123–130.

Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2001. 336 с.

Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Наука, 1953. 402 с.

Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л.: Наука, 1960. 359 с.

Самашев З. С. Берел. Алматы: Таймас, 2011. 236 с.

Самашев З. С., Фаизов К. Ш., Базарбаева Г. А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. Алматы, 2001. 108 с.

Сорокин С. С. Цепочка курганов времен ранних кочевников на правом берегу р. Кок-Су (Южный Алтай) // Археологические сообщения государственного Эрмитажа. 1974. Вып. 16. С. 62–91.

Степанова Н. Ф., Неверов С. В. Курганный могильник Верх-Еланда-2 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 11–24.

Суразаков А. С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа: Проблемы хронологии и культурного разграничения. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1989. 165 с.

Суразаков А. С. О некоторых проблемах изучения социальных отношений населения Горного Алтая эпохи раннего железа // Материалы к изучению прошлого Горного Алтая. Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1992. С. 48–56.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Результаты радиоуглеродного датирования памятников пазырыкской культуры Ханкаринский Дол и Яломан-III // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. СПб.: Теза, 2007. С. 291–299.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.

Тишкин А. А., Дашковский П. К. Изучение планиграфии могильников пазырыкской культуры Алтая // Природные условия и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Ховд; Томск: ТГУ, 2001. С. 163–164.

Уманский А. П., Шамшин А. Б., Шульга П. И. Могильник скифского времени Рогозиха-I на левобережье Оби. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. 204 с.

Хабдулина М. К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы: Ракурс, 1994. 170 с.

Членова Н. А. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М.: Наука, 1967. 300 с.

Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2015. Ч. II (VI–III вв. до н. э.). 322 с.

Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2009. 329 с.

Шульга П. И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир (Социальная структура и общественные отношения). Кемерово: КемГУ, 1989. Ч. II. С. 41–44.

Murphy E. M. Secondary burial practices in Iron Age Tuva, South Siberia // Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Наука, 2004. Вып. 3. С. 122–132.

References

Akischev K. A., Kushaev, G. A. *Drevnyaya kul'tura sakov i usunei doliny reki Ili* [Ancient culture of the Saks and Usuns of the Ili River Valley]. Alma-Ata: Nauka KazSSR Publ., 1963, 298 p. (IN Russian).

Borodovsky A. P. *Vtorichnye pogrebeniya epokhi rannego zheleza na Nizhnei Katuni (po materialam Barangol'skogo nekropolya)* [Secondary burials of the Early Iron Age on the Lower

Katun (based on materials from the Barangol necropolis)]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai]. Barnaul, 2000, iss. XI, pp. 197–200 (in Russian).

Borodovsky A. P., Borodovskaya, E. P. Vtorichnye pogrebeniya rannego zheleznogo veka gornoi doliny nizhnei Katuni [Secondary burials of the Early Iron Age in the mountain valley of the Lower Katun]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-funeral rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: IIMK RAN Publ., 2016, pp. 134–146 (in Russian).

Borodovsky A. P., Borodovskaya, E. P. *Arkheologicheskie pamyatniki gornoi doliny nizhnei Katuni v epokhu paleometalla* [Archaeological sites of the mountain valley of the Lower Katun in the Paleometal era]. Novosibirsk: IAE SO RAN Publ., 2013, 220 p. (In Russian).

Chlenova N. L. *Proiskhozhdenie i rannaya istoriya plemen tagarskoi kul'tury* [Origin and early history of the Tagar culture tribes]. Moscow: Nauka Publ., 1967, 300 p. (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Rekonstruktsiya golovnogo ubora i datirovka artefaktov iz kurgana No. 4 mogil'nika pazyrykskoi kul'tury Khankarinsky dol (Altai) [Reconstruction of a headdress and dating of artifacts from barrow No. 4 of the Pazyryk culture cemetery Khankarinsky dol (Altai)]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes]. 2024, no. 5, pp. 8–20 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. Vtorichnye zakhoroneniya v pogrebal'noi obryadnosti pazyrykskoi kul'tury Altaya: rezul'taty issledovaniya i interpretatsiya [Secondary burials in the funerary rite of the Pazyryk culture of Altai: results of research and interpretation]. *Narody i religii Evrazii* [Nations and Religions of Eurasia]. 2025, vol. 30, no. 2, pp. 7–39 (in Russian).

Dashkovskiy P. K. *Chinetinskii arkheologicheskii mikroraiion na Altae: kratkii putevoditel'* [The Chineta archaeological microdistrict in Altai: a brief guide]. Barnaul: Altai University Publ., 2023, 72 p. (Etnokul'turnye i religiovedcheskie issledovaniya v Evrazii. Issue 6 [Ethnocultural and religious studies in Eurasia. Issue 6]). (In Russian).

Dashkovskiy P. K., Ozhiganov, A. N., Shershneva E. A. Predvaritel'nye itogi izucheniya kurgana No. 32 na mogil'nike Chineta-II v Severo-Zapadnom Altae [Preliminary results of the study of barrow No. 32 at the Chineta-II cemetery in Northwestern Altai]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraja* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. 2020, no. 26, pp. 36–41 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A. Novye dannye po radiouglerodnomu datirovaniyu kurgana No. 5 mogil'nika Khankarinsky dol (Altai) [New data on radiocarbon dating of barrow No. 5 of the Khankarinsky dol cemetery (Altai)]. *Arkheologiya Zapadnoi Sibiri i Altaya: opyt mezhdistsiplinarnykh issledovaniy* [Archaeology of Western Siberia and Altai: experience of interdisciplinary research]. Barnaul: Altai University Publ., 2015, pp. 119–125 (in Russian).

Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A., Tur S. S. Vtorichnye pogrebeniya v kurganakh skifskogo vremeni na pamyatnike Khankarinsky dol [Secondary burials in barrows of the Scythian period at the Khankarinsky dol site]. *Zapadnaya i Yuzhnaya Sibir' v drevnosti* [Western and Southern Siberia in antiquity]. Barnaul: Altai University Publ., 2005, pp. 62–68 (in Russian).

Dashkovskiy, P. K., Meikshan I. A. Izuchenie regional'noi elity kochevnikov Yuzhnoi Sibiri, Zapadnogo Zabaikal'ya i Severnoi Mongolii epokhi pozdnei drevnosti (na primere

пazyrykского обшchestва i khunnu) [Study of the regional elite of nomads of Southern Siberia, Western Transbaikalia and Northern Mongolia of the Late Ancient period (on the example of Pazyryk society and the Xiongnu)]. *Elita v istorii drevnikh i srednevekovykh narodov Evrazii* [Elite in the history of ancient and medieval peoples of Eurasia]. Barnaul: Altai University Publ., 2015, pp. 72–85 (in Russian).

Dikov N. N. *Bronzovyi vek Zabaikal'ya* [Bronze Age of Transbaikalia]. Novosibirsk: SO AN SSSR Publ., 1958, 106 p. (In Russian).

Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Frolov Ya. V., Dashkovskiy P. K. Avariinye raskopki na kurgannom mogil'nike Inya-3 [Emergency excavations at the Inya-3 barrow cemetery]. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya* [Preservation and study of the cultural heritage of Altai Krai]. Barnaul, 2001, iss. XII, pp. 101–104 (in Russian).

Grach A. D. *Drevnie kochevniki v Tsentre Azii* [Ancient nomads in the Center of Asia]. Moscow: Nauka Publ., 1980, 256 p. (In Russian).

Khabdulina M. K. *Stepnoe Priishim'e v epokhu rannego zheleza* [The steppe Ishim region in the Early Iron Age]. Almaty: Rakurs Publ., 1994, 170 p. (In Russian).

Kiryushin Yu. F., Kungurov A. L. Mogil'nik rannego zheleznoogo veka Staroaleika-2 [The Early Iron Age cemetery Staroaleyka-2]. *Pogrebal'nyi obryad drevnikh plemen Altaya* [Funerary rite of ancient tribes of Altai]. Barnaul: Altai University Publ., 1996, pp. 115–134 (in Russian).

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya, Chast' 3: Pogrebal'nye komplekсы skifskogo vremeni Srednei Katuni* [The Scythian era of Gorny Altai. Part 3: Funerary complexes of the Scythian period of the Middle Katun]. Barnaul: Altai University Publ., 2004, 292 p. (In Russian).

Kiryushin Yu. F., Stepanova N. F., Tishkin A. A. *Skifskaya epokha Gornogo Altaya. Chast' 2: Pogrebal'no-pominal'nye komplekсы pazyrykskoi kul'tury* [The Scythian era of Gorny Altai. Part 2: Funerary and memorial complexes of the Pazyryk culture]. Barnaul: Altai University Publ., 2003, 234 p. (In Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Yustyda* [Barrows of Yustyd]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1991, 190 p. (In Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Sailugema* [Barrows of Sailugem]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1992, 220 p. (In Russian).

Kubarev V. D. *Kurgany Ulandryka* [Barrows of Ulandryk]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1987, 302 p. (In Russian).

Kubarev V. D., Shulga P. I. *Pazyrykskaya kul'tura (kurgany Chui i Ursula)* [Pazyryk culture (barrows of Chuya and Ursul)]. Barnaul: Altai State University Publ., 2007, 282 p. (In Russian).

Mandelstam A. M. Issledovaniya na mogil'nom pole Aimirlyg: Nekotorye itogi i perspektivy [Research at the Aimirlyg burial ground: some results and perspectives]. *Drevnie kul'tury Evraziiskikh stepei* [Ancient cultures of the Eurasian steppes]. Leningrad: Nauka Publ., 1983, pp. 25–33 (in Russian).

Mandelstam A. M. Rannie kochevniki na territorii Tuvy [Early nomads on the territory of Tuva]. *Stepnaya polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya* [The steppe belt of the Asian part of the USSR in the Scythian-Sarmatian period]. Moscow: Nauka Publ., 1992, pp. 178–196 (in Russian).

Marsadolov L. S. Planigrafiya mogil'nikov Gornogo Altaya VI–IV vv. do n. e. [Planimetry of Gorny Altai cemeteries of the 6th-4th centuries BC]. *Pyatye istoricheskie chteniya pamyati M. P. Gryaznova* [Fifth historical readings in memory of M. P. Gryaznov]. Omsk, 2000, pp. 69–72 (in Russian).

Martynova A. I. *Lesostepnaya tagarskaya kul'tura* [Forest-steppe Tagar culture]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1979, 208 p. (in Russian).

Mogilnikov V. A. Kurgany Kyzyl-Dzhar I, VIII — pamyatniki pazyrykskoi kul'tury Altaya [Barrows Kyzyl-Dzhar I, VIII — monuments of the Pazyryk culture of Altai]. *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Issues of archaeology and ethnography of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: GANIIYAL, 1983a, pp. 3–39 (in Russian).

Mogilnikov V. A. Kurgany Kyzyl-Dzhar II–V i nekotorye voprosy sostava naseleniya Altaya vo vtoroi polovine I tys. do n. e. [Barrows Kyzyl-Dzhar II–V and some questions of the population composition of Altai in the second half of the 1st millennium BC]. *Voprosy arkheologii i etnografii Gornogo Altaya* [Issues of archaeology and ethnography of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: GANIIYAL, 1983b, pp. 40–71 (in Russian).

Mogilnikov V. A. *Naselenie Verkhnego Priob'ya v seredine-vtoroi polovine I tysyacheletiya do n. e.* [Population of the Upper Ob region in the mid-second half of the 1st millennium BC]. Moscow: Nauka Publ., 1997, 195 p. (In Russian).

Novgorodova E. A. *Drevnyaya Mongoliya* [Ancient Mongolia]. Moscow: Nauka Publ., 1989, 384 p. (In Russian).

Ochir-Goryaeva M. A. Sledy postpogrebal'nykh obryadov v kurganakh skifskoi epokhi stepei Evrazii [Traces of post-funeral rites in barrows of the Scythian era in the steppes of Eurasia]. *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya* [Ancient necropolises and settlements: post-funeral rituals, symbolic burials and robberies]. St. Petersburg: IIMK RAN Publ., 2016, pp. 113–128 (in Russian).

Plasteeva N. A., Dashkovskiy P. K., Tishkin A. A. Morfologicheskaya kharakteristika loshadei iz pamyatnikov pazyrykskoi kul'tury Severo-Zapadnogo Altaya [Morphological characteristics of horses from Pazyryk culture sites of Northwestern Altai]. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovaniy* [Theory and practice of archaeological research]. 2020, vol. 32, no. 4, pp. 123–130 (in Russian).

Polosmak N. V. *Vsadniki Ukoka* [Horsemen of Ukok]. Novosibirsk: INFOLIO Publ., 2001, 336 p. (In Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [The culture of the population of Gorny Altai in the Scythian period]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1953, 402 p. (In Russian).

Rudenko S. I. *Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya* [The culture of the population of Central Altai in the Scythian period]. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1960, 359 p. (In Russian).

Samashev Z. S. *Berel*. Almaty: Taimas Publ., 2011, 236 p. (In Russian).

Samashev Z. S., Faizov K. Sh., Bazarbaeva G. A. *Arkheologicheskie pamyatniki i paleopochvy Kazakhskogo Altaya* [Archaeological sites and paleosols of Kazakh Altai]. Almaty, 2001, 108 p. (In Russian).

Shulga P. I. K voprosu o planirovke mogil'nikov skifskogo vremeni na Altae [On the question of the layout of Scythian period cemeteries in Altai]. *Skifo-sibirskii mir (Sotsial'naya struktura i obshchestvennye otnosheniya)* [Scythian-Siberian world (social structure and social relations)]. Kemerovo: Kemerovo State University Publ., 1989, pt. II, pp. 41–44 (in Russian).

Shulga P. I. *Snaryazhenie verkhovoi loshadi v Gornom Altae i Verkhnem Priobe* [Tack of riding horses in Gorny Altai and the Upper Ob region]. Novosibirsk: Novosibirsk State University Publ., 2015, pt. II, 322 p. (In Russian).

Shulga P. I., Umansky A. P., Mogilnikov V. A. *Novotroitskii nekropol'* [The Novotroitsk necropolis]. Barnaul: Altai State University Publ., 2009, 329 p. (In Russian).

Sorokin S. S. Tseepochka kurganov vremen rannikh kochevnikov na pravom beregu r. Kok-Su (Yuzhnyi Altai) [A chain of barrows from the time of early nomads on the right bank of the Kok-Su River (Southern Altai)]. *Arkheologicheskie soobshcheniya gosudarstvennogo Ermitazha* [Archaeological reports of the State Hermitage Museum]. 1974, iss. 16, pp. 62–91 (in Russian).

Stepanova N. F., Neverov S. V. Kurgannyi mogil'nik Verkh-Elenda-2 [The Verkh-Elenda-2 barrow cemetery]. *Arkheologiya Gornogo Altaya* [Archaeology of Gorny Altai]. Barnaul: Altai University Publ., 1994, pp. 11–24 (in Russian).

Surazakov A. S. O nekotorykh problemakh izucheniya sotsial'nykh otnoshenii naseleniya Gornogo Altaya epokhi rannego zheleza [On some problems of studying social relations of the population of Gorny Altai in the Early Iron Age]. *Materialy k izucheniyu proshlogo Gornogo Altaya* [Materials for the study of the past of Gorny Altai]. Gorno-Altaysk: GANIYAL, 1992, pp. 48–56 (in Russian).

Surazakov A. S. *Gornyi Altai i ego severnye predgor'ya v epokhu rannego zheleza: Problemy khronologii i kul'turnogo razgranicheniya* [Gorny Altai and its northern foothills in the Early Iron Age: problems of chronology and cultural differentiation]. Gorno-Altaysk: GANIYAL, 1989, 165 p. (In Russian).

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Izuchenie planigrafii mogil'nikov pazyrykskoi kul'tury Altaya [Study of the planigraphy of Pazyryk culture cemeteries in Altai]. *Prirodnye usloviya i kul'tura Zapadnoi Mongolii i sopredel'nykh regionov* [Natural conditions and culture of Western Mongolia and adjacent regions]. Khovd; Tomsk: TGU Publ., 2001, pp. 163–164 (in Russian).

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. Rezul'taty radiouglerodnogo datirovaniya pamyatnikov pazyrykskoi kul'tury Khankarinsky Dol i Yaloman-III [Results of radiocarbon dating of Pazyryk culture sites Khankarinsky Dol and Yaloman-III]. *Radiouglerod v arkheologicheskikh i paleoekologicheskikh issledovaniyakh* [Radiocarbon in archaeological and paleoecological research]. St. Petersburg: Teza Publ., 2007, pp. 291–299 (in Russian).

Tishkin A. A., Dashkovskiy P. K. *Sotsial'naya struktura i sistema mirovozzrenii naseleniya Altaya skifskoi epokhi* [Social structure and worldview system of the Altai population in the Scythian era]. Barnaul: Altai University Publ., 2003, 430 p. (In Russian).

Umansky A. P., Shamshin A. B., Shulga P. I. *Mogil'nik skifskogo vremeni Rogozikha-I na levoberezh'e Obi* [The Scythian period cemetery Rogozikha-I on the left bank of the Ob River]. Barnaul: Altai University Publ., 2005, 204 p. (In Russian).

Zaitseva O. V. *Pogrebeniya s narushennoi anatomicheskoi tselostnost'yu kostyaka: metodika issledovaniya i vozmozhnosti interpretatsii. Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Burials with

disturbed anatomical integrity of the skeleton: research methodology and possibilities of interpretation. Abstract of the thesis of the Candidate of Historical Sciences]. Novosibirsk, 2005, 28 p. (In Russian).

Murphy E. M. Secondary burial practices in Iron Age Tuva, South Siberia. *Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii* [Interdisciplinary studies in archaeology]. Moscow: Nauka Publ., 2004, iss. 3, pp. 122–132.

Статья поступила в редакцию: 24.02.2026

Принята к публикации: 02.06.2026

Дата публикации: 30.06.2026

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 39. 394

DOI 10.14258/nneur(2026)2–08

Е. П. Слепцов

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск (Россия)

А. И. Егорова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск (Россия)

НОРМЫ ПРЕДБРАЧНОГО И БРАЧНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЖЕНЩИН В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ ЯКУТИИ: КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ

Традиционные гендерные и семейно-брачные отношения тюркоязычных (долган), тунгусо-маньчжурских (эвенов, эвенков), палеоазиатских (чукчей, юкагиров) народов Якутии представляют собой сложную иерархическую организацию с общими и специфическими чертами, отражающимися в системе родства и семейного устройства, существовании патрилинейной структуры родства при наличии пережитков матрилинейной; патрилокальности брака; формах брака; реципрокности (взаимности и соразмерности), присутствующей в процедурах обмена между сторонами в процессе заключения брака (соразмерности калыма и приданого, практики последовательного обмена); пространственном разделении жилища на мужскую и женскую половины; существовании комплекса условностей, составляющих идеологическое обоснование патриархального строя; наличии институтов экзогамного брака — калыма, умыкания, карамчения и избегания; запретов и ограничений женского поведения; отстранении женщины от активного участия в религиозных обрядах общины и, наоборот, ее преобладание в исполнении домашних ритуалов; использование гендерных символов в обрядах, связанных с рождением ребенка; гендерной дифференциации труда, традиционном делении хозяйственных занятий на мужские и женские; фиксации гендерных статусов и ролей в динамике смены поколений посредством системы социализации и др.

В данной статье нами рассмотрены предбрачные и брачные обычаи на примере таких социальных институтов, как калым, умыкание, отработка за жену; запреты и ограничения женского поведения; гендерное разделение труда и семейные роли женщин в традиционной культуре долган, эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров.

Несмотря на общность в целом истории и развития коренных народов, ассимилятивных процессов, культурного обмена и взаимодействия кочевых групп друг с другом, вариативность комбинирования этих элементов составляла уникальное содержание этнических культур коренных народов.

Анализ традиционных предбрачных и брачных обычаев малочисленных народов показал, что такой социальный институт, как калым, был типичен для долган, эвенов, эвенков, в то время как отработка за жену — у чукчей и юкагиров, а умыкание чаще встречалось у эвенков. Причем калым был многоступенчатым, поэтапным, мерой выплаты за невесту выступали олени, шкуры и меха, нарты, чум, утварь, деньги. Размер калыма в разное время у разных этнических групп был различным. Запреты и ограничения женского поведения, связанные с религиозными представлениями, охотничьими и промысловыми обрядами, а также принятыми нормами экзогамного брака, в период менструации, беременности, родов, встречались практически у каждого из изучаемых народов. Интересными были запреты на общение с членами своего рода и рода мужа: так, у долган и эвенков существовали запреты избегания между невесткой и старшими родственниками мужа, у юкагиров был обычай избегания между сиблингами. Гендерное разделение труда присутствовало практически у каждого народа, семейные трудовые роли мужчин и женщин были четко очерчены, женщинам приходилось выполнять достаточно трудную работу, требующую физических сил и выносливости; в традиционной культуре долган, эвенов, эвенков, юкагиров присутствовала относительная эгалитарность отношений мужчин и женщин, но женщина не была ущемлена в своих правах на участие в принятии решений.

Ключевые слова: семья, брак, экзогамный брак, калым, отработка за жену, умыкание, нормы, запреты, семейные роли, гендерное разделение труда, долганы, эвены, эвенки, чукчи, юкагиры

Для цитирования:

Слепцов Е. П., Егорова А. И. Нормы предбрачного и брачного поведения женщин в традиционной культуре малочисленных народов Якутии: кросс-культурный анализ // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 195–211. DOI 10.14258/nreur(2026)2–08

Слепцов Евгений Петрович, кандидат исторических наук, доцент, Институт психологии, кафедра психологии и социальных наук, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск (Россия). **Адрес для контактов:** e-slepsov-ev71@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-8359-9313>
Егорова Аида Июньевна, кандидат психологических наук, директор, доцент, Институт психологии, Северо-Восточный федеральный университет им.

М. К. Аммосова, Якутск (Россия). **Адрес для контактов:** aidaego@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7985-4134>

E. P. Sleptsov

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk (Russia)

A. I. Egorova

North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk (Russia)

NORMS OF PREMARITAL AND MARITAL BEHAVIOR OF WOMEN IN THE TRADITIONAL CULTURE OF INDIGENOUS MINORITIES OF YAKUTIA: A CROSS-CULTURAL ANALYSIS

Traditional gender and marital relations of the Turkic-speaking (Dolgan), Tungus-Manchu (Evens, Evenks), Paleo-Asiatic (Chukchi, Yukaghirs) peoples of Yakutia represent a complex hierarchical organization with common and specific features reflected in the system of kinship and family structure, the existence of a patrilineal kinship structure with vestiges of a matrilineal one; patrilocality of marriage; forms of marriage; reciprocity (reciprocity and proportionality) present in the procedures of exchange between the parties during the marriage (proportionality of the kalym and dowry, the practice of sequential exchange); spatial division of the home into male and female halves; the existence of a set of conventions that constitute the ideological justification of the patriarchal system; the presence of institutions of exogamous marriage — kalym, abduction, punishment and avoidance; prohibitions and restrictions on female behavior; the exclusion of women from active participation in religious rites of the community and, conversely, their predominance in the performance of domestic rituals; the use of gender symbols in rituals associated with the birth of a child; gender differentiation of labor, the traditional division of economic activities into male and female; fixation of gender statuses and roles in the dynamics of generational change through the socialization system, etc. In this article, we consider premarital and marital customs using the example of such social institutions as kalym, abduction, working off a wife; prohibitions and restrictions on female behavior; gender division of labor and family roles of women in the traditional culture of the Dolgans, Evens, Evenks, Chukchi and Yukaghirs. Despite the general commonality of the history and development of indigenous peoples, assimilative processes, cultural exchange and interaction of nomadic groups with each other, the variability of the combination of these elements constituted the unique content of the ethnic cultures of indigenous peoples. The analysis of traditional premarital and marital customs of small peoples showed that such a social institution as kalym was typical for the Dolgans, Evens, Evenks, while working off a wife was typical for the Chukchi and Yukaghirs, and abduction was more common among the Evenks. Moreover, kalym was multi-stage, step-by-step, the

measure of payment for the bride was deer, skins and furs, sleds, tents, utensils, money. The size of the kalym at different times in different ethnic groups was different. Prohibitions and restrictions on female behavior associated with religious beliefs, hunting and fishing rituals, as well as accepted norms of exogamous marriage, during menstruation, pregnancy, childbirth, were found in almost every one of the studied peoples. Interesting were the prohibitions on communication with members of one's own clan and the clan of the husband, for example, the Dolgans and Evenks had prohibitions of avoidance between the daughter-in-law and the husband's older relatives, the Yukaghirs had a custom of avoidance between siblings. Gender division of labor was present in almost every nation, the family labor roles of men and women were clearly defined, women had to do quite difficult work that required physical strength and endurance; in the traditional culture of the Dolgans, Evens, Evenks, Yukaghirs there was a relative egalitarianism of relations between men and women, but women were not infringed in their rights to participate in decision-making.

Keywords: family, marriage, exogamous marriage, kalym, working off a wife, abduction, norms, prohibitions, family roles, gender division of labor, Dolgans, Evens, Evenki, Chukchi, Yukaghirs

For citation:

Sleptsov E. P., Egorova A. I. Norms of premarital and marital behavior of women in the traditional culture of indigenous minorities of Yakutia: a cross-cultural analysis. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 195–211. DOI 10.14258/nreur(2026)2–08

Sleptsov Evgeny Petrovich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Psychology and Social Sciences, Institute of Psychology, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk (Russia). **Contact address:** e-sleptsov-ev71@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0002-8359-9313>

Egorova Aida Iunyeвна, Candidate of Psychological Sciences, Director, Associate Professor, Institute of Psychology, North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov, Yakutsk (Russia). **Contact address:** aidaego@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7985-4134>

Введение

В условиях глобализации и трансформации традиционных культурных ценностей, кризиса духовности и морали происходит изменение традиционных гендерных ролей и стереотипов, отражающихся на брачно-семейных отношениях. Сфера брачно-семейных отношений наиболее подвержена регуляции религиозными и традиционными нормами культуры. Для этнических групп свойственны две противоположные тенденции: с одной стороны, сохранение и возрождение традиционных этнокультурных традиций и норм в сфере брачно-семейных отношений, и с другой стороны, тенденции современного общества, связанные с ростом разводов и количества неполных семей, изменени-

ем репродуктивных установок, доминированием эгалитарных установок в распределении супружеских ролей, изменением идеалов маскулинности и фемининности и др.

Динамика изменения гендерных стереотипов и норм поведения полов в разных этнокультурных сообществах различается в зависимости от степени влияния религиозных традиций, нравов, обычаев, образа жизни, менталитета, межпоколенных и внутрисемейных отношений. Исследование гендерных стереотипов и норм разных культур дает возможность для понимания и объяснения многих когнитивных схем и способов категоризации окружающего мира, в том числе взаимоотношений полов, специфики брачно-семейных и супружеских отношений, содержания идеалов маскулинности и фемининности, определения стратегии и модели гендерной социализации детей.

В историческом прошлом, языке, мифологии, религии, культуре, картине мира малочисленных народов Севера (долган, эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров) можно обнаружить как общие, так и специфические черты в традиционных занятиях, образе жизни, семейном устройстве, взаимоотношениях полов, социализации детей и т. д.

Данное исследование является частью междисциплинарного исследования, направленного на разработку теоретико-методологического кросс-культурного подхода в исследовании гендерных стереотипов. Анализ содержания гендерных стереотипов в мифологическом, религиозном и обыденном сознании, отраженных в нормах предбрачных и брачных обычаев долган, эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров в сравнении осуществляется впервые.

Объектом исследования явились историко-этнографические источники до 70-х гг. XX в. по общественному строю и истории долган А.А. Попова, эвенов — С.А. Токарева, И.С. Гурвич, С.И. Николаева, В.А. Туголукова, эвенков — А.Ф. Анисимова, Г.М. Василевич, чукчей — В.Г. Богораз, И.С. Вдовина и юкагиров — В.И. Иохельсон, в которых отражены сведения о формах социального устройства и семейной власти (матриархате/патриархате), гендерной асимметрии (статусе мужчин и женщин в обществе), распределении труда между мужчинами и женщинами (строгом/нестрогом), мужских/женских ролях в обществе и семье, традиционных формах брака, положении женщины (зависимом/независимом), правовой и экономической самостоятельности женщин, ограничениях/свободе женского поведения (добрачного, брачного, послебрачного), детоцентризме и установках на многодетность, осуждении безбрачия и бездетности, особенностях воспитания мальчиков и девочек и др.

Результаты кросс-культурного анализа и сравнения традиционных систем родства и семейного устройства коренных народов Якутии — долган, эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров изложены в нашей статье¹. В работе показано, что основой традиционной брачно-семейно-родственной системы у малочисленных народов Якутии являются патриархальные семьи (роды), патрилинейная структура родства и патрилокальность брака, у некоторых народов (преимущественно у эвенов и юкагиров) были одновременно выражены черты матрилинейности и матрилокальности; основной хозяйственной единицей семейно-брачных отношений была малая семья, однако были характерны

¹ Слепцов Е.П., Егорова А.И. Традиционные системы родства и семейного устройства у коренных малочисленных народов Якутии: кросс-культурный анализ (в печ.).

и большие семьи — из нескольких кочевых групп, состоящих в родственных отношениях. Принятый экзогамный брак был характерен в большей степени для долган, эвенов, эвенков и практически не встречался у чукчей и юкагиров. В системе брачных отношений встречались и специфические формы: эвены, эвенки широко практиковали обменный брак; чукчи, эвенки и юкагиры — групповой брак, левират; чукчи, эвенки и эвены — многоженство; кросскузенный брак встречался у всех народов, кроме эвенов.

В данной статье, в продолжение исследования, нами рассмотрены предбрачные и брачные обычаи на примере таких социальных институтов, как калым, умыкание, отработка за жену; запреты и ограничения женского поведения; гендерное разделение труда и семейные роли женщин в традиционной культуре долган, эвенов, эвенков, чукчей и юкагиров.

Предбрачные и брачные обычаи

У долган калым состоял из двух частей. В первую (бастыкы сулуу — «предварительный выкуп») были включены 9–12 обученных здоровых оленей для хождения в упряжке и охоты с подманиванием, верхняя одежда из меха волка или песца, шкуры пушных животных, покрывало для чума из сыромятной кожи, ездовые нарты с упряжью, наличные деньги, металлический котел и ружье. Во вторую часть (кара сулуу — «черный выкуп») были включены несколько десятков оленей (от 40 до сотни, в зависимости от благосостояния семьи жениха). В зависимости от обстоятельств и условий договоренности сторона невесты могла довольствоваться предварительным выкупом. Черный выкуп мог быть внесен позже или не в полном объеме.

В свадебных процедурах дублирующими действиями были представлены идеи обмена, взаимности обязательств и симметрии участия сторон. Вербки приведенных членами семьи жениха оленей вместе с одним животным возвращались отцу жениха. Молодой мужчина, вступающий в брак, приводил важенку оленя и передавал ее будущему тестю. Празднование свадьбы проводилось сначала в селении невесты, а затем в селении жениха. Жениха в жилище родителей невесты вводил посредник-сват, а невесту в чум жениха вводила почтенная женщина, обязательно не родственница [Попов, 1946: 68, 70]. Прибытие жениха в стойбище невесты и невесты в стойбище жениха для вступления в брак сопровождалось троекратным объездом чума будущего брачного партнера. Это распространенный у эвенков обычай [Василевич, 1969: 162–163].

Приданое было либо равно величине калыма, либо пропорционально меньше примерно на 1,1–1,4 величины калыма в части «черного выкупа». Если для калыма было выделено 60 оленей, то приданное состояло из 45 оленей. Богатое приданное состояло из 60–70 отборных оленей, в то время как средняя величина калыма составляла 60 оленей, а крупный калым был равен 80–100 оленям (т.н. «черный выкуп»). Если калым был передан не в полном объеме и, например, из 60 оленей было приведено 40, то в приданное вместо пяти нарт отдавали три. Небогатые родители выделяли в приданное пять нарт, запряженных отборными оленями.

В приданое были включены женские и грузовые олени седла, зимняя упряжь с отдельными деталями из сукна с вышивкой, женский посох для верховой езды, самовар, чайник, посуда, украшения. Все должно было быть новым или хорошо вычищенным. Кроме того, две шубы, покрытые сукном, женская меховая обувь, шкуры пушного зверя

или волка, покрывка для чума. Таким образом, в приданном были представлены вещи для ведения семейного хозяйства женщиной [Попов, 1946: 67–68, 70].

Части калыма и приданого, представленные стадом оленей, иногда собирались родственниками семей жениха и невесты и поэтому после передачи оленей противоположной стороной они передавались лицам, выделившим своих животных для оказания помощи в организации заключения брака. Если же родители невесты были зажиточными людьми, то они могли раздать преподнесенных животных родственникам. По обычаю через год после одаривания родственники новобрачной преподносили молодой семье вещи, превышающие стоимость оленей.

Реципрокность обмена при заключении брака весьма выпукло была представлена в обычае осмотра приданого. По прибытии новобрачных после праздничного угощения отец жениха осматривал привезенные невестой вещи и, если приданое оказывалось не равнозначным калыму, это вызывало осуждение присутствующих [Попов, 1946: 69–70].

Величина калыма у *эвенов* варьировала от уровня достатка семей жениха и невесты. У индигирских *эвенов* в середине XIX в. калым за невесту из богатой семьи составлял 300 оленей, а за невесту из бедной семьи — до пяти оленей. Кроме оленей, иногда вместо них, в калым могли входить пушнина, деньги, оленья кожа, мясо, водка. Величина калыма в два (иногда и более) раза превосходила величину приданого. Основными компонентами приданого были комплект летней и зимней, повседневной и праздничной одежды, постельных принадлежностей, женские украшения. Приданое являлось личной собственностью женщины в браке и при разводе оставалось у нее [Алексеева, 2008: 57–59].

У *эвенков* существовал также выкуп невесты за калым — *тэри*, буквально «равновесие», «купля-продажа». Производное от этого термина *тэриц* — «платить калым», «взвешивать», «выравнивать два предмета». Калым со стороны жениха состоял из оленей (лошадей) и угощения на свадьбу, приданое со стороны невесты — из оленей с упряжью и сумами, наполненными одеждой и утварью, необходимой для хозяйства молодых.

Для обозначения калыма также использовалось слово *таман* — «плата». При использовании этого термина приданое невесты получило название *сурувук* ~ *сурук*, буквально «то, что увозится» [Василевич, 1969: 164–165].

Размер калыма в разное время у разных групп был различным. У забайкальских конных тунгусов во второй половине XVIII в. калым составлял 20–200 голов скота, у оленых тунгусов — 1–20 оленей. Безоленные тунгусы вместо калыма платили за тестя ясак в течение двух-трех лет [Туголуков, 1970: 231]. Если жених не мог уплатить всю запрашиваемую величину калыма, он мог отработать ее в хозяйстве тестя. Приданое старались сделать эквивалентным калыму, но для бедняков допускалась его соответствие половине стоимости калыма [Василевич, 1969: 164–165].

Семьи с большим количеством сыновей, но имевшие мало дочерей, терпели значительный экономический ущерб от уплаты калыма. Два-три сына вступлением в брак могли подорвать благополучие семьи. Это отчасти объясняет причину сохранения левирата у *эвенков* [Туголуков, 1970: 221].

В XVII в. отмечены случаи умыкания женщин, которые были, однако, сравнительно редки. Как правило, похититель женщины старался примириться с ее родственниками, отдавая им вместо похищенной женщины другую. В 1659 г. витимский эвенк Кучюра «отнял сильно (насильно)» сестру чаринских тунгусов Дунгичи и Укланея и после звал их к себе и «за их сестру хотел им дать дочь свою» [Якутия в XVII веке, 1953: 198].

Наиболее распространенным способом вступления в брак у чукчей было так называемое *наундоургын* «пастушество за жену». Сначала сват (отец или дядя молодого человека) проводит предварительно переговоры о возможности заключить брак. В случае положительного ответа молодой человек является к родителям избранницы и начинает трудиться на них, показывая свои умения, силу и выносливость. Он старается угодить отцу невесты и ее родственникам. Испытание могло продолжаться в срок до трех лет, но обычно занимало меньше времени. Обычай платить калым за невесту чукчами порицался, это было похоже на то «как если бы она была оленем». Чукчи осуждали якутов и тунгусов за обычай платить калым за невесту. Тем не менее при растущей социальной дифференциации завуалированные формы калыма начали практиковаться у чукчей [Богораз, 1934: 123–124].

Сватовство жениха у юкагиров начиналось с *погилону* — «служения зятя» (от *погил* — зять) в семье невесты (верхнеколымские юкагиры). Жених помогал заготавливать дрова, чинить нарты и сети, ловить рыбу и т.п. Иохельсон не рассматривал эту практику как вариант платы (калыма) за невесту, поскольку брак был матрилокальным [Иохельсон, 2005: 139–140]. *Погилону*, вероятно, был связан с механизмом социализации чужака в семье. Стороны присматривались друг к другу, семья невесты оценивала умения и навыки жениха, проверяла его трудолюбие. Если жених был желателен, то его усилия принимались. Если отвергали, то говорили, что в его помощи нет необходимости [Иохельсон, 2005: 139].

После окончания *погилону* жених отправлял свата. Когда сват приносил благосклонный ответ отца невесты, жених переходил жить в семью невесты [Иохельсон, 2005: 142]. У юкагиров Коркодона и Ясачной вступление в брак не сопровождалось празднованием этого события, т.е. свадьбы не было [Иохельсон, 2005: 147].

У тундренных юкагиров (а также алазейско-индигирских), очевидно, под влиянием тунгусов возник обычай внесения выкупа (калыма) за невесту. При этом сохранился обычай «служения» в доме родителей невесты. У тундренных юкагиров это «служение» было таким же, как у коряков (выходит, что у коряков существовал аналогичный *погилону* обычай). Жених переходит в семью родителей невесты на срок от года до трех лет и в течение этого времени пасет оленей, охотится, ловит рыбу и выполняет другую работу. При этом родителей девушки это ни к чему не обязывает, они могут отказать жениху тогда, когда он пришлет свата.

Размер выкупа по сведениям Иохельсона был немногим более ценен, чем размер приданого. Приданое состояло из нескольких оленьих упряжек с нартами. Но приданое включало не только олени упряжки, но и в основном вещи, необходимые для ведения семейной жизни. Подробные данные о размере выкупа не приведены.

Выкуп за невесту передавался в руки отца. Процедура передачи выкупа совершалась в стойбище родителей жениха. Во всяком случае, как отмечает Иохельсон, выкуп

вручался отцу невесты после того, как невеста и свадебный поезд придут к жилищу родителей жениха [Иохельсон, 2005: 147–149].

Запреты и ограничения женского поведения

Специфика гендерных отношений и характеристики, относящиеся к описанию гендерных позиций у *долган*, нашли отражение в долганском фольклоре. В устном народном творчестве долган женщина, помимо ее описаний в рамках традиционных социальных ролей, иногда выступала как олицетворение неуправляемых стихийных сил. В сказке о превращении девушки представлен сюжет об оборотничестве, носителем которого оказывается дочь одинокого человека. В данном нарративе художественными средствами и образами была представлена идея о промежуточной неопределенной позиции девушки, когда она, достигнув совершеннолетия, переходит в чужую группу и обретает новый статус. Представления об инаковости женщины подкрепляются мотивами нечистоты женщины, ее способности приносить вред в определенные моменты. Сюжет обращения девушки в медведя (вариант — выход замуж за медведя) в сказке является метафорой инаковости, необратимого ухода взрослеющей женщины, изменчивости ее статуса и роли, а также появления новых «пугающих» качеств [Долганский фольклор, 1937: 27, 92].

Появление новой женщины в группе в результате заключения брака могло в сюжетах повествований образно интерпретироваться как привнесение стихийного компонента в повседневную жизнь. В сказке о дочери Айыы есть сцена, в которой появление невесты приводит к трагическим последствиям и служит причиной исчезновения жениха. Кроме того, здесь обнаруживается назидательность, состоящая в осуждении «непрактичного» матримониального выбора мужчины, его неумения довольствоваться тем, что находится подле [Долганский фольклор, 1937: 62–64].

Ограничения, налагаемые на некоторые действия в семье, указывают на то, что существовали обычаи, табуировавшие возможность полового контакта между представителями разных поколений. Эти ограничения симметричны аналогичным запретам у тюркских этносов. Невестке запрещалось пить чай из посуды, которой пользовался свекор, как и ему — пользоваться чайными принадлежностями невестки. Свекру было запрещено усаживаться на постель невестки [Попов, 1946: 71].

У долган, как и у соседей (якутов, нганасан), беременная женщина считалась нечистой. Так же как нганасанской женщине, долганской в период беременности и после родов запрещалось переходить дорогу, по которой двигались сани с семейными святынями-*сайтан* («шайтан») и шаманскими атрибутами [Попов, 1936: 47; Попов, 1946: 51].

При родах их место маркировалось и обособлялось — иногда долганы сооружали отдельный чум для роженицы. Считалось, что в это место должно явиться детское «айы» — доброе божество [Попов, 1946: 51]. Это представление имеет аналогии в якутских верованиях и обычаях. У якутов роды были связаны с образом *Айыысыт* — богини деторождения, для проводов которой после родов изготавливались ритуальные атрибуты — миниатюрная модель *урасы* (берестяной юрты), макет коновязи-*сэргэ*, берестяные фигурки лошадей, оленя, лося, лук со стрелами [Билюкина, 1992: 17–19]. Долганы после родов сооружали миниатюрный чум-*джукакан*, в котором повитуха оставляла послед, завернутый в оленью шкуру, на которой происходили роды [Попов, 1946: 54].

Чум роженицы у долган считался нечистым, так же как и некоторые участники события — собственно роженица и бабка-повитуха [Попов, 1946: 51]. У самодийцев-нганасан тоже обнаруживается обычай маркирования места родов, когда бабка-повитуха утрамбовывает снег в виде ложа на том месте, где должны происходить роды, куда настилаются шкуры, чтобы роженице не было холодно. Вокруг этого ложа из снега сооружают низкую насыпь, которая должна оградить нечистую роженицу от других людей. Когда ребенок появляется на свет, бабка-повитуха умывает его. Бабка-повитуха у нганасан тоже считается нечистой до процедуры очищения [Попов, 1936: 45].

У долган на третий день после родов собирались гости, закалывался олень, принадлежащий отцу ребенка, и устраивалось угощение. При этом бабка-повитуха окуривала роженицу, новорожденного, себя и вещи дымом от горящего можжевельника или смолы, положенных на уголь в посуде [Попов, 1946: 54]. У самодийцев-нганасан также через 3 дня после родов угощают присутствующих мясом забитого оленя и совершается ритуал очищения. Ритуал состоит в окуривании роженицы, новорожденного и повитухи дымом от жира, смолы или собачьей шерсти, положенных на уголь в сковороде [Попов, 1936: 45].

У эвенов присутствовало особенное отношение к беременным женщинам. В период беременности женщинам было запрещено переступать охотничьи принадлежности, прикасаться к дичи, лежать на медвежьей шкуре, есть медвежатину и глаза оленя [Алексеева, 2008: 77]. Связано ли это было с мифом в единоборстве братьев? Сюжет мифа может проиллюстрировать эти запреты. Гибель медведя — патрона охотничьего промысла привнесла порядок в эту напряженную деятельность. А женщина в период беременности воплощала стихийную силу, которой обладала мать мифических братьев в тот момент, когда она уединилась в пещере, чтобы родить детей. Соответственно прикосновение к принадлежностям, добыче, медвежьей шкуре — всем тем вещам, которые человек обрел в результате сакральной жертвы медведя — патрона охотничьего промысла, могло внести элементы неупорядоченности, хаоса в промысловую деятельность. Могла возникнуть обстановка, предшествовавшая поединку братьев, в которой человек терял контроль над своей жизнью. Возможно, и запрет женщине рожать в жилище [Алексеева, 2008: 78] был обоснован этим же. Однако трактовка запретов в таком ключе у самих эвенов не была отмечена.

Существовали запреты, связанные с суеверным страхом повредить плод в чреве. Беременная не должна была заплетать волосы, сучить нитки, выполнять тяжелую работу, переступать через палку [Алексеева, 2008: 77].

Когда роженица разрешалась от бремени, повитуха (обычно, пожилая женщина) громко объявляла «*Омолгомайаа!*», если это был мальчик, или «*Асаткан!*», если девочка. Новорожденного ребенка растирали жиром, вытирали *хиври* — ивовыми стружками и заворачивали в заячью шкурку (считалась вместилищем богини деторождения *Айыысыт*. Здесь заметно влияние якутов, поскольку *Айыысыт* — образ якутской мифологии). Затем повитуха кормила огонь, благодарила *Айыысыт* за благополучные роды. Считалось, что через три дня *Айыысыт* покидает опекаемых, и заячью шкурку убирала. По этому случаю устраивали праздник проводов *Айыысыт*, для проведения которого вывешивали *дэлбургэ* — веревку с привязанными на ней цветными лоскутка-

ми ткани. При рождении мальчика изготавливали *илуму* — макет чума из лучин. После этого отобранный мальчик стрелял в *илуму* из лука, чтобы разрушить макет. При этом взрослые высказывали пожелание: «Пусть новорожденный будет хорошим охотником, пусть у него будет острый глаз!» [Алексеева, 2008: 79–82].

В семье мужа женщина *эвенкийка* могла свободно общаться с его младшими родственниками, но не могла таким образом общаться с его старшими родственниками. Обычаем было запрещено смотреть на них, прямо обращаться к ним, называть их по имени, прикасаться к их вещам, садиться на их постель, принимать пищу из их посуды, появляться перед ними с неприкрытой головой и открытыми частями тела [Василевич, 1969: 173–174]. В данном случае перед нами нормы, вытекавшие из специфики группового брака и полового общения брачных групп («сестер своих жен раньше как жен считали; сестер жен старших братьев также как жен считали; жен старших братьев также как жен своих считали; их все называли *угив...*») [Анисимов, 1936: 12], т. е. эти ограничения не имеют характера гендерной дискриминации и имеют сходство с некоторыми обычаями тюркоязычных этносов Сибири и Дальнего Востока (например, хакасский обычай *хазынас*, в соответствии с которым невестка не могла вступать в разговор со старшими родственниками мужа, не имела права называть их по имени и должна была использовать для этого иносказания. Запрещалось сидеть с ними за одним столом, подавать им руку, поворачиваться к ним спиной, представлять перед ними без головного убора или без обуви и пр. Эти запреты не распространялись на младших родственников мужа) [Российская семья, 2008: 481–482].

На мужчину, равно как и на женщину, накладывались запреты, вытекавшие из специфики классификационной системы родства. Ему запрещалось фривольно обращаться к женщинам, определяемым как сестры [Анисимов, 1936: 17].

Гендерные ограничения и запреты были связаны с дифференциацией внешней и внутренней зон мира *эвенкийской* семьи и представлением о ритуальной нечистоте женщины. Область мужской активности приходилась на внешнее пространство, а женской — на внутреннее (с некоторыми оговорками). Охотник у входа в чум снимал одежду, предназначенную для леса, и надевал домашнюю. Охотнику запрещалось прикасаться к менструирующей женщине, а ей — свежевать добычу, чтобы не лишить супруга удачи. Женщинам запрещалось перешагивать через одежду мужа, его посуду, через тропу охотника. Когда у женщины была менструация или после родов, ей запрещалось переступать через *малу* — место обитания духа — хозяина чума, трогать дрова и разводиться огонь, прикасаться к посуде, покрытой сажей. После родов женщина в течение трех дней не должна была резать ножом, в течение десяти дней не могла обрабатывать шкуры, в течение месяца — прикасаться к копченой шкуре [Василевич, 1969: 175–176]. Для *эвенков* считалось плохим признаком наличие женщин-охотниц в каком-либо роду. Это означало, что род стоит на грани исчезновения. Цветущие *эвенкийские* роды не позволяли женщинам охотиться и не учили стрелять, так как этим она могла накликать беду, это считалось первым признаком того, что род начнет вымирать [Кэптукэ, 20006: 19].

У *юкагиров* были своеобразные запреты избегания у *сиблингов*. Братья не должны разговаривать друг с другом и с сестрами. Сестры также должны избегать об-

щения друг с другом (и с братьями соответственно). В это число включаются также двоюродные, троюродные братья и сестры [Иохельсон, 2005: 125]. Запрет на общение между братьями, возможно, имел своей целью усилить общение кровных родителей со своими свойственниками [Гурвич, 1970: 256]. Лица, подпадающие под *нэхийини*, не обращаются непосредственно друг к другу, не называют друг друга по имени или термином родства. Они не должны обнажать части тела друг перед другом. Так, невестка не должна в присутствии свекра, старшего брата своего мужа открывать ноги. Мужчины, находящиеся в отношениях *нэхийини*, не должны обнажать половые органы в присутствии друг друга и говорить на темы, относящиеся к половым связям [Иохельсон, 2005: 126].

На зятя налагались некоторые запреты. Он не должен был смотреть на родителей и старших родственников жены, заводить с ними беседу. В то же время он должен был выполнять их распоряжения. Добычу он отдавал теще, а меха — тестю [Иохельсон, 2005: 144]. Последний обычай, по-видимому, сложился вследствие реалий ясачного сбора.

Более отчетливой сексистской установкой можно было бы назвать запрет женщинам смотреть на охотничью добычу. Женщинам было запрещено не только снимать шкуру с лося, но и смотреть на добытого сохатого. Согласно преданию, записанному Иохельсоном, девушка нарушила запрет, посмотрев в глаза убитого лося, из-за чего среди юкагиров разразился голод. Как у тунгусов, женщины не допускались к свежаванию медаведя. Для проведения медвежьего праздника мужчины уходили из стойбища [Туголуков, 1979: 110–111]. Однако в данном случае дискриминация не затрагивала эгалитарных правил распределения благ — женщины никак не ущемлялись при распределении добычи. В этих обычаях можно обнаружить элементы практик тайных мужских союзов, являвшихся инструментом установления господства мужчины в общине. Такими элементами являются запреты, налагаемые на женщин и маркирующие «особую» мужскую область деятельности и наличие особого «мужского» медвежьего праздника. Так или иначе, эти практики стали менее значимы в условиях активного взаимодействия юкагиров с тунгусами, русскими, якутами, чукчами и коряками.

Гендерное разделение труда и семейные роли женщин

Долганы, будучи оленеводами и охотниками на северного оленя, вели кочевой образ жизни. В зимний период отдельные семьи жили обособленно. Два-три самых холодных зимних месяца долганы проводили оседло в лесной полосе в землянках или юртах-балаганах. Летом долганы составляли объединения нескольких семей, которые совместно выпасали оленей и охотились. Часть пожилых людей оставались жить около озер и рек, занимаясь заготовкой рыбы. Выпасом оленей занимались более молодые члены семей [Попов, 1934: 124–125]. Соседи долган тундровые эвенки илимпийской группы в летнее время составляли группы из нескольких семей, чтобы на горных пастбищах облегчить труд по выпасу оленей, а зимой кочевали в составе двух-трех семей [Василевич, 1969: 107–108].

Осеннее разделение долган на небольшие группы было связано с тем, что они перемещались к местам установки ловушек для пушного зверя («кочевали около своих *пастей*»). Даже небольшие группы из двух-трех семей распадалась после миграции дикого оленя [Попов, 1934: 125].

На время летнего кочевания в группе избирался старший из числа наиболее опытных мужчин, хорошо знающих пастбища и урочища, удобные для охоты. Старшины смежных групп оговаривали друг с другом маршруты. Старший не только определял маршрут, но и распределял обязанности между мужчинами группы, например состав команд пастухов в дневное и ночное время [Попов, 1934: 126].

Работы, связанные с домашним хозяйством, такие как установка и разборка чума, приготовление пищи, обработка шкур и шитье, выполнялись женщинами. Мужчины проверяют *пасты* (давящие ловушки), изготавливают и ремонтируют нарты, вяжут сети. Совместно мужчинами и женщинами выполнялись работы по заготовке топлива, запрятке оленей, охота и рыболовство [Попов, 1934: 127].

Уход за фигурками семейных духов-покровителей и за огнем был прерогативой домохозяйки. Огонь считался одной из главных святынь семьи. Делиться огнем из одного чума или землянки в другие считалось недопустимым [Попов, 1934: 122, 127].

Как и у многих других этнических групп Сибири, у *эвенов* сфера промысловой деятельности в широком смысле — мир, лежащий за пределами стойбища, — считалась зоной деятельности мужчины, приобщение к которой женщин было нежелательным. Семья эвенов была патриархальной, но отношения между женщиной и женщиной строились на партнерских началах [Народы Сибири, с. 768]. Не было правил (обычаев), ущемляющих достоинство женщины в семейной жизни. «Положение эвенской женщины определялось патриархальными традициями... Эвенская женщина пользовалась в семье очень большим уважением и почетом. Муж, прежде чем принять решение по какому-либо вопросу, советовался с ней» [Алексеева, 2008: 47]. «Во многих вопросах, касающихся житейских проблем, муж и жена действовали всегда сообща. Например, ни мать, ни отец никогда не решали единолично такие дела, как женитьба сына и выход замуж дочери» [Николаев, 1964: 139]. «В ведении домашнего хозяйства в эвенской семье существовало строгое разделение труда. В перечень «мужского труда» входили выпас оленей и охота, убой оленей и разделка туш. Женщины должны были заниматься приготовлением пищи, ухаживали за детьми, заготавливали дрова, выполняли работы, связанные с перекочевкой (укладка вещей, навьючивание оленей, установка и укладка чума). Много сил и времени требовала работа, связанная с изготовлением меховой одежды и обработкой сырья для него» [Алексеева, 2008: 47].

Женщина занимала важное место в *эвенкийском* обществе. На женщине лежал уход за детьми, приготовление пищи, обработка шкур, пошив одежды, уход за оленями и управление *аргишем* (караваном оленей) во время перекочевков. Мужчина обеспечивал семью пищей и необходимыми материалами, изготавливал инструменты и снаряжение.

Взаимоотношения между супругами были партнерскими. Грубое отношение, брань и драки между ними были крайне редки. Жена в случае конфликта с мужем могла обращаться за помощью к родственникам мужа или своим, которые обладали правом защиты женщин. Женщина всегда принимала участие в обсуждении дел семьи [Василевич, 1969: 174]. Женщин не винули в супружеской неверности, наказание несли мужчины [Туголуков, 1970: 221]. Женщина имела право в любой момент уйти от мужа. Если муж препятствовал этому, то женщину забирали ее родственники [Увачан, 2001: 46].

Во взаимодействии половых групп *чукчей* равенства скорее не было. «Раз ты женщина, то молчи», — говорит поговорка чукчей. Богораз утверждает, что у оленних чукчей женщины работали больше мужчин. Мужчины должны были следить за стадом, охотиться и приносить бревна и камни для укрепления яранги, работать топором, теслом, ножом, колоть дрова и лед. Женщины обдирали и разделявали туши убитых оленей, выделывали шкуры, шили одежду, грузили и разгружали нарты, готовили пищу, ухаживали за детьми. «Раз ты женщина, ешь остатки», — эта поговорка иллюстрирует обычай, согласно которому женщины ели после того, как насытятся мужчины. Женщины выполняли одновременно и мужскую работу. Они пасли с мужьями стадо, а возвращаясь в стойбище, в то время как мужчина шел отдыхать, приступали к исполнению домашних работ [Богораз, 1934: 98–99]. В решении хозяйственных и общественных дел женщины принимали участие наравне с мужчинами, и их активная роль в ведении хозяйства была условием их относительной независимости в семье [Вдовин, 1965: 218].

Отношения между членами *юкагирского* общества характеризуются высокой степенью эгалитарности, распространявшейся в том числе на взаимодействие половых групп. Безусловно, эти отношения были опосредованы различиями позиций в производственной и военной сферах. Гурвич подчеркивает, что в условиях частых военных столкновений, значительного развития военного искусства мужчины играли главенствующую роль в общине [Гурвич, 1970: 258]. В круг обязанностей мужчины входило добывание пищи, но не ее распределение, что относилось к прерогативам женщин [Туголуков, 1979: 118]. Гурвич отмечает, что распределением добычи среди семей руководила жена старейшины [Гурвич, 1970: 258]. «Женщине ни в чем не перечили», — сообщил Туголукову информант. Женщина, перешедшая в семью мужа, могла при желании вернуться в родную семью. У коркодонских юкагиринов родня женщины опекала ее сына до совершеннолетия и могла забрать детей у отца в случае смерти матери. В тундре между Алазеей и Индигиркой господствовали традиции матрилейности — местные жители определяли свою этническую принадлежность по матери, не принимая во внимание национальность отца. Нередко мужчины меняли свою фамилию, принимая фамилию жены [Туголуков, 1979: 121–122]. Маркеры фиксации гендерных различий не были обозначены столь выпукло как у других этнических групп региона. У тундренных юкагиринов, например, мужская и женская одежда различий не имеет, разница имеется лишь в украшениях, расположении орнаментов и материалов для опушки. У верхнеколымских юкагиринов наплечная одежда мужчин и женщин была одинаковой [Жукова, 2009: 66].

Заключение

Несмотря на общность в целом истории и развития коренных народов, ассимилятивных процессов, культурного обмена и взаимодействия кочевых групп друг с другом, вариативность комбинирования этих элементов составляла уникальное содержание этнических культур коренных народов.

Анализ традиционных предбрачных и брачных обычаев малочисленных народов показал, что такой социальный институт, как калым, был типичен для долган, эвенов, эвенков, в то время как отработка за жену — у чукчей и юкагиринов, а умыкание чаще встречалось у эвенков. Причем калым был многоступенчатым, поэтапным, мерой вы-

платы за невесту выступали олени, шкуры и меха, нарты, чум, утварь, деньги. Размер калыма в разное время у разных этнических групп был различным. Запреты и ограничения женского поведения, связанные с религиозными представлениями, охотничьими и промысловыми обрядами, а также принятыми нормами экзогамного брака, в период менструации, беременности, родов, встречались практически у каждого из изучаемых народов. Интересными были запреты на общение с членами своего рода и рода мужа, так, у долган и эвенков существовали запреты избегания между невесткой и старшими родственниками мужа, у юкагиров был обычай избегания между сиблингами. Гендерное разделение труда присутствовало практически у каждого народа, семейные трудовые роли мужчин и женщин были четко очерчены, женщинам приходилось выполнять достаточно трудную работу, требующую физических сил и выносливости; в традиционной культуре долган, эвенков, эвенков, юкагиров присутствовала относительная эгалитарность отношений мужчин и женщин, но, женщина не была ущемлена в своих правах на участие в принятии решений.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено в рамках продолжающегося междисциплинарного проекта «Кросс-культурное исследование гендерных стереотипов народов Сибири и Северо-Востока России». Рук. А. И. Егорова.

Acknowledgments and funding:

The study was conducted as part of the ongoing interdisciplinary project «Cross-Cultural Study of Gender Stereotypes among the Peoples of Siberia and the North-East of Russia.» Principal Investigator: A. I. Egorova.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеева С.А. Традиционная семья у эвенков Якутии (конец XIX — начало XX в.): историко-этнографический аспект. Новосибирск: Наука, 2008. 110 с.
- Анисимов А. Ф. Родовое общество эвенков (тунгусов). Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича, 1936. 196 с.
- Бахрушин С. В., Токарев С. А. (ред.) Якутия в XVII веке: (очерки): сборник. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1953. 439 с.
- Билюкина А. Ф. Языческие обряды якутов (истоки якутской драмы). Якутск: Якутский научный центр СО РАН, 1992. 80 с.
- Богораз В. Г. Чукчи. Л.: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР, 1934. Ч. 1. 192 с.
- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — нач. XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Вдовин И. С. Очерки истории этнографии чукчей. М.; Л.: Наука, 1965. 404 с.
- Гурвич И. С. Социальная организация юкагиров // Общественный строй народов Сибири XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970. 456 с.
- Жукова В. И. (ред.) Российская семья: энциклопедия. М.: Изд-во РГСУ, 2008. 624 с.
- Жукова Л. Н. Очерки по юкагирской культуре: в 3 ч. Ч. 1. Одежда юкагиров: генезис и семантика. Новосибирск: Наука, 2009. 152 с.

Иохельсон В. И. Юкагиры и юкагиризованные тунгусы. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.

Кэптукэ Г. И. Эвенкийский нимнгакан: (миф и героическое сказание). Якутск: Северовед, 2000. 140 с.

Николаев С. И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии. Якутск: Якуткнигоиздат, 1964. 202 с.

Попов А. А. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1934. № 6. С. 116–139.

Попов А. А. Семейная жизнь у долган // Советская этнография. 1946. № 4. С. 50–74.

Попов А. А. Тавгийцы. Материалы по этнографии авамских и ведеевских тавгийцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 110 с.

Сергеева М. А. (ред.) Долганский фольклор. М.: Советский писатель, 1937. 258 с.

Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука. 1979. 152 с.

Туголуков В. А. Социальная организация эвенков и эвенов // Общественный строй народов Сибири. XVII — начало XX в. М.: Наука, 1970. 456 с.

Увачан В. В. Обычное право эвенков в XVII — начале XX в. М.: Книжный дом «Университет», 2001. 136 с.

References

Alekseeva S. A. *Traditsionnaya sem'ya u evenov Yakutii (konets XIX — nachalo XX v.): istoriko-etnograficheskii aspekt* [Traditional family among the Evens of Yakutia (late 19th — early 20th centuries): historical and ethnographic aspect]. Novosibirsk: Publ. Nauka, 2008, 110 p. (In Russian).

Anisimov A. F. *Rodovoe obshchestvo evenkov (tungusov)*. Leningrad: Publ. Instituta narodov Severa CIK SSSR im. P. G. Smidovicha, 1936, 196 p. (In Russian).

Bahrushin S. V., Tokarev S. A. (eds.) *Yakutiya v XVII veke: ocherki* [Yakutia in the 17th century: essays]. Yakutsk: Yakut Book publ., 1953. 439 p. (In Russian).

Bilyukina A. F. *Yazycheskie obryady yakutov (istoki yakutskoi dramy)* [Pagan rites of the Yakuts (sources of the yakut drama)]. Yakutsk: Yakut Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1992, 80 p. (In Russian).

Bogoraz V. G. *Chukchi* [Chukchi]. Leningrad: Publ. Instituta narodov Severa CIK SSSR, 1934, pt. 1, 192 p. (In Russian).

Gurvich I. S. *Sotsial'naya organizatsiya yukagirov* [Social organization of the Yukaghirs]. *Obshchestvennyi stroi narodov Sibiri XVII — nachalo XX v.* [Social structure of the peoples of Siberia in the 17th — early 20th centuries] Moscow: Publ. Nauka, 1970, pp. 248–263 (in Russian).

Iohel'son V. I. *Yukagiry i yukagirizovannye tungusy* [Yukaghirs and Yukaghirized Tunguses]. Novosibirsk: Publ. Nauka. 2005, 675 p. (In Russian).

Keptuke G. I. *Evenkijskii nimngakan: (mif i geroicheskoe skazanie)* [Evenki nimngakan: (myth and heroic legend)]. Yakutsk: Severoved Publ., 2000, 140 p. (In Russian).

Nikolaev S. I. *Eveny i evenki Yugo-Vostochnoi Yakutii* [Evens and Evenks of South-Eastern Yakutia]. Yakutsk: Yakutknigoizdat, 1964. 202 p. (In Russian).

Popov A.A. Materialy po rodovomu stroyu dolgan [Materials on the tribal system of the Dolgans]. *Sovetskaya etnografiya* [Sovetskaya etnografiya]. 1934, no 6, pp. 116–139 (In Russian).

Popov A.A. Semeinaya zhizn' u dolgan [Family life among the Dolgans]. *Sovetskaya etnografiya* [Sovetskaya etnografiya]. 1946, no 4, pp. 50–74 (in Russian).

Popov A.A. Tavgiitsy. Materialy po etnografii avamskikh i vedeevskikh tavgiitsev [Tavgiitsy. Materials on the ethnography of the Avam and Vedeevsky]. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1936, 110 p. (In Russian).

Sergeeva M.A. (ed.) *Dolganskii fol'klor* [Dolgan folklore]. Moscow: Sovetskii pisatel, 1937, 258 p. (In Russian).

Tugolukov V.A. *Kto vy, yukagiry?* [Who are you, Yukaghirs?]. Moscow: Publ. Nauka, 1979. 152 p. (In Russian).

Tugolukov V.A. Sotsial'naya organizatsiya evenkov i evenov [Social organization of Evenks and Evens]. *Obshchestvennyi stroi narodov Sibiri. XVII — nachalo XX v.* [Social structure of the peoples of Siberia in the 17th — early 20th centuries]. Moscow, Publ. Nauka, 1970, pp. 214–247 (in Russian).

Uvachan V.V. Obychnoe pravo evenkov v XVII — nachale XX v. [Customary law of the Evenks in the 17th — early 20th centuries]. Moscow: «University» Book House, 2001, 136 p. (In Russian).

Vasilevich G.M. Evenki. *Istoriko-etnograficheskie ocherki (XVIII — nachalo XX vv.)* [Evenks. Historical and Ethnographic Essays (18th — early 20th centuries)]. Leningrad: Publ. Nauka, 1969, 304 p. (In Russian).

Vdovin I.S. Ocherki istorii etnografii chukchei [Essays on the history of the ethnography of the Chukchi]. Moscow; Leningrad: Publ. Nauka, 1965, 404 p. (In Russian).

Zhukov V.I. (ed.) *Rossiiskaya sem'ya: entsiklopediya* [Russian family. Encyclopedia]. Moscow: Russian State Social University Publishing House, 2008, 624 p. (In Russian).

Zhukova L.N. *Ocherki po yukagirskoi kul'ture: v 3 chastyakh. Chast' 1. Odezhda yukagirov: genesis i semantika* [Essays on Yukaghir culture: in 3 parts. Part. 1: Yukaghir Clothing: Genesis and Semantics]. Novosibirsk: Nauka, 2009, 152 p. (In Russian).

Статья поступила в редакцию: 29.05.2025

Принята к публикации: 25.10.2025

Дата публикации: 30.06.2026

УДК: 394

DOI 10.14258/nreur(2026)2–09

Б. Г. Тажетдинова

*Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук
Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан, Нукус (Республика
Узбекистан)*

ТРАДИЦИИ ДАРООБМЕНА В СВАДЕБНЫХ ТОРЖЕСТВАХ КАРАКАЛПАКОВ

Статья представляет собой исследование традиций обмена дарами в свадебных торжествах, которые играют важную роль в культурных практиках каракалпакского народа. Акцентируется внимание на многообразии подарков, преподносимых на свадьбах, таких как калым, различные текстильные изделия и современные бытовые предметы, а также на значении этих подарков в контексте укрепления социальных связей и культурных норм. Обсуждаются предсвадебные, свадебные и послесвадебные подарки, а также трансформационные процессы, происходящие в этой традиции под влиянием современных реалий. Статья основана на полевых материалах, собранных в различных районах Каракалпакстана, что позволяет автору проиллюстрировать как традиционные формы дарообмена, так и их современные интерпретации, включая влияние соседних культур. В целом обмен дарами не только служит средством общения и взаимопомощи, но и является важным аспектом культурного наследия, который сохраняет свою актуальность в изменяющемся обществе, несмотря на возможные финансовые нагрузки и социальные обязательства, связанные с этой практикой.

Ключевые слова: каракалпаки, дарообменные традиции, свадебные торжества, ритуал, молодежная свадьба, *суннет той*, *айдар той*, *улкен той*, калым, *қәде*, *сарпай*, *қыз жүги*

Для цитирования:

Тажетдинова Б. Г. Традиции дарообмена в свадебных торжествах каракалпаков // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 212–226. DOI 10.14258/nreur(2026)2–09

Тажетдинова Багила Нурғалиевна, докторант, Каракалпакский научно-исследовательский институт гуманитарных наук Каракалпакского отделения АН Республики Узбекистан, Нукус (Республика Узбекистан). **Адрес для контактов:** bagilatazetdinova@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6334-0207>

B. G. Tazhetdinova

Karakalpak Research Institute for the Humanities, Karakalpak Branch, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Nukus (Republic of Uzbekistan)

TRADITIONS OF GIFT EXCHANGE IN KARAKALPAK WEDDING CELEBRATIONS

The article presents a study of the traditions of exchanging gifts at wedding celebrations, which play an important role in the cultural practices of the Karakalpak people. Special attention is paid to the variety of gifts presented at weddings, such as kalims, various textile products, and modern household items, as well as the significance of these gifts in strengthening social ties and cultural norms. Pre-wedding, wedding, and after-wedding gifts, as well as the transformation processes occurring in this tradition under the influence of modern realities, are discussed. The article is based on field materials collected in various districts of Karakalpakstan, which allows the author to illustrate both traditional forms of income exchange and their modern interpretations, including the influence of neighboring cultures. In conclusion, it can be stated that the exchange of gifts serves not only as a means of communication and mutual assistance, but is also an important aspect of cultural heritage, which retains its relevance in a changing society, despite the possible financial burdens and social obligations associated with this practice.

Keywords: Karakalpaks, traditions of income exchange, wedding celebrations, ritual, youth wedding, sunnet toi, aydar toi, ulken toi, kalym, kade, sarpai, kyz zhugi

For citation:

Tazhetdinova B. G. Traditions of gift exchange in karakalpak wedding celebrations. Nations and Religions of Eurasia. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 212–226. DOI 10.14258/nreur(2026)2–09

Tazhetdinova Bagila Nurgalievna, Doctoral Candidate, Karakalpak Research Institute of Humanities, Karakalpak Branch of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Nukus (Republic of Uzbekistan). **Contact address:** bagilatazetdinova@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0006-6334-0207>

Введение

В жизни каждого народа существует множество обычаев, которые пронизывают повседневное существование и формируют его культурное своеобразие. Одним из таких обычаев является практика обмена дарами, которая проявляется как на семейном уровне, так и в более широком социальном контексте. Дарение подарков или подношений в моменты радости, таких как свадебные торжества, а также в минуты печали, например на похоронах, служит важным средством социальной коммуникации и выражения эмоциональной поддержки. Эта традиция не только способствует обмену ма-

териальными ценностями, но и функционирует как символическое действие, укрепляющее межличностные связи и создающее атмосферу взаимопонимания и солидарности. В процессе обмена дарами между людьми устанавливаются и поддерживаются социальные отношения, способствующие формированию культурных норм.

Обзор литературы

Первоначальные фундаментальные исследования обмена дарами, его значимости для общества были осуществлены М. Моссом. В своей работе он выдвигает концепцию, согласно которой дарение представляет собой универсальную систему обязательств и взаимных расчетов [Mauss, 1990]. Вопросы обмена дарами интересовали Б. Малиновского, который в своих трудах отмечает, что процесс обмена дарами создает социальные и политические связи между участниками. Обмен дарами ученым рассматривается не только как проявление дружеских отношений или щедрости, но и как система, способствующая укреплению социального статуса и власти [Malinowski, 1922]. Исследователь К. Стросс анализировал обмен дарами и его структурное значение в обществе на основе основополагающих принципов социальных отношений [1949]. Р. Титмус в своем исследовании подтверждает актуальность системы дарения в современном мире, подчеркивая ее эффективность [Titmuss, 1970].

Проблема дарообмена нашла отражение в трудах многих авторов. Вопросы обмена дарами исследовались такими учеными, как Н. Л. Жуковская [1986], А. А. Бадмаев [2012: 276–280], М. М. Содномпилова [2018: 111–123], О. Б. Наумова [2023: 42–62]. Наиболее полно в центральноазиатском регионе проблема обмена дарами была изложена в трудах исследователей Н. Ж. Шаханова [1998: 84], С. Вернер [2000: 11–22], З. К. Сураганова [2009: 192].

В культуре каракалпаков, значительное место занимает обмен дарами. В трудах каракалпакских этнографов У. Кусекеева [1934], А. Бекмуратовой [1969], Х. Есбергенова и Т. Атамуратова [1975] описываются традиционные формы дарения, такие как *қәде*, *сыбага беріу* и *ениши беріу*. В статье З. Курбановой, посвященной дару со стороны жениха невесте *бес кийим*, подробно рассматривается трансформация данной практики от свадебной обрядности к похоронным традициям. Также анализируется подарок, который готовит невеста для семьи жениха, называемый *сарнай* [Курбанова, 2020: 127]. В совместной работе З. Курбановой, И. Октябрьской и З. Сурагановой подчеркивается, что у большинства тюркских народов Центральной Азии дарообмен с использованием текстиля традиционно сопровождал множество социальных практик. Обмен отрезами ткани в рамках семейных обрядов каракалпаков служил средством передачи как материальных, так и нематериальных ценностей, маркируя передачу жизненных сил и способствуя сплочению родового сообщества [Курбанова, Октябрьская, Сураганова, 2024: 141–151].

Обмен дарами в свадебных обрядах

У каракалпаков традиция обмена дарами играет значительную роль в свадебных торжествах *той*. Эти мероприятия, как правило, сопровождаются большим количеством приглашенных гостей. В городских условиях свадебные торжества часто проходят в ресторанах, что позволяет удобно разместить всех участников. В сельской местности, где отсутствуют такие заведения, размещение всех гостей в доме хозяев невоз-

можно, поэтому гостей направляют в дома ближайших соседей. Эта практика, известная как *қонық жай*, может рассматриваться как форма взаимопомощи, поскольку соседи, принимая участие в организации масштабных мероприятий, могут рассчитывать на аналогичное содействие в будущем.

Согласно традициям каракалпаков до проведения основной свадьбы¹ *үлкен той* или *үйленіу той*, организуемой семьей жениха, проводится свадьба в доме невесты. Эта свадьба, устраиваемая родителями невесты, называется *қыз узатыу той* — бук. «проводы невесты». Но и здесь есть нюансы, обряд проводится в доме невесты лишь в том случае, если она выходит замуж через сватовство. У каракалпаков существует иная практика заключения брака — умыкание *алыт кашыу*. В таком случае сторона невесты не организует *қыз узатыу той*.

Кроме перечисленных видов свадеб пышные торжества проводятся по случаю обрезания *суннет той*, а также празднования по случаю новоселья *жай той*.

В последние годы наблюдается рост популярности юбилейных торжеств, которые в народе именуется *юбилей той* [Тажетдинова, 2024: 346–348]. Эти праздники проводятся в честь 50-, 70- и 80-летия со дня рождения, а также 20-, 30- и 40-летия с выпуска из школы.

Также появились новые традиции, такие как празднование года со дня рождения ребенка *бир жас той*, или «годик», свадьба по случаю поступления ребенка в первый класс *пайка той*, и торжество по случаю окончания высшего учебного заведения, именуемое *диплом той*.

Все перечисленные выше мероприятия сопровождаются обменом даров. Осуществляется этот обмен в основном между женщинами. Рассмотрим дарообменные практики на свадьбе, сгруппировав их на следующие виды:

1. Досвадебный обмен дарами

Основная свадьба *үйленіу той*, *үлкен той* — это значимое событие в жизни каракалпака, которое отмечается с большим размахом. Организация такого мероприятия требует значительных финансовых затрат, что может стать серьезным бременем для семьи. Тем не менее соблюдение традиций предполагает приглашение всех родственников как со стороны отца, так и со стороны матери, а также соседей, друзей и коллег. Перед началом свадебной церемонии происходит обмен дарами, который осуществляется при участии близких и родственников. В качестве досвадебных подарков могут выступать как материальные предметы, так и денежные средства.

3. Сураганова, исследуя свадебные дары у казахов, подчеркивает их равноправный характер и многоступенчатую природу. Она отмечает, что обмен дарами начинается уже на этапе сговора между брачующимися сторонами: посланник со стороны жениха, называемый *жаушы*, вручает отцу невесты подарок, известный как *қарғыбау* (в буквальном переводе «ошейник»), в ответ на который он получает *шегешпан* (гвоздь-халат) [Сураганова, 2009: 120]. Аналогичным образом у каракалпаков происходит обмен дарами во время сговора. Сторона жениха преподносит отрезки ткани и набор продук-

¹ У каракалпаков свадьба состоит из нескольких этапов. Одним из главных является свадьба, проводимая в доме жениха.

тов, включая сладости, фрукты и выпечку. При положительном ответе со стороны невесты этот дар принимается, и передается ответный дар, приблизительно с таким же набором предметов.

Кульминацией досвадебных даров является калым, или выкуп за невесту *қалын мал*, который сохраняется в традициях каракалпаков до настоящего времени. Выплата калыма женихом семье невесты ранее рассматривалась как общее дело всего рода [Бекмуратова, 1969, с. 54]. Исследователи Х. Есбергенов и Т. Атамуратов, анализируя размеры калыма, отмечают: «У каракалпаков выплата и распределение калыма не имели малых семейных масштабов; в сборе средств принимали участие все близкие и дальние родственники жениха. Это может быть связано с его значительными размерами» [Есбергенов, Атамуратов 1975: 63]. Еще в первой половине XX в. калым исчислялся скотом. Исследователь А. Бекмуратова отмечает, что сложность выплаты калыма приводила к тому, что в супружеской паре муж был старше жены на 20–25 лет или даже более [Бекмуратова, 1969: 65]. В качестве ответного дара можно рассматривать приданое невесты *қыз жүги*, которое преподносится в день свадьбы. Этот дар будет рассмотрен в следующей группе — дарообмен во время свадьбы.

2. Обмен дарами во время свадьбы

После полного внесения калыма со стороны жениха, в качестве ответного дара в день свадьбы доставляется приданое невесты. Ранее приданое включало ковровое убранство юрты, одежду невесты и предметы быта; в случае достатка родителей девушки — также юрту и скот [Есбергенов, Атамуратов, 1975: 79]. В современности состав приданого *қыздың жүги*, бук. «имущество девушки», включает в себя: постельные принадлежности, состоящие из четырех одеял, шести постилочных тюфяков, четырех или шести подушек, двух средних подушек и одного *жастык*²; одежду, соответствующую всем четырем сезонам; кухонную утварь и посуду; предметы мебели; бытовую технику и ковры (рис. 1).

Наибольшее количество обмена дарами осуществляется в рамках свадебной церемонии. В процессе свадьбы родственники, соседи и знакомые семьи, организующей мероприятие, преподносят в качестве подарков текстиль в виде отрезков ткани, платки и мужские халаты, сопровождая их пожеланиями: «*Қутлы болсын тойларыңыз, қууанышыңызға шерикпен*» (Счастливой свадьбы, разделяю с вами вашу радость). Получатель дара, принимая его, делает отдарок в виде платка или ткани меньшей ценности, чем полученный подарок. Этот акт символизирует пожелание, чтобы и у дарителя вскоре состоялся столь же радостный день.

Исследователи отмечают, что «в системе традиционного дарообмена каракалпаков отрезки *тайар* были частью статусных подарков *сарпай*, которые при проведении свадебных торжеств предназначались старшим родственникам... *Сарпай* вручали как стороне невесты, так и родственникам жениха во время обоюдных визитов» [Курбанова, Октябрьская, Сураганова 2024: 144].

Значительное количество подарков обычно сопровождает «вечерняя свадьба», которая проводится в тот же день, что и традиционная *уйленіу той / үлкен той*, но толь-

² Длинная прямоугольная подушка, предназначенная для молодоженов.

ко вечером с участием молодежи. У каракалпаков ее называют *жаслар тойы* — молодежная свадьба (рис. 2).

Рис. 1. Традиция подготовки приданого невесты в каракалпакской этнокультурной традиции (на каракалпакском — «қыздың жүгі»). Фото из личного архива автора. Полевые записи, Республика Каракалпакстан, Нукусский район, пос. Ток тау, 2024 г.

Fig. 1. The tradition of preparing a bride's dowry in the Karakalpak ethno-cultural tradition (in Karakalpak: «қыздың жүгі»). Photo from the author's personal archive. Field notes, Republic of Karakalpakstan, Nukus district, Tok tau settlement, 2024

Исследователь А. Бекмуратова указывает на распространение этой формы свадьбы среди каракалпаков, начало этой традиции относится к 1960-м гг. и называется она тогда «комсомольская свадьба». Она описывается следующим образом: «Комсомольская свадьба является новым событием в жизни каракалпакского народа, которое стало значимым не только для новобрачных, но и для всей общины» [Бекмуратова, 1969: 97]. Х. Есбергенов и Т. Атамуратов подчеркивают, что молодожены на «комсомольской

свадьбе» получают разнообразные подарки от своих родственников, включая ковер, скатерть и радиоприемник [Есбергенов, Атамуратов 1975: 101].

Рис. 2. Жаслар тойы — каракалпакский традиционный молодежный обряд. Фото из личного архива автора. Полевые записи, Республика Каракалпакстан, Кунградский район, 2024 г.

Fig. 2. Jaslar toy — a traditional Karakalpak youth rite. Photo from the author's personal archive.

Field notes, Republic of Karakalpakstan, Kungrad district, 2024

В жизни современных каракалпаков «молодежные свадьбы» проводятся в атмосфере приподнятого настроения и в просторных ресторанах. В г. Нукусе это такие рестораны, как «Султан сарай», «Дунья» и другие, обладающие вместимостью от 600 до 800 человек. В ходе свадебных мероприятий представляются разнообразные шоу, включая специальные групповые танцы, такие как «Макпал шоу кызлары» и «Линда dance». Мероприятие проводят известные ведущие свадеб (тамада) и популярные эстрадные певцы.

На «молодежной свадьбе» родственники невесты, включая родителей, снох и других близких, преподносят ценные подарки. В частности, родители девушки, вступа-

ющей в брак, могут подарить ей золотую цепочку 583-й или 585-й пробы, а также золотые серьги и кольцо с бриллиантами. Снохи и старшие сестры тоже дарят золотые кольца. Среди этих колец иногда встречаются изделия 375-й пробы, которые в народе называют «ташкентский» или «бишкекский». Эти ювелирные изделия уступают по качеству 583-й и 585-й пробам, следовательно, и стоят дешевле, чем объясняется их популярность в качестве дара. В то время как сторона невесты дарит подарки, выполненные преимущественно из золота, друзья жениха и невесты дарят бытовую технику, такую как газовая плита или стиральная машина, что является полезным вкладом в хозяйство.

Эти наблюдения подтверждаются высказыванием респондента: «После того как мы выдали замуж нашу младшую сестру, на «молодежную свадьбу» мы, три сестры, объединившись, подарили ей одно золотое кольцо» [ПМА–4].

В контексте подарков, преподносимых на «молодежных свадьбах», среди узбеков, проживающих в Амударьинском районе, существует традиция дарения ковра близкими родственниками. Однако данный вид подарка постепенно утрачивает свою актуальность в повседневной жизни каракалпаков. Вместо этого предпочтение отдается современному кухонному инвентарю, такому как микроволновые печи, духовые шкафы и электрические мясорубки [ПМА–5]. Также распространена практика внесения денежных средств в специальном конверте для жениха и невесты, на котором указываются имена дарителей, что подчеркивает взаимные обязательства и социальные связи в рамках свадебных традиций.

Все подарки, преподносимые на свадьбе, не являются безвозмездными. В случае родственников предполагается, что равноценный подарок будет возвращен им при проведении аналогичных мероприятий. Что касается друзей жениха и подруг невесты, то они также ожидают получить равноценный подарок, когда вступят в брак.

3. Послесвадебный обмен дарами

По завершении свадьбы соседи на следующий день посещают семью, устроившую мероприятие. Цель данного визита заключается в желании узнать, насколько успешно прошла свадьба, удалось ли избежать возможных конфликтов и недоразумений, которые могут возникнуть в результате чрезмерного употребления спиртных напитков. Хозяева же, чтобы выразить благодарность близким соседям и родственникам, оказавшим помощь в организации свадьбы, проводят церемонию *топ тарқатар* — букв. «распределение узла». В рамках этой церемонии накрывается стол-дастархан в знак признательности тем, кто участвовал в организации и обслуживании гостей. Прибывшим гостям мужского пола вручаются халаты, а женщинам — платки и ткани в качестве подарков. Аналогичная традиция существует у узбеков Амударьинского района, она называется *ўчоқ кўмиш* (в переводе «зарыть очаг») [ПМА–5]. Эта церемония проходит в том же стиле, что и в таких районах Каракалпакстана, как Караузякский и Чимбайский.

Помимо *улкен той / ўйленуў той* существует еще одно торжественное мероприятие у каракалпаков, отмечаемое с большим размахом и пышностью. Это свадьба по случаю обрезания *суннет той*. Обрезание традиционно практикуется среди мусульман, принадлежащих к суннитскому течению ислама. Согласно мнению многих ученых, *суннет*

происходит от арабского слова *сунна*, что означает «обычай» или «практика». В историческом контексте обряды обрезания, проводимые у каракалпаков и других народов, исповедующих ислам, символизировали присоединение к мусульманской религиозной общине [Есбергенов, Атамуратов, 1975: 159].

Исламское духовенство рассматривает обрезание как обязательный и отличительный признак мусульман, который часто воспринимается также как гигиеническая процедура. Известно, что обрезание практиковалось среди неисламских народов, а также в рамках некоторых древних религий, включая иудаизм и верования, существовавшие до появления монотеистических религий [Ислам на европейском востоке..., 2004: 308].

В исследованиях Т. Ташбаевой и Н. Сабурова отмечается, что основное значение термина *суннет* претерпело изменения. В контексте ислама *суннет* изначально рассматривался как традиция (*фарз*) и один из одобряемых ритуалов. Однако со временем большинство рекомендуемых ритуалов стало обязательными (*фарз*) в повседневной жизни. Например, церемония обрезания, известная как *хатна* или *суннат*, впоследствии, согласно шариату, приобрела статус практики, символизирующей принятие ребенком ислама. Таким образом, она утвердилась как обязательный долг отца перед ребенком [Ташбаева, Сабуров 1989: 105].

После проведения обряда обрезания отмечается свадьба *суннет той*, которая символизирует переход мальчика к состоянию чистоты в соответствии с религиозными нормами. У каракалпаков это называется термином *қол ҳадаллаў*. У кыргызов данное событие считается значительной церемонией и называется *қол адалдатуу той* [Абрамзон, 1990: 283], тогда как у узбеков оно известно как *ўғил тўй* [Ташбаева, Сабуров, 1989: 105].

В настоящее время у каракалпаков, помимо широко отмечаемого обряда *суннет той*, с особой торжественностью проводится *айдар той* — инициационный ритуал, символизирующий переход мальчика из детской категории в категорию мужчин. В рамках *айдар той* осуществляется ритуал срезания чуба — косы, которую мальчику отращивают с младенчества, оставляя волосы на макушке выбритой головы. Обычно такой *айдар* оставляется у долгожданного сына после рождения нескольких дочерей или у первого внука в семье. Празднование, связанное со срезанием *айдара*, осуществляется после достижения ребенком определенного возраста, как правило, в 3,5 или 5,5 лет. В последние годы наблюдается тенденция к объединению *суннет той* и *айдар той* в одно мероприятие (рис. 3, 4).

На празднике, посвященном обрезанию, дедушка ребенка по материнской линии приносит дорогие подарки. Согласно народному понятию «*атасының (дайы атасының) тай баласы*» «сыночек-жеребеночек деда (по материнской линии)», мальчику, которому устраивается праздник, полагается подарить *тай* — жеребенка или сумму денег, равную стоимости этого жеребенка, что фиксируется в специальной тетради для учета, которая получила название «список». Традиция «регистрации в списке» широко распространена среди каракалпаков и аналогична узбекской практике, известной как *туёна* [Хожаниязова, 2023: 224–227].

Рис. 3. Обряд сүннет той: традиционная церемония передачи лошади детям в рамках обряда обрезания. Фото из личного архива автора. Полевые записи, Республика Каракалпакстан, Нукусский район, пос. Бахытлы, 2024 г.

Fig. 3. Sünnet toy rite: the traditional ceremony of giving a horse to children as part of the circumcision rite. Photo from the author's personal archive. Field notes, Republic of Karakalpakstan, Nukus district, Bakhytly settlement, 2024

Подношение жеребенка или денежного подарка в эквиваленте жеребенка является распространенной практикой в Караузякском, Чимбайском и Кегейлийском районах Каракалпакстана [ПМА–2]. Ритуал срезания *айдара* (чуба, косы) мальчика поручается наиболее удачливому, преуспевающему и многодетному дяде по материнской линии, что символизирует надежду на то, что и мальчику в будущем будет уготована подобная судьба. Дядя, выполняющий этот ритуал, также преподносит ценный подарок. В городе Нукусе наблюдается тенденция дарить золотые кольца 583-й пробы, в то время как в Кегейлийском районе традиционно вручают молодого быка [ПМА–1].

Рис. 4. Айдар той — традиционный каракалпакский обряд стрижки волос у мальчика.
 Фото из личного архива автора. Полевые записи, Республика Каракалпакстан,
 город Нукус, 2023 г.

Fig. 4. Aydar toy — a traditional Karakalpak rite of cutting a boy's hair. Photo from the author's
 personal archive. Field notes, Republic of Karakalpakstan, Nukus city, 2023

В ответ на подарки, преподнесенные во время праздника, посвященного обрезанию и срезанию чуба, осуществляется ответный дар. Родители ребенка, для которого организован праздник, дарят своим родителям: матери — золотые кольца 583 пробы или бриллиантовые, а отцу — халат, пальто или теплую куртку. Дяде, который срезает *айдар* (чуб, косу) мальчика, также вручается дорогая шуба в качестве отдарка. Кроме того, на данном пиршестве традиционно приносят множество подарков для ребенка. Подарки, такие как велосипед, радиоуправляемая машинка и одежда, считаются важными атрибутами этого праздника, подчеркивающими его значимость.

Согласно информации, предоставленной Айдангуль Сапаровой, жительницей Караузякского района, «у каракалпаков самым значительным праздником для мужчины является *суннет той* — празднество в честь обрезания. После того как ребенок становится религиозно чистым, т. е. ему было проведено обрезание, это событие становит-

ся первым крупным праздником в его жизни. Наши отцы организовывали этот пир с большим размахом, включая в программу соревнования по конному спорту и игры в козлодранье» [ПМА–3].

В ходе полевых наблюдений, посвященных традиции обмена дарами на свадьбах, мы зафиксировали существование практики обмена подарками между близкими родственниками, известной как *оң болсын* (что переводится как «пусть будет благополучно» или «к счастью»), в Амударьинском районе на юге Каракалпакстана. По данным респондента М. Якуповой, «в нашем районе женитьба сына требует значительных затрат. Поэтому близкие родственники оказывают помощь в виде подарков перед началом свадьбы, что воспринимается как благословение. В основном это подарки в виде продуктов, предназначенных для свадебного стола, таких как рис, масло, мука, а также денежные средства» [ПМА–5].

Выводы

Таким образом, практика обмена дарами в культуре каракалпаков представляет собой многогранное явление, которое не только сохраняет традиционные обычаи, но и адаптируется к современным условиям жизни. Эта традиция служит важным инструментом формирования и укрепления социальных связей, обеспечивая взаимное уважение и поддержку между членами сообщества. Обмен дарами, начиная с досвадебных этапов и заканчивая послесвадебными ритуалами, выступает не только как акт щедрости, но и как способ поддержания культурной идентичности и передачи ценностей от поколения к поколению. В контексте современных реалий, когда традиции сталкиваются с влиянием глобализации и изменением социальных норм, каракалпакская практика дарообмена сохраняет свою актуальность, подтверждая значимость культурного наследия. Несмотря на изменения в форме и содержании подарков, основная идея дарообмена как средства социальной коммуникации и эмоциональной поддержки остается неизменной. Таким образом, традиция обмена дарами у каракалпаков продолжает быть важным элементом их культурной жизни, способствуя сплочению общины и укреплению межличностных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абрамзон С. М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. 283 с.

Бадмаев А. А. Дарообмен в социально-политических практиках забайкальских бурят во второй половине XVIII — первой половине XIX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 7. С. 276–280.

Бекмуратова А. Т. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус: Каракалпакия, 1969. 97 с.

Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус: Каракалпакстан, 1975. 161 с.

Жуковская Н. Л. «Подарок — отдарок» и его место в системе социальных ценностей монголов // *Mongolica*: памяти академика Б. Я. Владимирцова. М.: Наука, 1986. С. 160–168.

Ислам на европейском Востоке: энциклопедический словарь. Казань: Магариф, 2004. 308 с.

Курбанова З. И. Семейная обрядность каракалпаков: обычай *бес кийим* в динамике трансформаций традиционной культуры // Археология, этнография и антропология Евразии. 2020. Т. 48, № 3. С. 124–133. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.124-133>

Курбанова З. И., Октябрьская И. В., Сураганова З. К. Текстиль как товар и символ. Ритуальный дарообмен у каракалпаков и его центральноазиатские параллели // Археология, этнография и антропология Евразии. 2024. Т. 52, № 4. С. 141–151. <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2024.52.4.141-151>

Наумова О. Б. Кошумча — традиция взаимопомощи в современном кыргызском обществе // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 42–62. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/42-62>

Содномпилова М. М. Обрядовое использование одежды монгольских народов в прошлом и настоящем // Известия Иркутского государственного университета. 2018. Т. 23. С. 111–123. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.23.111>

Сураганова З. К. Традиционный обмен дарами у казахов. Астана: КАМ Медиапринт, 2009. 192 с.

Ташбаева Т. Х., Сабуров Н. Д. Новое и традиционное в быту сельской семьи узбеков. Ташкент: Фан, 1989. 160 с.

Malinowski B. Argonauts of the Western Pacific. London: Routledge & Kegan Paul, 1922. 527 p.

Mauss M. The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. London: Routledge, 1990. 130 p.

Strauss C. The Elementary Structures of Kinship. Boston: Beacon Press, 1949. 496 p.

Titmuss R. M. The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy. London: Allen & Unwin, 1970. 339 p.

Werner C. Gifts, bribes, and development in Post-Soviet Kazakstan // Human Organization. 2000. Т. 31. № 3. Р. 11–22.

Тажетдинова Б. Н. Қорақалпоқларда юбилей тўйларида бериладиган совғалар // «Учинчи ренессанс ёш олимлари: замонавий вазифалар, инновация ва истиқбол» халқаро илмий-амалий анжумани. Тошкент, 2024. С. 346–348 (на узбек. языке).

Хожаниязова Г. М. Қарақалпақ тойларында ағайин-туўысқанлардың өз-ара жәрдем дәстүри мәселеси // ҚМУ Хабаршы (Вестник). 2023. № 1. С. 224–227 (на каракалпак. яз.).

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА-1. Амангелдиев Даниел, 2024 г. Нукус.

ПМА-2. Сапаров Караматдин, 2024 г. Кегйейлийский район.

ПМА-3. Сапарова Айдангул, 2024 г. Караузякский район.

ПМА-4. Танатарова Светлана, 2024 г. Нукус.

ПМА-5. Якупова Мохира, 2024 г. Амударьинский район. ССГ «Ак Алтын».

References

Abramzon S. M. *Kirgizy i ikh etnogeneticheskie i istoriko-kul'turnye svyazi* [The Kyrgyz and Their Ethnogenetic and Historical-Cultural Ties]. Frunze, 1990, 283 p. (In Russian).

Badmaev A. A. Daroobmen v sotsial'no-politicheskikh praktikakh zabaikalskikh buryat vo vtoroi polovine XVIII — pervoi polovine XIX veka [Gift Exchange in the Socio-Political Practices of the Transbaikalian Buryats in the Late 18th — Early 19th Century]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology], 2013, vol. 12, no. 7, pp. 276–280 (in Russian).

Bekmuratova A. *Byt i sem'ya karakalpakov v proshlom i nastoyashchem* [Everyday Life and Family of the Karakalpaks in the Past and Present]. Nukus: Karakalpakiya, 1969, 97 p. (In Russian).

Esbergenov Kh., Atamuratov T. *Traditsii i ikh preobrazovanie v gorodskom bytu karakalpakov* [Traditions and Their Transformation in the Urban Life of the Karakalpaks]. Nukus: Karakalpakstan, 1975, 161 p. (In Russian).

Islam na evropeyskom Vostoke: entsiklopedicheskiy slovar [Islam in the European East: Encyclopedic Dictionary]. Kazan: Magarif, 2004, 308 p. (In Russian).

Kurbanova Z. I. Semeinaya obryadnost' karakalpakov: bes kiiim v dinamike transformatsii traditsionnoi kul'tury [Family Rituals of the Karakalpaks: the Custom of «Bes kiyim» in the Dynamics of Transformations of Traditional Culture]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2020, vol. 48, no. 3, pp. 124–133 (in Russian). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2020.48.3.124-133>

Kurbanova Z. I., Oktyabrskaya I. V., Suraganova Z. K. Tekstil' kak tovar i simvol: ritual'nyi daroobmen u karakalpakov i ego tsentral'noaziatskie paralleli [Textile as Commodity and Symbol: Ritual Gift Exchange Among the Karakalpaks and Its Central Asian Parallels]. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2024, vol. 52, no. 4, pp. 141–151 (in Russian). <https://doi.org/10.17746/1563-0102.2024.52.4.141-1518>.

Naumova O. B. Koshumcha — traditsiya vzaimopomoshchi v sovremennom kyrgyzskom obshchestve [Koshumcha — A Tradition of Mutual Aid in Contemporary Kyrgyz Society]. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology], 2023, no. 1, pp. 42–62 (in Russian). <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/42-62>

Sodnompilova M. M. Obyadovoe ispol'zovanie odezhdy mongol'skikh narodov v proshlom i nastoyashchem [Ritual Use of Clothing by Mongolian Peoples in the Past and Present]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestiya Irkutsk State University], 2018, vol. 23, pp. 111–123 (in Russian). <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2018.23.111>

Suraganova Z. K. *Traditsionnyi obmen darami u kazakhov* [Traditional Gift Exchange Among the Kazakhs]. Astana: KAM Mediaprint, 2009, 192 p. (In Russian).

Tashbaeva T. Kh., Saburov N. D. *Novoe i traditsionnoe v bytu selskoi sem'i uzbekov* [New and Traditional in the Life of Uzbek Rural Families]. Tashkent: Fen, 1989, 160 p. (In Russian).

Zhukovskaya N. L. «Podarok — otdarok» i ego mesto v sisteme sotsial'nykh tsennostei mongolov [«Gift — Return Gift» and Its Place in the System of Social Values of the Mongols]. *Mongolica: pamyati akademika B. Ya. Vladimirtsova* [Mongolica: in memory of Academician B. Y. Vladimirtsov]. Moscow: Nauka, 1986, 308 p. (In Russian).

Malinowski B. *Argonauts of the Western Pacific*. London: Routledge & Kegan Paul, 1922, 527 p.

Mauss M. *The Gift: Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies*. London: Routledge, 1990, 130 p.

Strauss C. *The Elementary Structures of Kinship*. Boston: Beacon Press, 1949, 496 p.

Titmuss R. M. *The Gift Relationship: From Human Blood to Social Policy*. London: Allen & Unwin, 1970. 339 p.

Werner C. Gifts, Bribes, and Development in Post-Soviet Kazakhstan. *Human Organization*, 2000, vol. 59, no. 1, pp. 11–22.

Khozhaniyazova G. M. Qaraqalpaq toylarında aǵayin-tuǵısqaqlardıń óz-ara jerdem dástúri máselesi [The Tradition of Mutual Assistance Among Relatives at Karakalpak Weddings]. *QMU Khabarshy (Vestnik)* [Bulletin of Karakalpak State University], 2023, no. 1, pp. 224–227 (in Karakalpak).

Tajetdinova B. N. Qoraqalpoqlarda yubiley to'ylarida beriladigan sovg'alar [Gifts Given at Jubilee Celebrations Among the Karakalpaks]. *Uchinchi renessans yosh olimlari: zamonaviy vazifalar, innovatsiya va istiqbol* [The Third Renaissance and Young Scholars: Current Tasks, Innovations and Prospects]. Tashkent, 2024, 346–348 pp (in Uzbek).

Статья поступила в редакцию: 25.05.2025

Принята к публикации: 21.07.2025

Дата публикации: 30.06.2026

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

УДК 902.6

DOI 10.14258/nneur(2026)2–10

В. А. Кольченко

*Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова НАН КР, Бишкек
(Кыргызстан)*

ЗОРОАСТРИЙСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЧУЙСКОЙ ДОЛИНЫ

Погребальный обряд зороастрийцев в Средней Азии весьма специфичен. Зороастрийскими погребениями в Средней Азии считают вторичные захоронения предварительно очищенных костей. Такие погребения известны и в Чуйской долине на севере Кыргызстана (и Средней Азии).

В настоящей работе мы пытаемся рассмотреть всю совокупность археологических данных по этому вопросу для Чуйской долины. Мы оставляем для отдельного исследования вопрос о том, следует ли считать зороастрийскими все вторичные захоронения, т. е. захоронения костей, ткани с которых либо были удалены, либо со временем разложились естественным образом.

В Чуйской долине было описано 11 локаций. Одни из них включают единичные данные или фрагментированные находки. Другие, такие как городища Ак-Бешим и Красная Речка, имеют несколько (3 и 10) точек фиксации.

Почти для всех точек фиксации отмечаются погребения в керамических сосудах (оссуариях, хумах, котлах) и кучками костей. Они фиксировались внутри архитектурных конструкций, между ними, под ними и около них в грунте в специальных ямках.

В ландшафтном контексте выявленные зороастрийские погребения расположены в разных условиях: на ровной площадке, в ряде случаев пересеченной оврагами и водотоками, на краю надпойменной террасы — как на ее верхней площадке, так и у подножья. Такое разнообразие, по нашему мнению, показывает непринципиальность ландшафтных условий размещения погребений. Или их неоднородность.

Ключевые слова: Центральная Азия, Кыргызстан, Чуйская долина, средневековье, зороастрийские погребения

Для цитирования:

Кольченко В. А. Зороастрийские погребения Чуйской долины // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 227–266. DOI 10.14258/nreur(2026)2–10

Кольченко Валерий Анатольевич, научный сотрудник отдела археологии, Институт истории, археологии и этнологии им. Б. Дзамгерчинова НАН КР (Кыргызстан).
Адрес для контактов: archak@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1788-8419>

V. A. Kolchenko

B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology of the NAS of the Kyrgyz Republic, Bishkek (Kyrgyzstan)

ZOROASTRIAN BURIALS OF THE CHUY VALLEY

The funeral rites in Central Asia are very specific. Zoroastrian burials in Central Asia are considered to be burials of previously cleaned bones. Such burials are also known in the Chuy Valley in northern Kyrgyzstan (and Central Asia). In the Chuy Valley, previously cleaned bones were buried in ossuaries, household vessels, or in piles.

In this paper, we try to consider the totality of data on this issue. We leave for a separate study the question of whether all secondary burials, that is, burials of bones from which the tissues have either been removed or have decomposed naturally over time, should be considered Zoroastrian.

Eleven locations were described in the Chuy Valley. Some of these include isolated data or fragmented finds. Others, such as the Ak-Beshim and Krasnaya Rechka settlements, have multiple (3 and 10) burial sites within them.

Almost all of the burial sites contain burials in ceramic vessels (ossuaries, hums, cauldrons) and bone mounds. These were located within, between, beneath, and near architectural structures in special pits.

In terms of landscape context, the identified Zoroastrian burials are located in various conditions: on flat ground, in some cases intersected by ravines and watercourses, on the edge of a floodplain terrace — both on its upper platform and at its foot. This diversity, in our opinion, demonstrates the non-priority of landscape conditions for the burials' placement, or their heterogeneity.

Keywords: Central Asia, Kyrgyzstan, Chuy Valley, the Middle Ages, Zoroastrian burials, ossuaries

For citation:

Kolchenko V. A. Zoroastrian burials of the Chuy Valley. *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 227–266. DOI 10.14258/nreur(2026)2–10

Kolchenko Valery Anatolyevich, Researcher at the Department of Archeology, B. Dzhamgerchinov Institute of History, Archeology and Ethnology of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (Kyrgyzstan). **Contact address:** archak@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1788-8419>

Введение

Зороастрийскими погребениями в Средней Азии считают вторичные захоронения предварительно очищенных костей, которые захоранивали в сосудах (специальных оссуариях и бытовых) или кучками на поверхности или в грунте. Погребения совершались в специальные строения — наусы или в небольшие грунтовые ямы. Контекст обнаружения ряда погребений неясен. Такие погребения известны и в Чуйской долине (север Кыргызстана и Средней Азии в целом). Датировка чуйских зороастрийских погребений, по нашей оценке, в большинстве случаев давалась (когда давалась) без опоры на полученный материал, а скорее исходя из традиции и представления исследователя о протекании исторических процессов.

В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть всю совокупность данных по этому вопросу для Чуйской долины Кыргызстана. Материал излагается в хронологической последовательности открытий и публикаций с акцентом на доступную фактологию исследований. В ряде случаев такая информация сопровождается нашими комментариями по этому поводу.

Первые исследования (городище Чумышское-3 = Аламединская ГЭС = Нахаловка)

Первым зороастрийским артефактом Чуйской долины стал оссуарий, найденный при строительстве «Аламединской» ГЭС «в 12 верстах от города Пишпека (современный г. Бишкек. — В. К.), на глубине около аршина», т. е. 0,7 м от поверхности [Бартольд, 1960: 257] (рис. 2.-1), Кажется, строительство велось в 1916 г. Во всяком случае, уже в 1920 г. оссуарий был в музее в Ташкенте, где его увидел В. В. Бартольд. В абзаце об этом оссуарии в своем отчете В. В. Бартольд вопрос датировки не затрагивал.

Хронологически следующее обнаружение оссуариев зороастрийских погребений зафиксировано А. И. Тереножкиным. Летом 1929 г. он проводил свои археологические разведки по Чуйской долине [Тереножкин, 1935]. К северо-северо-западу от г. Фрунзе (современный г. Бишкек), где велось строительство ГЭС, известной ныне как Малая Аламединская, ему рассказали о таких захоронениях. Осмотрев место находки оссуариев и опросив рабочих, непосредственно их нашедших за пару месяцев до того, исследователь в «Картотеке» описал условия обнаружения: при прокопке подводящего воду канала¹ в 300 м выше шлюзов ГЭС была срезана небольшая линия земли надпойменной террасы мощностью до 2–3 м. На образованной поверхности открылась яма яйцевидной формы, глубиной до 90 см, стенки которой были обожжены. На дне ямы стоял оссуарий, который был накрыт то ли керамической крышкой, то ли «каменной

¹ Канал проложен у подножья первой надпойменной террасы р. Чу. Современная ее пойма простирается севернее в 3300 м.

плитой», а на оссуарии или вокруг — еще несколько сосудов. Находки были датированы исследователем эпохой «раннего семиреченского средневековья (примерно домусульманского или раннемусульманского времени)» [Тереножкин, 1935: 143–144; 2012a: 28–29; 2012b: 45–47].

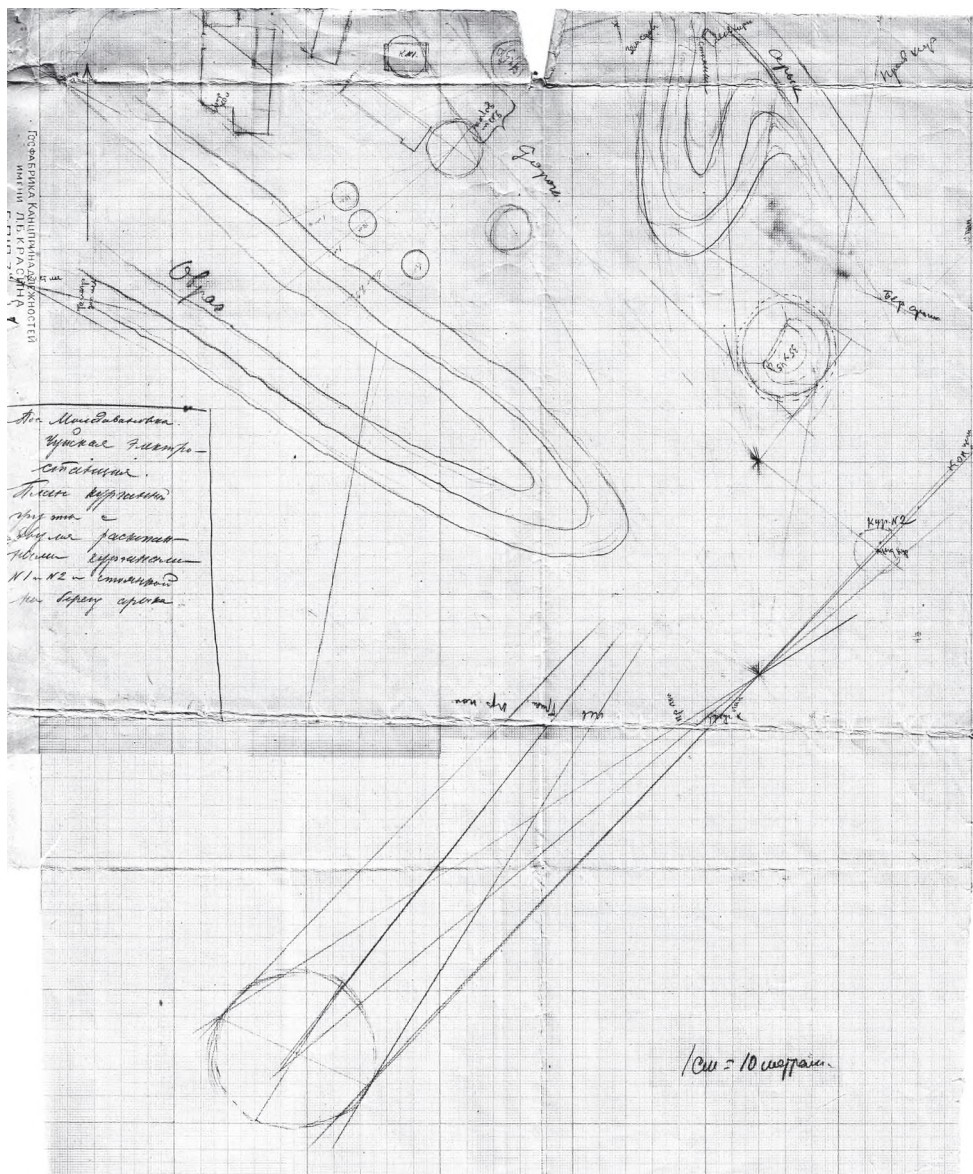

Рис. 1. Городище Чумышское-3/Нахаловка. Полевой план палеоэтнолической экспедиции 1930 г. [Виноградова, 1930a]

Fig. 1. Settlement Chumyshskoye-3/Nakhalovka. Field plan of the 1930 palaeoethnological expedition [Vinogradova 1930a]

В следующем 1930 г. проводились раскопки в районе строительства той же ГЭС, как интересном археологическом пункте, выявленном разведками 1929 г. [Кольченко, 2002; Виноградова, 1930а]. Судя по рабочему чертежу, на узком пространстве (порядка 100–200 м) между подводящим к плотине/шлюзу каналом («арыком») и оврагом (длинной около 200 м) располагалось с десятков курганов диаметром от 10 до 50 м (рис. 1). В двух «исследованных» курганах вследствие начала их разборки на глину были выявлены разнонаправленные труположения и погребения кучками костей, а также несколько фрагментов оссуариев². Интерпретаций, выводов и датировок в сохранившихся полевых документах нет [Виноградова, 1930а].

Что представляли собой вскрытые «курганы»? По данным чертежей они были пологими возвышенностями диаметром 15–20 м при высоте 0,6–2,0 м. Каких-либо конструкций в «исследованных» курганах не отмечено.

Курган 1, расположенный в северной части, был диаметром $D \sim 15$ м и высотой $h \sim 0,6$ м. Такая фиксация сделана после того, как рабочие-строители снесли значительную часть и «ниже уровня курганной поверхности» наткнулись на кости двух погребенных. После этого был заложен раскоп площадью $11 \times 14,5$ м. Были обнаружены труположения с северной, западной и восточной ориентацией, в том числе со стенками из сырцового кирпича. У плеча одного из погребенных указана бронзовая монета с квадратным отверстием. Также архивные документы называют шесть точек находок фрагментов оссуариев в этом кургане.

Курган 2 был расположен в восточной части. Его размеры (по замерам с чертежей): диаметр $D \sim 20$ –25 м, высота $h \sim 2$ м. Документация о нем сохранилась хуже, но остались данные о погребении кучкой костей в яме на глубине более 2 м ниже основания кургана.

Среди немногочисленных зафиксированных при раскопках этих курганов находок в рукописи сохранился карандашный набросок одного из фрагментов оссуария (рис. 2.-2), удивительно напоминающий рисунок крышки оссуария Ташкентского музея, на что тогда же было обращено внимание. А. И. Тереножкин при публикации итогов своих разведок 1929 г. был знаком с итогами раскопок 1930 г., автором которых называет М. В. Воеводского, и уточнил некоторые их реалии. Он отметил, что зафиксированный им оссуарий находился в 50–60 м от одного из пунктов новых находок фрагментов оссуариев в кургане 1, а также сходство части находок с оссуарием в публикации В. В. Бартольда [Тереножкин, 1935: 144].

Все три вышеприведенных случая относятся, что очевидно из приведенного, к одному пункту. Они расположены вблизи группы городищ, названных П. Н. Кожемяко Чумышскими [Кожемяко, 1959: 110–112, 141]. Но если городище Чумышское-2 указывается в 1,5 км к востоку от Чумышского-1 (как основного, с «длинными стенами»), то наш пункт — в 3,5 км на запад и его можно называть Чумышское-3 (у П. Н. Кожемяко оно не отмечено). Точнее это было селище (остатки поселения без следов фортификации), а не городище (с обводом крепостных стен).

² Материал не опубликован и сохранился в архивном документе с авторством А. Виноградовой. В нем набор листов карандашных записей, рисунков и чертежей явно не полный [Виноградова, 1930а].

Рис. 2. Осуарии и крышка осуария: 1 — Аламединский (Ташкентский музей. Бартольд, 1966); 2 — Аламединский-2 (карандашный эскиз палеоэтнической экспедиции 1930 г. [Виноградова, 1930а]; 3 — Ивановский некрополь (Национальный исторический музей Кыргызской Республики); 4 — Старопокровка (Национальный исторический музей Кыргызской Республики); 5 — Сретенское (музей школы в с. Сретенское); 6 — Токмак (Токмакский краеведческий музей); 7 — Бурана (Буранская историко-культурная музейно-заповедная зона). 3–7: фотографии автора

Fig. 2. Ossuaries and ossuary lid: 1 — Alamedinsky (Tashkent Museum. [Bartol'd 1966]; 2 — Alamedinsky-2 (pencil sketch of the 1930 palaeoethnological expedition; [Vinogradova 1930a]); 3 — Ivanovka necropolis (National History Museum of the Kyrgyz Republic NHM KR); 4 — Staropokrovka (NHM KR); 5 — Sretenskoye (museum of the school in the village of Sretenskoye); 6 — Tokmak (Tokmak Museum of Local History); 7 — Burana (Burana Historical and Cultural Museum-Reserve). 3–7: photos by the author

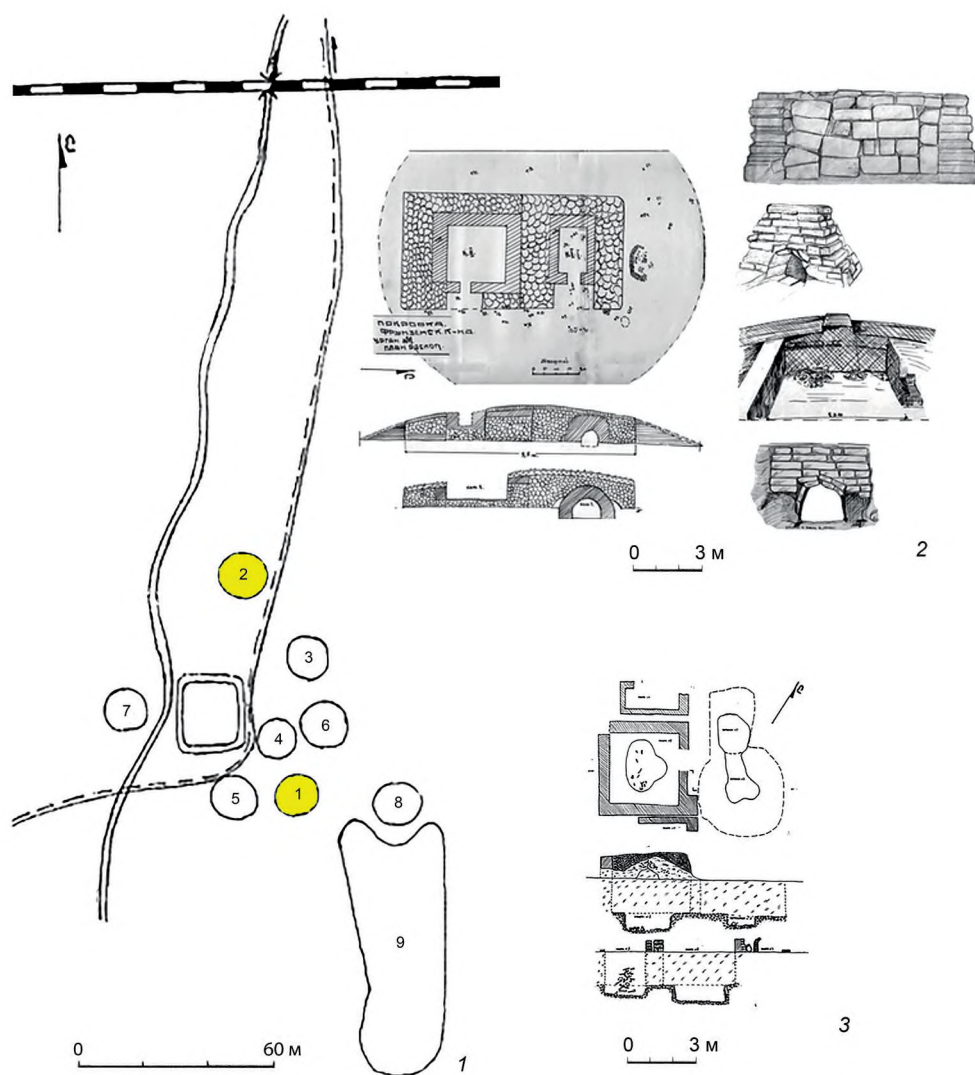

Рис. 3. Новопокровский некрополь: 1 — план некрополя; 2–3 — планы сооружений в курганах 1 и 2 и некоторые их элементы [Виноградова, 1930б]

Fig. 3. Novopokrovka necropolis: 1 — necropolis plan; 2–3 — plans of structures in kurgans 1 and 2 and some of their elements [Vinogradova, 1930b]

В его систему входил и расположенный в 550 м к югу от Малой Аламединской ГЭС холм Ак-Тепе Ленинское³ — один из первых официально раскапывавшихся, но не понятых средневековых памятников Чуйской долины. В отчете об исследованиях при характеристике местоположения указывается, что в 300–350 м к северу от него (т. е.

³ Вероятно, он нанесен на план 1930 г. как самый южный объект.

в ~200–250 м от ГЭС) был один большой холм и «небольшие насыпные бугры», а на востоке (без указания расстояния) — «городище, где заметны остатки крепости» [Фетицов, 2015: 125]. Мы осматривали этот район и в срезах грунта (без их зачисток) наблюдали стенки из сырцового кирпича и другие признаки средневекового культурного слоя.

Новопокровский некрополь

В том же 1930 г. «Палеоэтнологическая экспедиция АИМК» во главе с А. Виноградовой и М. В. Воеводским исследовала некрополь к югу от с. Новопокровка⁴, в котором зафиксированы погребения, определенные в начале статьи как зороастрийские, и некоторые другие. В контексте рассматриваемой темы укажем на следующие факты. Некрополь был расположен южнее группы так называемых Новопокровских городищ [Кожемяко, 1959: 107–111, 141–144] — примерно в 1 км от городища Новопокровское-2 и 1,5 км от Новопокровского-1, наибольшего в этой группе и имеющего т. н. «длинные стены». На момент фиксации некрополь состоял из большого вытянутого холма длиной 80 м в южной части, восьми округлых холмов-«курганов» диаметром 13–15 м, расположенных на расстоянии от 5 до 30 м друг от друга и занимавших площадь, согласно замерам с чертежа, 90×100 м, а в середине — небольшого торткуля⁵ размерами 25×20 м (по изображенному на плане) (рис. 3.-1) [Виноградова, 1930, Дело-9; Кольченко, 2005].

Было раскопано два «кургана» — в северной и южной частях, которые дали хотя и близкий, но имеющий специфические особенности материал. В одном случае, в «кургане 1» — две, по существу, примыкающие друг к другу погребальные конструкции (камеры, наусы) из сырцового кирпича, одна из которых со сводчатым перекрытием под обкладкой из пахсы или гуваляка с погребениями кучек костей внутри, а вторая — ограда без перекрытия (рис. 3.-2). Под полой насыпи фактически на дневной поверхности также зафиксировано погребение по обряду трупоположения с ориентацией на юго-восток под каменной наброской с четкими границами.

В другом, «кургане 2», — три погребальные конструкции из глины: 1) камера со сводчатым перекрытием с погребениями кучек костей (?); 2) ограда, забутованная сырцом, с грунтовой погребальной ямой, в которой зафиксировано несколько разбросанных костей; 3) камера с грунтовым погребением разрозненных костей нескольких индивидов в одной яме (вокруг которой и поставлены стенки?) (рис. 3.-3). В этом же кургане 2 зафиксированы погребения вне сырцовых сооружений: кучками костей; в сосудах, прикрытых жжеными кирпичами, между стенами строений и в грунте перед одним из них; грунтовые по обряду трупоположения с ориентацией на юго-восток под наброской камня без четких границ.

Исходя из аналогий можно утверждать об относительной синхронности сырцовых конструкций, погребений кучками костей и в сосудах.

Все пять конструкций из сырца соорудались не одновременно. На это указывают разный формат кирпича, неодинаковый уровень оснований сооружений в кургане 1,

⁴ Оригинальные записи и рисунки самих исследователей, озаглавленные «Черновые материалы археологических исследований сотрудника палеоэтнологической экспедиции Академии истории материальной культуры ...» [Виноградова, 1930-б] хранятся в рукописном фонде ИИ РАН. Об этих исследованиях мы рассказывали на конференции 2004 г. в Санкт-Петербурге [Кольченко, 2005].

⁵ Вербальной информации о большом холме и торткуле архивный документ не содержит.

различная ориентировка построек под разными курганами. С другой стороны, толщина стен и характер кладки достаточно близки между собой; размеры курганов и мощность напластований над конструкциями также практически идентичны. Это, в свою очередь, позволяет предполагать относительно короткий отрезок времени между их сооружением. Причем строения под курганом 1 (на интуитивном уровне, без объективной вербальной аргументации) нами воспринимаются более основательными, традиционными, древними. Исходя из формата сырцовых кирпичей определить время сооружения построек в настоящее время невозможно — эволюция размеров сырца для Чуйской долины не разработана (возможно, эта опция будет доступна в будущем).

Факт нахождения жженных кирпичей, прикрывавших «погребальные урны», дает некоторые основания относить погребения в них, а значит и в целом под «курганом 2», к периоду не ранее IX в. Широко в строительную практику в Чуйской долине жженный кирпич входит в т. н. караханидское время — с X в., а несколько ранее его использование отмечено для вымостки полов в отдельных строениях.

Другой находкой, подтверждающей предложенную дату, являются фрагменты стеклянного сосуда, найденного в кургане 2. Относительно широкое распространение изделий из стекла, связанное с их местным производством, для Чуйской долины приходится также на X–XI вв. Впрочем, импорт мог попадать и ранее, а особенности найденных фрагментов не приводятся.

Керамика в данном случае почти не работает на датировку ввиду недостаточности данных о ней. разве что «погребальная урна 1», исходя из ее мелкомасштабного изображения на разрезе и описания, может быть сопоставлена с аналогичным костехранилищем, найденным в наусе 2 верхнего яруса некрополя городища Красная Речка (см. ниже).

Исследования А. Н. Бернштама в 1938–1941 гг.

Следующие по времени открытия зороастрийские древности связаны с работами 1938–1941 гг. экспедиций под руководством А. Н. Бернштама⁶. Экспедициями было отмечено еще пять пунктов нахождения оссуариев: два — при строительстве железной дороги к г. Токмок в 1941 г., два — в рамках надзорных работ на строительстве Большого Чуйского канала (БЧК) в том же 1941 г. и один в результате раскопок на городище Красная Речка в 1939–1940 гг.

В контексте классификации «ранних памятников согдийской культуры» А. Н. Бернштам сообщает, что в 1941 г. строительством железной дороги непосредственно у северной стены центральных развалин городища Ак-Бешим «было прорезано» зороастрийское кладбище. Оно представляло собой группу уплощенных холмов неправильной формы диаметром до 20 м при высоте до 1 м, тянувшихся «в беспорядке вдоль глубокого лога». Исследователь отмечает, что при их «вскрытии» следов кладки не зафиксировано, но «на уровне дневной поверхности» обнаружены оссуарии, хумы⁷ и «корчаги» с человеческими костями. Общее количество вскрытых холмов и обнаружен-

⁶ Организованы Комитетом наук при Правительстве Киргизской ССР и Институтом истории материальной культуры из Ленинграда.

⁷ Хум — традиционное для Средней Азии название крупного (H = 1–1,7 м) глиняного сосуда для хранения сыпучих и жидких продуктов; синоним в греческом языке — пифос.

ных в них костехранилищ не приводится. Сообщается, что оссуарии были «овальные, со скупым рисунком из прочерченных линий» и с коническими крышками [Чуйская долина, 1950: 110]. С этого места в музей был передан оссуарный налеп в виде антропоморфной фигуры [Чуйская долина, 1950: табл. LXI.-5]. Заметим, что железнодорожное полотно проходит всего в 130–160 м от крепостных стен городища. В современном рельефе холмов практически не сохранилось, так как в начале 1970-х гг. территория выровнена под нужды сельского хозяйства. Лишь у северо-восточного угла шахристана-1 по левому борту глубокого оврага/лога с водным потоком на дне (кажется — древнего; у П. Н. Кожемяко показан как одна из внешних границ городища [Кожемяко, 1959: рис. 2]) с обеих сторон от железнодорожной линии сохранилось несколько небольших всхолмлений⁸. На дне оврага и в верхних частях обнажений его бортов мы видели человеческие кости, но не производили их зачисток. В 200–250 м к юго — юго-западу вскрывалось средневековое христианское кладбище и храм [Кызласов, 1959].

Несколько восточнее, у с. Старая Покровка (т. е. в 5–6 км от Ак-Бешима) строительством железной дороги в 1941 г. было снесено «еще несколько подобных бугров». Осматривавший (ая) это место «т. Пасько», сотрудник экспедиции археологического надзора на строительстве БЧК и студент местного пединститута⁹, доставил в музей оссуарий (рис. 2.-4) и хумчу¹⁰ с костями, где их описал А. Н. Бернштам [Чуйская долина, 1950: 84, 110] (оссуарий экспонируется в НИМ КР). Хумча, как она описана, довольно стандартная: с отогнутым наружу на 2 см прямоугольным в сечении венчиком с налепным жгутом под ним; высота сосуда — 55 см, диаметр тулова — 44 см, горловины — 30 см [Чуйская долина, 1950: 110].

По приведенным описаниям точное нахождения погребений определить невозможно, в том числе потому, что в современном рельефе указанные холмы не сохранились.

В своей монографии о городищах Чуйской долины П. Н. Кожемяко указал на три небольших Старо-Покровских поселения, как расположенных в окрестностях городища Ак-Бешим [Кожемяко, 1959: 133–135]. Они расположены внутри села Старая Покровка, севернее в 1–1,5 км от железнодорожного полотна, являющегося южной границей села. Мы полагаем, что кладбище было «отдельно стоящим» на значительном расстоянии от жилых строений, как и в случае с Новопокровским некрополем.

Два пункта нахождения зороастрийских погребений в оссуариях, найденных при строительстве БЧК в 1941 г., расположены были южнее села Ивановка (и Кен-Булу). Их описания крайне скупы и недостаточны для их точной локализации на местности или карте.

Об одном из них, названном «Кенбулуновское кладбище», сказано, что оно находится в 2 км к югу от Кенбулуновского кирпичного завода и было открыто несколько ранее

⁸ Вероятно, один из таких холмов в 1997 г. пытались раскапывать в рамках кыргызстанско-российских исследований на городище под руководством Л. М. Ведутовой и Г. Л. Семёнова. Итоги исследования не вошли в официальные отчеты, так как холм по результатам раскопок был воспринят как современный насыпной. Мы основываемся на устных рассказах, слышанных нами в 1998 г. от участников экспедиции.

⁹ С 1951 г. — Киргизский государственный университет, ныне — Кыргызский Национальный университет им. Ж. Баласагына.

¹⁰ Небольшой хум, обычно — 40–70 см.

1941 г. работами по добыче глины для производства кирпича. Вероятно, забор глины велся вдоль вертикального откоса древней надпойменной террасы р. Чу, постепенно разбирая его. На государственной карте 1943 г. издания (лист К-43–43, масштаб 1:100 000, составлена по материалам 1937–1938 гг.) завод обозначен у дороги посредине между селами Ивановка и Кен-Будун¹¹, а в 2 км южнее от него канал (ЧуПРА) резко меняет направление с западного на северное и течет вдоль отвесного борта надпойменной террасы к юго-восточной окраине с. Ивановка. По описаниям Кенбудунское кладбище было расположено на верхней площадке этой надпойменной террасы. Указывается на наличие «нескольких» холмов-тепе ($D = 12\text{--}20\text{ м}$, $h = 0,7\text{--}1,0\text{ м}$), расположенных по линии запад-восток. Далее сообщается, что «здесь же, среди возделанного поля» (вероятно, несколько южнее от края террасы) находился могильник из холмов-курганов, вытянутых также по линии запад-восток (279°). Холмов-курганов было семь: три «больших» ($D = 18\text{--}20\text{ м}$, $h = 1,5\text{--}2,0\text{ м}$) и четыре «маленьких» ($D = 12\text{--}15\text{ м}$, $h = 0,7\text{--}0,75\text{ м}$) [Чуйская долина, 1950: 86–87]. Из опубликованных данных нам сложно понять разницу между холмами-тепе и холмами-курганами; возможно, это был единый археологический памятник, уничтоженный к настоящему времени.

На Кенбудунском кладбище были найдены несколько фрагментов и один целый оссурий (экспонируется в НИМ КР) (рис. 2.-3), хумы (хумчи?) и «большие горшки» с человеческими костями, почему некрополь в целом назван «зороастрийским» [Чуйская долина, 1950: 86–87, 111]. Также на этом некрополе отмечается наличие захоронений по обряду трупоположения, которые были отмечены на глубине 1,5–2 м от поверхности. Их ориентация не была установлена (погребения раскопаны при строительных работах до прибытия археологов). Среди находок из этих погребений указываются плоскодонные кувшины с прямым горлом и одной ручкой, «по пропорциям близкие к сосудам тимуридского времени, так называемым „кузача”¹², и плоский черешковый наконечник стрелы ромбической формы, на основании которого погребения датированы XIV в. [Чуйская долина, 1950: 88, 140].

Второй пункт нахождения зороастрийских погребений в оссуариях, найденных при строительстве БЧК в 1941 г., был назван Ивановским кладбищем. Написано, что этот некрополь был расположен у юго-восточной окраины с. Ивановка на «склоне террасовидного уступа» [Чуйская долина, 1950: 87]. Кажется, что это севернее на той же надпойменной террасе, на которой расположен Кенбудунский некрополь. Если мы прравы с локализациями Кенбудунского и Ивановского некрополей, то расстояние между ними около 1 км.

О внешних особенностях Ивановского некрополя ничего не сообщается. Его зороастрийский характер связан с обнаружением здесь двух раздавленных оссуариев овальной формы. Они были найдены у подножья уступа, на глубине 1,5 м от поверхности

¹¹ На более поздних картах он уже не показывается; в настоящее время в том месте завод не существует.

¹² Представляется сомнительной на момент работ (1941 г.) и даже на момент публикации (1950 г.) возможность по форме и пропорциям отличать тимуридские сосуды от более ранних. Как аргумент — разновременная керамика в табл. 93, подписанная «Посуда тимуридского времени. XIV в.» [Чуйская долина, 1950: 157, табл. 93].

сти [Чуйская долина, 1950: 87, 111], т. е. как у Аламединской ГЭС в описаниях А. И. Тереножкина (см. выше).

Помимо оссуариев здесь же были отмечены захоронения по обряду труположения с ориентацией головой в западном секторе (240–280°). Они фиксировались на разных (не указанных) глубинах от поверхности. Среди таких погребений отмечено одно погребение с конем, что позволило А. Н. Бернштаму датировать остальные погребения VI–VII вв., связав их с тюрками [Чуйская долина, 1950: 87, табл. XXXIX.-3].

Отметим, что «Кенбулунское кладбище» расположено в 1500 м западнее средневекового одноименного городища, а «Ивановское кладбище» — в 1000 м южнее другого средневекового городища — Ивановского [Кожемяко, 1959: 148–149].

Последний пункт «зороастрийских» погребений, найденных экспедициями А. Н. Бернштама, — городище Красная Речка. Здесь они были найдены в ходе планомерных исследований на Раскопе-1. Этот раскоп располагался в 1 км к югу от юго-западного угла центральных развалин городища (т. е. пространства, обнесенного крепостными стенами, ныне завалованными). Вокруг располагались подобные холмы, которые даже образовывали нечто, интерпретированное исследователем как улица, ведущая к центральным развалинам. Часть из них сохранилась в современном рельефе. Раскопки объекта были начаты с «обновления» ямы от добычи глины, располагавшейся в северной части, прокопанной русскими крестьянами-переселенцами в 10-х гг. XX в., в которой те нашли «глиняные ящики с костями» [Чуйская долина, 1950: 15]. Значит, с учетом порядкового номера раскопа, исследования городища начаты с целенаправленного изучения места нахождения оссуариев.

В итоге двух полевых сезонов был вскрыт (не полностью) замок коридоро-гребенчатого типа и часть рельефно выделявшейся перед ним с севера площадки двора (?); стены двора не были выявлены ни на одном участке раскопок. Также здесь было расчищено 90 разнотипных погребений, совершенных по обряду труположения, в оссуариях, сосудах и кучками костей [Чуйская долина, 1950: 31–36] (рис. 4).

Погребений, соотносимых с зороастрийской обрядностью, было найдено 13: три — в оссуариях, шесть — в сосудах и четыре — кучками костей. Кроме того, отмечено 77 фрагментов оссуариев [Чуйская долина, 1950: табл. XIV] и 39 фрагментов от сосудов, типологически сходных с теми, в которых совершены погребения. Все они были найдены во дворе: оссуарии — у внешнего северного края раскопа, за которым шла упомянутая выше яма забора глины, а большинство других «зороастрийских» погребений — южнее, ближе к стенам замка. О каких-либо конструкциях, в которые они были помещены непосредственно, не сообщается.

Два погребения в оссуариях стояли рядом, обращенные лицевой стороной с рисунком на север (т. е. вонне от замка), на твердой площадке на 1,5 м ниже современной дневной поверхности (поверхности холма в этом месте?) в засыпке мягким грунтом.

Погребения в сосудах обнаружены во дворе, вблизи стен замка. Два детских (5–6 лет) были совершены в котлах (один использованный, другой — новый), рядом друг с другом; они находились ниже репера на 3,7 м, т. е. на 0,8 м выше первой группы оссуариев. Остальные четыре погребения в сосудах совершены в хумчах разной величины. Одна из хумчей ($h = 45$ см, $d_{\text{тулова}} = 44$ см, $d_{\text{горла}} = 18$ см) была прикрыта орнаментированной

крышкой; она стояла в 1,4 м от поверхности, на мягком насыпном грунте несколько наклонно, т. е. к чему-то прислоненной.

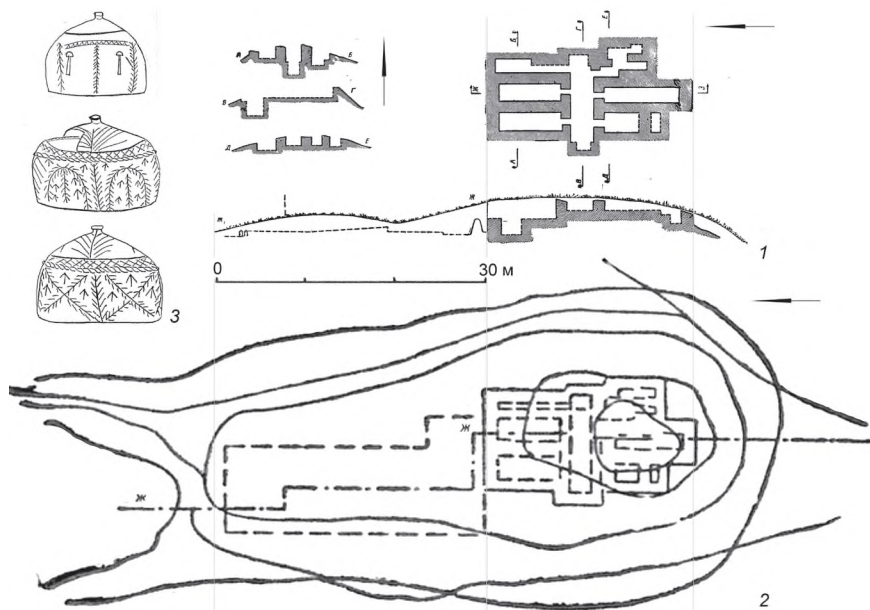

Рис. 4. Городище Красная Речка, раскопки 1: 1–2 — план и разрезы;

3 — оссуарии из раскопок 1 [Чуйская долина, 1950; Кольченко, 1999]

Fig. 4. Krasnaya Rechka settlement, Excavation 1: 1–2 — plan and sections;

3 — ossuaries from Excavation 1 [Chuiskaya dolina, 1950; Kolchenko, 1999]

Отмеченные четыре захоронения кучками костей были совершены, как написано в публикации, также в южной части двора, на глубине погребений в сосудах или чуть выше. Они совершались на «слегка утрамбованной почве», и их «сбоку или сверху прикрывали либо жженым кирпичом, либо большим фрагментом боковины хума» [Чуйская долина, 1950: 33–34], т. е. можно полагать, что они совершались в грунтовой ямке или небольшом подбое.

Труположений было раскопано 77, в том числе 32 погребения, ориентированных головой на север, одно — на юг и 12 — на восток; 12 погребений было потревожено и разрушено до невозможности определить направление скелета. Они фиксировались по всей площади объекта, включая верхние слои самого замка, но преимущественно между северной стеной замка и серединой двора, т. е. там же, где погребения в сосудах и кучками костей. При этом сведений о конструкции погребений приведено немного — сообщается лишь о четырех погребениях в ямах, обложенных и перекрытых сырцовым кирпичом (190×80 см; h = 55 см), но отсутствуют данные хотя бы о соотношении с современной дневной поверхностью. Погребения были почти все без инвентаря: лишь в пяти были найдены монеты (тюркешские, китайская и брактеат) и украшения (две серьги из бронзовой проволоки и бусина). К сожалению, данных о поверхностях,

с которых они совершены, почти не приводится; имеется информация лишь для пяти погребений с инвентарем: четырех в развалинах замка, в 0,55–1,6 м от поверхности, и одном — в северной части двора на глубине 1,2 м от поверхности (на уровне третьего оссуарного погребения). Но сообщается, что погребения-труположения располагались преимущественно в верхних слоях и что они совершены после прекращения функционирования замка [Чуйская долина, 1950: 34–35].

А. Н. Бернштам полагал, что им вскрыто небольшое «фамильное кладбище» владельца замка и его семьи, в котором изначально было 30–40 оссуарных захоронений, даваемых им в пределах VI–VIII вв., а после оставления замка (в связи с переселением в периметр стен города по его гипотезе) участок, в силу традиции, продолжал использоваться для погребений, в том числе носителей других религиозных представлений, вплоть до XII в. [Чуйская долина, 1950: 32]. Но насколько такая интерпретация справедлива?

Исследования 1950-х гг. Городище Ак-Бешим

В 1952–1954 гг. кыргызстанский археолог П. Н. Кожемяко проводил системные исследования средневековых городищ Чуйской долины: фиксировал топографию памятников, выполнял разрезы т. н. длинных крепостных стен и небольшие разведочные шурфы, производил сбор подъемного археологического материала. Исследования были обобщены в монографии 1959 г. [Кожемяко, 1959]. В этой книге при общей характеристике керамики, отнесенной автором к VI–VIII вв., оссуарии выделены в отдельную категорию. Приведено описание двух фрагментов стенок оссуариев и антропоморфного налета от одного изделия «из восточных окрестностей» городища Красная Речка. Также сообщено о наличии в собранной коллекции еще нескольких фрагментов от «стандартных» оссуариев с того же места и об одной ручке от крышки предположительно оссуария с городища Шиш-Тюбе около г. Кара-Балта в западной части Чуйской долины [Кожемяко, 1959: 35–36, табл. V.-1–3].

В 1954 г. археологическим отрядом под руководством московского археолога Л. Р. Кызласова на городище Ак-Бешим проводились раскопки буддийского храма и христианской церкви. Также было раскопано два объекта, на которых зафиксированы погребения и артефакты, определенные в начале статьи как зороастрийские. Они связаны с раскопками руинированных небольших останцов, с формально-археологической точки зрения, как видится нам, достаточно близких между собой.

В одном случае, получившем полевое обозначение Объект-5, это остатки монолитной платформы, сооруженной в технике ленточной пахсы¹³. Объект располагался примерно в 500 м южнее от юго-восточного угла шахристана-1 и в 220–240 м к западу от стены шахристана-2¹⁴. Сообщается, что на момент раскопок пространство вокруг было занято посевами зерновых, что скрывало «большинство расположенных здесь хол-

¹³ Т. е. когда одновременно из подготовленного глиняного раствора формируется единый горизонтальный слой на всей площади. После его высыхания сверху укладывается следующий слой и так далее. Чаще всего фиксировался в разрезах крепостных стен. Толщина слоев — от 7–10 см до 50–60 см. В данном случае — было отмечено 5–6 слоев по 40 см и один — 50 см.

¹⁴ В публикациях А. Н. Бернштама шахристан-2 назван «киданьский квартал», у П. Н. Кожемяко — «вторая часть центральных развалин», а у Л. Р. Кызласова — «рабад».

мов», находящихся «в полураспаханном состоянии» [Кызласов, 1958: 152; Кызласов 1959: 233–235; Кызласов 2006: 330–343]¹⁵. Наш анализ аэроснимка 1966 г., на котором Объект-5 в раскопанном состоянии еще сохраняется, других холмов не обнаруживает, но дает основание предполагать наличие некогда с запада от Объекта-5 водной протоки в небольшом овраге, ведущем к углу шахристана-1 и далее вдоль его стены на север.

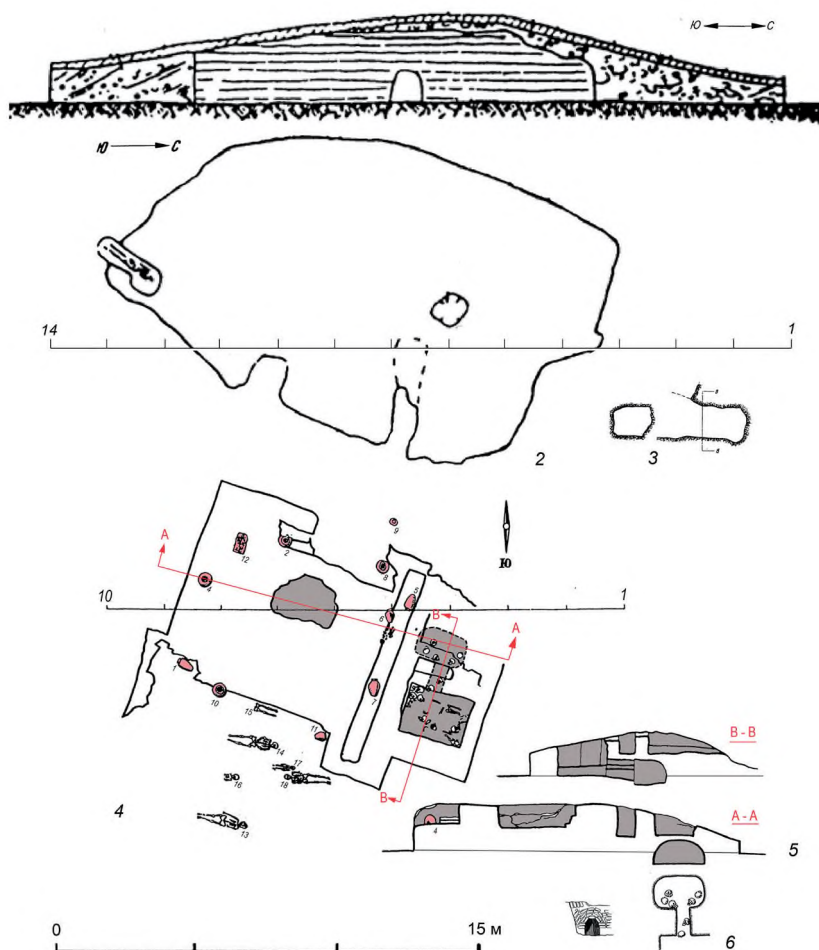

Рис. 5. Городище Ак-Бешим, раскопки 3 и 5: 1–3 — планы и разрезы раскопок 5; 4–6 — планы и разрезы раскопок 3 (Кызласов, 1959)

Fig. 5. Ak-Beshim settlement, Excavations 3 and 5: 1–3 — plans and sections of Excavation 5; 4–6 — plans and sections of Excavation 3 [Kyzlasov, 1959]

¹⁵ Статья 1958 г. с небольшими изменениями и добавлениями интерпретационного характера была фактически переиздана как соответствующий раздел публикации 2006 г.; публикация 1959 г. лишь обозначает выполненные полевые исследования объекта и малоинформативна.

Сообщается, что до раскопок объект представлял собой округлый холм диаметром 25–26 м и высотой 1,6–2,2 м над покатым окружающим рельефом. После раскопок он предстал как вытянутая монолитная площадка овальных очертаний размерами 15×10 м при высоте 2,5 м; ни одной внешней оригинальной вертикальной поверхности стен выявить не удалось. Сооружена эта платформа была на «материковом слое из мелкого галечника», т. е., по фиксации исследователя, на 0,5–1,0 м ниже от современной дневной поверхности. Площадка имела относительно горизонтальную верхнюю поверхность, покрытую небольшим слоем — до 0,5 м по замерам с чертежа — задернованного кирпичного завала. Вокруг платформы в радиусе 7–10 м также был кирпичный завал. Кирпич в завале сверху и вокруг платформы был настолько мелко фрагментирован, что не удалось найти подходящих кусков для замера его размеров [Кызласов, 1958: 152–153] (рис. 5.-1–3).

В середине площадки (с некоторым смещением к северу), кажется, под самой вершиной первоначального холма, была расчищена яма, размерами 0,95×0,9 м и глубиной в 0,9 м от поверхности холма [Кызласов, 1958: 155], что в пересчете по замерам с чертежа дает около 0,5 м заглубления в платформу. Яма была подквадратной формы и ориентирована углами по странам света; о характере стенок информация не приведена. Яма была выявлена еще в «пахотном слое». На ее дне в перемешанном состоянии были найдены фрагменты одного овального оссуария и кости человека; остальные фрагменты, по словам исследователя, были вытянуты из ямы при пахоте плугом. Других находок в яме не отмечено.

Фрагменты оссуариев также были найдены в прорубленной в платформе штольне, названной в публикации склепом. Конструкция расположена с восточной стороны, в 3,5–5 м от северного торца. Штольня-склеп прямая, сохранившаяся от края платформы до задней стенки примерно на 4 м. Ее дно идет по «уровню материкового галечника», а верх-потолок — по границе слоев пахсы, отчего он даже более ровный, чем боковые стенки. Перекрытие сохранилось только над внутренней половиной штольни-склепа. Выполненный примерно в месте обрушения перекрытия разрез показывает, что ширина штольни-склепа 0,7–1,2 м, а высота — 1–1,2 м [Кызласов, 1958: 157, рис. 2] (рис. 5.-3).

В штольне-склепе, как сообщается в публикации, были найдены «на разных уровнях и в разных местах» заполнения фрагменты оссуариев (11 ед.) и их крышек (6 ед.). Они были от трех овальных изделий, но набор фрагментов не позволяет восстановить даже размеры; лишь для одного возможно реконструировать декор лицевой стенки [Кызласов, 1958: 157–158, рис. 7]. Здесь же отмечаются «мелкие обломки человеческих костей», в том числе два «почти целых» черепа и фрагменты от третьего; по определению антрополога Н. Н. Миклашевской один из них принадлежал мужчине лет 35 «смешанного» антропологического типа. Также в штольне-склепе найдены небольшой кувшинчик, фрагменты крышек и еще трех сосудов, две железные пластинки и часть бронзового кружка с отверстием (монета китайского/тюргешского типа?). Весьма примечательны найденные в штольне-склепе, в том числе в ее западной задней части, фигурные жженые кирпичи и их фрагменты: два целых и два фрагмента цилиндрического с изображением равноконечного креста, целый и один фрагмент подтреугольного «зубчатого» кирпича-мерлана [Кызласов, 1958: 157, рис. 4, рис. 8].

На опубликованном плане с восточной стороны, но ближе к южному торцу показано еще одно углубление в тело платформы, напоминающее своими контурами штольню-склеп, но дополнительной информации об этом нет.

А. Р. Кызласов считал, что штольня-склеп была выполнена в период функционирования объекта, разрушена и ограблена при его разрушении, а оссуарное впускное погребение в яме было произведено уже в холм завалованных руин.

В первичной публикации А. Р. Кызласов называет Объект-5 руинами жилого замка-башни VI–VII вв. [Кызласов, 1958: 152; Кызласов 1959: 233–234]. При переиздании материалов в 2006 г. он уже интерпретируется как «башня молчания», предназначенная для освобождения костей трупов от плоти. Этот объект, по его мнению, был манихейским по своей сути. Такое заключение он делает исходя из своего убеждения о принадлежности равноконечных крестов манихеям, имея в виду их форму на круглых кирпичках [Кызласов, 2006: 330, 342–343].

Интересный для тематики нашей статьи другой объект на Ак-Бешиме в исследованиях 1954 г. получил обозначение **Объект-3**. Он располагался в 400 м к западу от стен шахристана-1 и на таком же расстоянии к северо-западу от 1-го буддийского храма. Сказано, что это был «небольшой невысокий холмик, находившийся в центре (...) группы холмов» [Кызласов, 1959: 230–231; 2006: 314]. По аэрофотографии 1966 г. видно, что он расположен на треугольном участке со сложно пересеченным рельефом, ограниченном небольшими оврагами-водотоками и рельефным уступом (обозначен на карте-схеме городища у А. Н. Бернштама, изданной в 1943 г.), а другие рельефно различимые холмы находились от него на расстоянии в 100–150 м.

Вербально в опубликованных материалах о самом объекте сказано, что диаметр этого холма был около 20 м. Под холмом вскрыта площадка из сырцовых кирпичей (42–44–48 × 24 × 8 см) и в восточной части — из пахсовых блоков. На площадке есть «яма» и «узкий коридор неясного назначения», «погребальная камера» и ведущий из нее в «склеп» архитектурно оформленный проход, а также нарушающие верхнюю горизонтальную поверхность вырез плугом (?) в западной части и два шурфа (?) — в восточной [Кызласов, 1959: 230–231; Кызласов 2006: 314] (рис. 5.-4–6). Мы предполагаем, это два строения — из кирпича и пахсы — с небольшим пространством («узкий коридор») между ними, как в Новопокровском некрополе.

Дополнительную информацию можно извлечь из опубликованных планов и разрезов. По ним получается, что раскопками вскрыта площадка прямоугольных очертаний размерами 7×12 м при высоте в 1,5 м. Она вытянута в широтном направлении с отклонением в 15–20° от горизонтали. В ее контуре — явные утраты в средней части северного фаса (до 1,4–1,5 × 2,5–3 м) и северо-восточном углу.

Яма в центре площадки была прямоугольных очертаний, но со скругленными углами и выступом с северной стороны. Ее размеры — 2,7×1,5–2 м, а глубина не равномерна по всей своей небольшой площади. Мы полагаем, что сделать такую яму плугом, как предполагал исследователь, невозможно.

От юго-западного угла на юг идет небольшой останец длиной до 1,5–2 м при ширине не более 1 м с неровной, явно деструктурированной восточной стороной. Примерно в 6 м от него на восток линию южной стены нарушает выступ прямоугольных

очертаний (2,2×1–1,3 м); по его средней оси внутри площадки проходит «узкий коридор». Его размеры — 7×0,6 м при глубине 1 м. Между упомянутым останцом и выступом, а также несколько южнее вскрыты шесть погребений-труположений без инвентаря с восточной и западной ориентацией.

На площадке, по ее периметру и на небольшом отдалении было обнаружено девять захоронений в хумах, «накрытых крышками или плоскими гальками», одно — детское — в круглом котле и два — кучками костей в ямках. В том числе одно погребение кучкой костей и три хумных были найдены в «коридоре» — пространстве между двумя строениями; рядом с этим погребением кучкой костей найден кувшин с процарапанным равноконечным крестом.

В восточной части площадки с верхней горизонтальной поверхности была расчищена прямоугольная «погребальная камера» (2,3×1,7 м) со стенками, как написано, из пахсовых блоков. В ее северной стенке, ближе к западному углу, был выявлен вход в «склеп», выложенный сырцовыми кирпичами полуциркульной аркой. Проход был, по замерам с чертежа, высотой 0,6–0,7 м, шириной 0,5 м и длиной до «склепа» — 1 м. На разрезе нижняя часть прохода показана идущей с понижением к «склепу» (рис. 5-5), а верхняя часть, выложенная сводом из кирпича, — горизонтальной, переходящей в его перекрытие [Кызласов, 1959: 231, рис. 55].

На прорисовке арки вся верхняя часть северной стены «камеры» показана сделанной из сырцового кирпича, и лишь низ на 0,3 м показан неразделанным, надо полагать — пахсовым, или это материковый лёсс. Сходящиеся в северо-западном углу стены, по замерам с чертежа, сохранились на высоту около 1,5 м, а в юго-западном углу — 1,1 м. Западная стена показана снизу (0,3 м) неразделанной полосой, а сверху над ней — пахсовыми блоками шириной по 0,7–0,8 м. Цифровых и графических данных о характере и высоте восточной стены нет; сообщив, что она сохранилась на небольшую высоту, вход в «камеру» был предположен именно в этой стене с востока.

«Склеп» был подпрямоугольной формы со скругленными углами и полукруглым в вертикальном сечении. Он был вытянут по линии запад-восток. Проход располагался в середине длинной южной стенки. Размеры «склепа» по дну, согласно замерам с чертежа, — 1,8×1,2 м при высоте 0,8–1 м. Он был на половину высоты вырыт в материке; о материале верхней части данные отсутствуют [Кызласов, 1959: 231] (рис. 5-5-б). По форме и размерам этот «склеп» типологически сходен с подкурганной катакомбой с входом-дромосом со стороны широкой стенки.

В «склепе» было найдено семь погребений кучек костей, а в «погребальной камере» — восемь аналогичных захоронений [Кызласов, 1959: 231, рис. 55]. Значит, на объекте всего было найдено 27 погребений, определенных в начале статьи, как «зороастрийские», и еще шесть труположений.

В первичной публикации заявлено, что крест на кувшине из «узкого коридора» был христианским, а «погребенные в этом холме, очевидно, манихеи»¹⁶. По антропологическим исследованиям Н. Н. Миклашевской погребенные были европеоидами [Кызласов, 1959: 231]. При переиздании 2006 г. христианская характеристика креста была

¹⁶ Без комментирования разной погребальной обрядности.

заменена описательной — равносторонний, с расширяющимися «лопастями» [Кызласов, 2006: 314]. А обоснованию манихейской принадлежности всего погребально-го комплекса посвящен большой пассаж на четырех страницах. Основной аргумент — «крест равноконечный, расширяющийся на все стороны» манихейский, не присущий христианам-несторианам [Кызласов, 2006: 317]. Не вступая в полемику, отметим наличие и такой интерпретации. Заметим, что А. А. Михеева интерпретирует кости, найденные в «узком коридоре» вблизи сосуда с крестом, как разрушенное христианское погребение по обряду трупоположения [Михеева, 2021: 322–323].

В завершение описания Объектов 3 и 5 из раскопок на городище Ак-Бешим в 1954 г. заметим, что в опубликованных материалах хотелось бы больше археологических данных, которые наверняка есть в полевых документах, сохраненных в именном фонде Л. Р. Кызласова в научном архиве Института археологии РАН в Москве.

Исследования В. Д. Горячевой на городище Красная Речка в 70–80-х гг. XX в.

На городище Красная Речка с конца 1970-х гг. в связи с активными строительными и планировочными работами возобновились археологические многолетние исследования. До начала 2000-х гг. ими руководила В. Д. Горячева и участвовали многие другие специалисты. В 2010 г. ее сменил автор статьи, который продолжает исследования на городище до настоящего времени с российскими (А. Торгоев и др.) и китайскими коллегами. В результате последовала новая серия исследований объектов, обозначенных в начале статьи как «зороастрийские». Это прежде всего обнаруженный городской некрополь, изучавшийся десять лет раскопами Р-3, Р-3а и Р-10 в «Западной пристройке» городища (шахристана-3). В контексте нашей темы важны находившиеся южнее от «Западной пристройки» раскопы Р-4 и Р-11, а также находившиеся у северо-западного ее угла раскоп Р-14 и снесенный холм (Р-2012ав), при исследовании площади которого выявлены оссуарные погребения. В это же время «зороастрийские» объекты фиксировались еще в ряде мест городища.

Некрополь был выделен в структуре городища после полевого сезона 1978 г. [Горячева, Береналиев, 1979]. Он располагается в т. н. «Западной пристройке» (шахристан-3) [Кожемяко, 1959: 67] — территории, простирающейся на 300–350 м к западу от квадратного шахристана и обнесенной с трех сторон крепостной стеной; с четвертой, восточной стороны ее замыкали ров и крепостные стены шахристана. Впрочем, четких границ некрополя внутри этой территории не выделено. Сообщается лишь, что некрополь тянулся двумя-тремя рядами сросшихся холмов вдоль своей западной стены, отделенный от шахристанов незастроенной полосой шириной около 200 м [Горячева, 1988: 28]. Но фактически погребения имеются и в самой крепостной стене Западной пристройки, и несколько западнее от нее. То есть некрополь на ограничивался стенами Западной пристройки, а выходил за нее и не имел рельефно выраженных границ. В то же время в южной части Западной пристройки вскрывался ряд вполне бытовых объектов (Р-9, Р-10 и Р-13) [Горячева, 2010: 134–135; Торгоев, 2014].

Раскоп 3 (Р-3), начатый в 1978 г. в 140 м от северо-западного угла «Западной пристройки» (шахристана-3), изучал на некрополе один из холмов (22,5×15 м, h = 5 м) и прилегающее к нему пространство. На этом раскопе было выявлено порядка 210–

240 погребений¹⁷. В публикациях они были разделены на три/четыре стратиграфических (аналитических?) горизонта (этапа) [Горячева, 1989: 87–88; Байпаков, Горячева 1999: 158–159].

Уже в кратком информационном отчете за первый год работ было помещено изображение оссуария, украшенного наклепными антропоморфными фигурками, и приведены его размеры. Однако найден он был не археологами, а местными жителями незадолго до начала раскопок, т. е. информации о контексте его нахождения, кроме указания места — некрополя (Р-3), нет. Датирован он был VII–VIII–IX вв. исходя из представлений авторов о времени бытования подобных артефактов в Центральноазиатском регионе [Горячева, Береналиев, 1979: 590–591; Горячева, 1988: 32–33].

Нижний горизонт некрополя, как интерпретируют исследователи, содержал погребения под курганами в грунтовых ямах, подбоях и катакомбах, совершенные, надо полагать, по обряду труположения [Байпаков, Горячева, 1999: 158]. Формировался этот слой некрополя, как считают исследователи, в конце VI — начале VII в. [Горячева, Перегудова, 1988: 10]. Впрочем, достаточной аргументации к этому не приведено. В нем же отмечается наличие зороастрийских погребений, совершенных в хумах и оссуариях, опущенных в грунтовые ямы, но «преобладали погребения в виде скоплений костей в ямках и небольших склепах». Также отмечаются «полуземляные склепы, кирпичные камеры» [Байпаков, Горячева, 1999: 158]. Конкретизация этих данных не приводится.

Со средним горизонтом связана вначале строительная деятельность — возведение крепостной стены и некоего строения, интерпретированного как «зороастрийское святилище». Позднее на руинах этих строений совершаются погребения по обряду труположения в катакомбах, подбоях и грунтовых могилах, в сидячем положении, и в хумах [Горячева, Перегудова, 1988: 10–14]. К этому же слою относятся два погребения с конем¹⁸.

Верхний горизонт опубликован полнее других. Он включает 21 погребальное сооружение «наусов, камер», поставленных на земляной утрамбованной платформе с частичной забутовкой сырцовым кирпичом, а также одиночные впускные могилы [Горячева, 1989: 87–88]. При одинаковой направленности стен, заданной направлением крепостной стены, строения располагались беспорядочно, примыкая друг к другу частями стен, с входами-лазами с разных сторон (рис. 6). В этих наусах были зафиксированы погребения кучек костей, в оссуариях и бытовых сосудах, а также труположения с разной ориентацией [Горячева, 1989: 99–102, 187–191, рис. 109–112].

Наусы имели разную внутреннюю площадь — от 1,5 до 10 м². Их стены из «нарезной пахсы» и сырцового кирпича — толстые (от 0,7 до 1,5 м), порой превосходящие внутреннее пространство. Сохранность этих строений неполная — почти у всех отсутствуют перекрытия, а у части — неполный периметр стен. Высота после раскопок составляла до 1,2–1,8 м. Исследователи полагают, что наусы были перекрыты сводом

¹⁷ Результаты опубликованы частично. Цифра погребений взята нами из сложения данных полевых отчетов и дневников.

¹⁸ Приведены характеристики, данные авторами раскопок. Мы их не во всем разделяем.

или куполом, но только для трех наусов сообщается о сохранении части конструкций перекрытия — арочных троппов для перехода от квадрата стен к кругу купола [Горячева, 1989: 88; Байпаков, Горячева, 1999: 158–159].

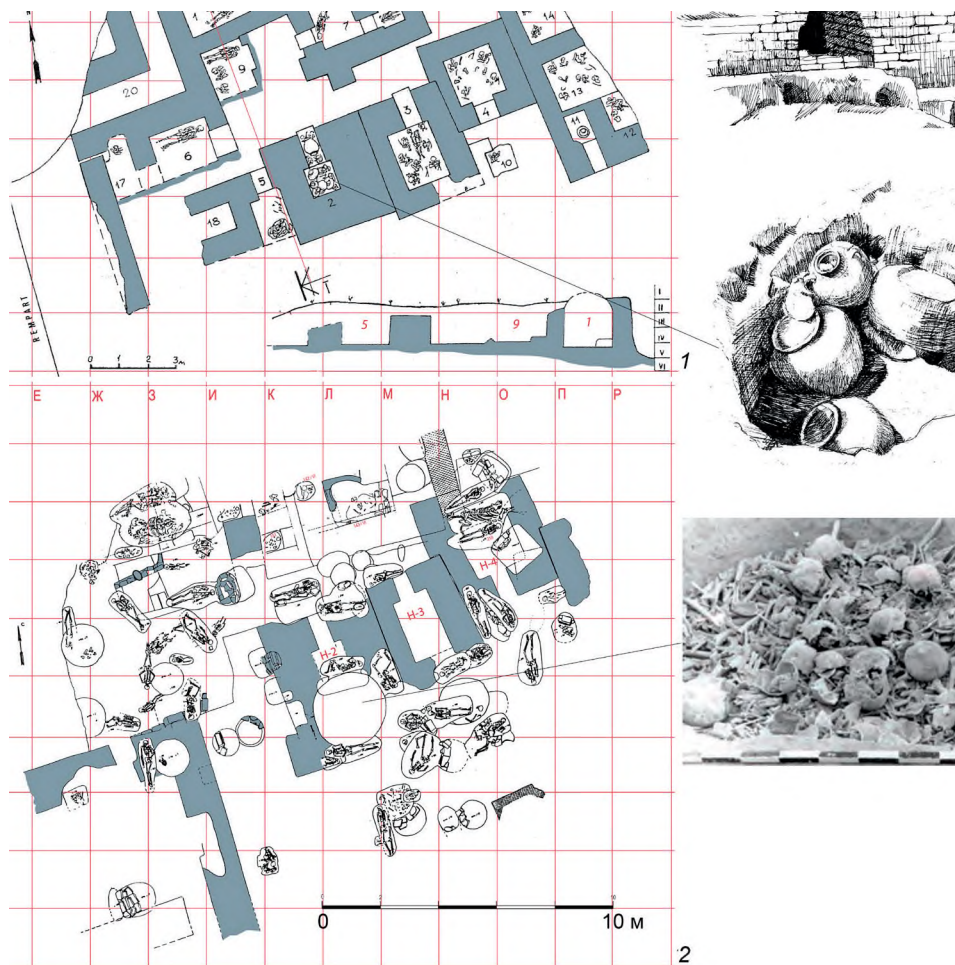

Рис. 6. Городище Красная Речка, раскопки 3 (некрополь): 1 — план и разрез сооружений первого горизонта; 2 — план второго горизонта; 3–5 — фотографии отдельных компонентов [Горячева, Перегудова, 1988; Горячева, 1989]

Fig. 6. Krasnaya Rechka settlement, Excavation 3 (necropolis): 1 — plan and section of structures of the first horizon; 2 — plan of the second horizon; 3–5 — photos of individual components [Goryacheva, Peregudova, 1988; Goryacheva, 1989]

Сообщается, что в верхнем слое раскопа 3 были найдены погребения в шести оссуариях (пяти обожженных и необожженном), шести хулах (один из которых необожженный) и 21 погребение кучками костей. Все эти погребения располагались в наусах из сырцового кирпича и пахсы, а также в нишах-подбоях под стенками наусов. В тех же

самых наусах и одиночных камерах из сырцовых кирпичей зафиксированы костяки людей в анатомическом порядке (упомянуты в публикации 11) и отдельные кости потревоженных и переотложенных погребений [Горячева, 1989: 88–91]. Фактически же, исходя из ознакомления с полевой документацией работ, погребений кучками костей и труположений было больше. По выявленному нумизматическому и керамическому материалу слой датирован серединой VIII — серединой X в. [Горячева, 1989: 92].

Все найденные в верхнем слое оссуарии овальной в плане формы. Подчеркнем, что большинство из них найдены в и под наусом-2 [Горячева, 1989: 89].

Таким образом, погребения, обозначенные в начале статьи как зороастрийские — оссуарные, хумные и кучками костей, не преобладают, как в целом по раскопу-3 в некрополе Красной Речки, так и в каждом из его слоев. И лишь для верхнего слоя, по самым приблизительным оценкам, они составляют около половины.

И еще одна ремарка относительно погребений в некрополе. При их описаниях в публикациях ни к одному захоронению не применяется понятие «мусульманское погребение». Практически нет данных о разрушениях наусов погребениями с вышележащего уровня; наусы составляют верхний горизонт некрополя. А это означает, что либо некрополь перестал функционировать ко времени распространения и доминирования (?) ислама на этой территории (X — начало XIII в.) и стоял заброшенным, либо погребения верхнего горизонта по обряду труположения, во всяком случае часть их, следует считать мусульманскими, и тогда горизонт должен быть датирован более поздним временем — вплоть до XII в. Мы склоняемся ко второму варианту.

В 2008 и 2011 гг. проводились небольшие раскопки экспедициями КРСУ/ИИ НАН КР с ГЭ (руководители: Горячева / Кольченко — Торгоев), не добавившие принципиально нового в рассматриваемом контексте, хотя приведшие к несколько иным выводам [Торгоев, 2014: 323–326].

Другой холм некрополя, расположенный в 50–60 м к юго-юго-востоку, изучался как раскоп 3а (Р-3а) в 1987 г. (рис. 7.-1). Работы на нем фактически свелись к зачистке поврежденной незаконным забором глины северо-западной части и доисследованию обнажившихся конструкций. До раскопок холм был вытянут с севера на юг и имел размеры 30×20 м. Срез обнаружил в нем культурный слой мощностью 5 м. В верхнем горизонте, до отметки 1,8–1,9 м от репера, который по высоте почти совпадал с уровнем репера на Р-3, прослежены конструкции двух «камер»/наусов из сырцового кирпича и пахсы. Ниже — слои рыхлой и утрамбованной глины с кирпичными прослойками в 1–2 ряда. А под этой платформой, на глубине 3,3 м от репера — катакомба с погребением в северо-восточном направлении головой [Горячева, 2010: рис. 47].

Наус 1 имел внешние габариты 3,5×2,8 м и внутреннее пространство 2,00×1,30 м ($S = 2,6 \text{ м}^2$) со входом с северной стороны. Стены одинаковой толщины в 0,9 м, сохранились на восемь рядов кирпичей, верхние из которых поставлены с напуском, знаменующим переход к сводчатому перекрытию. Внутри конструкции — труположение в северном направлении (к входу) головой и погребение кучки костей вблизи входа [Горячева, 2010: рис. 47] (рис. 7.-2).

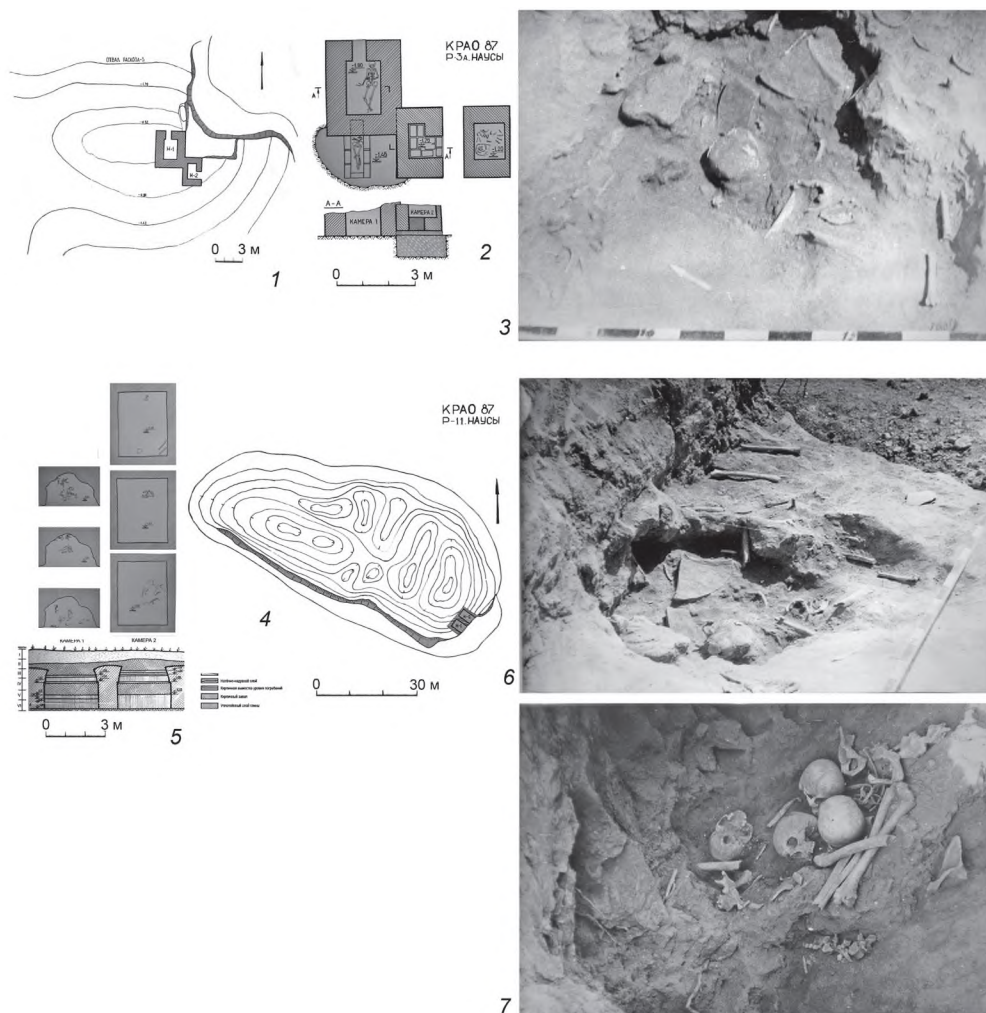

Рис. 7. Городище Красная Речка, раскопки 3а: 1 — общий план; 2 — план обнаруженных сооружений, разрезы; 3 — фотографии компонентов с фрагментами оссуариев.

Раскопки 11: 4 — общий план; 5 — план обнаруженных сооружений, разрезы; 6–7 — фотографии компонентов с фрагментами оссуариев [Горчева, Перегудова 1988]
 Fig. 7. Krasnaya Rechka settlement, Excavation 3a: 1 — general plan; 2 — plan of uncovered structures, sections; 3 — photos of components with fragments of ossuaries. Excavation 11: 4 — general plan; 5 — plan of uncovered structures, sections; 6–7 — photos of components with fragments of ossuaries [Goryacheva, Peregudova, 1988]

Наус 2 имел внешние габариты 2,55×2,7 м. Внутреннее пространство в верхней части было размерами 1,25×1,25 м ($S = 1,56 \text{ м}^2$), а на уровне дна оно в два раза меньше и с восточной стороны зафиксирован вход-лаз. Стены не одинаковой толщины — с торцов по 0,65 м, с запада — 0,48 м, а с востока всего 0,3 м, т. е. в полтора, один и половину кир-

пича. Внутри конструкции в верхней части фиксировались разрозненные человеческие кости (рис. 7.-3), а на полу — погребение в оссуарии из необожженной глины [Горячева, 2010: рис. 47] (рис. 7.-2).

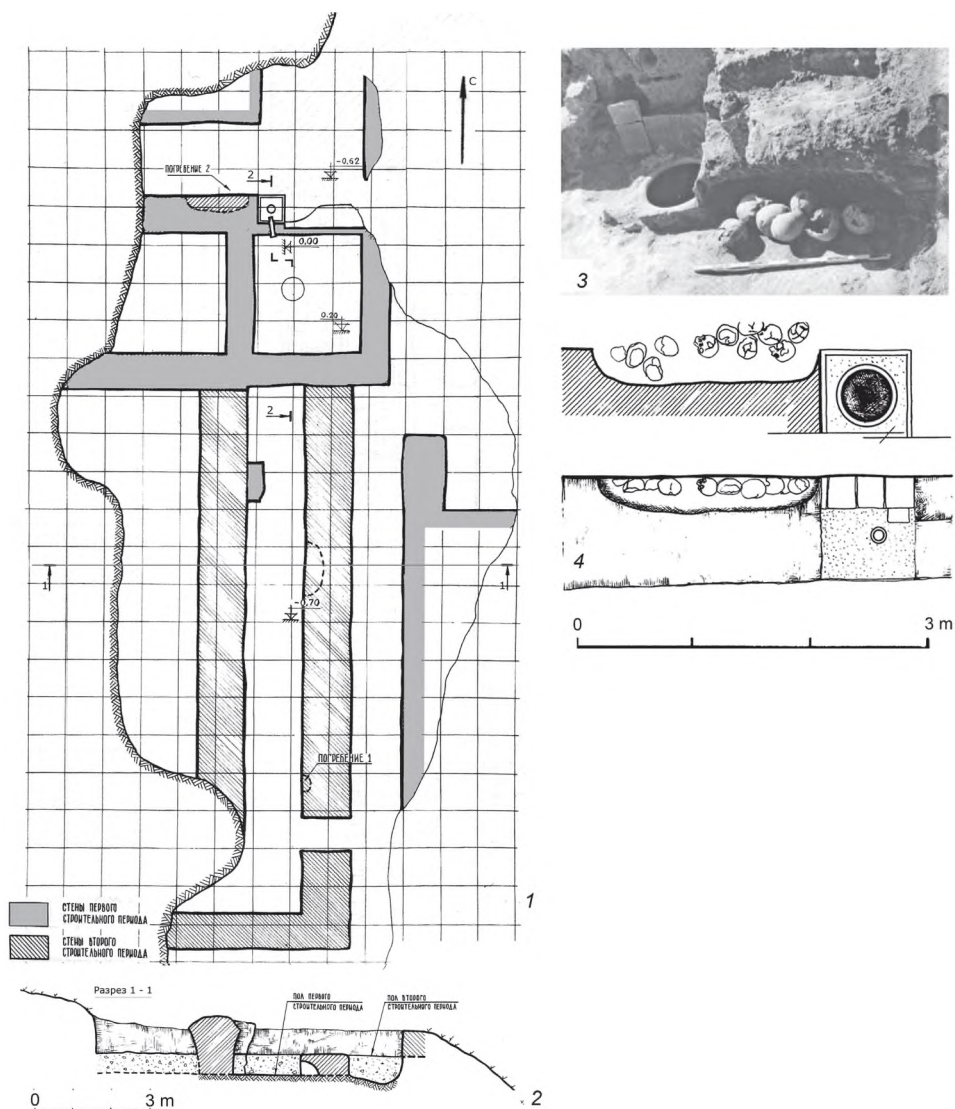

Рис. 8. Городище Красная Речка, раскопки 10: 1 — комбинированный план горизонтов 1 и 2; 2 — фотография резервуара винного пресса и захоронения черепов рядом с ним; 3 — план и разрез резервуара винного пресса и захоронения черепов рядом с ним [Горячева, Перегудова, 1988]

Fig. 8. Krasnaya Rechka settlement, Excavation 10: 1 — combined plan of horizons 1 and 2; 2 — photo of the wine press reservoir and the burial of skulls near it; 3 — plan and section of the wine press reservoir and the burial of skulls near it [Goryacheva, Peregudova, 1988]

Наусы 1 и 2 соприкасаются частями своих длинных стен.

Под наусом 1, со значительным смещением на юг, в слое глины было расчищено труположение с северной ориентацией в цисте со стенками из сырцового кирпича.

Значительная часть холма осталась невскрытой и возможно продолжение ее исследования.

В 1986 г. на площади Западной пристройки (шахристана-3) городища Красная Речка исследовались остатки жилого дома с винодавильней, получившие обозначение раскоп 10 (Р-10) [Горячева, 2010: 134–135]. Его выявил в 1972 г. П. Н. Кожемяко, но данные о его раскопках отсутствуют. Раскоп 10 располагался в 50 м южнее Р-3а, вблизи южной стены западной пристройки. Это были остатки холма третьей линии от западной стены этой части центральных развалин. В срезах на восточном борту холма, оставленных работами П. Н. Кожемяко, было отмечено наличие культурного слоя мощностью до 1,4 м, лежащего на материке. Верхняя точка холма, взятая за локальный репер, на 2,3 м ниже репера для Р-3 и Р-3а. Здесь был разбит раскоп, размерами 26×12 м, который выявил два строительных периода [Горячева, Перегудова, 1988: 18–20] (рис. 8.-1–2).

В контексте рассматриваемой темы отметим фиксацию 11 черепов. Они были обнаружены в подбое в одну из стен на нижнем полу. Длина подбоя — 1,6 м, глубина — 0,4 м и высота — 0,3–0,35 м; верхний пол полностью перекрывает подбой. Семь черепов лежали у восточного края подбоя, а четыре — у западного (рис. 8.-3–4). В 0,7 м к северу от них, т. е. в помещении, была расчищена кучка из семи костей [Горячева, Перегудова, 1988: 23]. В другом помещении, также в подрубке — нишке стены первого строительного горизонта была обнаружена кучка костей детского погребения [Горячева, Перегудова, 1988: 23].

Остается добавить, что данный объект датирован исследователями караханидским временем (X–XII вв.), а некоторая информация о нем опубликована в 2010 г. [Горячева, 2010: 134–135].

С внешней стороны в 150 м от северо-западного угла Западной пристройки (шахристана-3) почти на краю мыса надпойменной террасы в 2007–2008 гг. раскопом 14 (Р-14) был исследован полуразрушенный силосными ямами объект, интерпретированный как усадьба с винодавильней. Ее возникновение было отнесено к IX–X вв., а верхний горизонт — к XI в. [Торгоев, 2014: 326]. В контексте нашего рассмотрения отметим фиксацию ямы с относительно прямоугольными очертаниями, заполненную человеческими костями. Она была обнаружена «у одной из плохо сохранившихся внешних стен начального периода строительства усадьбы» и интерпретирована как вторичное захоронение костей нескольких индивидов, собранных при строительстве усадьбы.

Посредине между усадьбой с винодавильней и Западной пристройкой (шахристаном-3) тогда сохранялся большой вытянутый холм (или два-три сросшихся) с аморфными очертаниями (100×35 м, h ~ 3–4 м). 2012 г. при строительстве конефермы он был снесен. При доследовании территории после сноса холма нами и Д. В. Лужанским было произведена расчистка ряда оссуарных погребений. Эти место обозначим как раскоп 18 (Р-18). Оссуарии локализовались в четырех группах. Это позволяет осторожно предполагать, что они помещались в небольших камерах, а весь снесенный холм был их скоплением (Кольченко, 2021). Иными словами, пространство к западу от Западной при-

стройки (шахристана-3) было частью городского некрополя, включавшего в том числе зороастрийские погребения.

В 1978 г. «в 700 м к югу от шахристанов среди жилых построек X–XII вв.»¹⁹ был раскопан объект, также содержащий погребения кучками костей. Он обозначен как раскоп 4 (P-4). До раскопок это был холм диаметром 20 м и высотой 3,5 м, от которого с отклонениями до 20° в восточном и южном направлении отходили стены «ограды», образующие двор 50×43 м. Восточная часть холма была разрушена проселочной дорогой [Горячева, 1989: 92].

Само строение, по словам авторов раскопок, «было возведено на естественном возвышении...»; снизу располагалось 2–3 ряда пахсы с нарезкой на блоки, а выше на 12–13 рядов шел сырцовый кирпич, включая сохранившиеся перекрытия помещений.

По внешним параметрам строение было почти квадратным, с длинной фасов по 12,3 м. В середине южной стороны располагался вход, вводивший в центральное помещение-коридор (7,4×3,5 м). С двух сторон находилось по три малых помещения, в которые вели проходы-лазы, скользящие вдоль одной из стен (1,05×0,9 м; 0,85×0,8 м). Длина малых помещений была около 2 м, а ширина — 1,2, 0,9, 1,1, 1,3, 1,45, 1,25 м ($S = 1,8–2,9 \text{ м}^2$), т. е. они были разными по площади. Их разделяли стены примерно по 1,5 м (по замерам с чертежа) или 2 м (по вычислениям из приведенных размеров), т. е. превышавшие ширину самих помещений. В помещениях было выявлено два пола с разницей в 0,4 м. Высота малых помещений составляла 2,1 м от нижнего пола до «закла свода». Данных о перекрытии центрального коридора нет, но он был выше (если был перекрыт) (рис. 9).

В четырех из шести помещений при расчистке были найдены костные остатки людей: в двух помещениях — сложенные кучками (в одном — две, в другом — одна), а в двух они были разбросаны по полу и восстановить обряд погребения невозможно.

Объект был интерпретирован как многокамерный наус и датирован VIII–IX вв. [Горячева, 1989: 92–94]. Впрочем, оснований для такой датировки не приведено.

В 1987 г. в связи с частичным разрушением по хозяйственным мотивам очередного холма на городище Красная Речка были выполнены новые аварийные работы. В левой документации объект получил наименование раскоп 11 (P-11) [Горячева, Перегудова, 1988: 24–30]. Он располагался южнее раскопа-4 1978 г. и, по современным замерам на космоснимках, в 550 м от юго-западного угла большого шахристана. В левой документации говорится, что это был холм «весьма аморфных очертаний, с перекопами и последующими засыпками мусором и навозом» в цепочке аналогичных холмов, тянущихся полосой от юго-западной пристройки центральных развалин (шахристан-4) [Горячева, Перегудова, 1988: 25]. В современных реалиях это вытянутый в меридиональном направлении объект (100×30 м, высота до 2,5–3 м) с сильно поврежденным контуром.

¹⁹ Кажется, определение расстояния было глазомерным. Вероятно, он был несколько ближе — в 500 м.

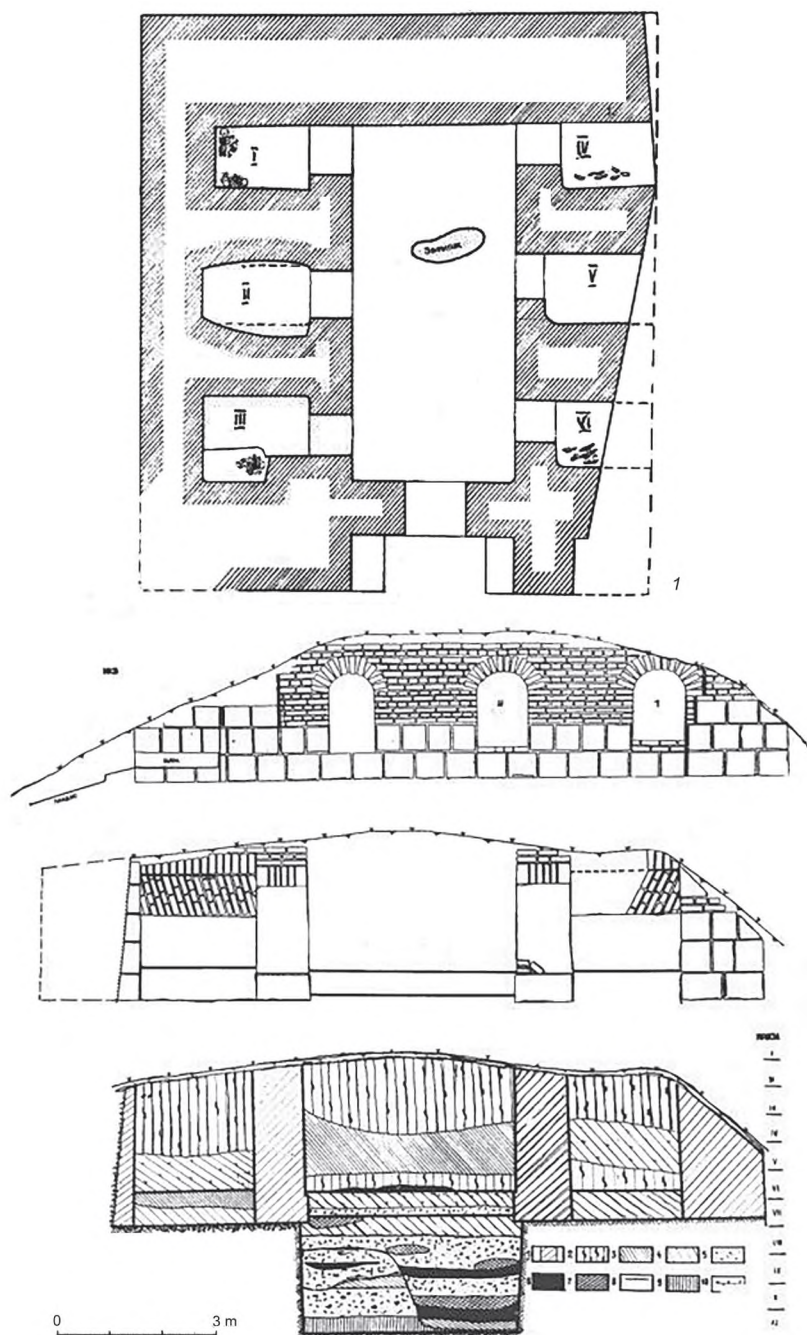

Рис. 9. Городище Красная Речка, раскоп 4 (многокамерный наус): план, разрезы [Горячева, 1989].

Fig. 9. Krasnaya Rechka settlement, Excavation 4 (multi-chamber naus): plan, sections [Goryacheva, 1989]

Работы 1987 г. проводились с южного торца холма, сносимого для строительства фермы. В ходе исследований были вскрыты два помещения некоего строения, обозначенные как «две камеры большого многокамерного науса». На момент исследования южная (внешняя) стена была утрачена. Между помещениями сохранялась общая кирпичная стена в 0,8–1,0 м. Размеры обоих помещений в реконструкции восстанавливаются как 2,6×4 м ($S = 10,4 \text{ м}^2$) [Горячева, Перегудова, 1988: 26, 28] (рис. 7.-4–5), т. е. наибольшие по площади из всех вскрытых на городище.

Хотя оба помещения содержали значительное количество костей погребенных, говорить об обряде погребения не приходится, так как все кости разбросаны и фиксировались на четырех стратиграфических уровнях. Но здесь были найдены фрагменты оссуариев — восемь зафиксированы в дерновом слое над наусом 2, а остатки одного оссуарного погребения — в том же наусе 2 в четвертом выделенном слое на отметке 1,5 м от наивысшей точки объекта [Мейтарчян, 1987] (рис. 7.-6–7). В последующие годы исследования объекта не возобновлялись, хотя вскрыта лишь малая часть холма, находящегося на частной территории.

Нахождение фрагментов оссуариев позволяет этот объект также считать зароастрийским.

В 1983 г. в 1200 м к западу от некрополя и центральных развалин городища, но в пределах «длинных стен» при прокладке проселочной дороги, идущей вдоль старой надпойменной террасы р. Чу, было уничтожено тепе — «монументальный замок ..., рядом (с которым) зафиксировано небольшое оссуарное кладбище» [Горячева, Байпаков, 1989: 72]. Он не получил археологического обозначения у непосредственных исследователей; мы его обозначаем как «Западный некрополь». По всей видимости, этот объект был аналогичен раскопанному А. Н. Бернштамом. К сожалению, информация об объекте крайне фрагментарна. Сообщается лишь, что «среди грунтовых могил позднефеодалного и нового времени» было зафиксировано «несколько оссуарных и хумных захоронений» [Горячева, 1984: 576]. Причем, «в отличие от городского некрополя, здесь оссуарии ставились не в наусы, а опускались в грунтовые ямы, вырытые в лёссе» [Горячева, 1988: 36]. Количество найденных оссуариев и других погребений данного объекта в публикациях не приводится. В фотографиях и графических прорисовках опубликован, насколько мы можем судить, только один оссуарий — прямоугольный в плане, со стенками, оттиснутыми в матрице, на которых изображена сцена кормления огня. Приведя в первой публикации фотографию этого оссуария, остальные изделия автор описывает суммарно: «ящичные», овальные, с шатровыми и конусообразными крышками, несущими различные сюжетные и орнаментальные изображения» [Горячева, 1984: 576].

Относительно датировки в этой публикации пишется: «открыто еще одно древнее кладбище, принадлежавшее поселению VI–VIII вв.» [Горячева, 1984: 576]. Но в другой работе В. Д. Горячевой с некоторой аргументацией приводится иная дата: «вместе с костехранилищами поднята и тюркешская монета, которая датирует слой не ранее середины VIII в.». Правда там же, в подрисовочной подписи, знаменитый упомянутый выше оссуарий со сценой кормления огня датирован вновь VII–VIII вв. [Горячева, 1988: 35–36].

В 1982 г. оссуарии были найдены на «карьере у Сельхозхимии» («Ивановском глиняном карьере»), который располагается на краю старой надпойменной террасы р. Чу в северо-восточной части городища Красная Речка, вблизи от т. н. «длинных стен». Обозначим этот пункт как «Восточный некрополь» городища Красная Речка. Кажется, это та же надпойменная терраса, на которой южнее при строительстве БЧК в 1941 г. отмечены Ивановский и Кен-Булунский некрополи (см. выше). На поле, подступающем с юга к карьере и впоследствии частично им поглощенном, было отмечено «несколько небольших бугров» высотой 0,5–0,6–1,0 м и «мелкие фрагменты хозяйственной керамики». Однако в срезах карьера признаки культурного слоя отсутствовали: «здесь имелись мощные отложения лёсса, перекрытые тонким слоем гуммированного суглинка», — сообщается в отчете [Мотов, 1982: 12–13].

Часть оссуариев была зафиксирована *in situ*, другая — на дне карьера. В общей сложности сообщается о семи оссуариях разной степени сохранности, в том числе об одном из необожженной глины фрагменте оссуарной крышки, не подходящей ни к одному оссуарию, а также об одном хумном погребении. По словам экскаваторщиков и водителей, работавших на карьере, в общей сложности ими было уничтожено порядка 200–300 «кувшинов с костями» [Мотов, 1982: 13]. И хотя, как представляется, цифра явно завышена, но говорит о массовости здесь данного типа погребений. В этом же карьере в 1982 г. были дообследованы остатки 10 погребений по обряду труположения, часть из которых — с инвентарем [Мотов, 1982: 13–19].

Над пунктами нахождения одних оссуариев отмечается наличие всхолмления, а над другими — ровная поверхность. Так, оссуарии 2 и 4 найдены хотя на разных глубинах на расстоянии 4 м друг от друга, но под полой одного холма, «диаметр которого составил не менее 8 м, высота сохранившейся части — 0,6–0,7 м» [Мотов, 1982: 14]. Но над оссуарием 5 — дневная поверхность ровная [Мотов, 1982: 16].

Оссуарии и хум, найденные на первоначальных местах, зафиксированы в трех пунктах на глубине 1,5, 1,95 и 2,5 м от современной дневной поверхности. Во всех случаях рядом на одном уровне с ними отмечены труположения: «Кости ног (погребенного по обряду труположения), хум и обломки необожженного оссуария находятся на одном уровне, вероятно, на уровне пола сооружения. На этой линии при зачистке выявлена прослойка намытого (?) песка толщиной 2–5 см, длиной около 1 м» [Мотов, 1982: 17]. Впрочем, «следы конструкций с достаточной уверенностью не выявляются ни в вертикальной зачистке, ни в горизонтальной — выше уровня предполагаемого пола. В вертикальной зачистке поверхности обреза прослежены лишь следы нарушения лёссового слоя» [Мотов, 1982: 16]. В итоге делается вывод, что они находились в специальных помещениях, вырубленных в материковом лёссе [Мотов, 1982: 21]. В целом данное местонахождение называется исследователем некрополем, а найденные здесь оссуарии «традиционно» датируются VII–VIII вв. [Мотов, 1982: 20]. На наш взгляд, основываясь на факте нахождения тюргешской монеты в погребении, совершенном рядом и на одном уровне с оссуарным, что зафиксировано в отчете [Мотов, 1982: 20], датировать их правильнее временем не ранее начала VIII в.

В последующие годы сотрудниками экспедиции на Красной Речке осуществлялся периодический археологический надзор на этом карьере, в результате которого за-

фиксирована новая серия оссуарных и других погребений. К примеру, в 1984 г. здесь, как сообщается в отчете, было зафиксировано два археологически целых оссуария и одна крышка с антропоморфной ручкой. Однако в полевом отчете описаны и приведены фотографии лишь крышки и одного костехранилища [Горячева, Тур, 1985: 20–21, рис. 20–21]. Весьма вероятно, что с этого же пункта происходят оссуарии из школьных коллекций краеведов М. К. Синусова и Н. Д. Черкасова, ныне хранящиеся в Национальном историческом музее Кыргызстана.

Последние по времени находки оссуариев и их фрагментов здесь были совершены нами в 2005–2006 гг. [Кольченко, 2007]. Тогда же в одном из срезов значительно выросшего карьера была отмечена стенка склепа из сырцового кирпича. Но обряд погребения в этой конструкции установить не удалось. Наши наблюдения за общей стратиграфией и условиями залегания различных погребений подтверждают вышеизложенные данные Юрия Мотова.

К сожалению, об этом пункте, который мы предложили именовать «Восточный некрополь» городища Красная Речка, данных в публикациях нет. Лишь, вероятно, именно его упоминал П. Н. Кожемяко, о чем мы писали выше.

В полевой документации 80-х гг. XX в. отмечены еще два случая нахождения фрагментов оссуариев на городище Красная Речка. В одном отмечается факт обнаружения фрагмента крышки оссуария где-то на территории «южного рабада», т. е. на участке «шириной около 0,8–1,0 км между южной стеной шахристана и автотрассой» [Мотов, 1982: 7]. В другом случае — это разрушенное «оссуарное погребение» в 600–650 м к востоку от цитадели: на глубине 30–40 см от поверхности найден фрагмент декорированной лицевой стенки оссуария [Мотов, 1982: 5–6]. И хотя в обоих случаях речь идет о случайных находках единичных фрагментов, тем не менее и их необходимо иметь в виду при анализе.

Суммируем данные по городищу Красная Речка. Здесь было отмечено 11 пунктов нахождения зороастрийских погребений и их признаков, из них два — случайные, не точно зафиксированные места находок оссуарных фрагментов.

Ареал зороастрийских погребений на городище весьма велик — почти вся его территория. Следовательно, зороастрийцы хоронили не только в некрополях — общегородских кладбищах.

Из 11 пунктов зороастрийских погребений данные о стратиграфии в относительно большом объеме приведены лишь для раскопа-3 городского некрополя. По приведенным данным «зороастрийские» погребения найдены преимущественно в верхнем слое. Нижележащие слои в основном содержат труположения в катакомбах и подбоях; последние в других местах городища пока не известны. Но в нижних слоях были и зороастрийские погребения. Получается, что изначально существовал некрополь именно как единый город мертвых. Причем существовал значительный отрезок времени — мощность напластований нижних слоев некрополя составляет около 3 м. А с появлением (количественным увеличением) погребений в оссуариях захоронения производятся и собственно в городе живых, т. е. городской некрополь теряет свою монополию на хранение останков умерших. Вывод кажется странным, но он вытекает из комплексного анализа описаний и датировок исследователей.

Исследования XXI в. Новые локации

В 2005 г. мы зафиксировали пункт находки оссуариев в 400–500 м к востоку от городища Малый Ак-Бешим, в 200–400 м за северным участком длинных стен городища Ак-Бешим и 150–200 м от обрыва древней надпойменной террасы [Кольченко, 2007]. Местность в этом районе сложно-пересеченная, с множеством логов и размывов разной величины. В одном из таких логов после подмыва весенними водами склона местными жителями были обнаружены два оссуария, установленные один на другой, и крышка (две?), не являющаяся «родной» ни одному из них. Осмотр обнажений склонов лога и анализ микро-топографии современной дневной поверхности не выявил признаков некрополя на данной территории. Но нельзя исключать, что такие признаки были сnivelированы в 70–80-х гг. прошлого века, когда была уничтожена упомянутая выше «длинная стена».

Говоря о локациях зороастрийских погребений в Чуйской долине, следует добавить в перечень городища Бурана и Сретенское. В музее при городище Бурана хранится оссуарий, найденный к северу от центральных развалин. Он был вымыт руслом реки. Большой информации об этом местонахождении нет.

Еще один оссуарий есть в коллекциях Токмакского краеведческого музея. Мы не смогли установить данных о его происхождении. Предположительно он найден у Бураны или Ак-Бешима, как двух наиболее близких к Токмаку городищах.

В средней части Чуйской долины в школьном музее с. Сретенское имеется несколько фрагментов овальных оссуариев. Они найдены, надо полагать, на городище вблизи села. Это самый западный известный нам пункт зороастрийских погребений кыргызстанской части Чуйской долины.

В западной (казахстанской) части Чуйской долины, на городище Кулан нам довелось проводить вскрытие холма, содержащего ряд погребений. Исследования проводились в рамках отряда А. Нуржанова в 2007 г. Ранее им предполагалось наличие некрополя в этой части городища; наши работы дали дополнительный аргумент к такому предположению.

Этот некрополь городища Кулан находится в 700–1000 м к востоку-юго-востоку от центральных развалин (шахристана и цитадели) и отделен от них логом пойменной террасы с покатыми бортами. К югу от некрополя проходит автотрасса Мерке — Тараз, южнее которой расположены средневековые усадьбы. К востоку от некрополя за рядом современных строений проходит дорога на железнодорожную станцию Луговая. Непосредственно с юго-запада от некрополя, у дороги перед въездом в с. Кулан расположено современное кладбище (рис. 10).

Некрополь представляет собой скопление холмов — одиночных и «сросшихся» по два-четыре в цепочку, ориентированную восток-запад (с некоторым отклонением). Строгой системы в их расположении выявить не удалось. Точные границы некрополя визуально не определяются, но он занимал площадь не менее 500×500 м. На момент исследования объект и прилегающая территория были частично превращены в свалку бытового мусора; по западной окраине некрополя проходят две параллельные нитки газопровода.

Рис. 10. Городище Кулан, некрополь. Курган 1: 1 — северо-восточно-юго-западный хребет, вид с северо-запада; 2 — северо-западно-юго-восточный хребет, вид с северо-востока; 3 — северо-восточно-юго-западный хребет, вид с юго-востока; 4 — северо-западно-юго-восточный хребет, вид с юго-запада; 5 — братская могила костей и хумчи в центре кургана

(северный сектор), вид сверху с юго-запада; 6 — братская могила костей в центре кургана (южный сектор), вид с юго-запада; 7 — братская могила костей и хумча в центре кургана (северный сектор), вид с севера; 8 — содержимое хумчи (фото автора)

Fig. 10. Kulan settlement, necropolis. Mound 1: 1 — NE-SW ridge, view from the north-west; 2 — NW-SE ridge, view from the north-east; 3 — NE-SW ridge, view from the south-east; 4 — NW-SE ridge, view from the south-west; 5 — mass grave of bones and khumcha in the centre of the mound (northern sector), view from the south-west from above; 6 — mass grave of bones in the centre of the mound (southern sector), view from the south-west; 7 — mass burial of bones and a khumcha in the centre of the mound (northern sector), view from the north; 8 — khumcha contents (photo by the author)

По словам А. Нуржанова при сооружении одной из ниток газопровода здесь было разрушено два оссуарных погребения. Контекст залегания оссуариев, как и сами фрагменты, остались незафиксированными, но факт их обнаружения позволил предположить существование некрополя на этой территории в раннее средневековье.

Исследованный холм был диаметром 15 м и высотой 1,2–1,5 м. Его западная пологая до 20–30°, а восточная — более пологая, до 15–20°. Он вскрывался по секторам горизонтальными слоями с оставлением бровок. Бровки, исходя из рельефа, были ориентированы по диагоналям к сторонам света.

В южном секторе у края насыпи было расчищено два погребения по обряду труположения с северной ориентацией. Погребенные располагались на разных уровнях в 1 м друг от друга, но над ними было по 0,3–0,5 м перекрывающего грунта. Границы могильных ям были выкопаны по размерам скелета — узкие.

В центре холма на глубине 0,3–0,35 м был расчищен плотный свал костей от нескольких погребенных. Он вышел под пересечением центральных бровок в южном и северном секторах. Это были преимущественно длинные кости рук и ног, с ориентацией запад-восток. Непосредственно под ними лежали части двух разбитых черепных коробок, а также кучкой и разрозненно более мелкие кости, но в сильно неполной комплектации.

В южном секторе под костями шел слой чистого лёссового грунта мощностью до 0,1–0,15 м. Под ним в небольшой округлой ямке было расчищено погребение кучкой костей с черепом в верхней части.

В северном секторе на уровне длинных костей, как граница их простираения, было расчищено устье сосуда-корчаги ($d = 0,2$ м). Дальнейшие раскопки показали, что это был сосуд высотой 0,5 м, сформованный без гончарного круга из теста с большой долей отощителей — крупного песка и мелкого гравия. Он был плохо обожжен, что привело к растрескиванию и расслаиванию черепка; сосуд держал форму только за счет грунта. Внутри оказались два черепа взрослых индивидов и неполный набор костей погребенных.

Таким образом, в исследованном объекте были выявлены два впускных в полу кургана погребения, по-видимому, мусульманских, и зороастрийские погребения в центре. Стенок конструкций ни в горизонтальных зачистках, ни в бортах бровок выявить не удалось.

Полагаем, что первоначально это была платформа, вырубленная в материковом лёсе, на поверхности которой проводились зороастрийские погребения в небольших ямках в сосуде и кучек костей. Возможно, она выполняла функцию дахмы — места выставления трупов для отделения костей от плоти. Позже, когда кости на платформе оказались покрыты слоем грунта, а сама платформа превратилась в холм, были совершены погребения по обряду трупоположения.

Заключение

Несмотря на многочисленность приведенных фиксаций зороастрийских погребений в Чуйской долине, почти все они носят характер только констатации факта наличия таковых погребений. Контекста и важных деталей о них в доступных источниках присутствует мало. В ряде случаев в наших источниках излагается вторичная информация — пересказ слов нашедших их людей-неспециалистов, фиксируемый спустя несколько месяцев или даже лет после самого нахождения. А это вносит неизбежные деформации в информацию! Тем не менее собранные сведения позволяют сделать несколько обобщений.

Прежде всего, что суммарно мы описали 11 локаций (рис. 11). Основной массив зороастрийских погребений фиксировался в восточной части Чуйской долины — от городища Бурана до Новопокровских и Чумышских городищ, т. е. на протяжении 45–50 км с интервалом в 5–15 км между точками нахождения. В центральной части долины — у городища Сретенское и в западной части — у городища Кулан отмечено по одному пункту. Отмеченный 12-й пункт — городище Тараз находится уже в Таласской долине. Мы полагаем, что такое положение связано со степенью изученности, но не с плотностью проживания зороастрийцев.

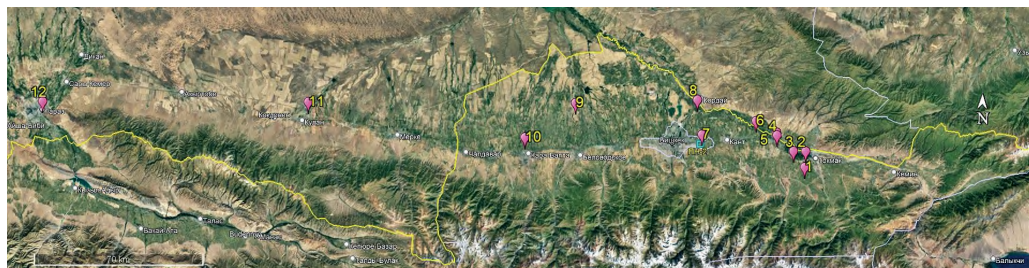

Рис. 11. Локации зороастрийских погребений Чуйской долины: 1 — городище Бурана; 2 — городище Старопокровка; 3 — городище Ак-Бешим; 4 — Кен-Булунский некрополь; 5 — некрополь Ивановка; 6 — городище Красная Речка; 7 — Новопокровский некрополь; 8 — городище Чумышское-3; 9 — городище Сретенское; 10 — городище Кара-Балтинское; 11 — городище Кулан; 12 — городище Тараз

Fig. 11. 1 — Burana settlement; 2 — Staropokrovka settlement; 3 — Ak-Beshim settlement; 4 — Ken-Bulunsky necropolis; 5 — Ivanovka necropolis; 6 — Krasnaya Rechka settlement; 7 — Novopokrovsky necropolis; 8 — Chumyshskoye-3 settlement; 9 — Sretenskoye settlement; 10 — Kara-Baltinskoye settlement; 11 — Kulan settlement; 12 — Taraz settlement

В восточной части долины погребения отмечались вблизи центральных развалин крупных городищ (Бурана, Ак-Бешим, Красная Речка), у небольших городищ вокруг больших (Старопокровские городища, Малый Ак-Бешим, Чумышское-3/Аламединское) и на значительном отдалении от них (Кен-Булунский, Ивановский и Новопокровский некрополи). Но во всех случаях нет оснований относить их к кочевым группам населения; это погребения оседлых жителей.

В ландшафтном контексте выявленные зороастрийские погребения расположены в разных условиях. Новопокровский некрополь был расположен на ровной площадке. Вероятно, аналогичное положение было у Старопокровского некрополя. Ак-Бешимские зороастрийские погребения — у северной стены шахристана-1 (1941), Объекты 3 и 5 (1954), у Малого Ак-Бешима (2005) — расположены на равнинной местности, но пересеченной оврагами и водотоками. Чумышские/Аламединские зороастрийские погребения, некрополи Восточный и Западный Красной Речки, Ивановский, Кен-Булунский находятся на краю надпойменной террасы. Причем описываемые погребения указываются как на ее верхней площадке, так и у подножья. Такое разнообразие, по нашему мнению, показывает непринципиальность ландшафтных условий размещения погребений. Или их неоднородность, т. е. зороастрийский обряд погребения в Чуйской долине имел варианты. Имеющихся данных недостаточно, чтобы понять причины разнообразия: они связаны с хронологическими изменениями или изначально и обусловлены, к примеру, несколькими разными местами первоначального проживания принесших их в долину локальных групп населения.

Во многих пунктах зороастрийских погребений упоминаются/описываются архитектурные погребальные конструкции (объекты Ак-Бешима и Красной Речки, Новопокровский некрополь). Они не указываются напрямую, когда информация вторична и/или речь идет о единичном случае нахождения погребения/оссуария. Но при описаниях окружающего ландшафта упоминаются холмы, под которыми логично предполагать некие конструкции. Собранный нами материал недостаточен для классификации архитектурных конструкций, но позволяет говорить о разных типах — наземных и подземных, купольных и сводчатых и, возможно, оградах, а также о погребальных платформах.

Почти для всех точек фиксации отмечаются погребения в керамических сосудах (оссуариях, хумах, котлах) и кучками костей. Они фиксировались внутри архитектурных конструкций, между ними, под ними и около них в грунте в специальных ямках.

Практически в каждом случае в тех же местах отмечаются погребения по обряду труположения. Оснований утверждать их синхронность или асинхронность нет. Мы предполагаем, что зороастрийские места погребений изначально пытались формировать как изолированные, но позже здесь же хоронили по обряду труположения. Это дает основания к социологическим и культурологическим реконструкциям, что может стать отдельным исследованием в будущем.

На настоящем этапе исследования мы констатируем, что «зороастрийские» погребения Чуйской долины очень разнообразны. Кажется, более разнообразны, чем в Согде! Но все их объединяет то, что это погребения предварительно очищенных костей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Байпаков К. М., Горячева В. Д. Семиречье // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 151–162.

Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан // Сочинения. М.: Наука, 1966. Т. 4. С. 243–261.

Виноградова А. Археологические разведки Виноградовой А. в августе м-це 1930 г. в районе Чуйской электростанции Фрунзенского кантона Киргизской АССР. 1930б. // Рукописный фонд НАН КР. Дело № 8.

Виноградова А. Черновые материалы археологических исследований в р-не Покровки Фрунзенского кантона Кирг. ССР. 1930а. // Рукописный фонд НАН КР. Дело № 9.

Горячева В. Д. Город золотого верблюда. Фрунзе: Илим, 1988. 117 с.

Горячева В. Д. Наусы некрополя Краснореченского городища // Красная Речка и Бурана. Фрунзе: Илим, 1989. С. 85–95.

Горячева В. Д., Береналиев О. Раскопки Краснореченского городища // Археологические открытия в 1978 году. М.: Наука, 1979. С. 590–591.

Горячева В. Д., Перегудова С. Я. Исследования на Краснореченском городище в 1986–1987 годах. Отчет о полевых исследованиях Краснореченского отряда Киргизской историко-археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР в 1986 и 1987 гг. Фрунзе, 1988. Археологический архив ИИАЭ НАН КР. № 812.

Горячева В. Д., Тур С. С. Работы на Краснореченском городище в 1984 г. Отчет о полевых исследованиях Краснореченского отряда Киргизской историко-археологической экспедиции. Фрунзе, 1985. Археологический архив ИИАЭ НАН КР. № 769.

Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. 186 с.

Кольченко В. А. Археологические исследования в Кыргызстане в 1928–1930 гг. (работы М. П. Грязнова, М. В. Воеводского, А. И. Тереножкина и Палеоэтнологической экспедиции ГАИМК) // Степи Евразии в древности и средневековье. ММНК к 100-летию М. П. Грязнова. СПб.: изд-во Гос. Эрмитажа, 2002. Кн. 1. С. 43–47.

Кольченко В. А. К типологии оссуариев Чуйской долины // Ош-3000 и культурное наследие народов Кыргызстана. Бишкек: Мурас, 1999. Вып. 2. С. 49–54.

Кольченко В. А. Новое об оссуариях Чуйской долины // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Вып. 2. Бишкек, 2007. С. 45–51.

Кольченко В. А. Новопокровский средневековый некрополь (по материалам раскопок 1930 г.) // Центральная Азия от Ахеменидов до Тимуридов: материалы МНК к 100-летию А. М. Беленицкого (СПб., 2–5.11.2004). СПб., 2005. С. 269–273.

Кольченко В. А. О местонахождении краснореченских оссуариев // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек, 2008. Вып. 3. С. 41–48.

Кольченко В. А. Серия оссуариев 2012 г. с городища Красная Речка // Живопись Афрасиаба: проблемы изучения, интерпретации и сохранения: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию музея Афрасиаба и Института археологии им. Я. Гулямова. Самарканд, 2021. С. 217–224.

Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. М.: Наука, 1959. Т. II. С 155–242.

Кызласов Л. Р. Кызласов Л. Р. Городская цивилизация срединной и северной Азии. М.: Восточная литература, 2006. 358 с.

Кызласов Л. Р. Кызласов Л. Р. Остатки замка VI–VII вв. на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Советская археология. 1958. № 3. С. 152–161.

Мейтарчиян М. Б. Полевой дневник. Краснореченский археологический отряд 1987 г. Археологический архив ИИАЭ НАН КР.

Михеева А. А. Погребальный обряд христиан Средней Азии и Южного Казахстана по археологическим источникам (IV — начало XIII в.) // Христианский Восток. Т. 9 (XV). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2021. С. 317–366.

Мотов Ю. А. Отчет об археологическом обследовании городища Красная Речка и об археологическом надзоре на разрушаемом некрополе у с. Ивановка в 1982 г. Алма-Ата, 1982. Археологический фонд ИИАЭ НАН КР.

Тереножкин А. И. Картотека археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2012б. С. 38–63.

Тереножкин А. И. Археологические разведки по долине р. Чу в 1929 году // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 5–6. С 138–150.

Тереножкин А. И. Дневник археологических разведок 1929 г. в долине р. Чу // Архивные материалы по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2012а. с. 28–37.

Торгоев А. И. Тянь-Шанская археологическая экспедиция: основные итоги работ 2007–2013 гг. // Экспедиции. Археология в Эрмитаже. Санкт-Петербург: Славия, 2014. С. 311–330.

Фетисов А. М. Раскопки кургана Ак-Тепе в Чуйской долине Семиреченской области Токмакского уезда // Археология Центральной Азии: архивные материалы. Самарканд: МИЦАИ, 2015. Т. 2. 125 с.

Чуйская долина. Труды Семиреченской археологической экспедиции. М.; Л.: Наука, 1950. 158 с., (Материалы и исследования по археологии СССР. № 14).

References

Вайраков К. М., Goryacheva V. D. Semirech'e [Semirechye]. *Arkheologiya. Srednyaya Aziya i Dal'nii Vostok v ehpokhu srednevekov'ya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov'e* [Archeology. Central Asia and the Far East in the Middle Ages. Central Asia in the Early Middle Ages]. Moscow: Nauka, 1999, pp. 151–162 (in Russian).

Bartold V. V. Otchet o komandirovke v Turkestan [Report on a business trip to Turkestan]. *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Nauka, 1966, pp. 243–261 (IRAIMK, T. 2, 1922, vol. 4, pp. 1–22 (in Russian)).

Chuiskaya dolina. Trudy Semirechenskoi arkheologicheskoi ehkspeditsii [Chuiskaya Valley. Proceedings of the Semirechensk archaeological expedition]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1950, 158 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR] № 14) (in Russian).

Fetisov A. M. Raskopki kurgana Ak-Tepe v Chuiskoi doline Semirechenskoj oblasti Tokmanskogo uezda [Excavations of the Ak-Tepe mound in the Chuya valley of the Semirechensk region of the Tokmak region]. *Arkheologiya Tsentral'noi Azii: arkhivnye materialy* [Archeology of Central Asia: archival materials]. Samarkand: MITSAL, 2015, vol. 2, 125 p. (In Russian).

Goryacheva V. D. *Gorod zolotogo verblyuda* [The City of the Golden Camel]. Frunze: Ilim, 1988, 117 p. (In Russian).

Goryacheva V. D. Nausy nekropolya Krasnorechenskogo gorodishcha [On the site of the Krasnorechenskoye settlement necropolis]. *Krasnaya Rechka i Burana* [Krasnaya Rechka and Burana]. Frunze: Ilim, 1989, pp. 85–95 (in Russian).

Goryacheva V. D., Berenaliev O. Raskopki Krasnorechenskogo gorodishcha [Excavations of the Krasnorechensk settlement]. *Arkheologicheskie otkrytiya v 1978 godu* [Archaeological discoveries in 1978]. Moscow: Nauka, 1979, pp. 590–591 (in Russian).

Goryacheva V. D., Peregudova S. Ya. Issledovaniya na Krasnorechenskom gorodishche v 1986–1987 godakh. Otchet o polevykh issledovaniyakh Krasnorechenskogo otryada Kirgizskoi istoriko-arkheologicheskoi ehkspeditsii Instituta istorii AN Kirgizskoi SSR v 1986 i 1987 gg. [Research at Krasnorechenskoye settlement in 1986–1987. Report on the field research of the Krasnorechensk detachment of the Kyrgyz Historical and Archaeological Expedition of the Institute of History of the Academy of Sciences of the Kyrgyz SSR in 1986 and 1987]. *Arkheologicheskii arkhiv IAE NAN KR* [Archaeological Archive of the Institute of Archaeological Research of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic]. Frunze, 1988, no. 812 (in Russian).

Goryacheva V. D., Tur S. S. Raboty na Krasnorechenskom gorodishche v 1984 g. Otchet o polevykh issledovaniyakh Krasnorechenskogo otryada Kirgizskoi istoriko-arkheologicheskoi ehkspeditsii [Works at the Krasnorechenskoye settlement in 1984. Report on the field research of the Krasnorechensk detachment of the Kyrgyz historical and Archaeological expedition] *Arkheologicheskii arkhiv IAE NAN KR* [Archaeological Archive of the Institute of Archaeological Research of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic], Frunze, 1985, no. 769 (in Russian).

Kolchenko V. A. Arkheologicheskie issledovaniya v Kyrgyzstane v 1928–1930 gg. (raboty M. P. Gryaznova, M. V. Voevodskogo, A. I. Terenozhkina i Paleohtnologicheskoi ehkspeditsii GAIMK) [Archaeological research in Kyrgyzstan in 1928–1930 (works by M. P. Gryaznov, M. V. Voevodsky, A. I. Terenozhkin and the Paleoethnological expedition of GAIMK)]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. MMNK k 100-letiyu M. P. Gryaznova* [Steppes of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. MMNK to the 100th anniversary of M. P. Gryaznov]. St. Petersburg: Publishing house of the State Hermitage Museum, 2002, book 1, pp. 43–47 (in Russian).

Kolchenko V. A. K tipologii ossuarijev Chuiskoi doliny // Novoe o drevnem i srednevekovom Kyrgyzstane [On the typology of ossuaries of the Chui Valley] *Osh-3000 i kul'turnoe nasledie narodov Kyrgyzstana* [Osh-3000 and the cultural heritage of the peoples of Kyrgyzstan]. Bishkek, 1999, iss. 2, pp. 49–54 (in Russian).

Kolchenko V. A. Novoe ob ossuariyakh Chuiskoi doliny [New information about the ossuaries of the Chui Valley]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials

and research on the archeology of Kyrgyzstan] Bishkek: Muras, 2007, iss 2, pp. 45–51 (in Russian).

Kolchenko V.A. Novopokrovskii srednevekovyi nekropol' (po materialam raskopok 1930 g.) [Novopokrovsky medieval necropolis (based on excavation materials from 1930)]. *Tsentral'naya Aziya ot Akhemenidov do Timuridov: materialy MNK k 100-letiyu A.M. Belenitskogo* (SPb., 2–5.11.2004) [Central Asia from the Achaemenids to the Timurids: materials of the IOC for the 100th anniversary of A.M. Belenitsky (SPb., 2–5.11.2004)]. St. Petersburg, 2005, pp. 269–273 (in Russian).

Kolchenko V.A. O mestonakhozhdenii krasnorechenskikh ossuariyev [About the location of Krasnorechensk ossuaries]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana* [Materials and research on the archeology of Kyrgyzstan]. Bishkek, 2008, iss, 3, pp. 41–48 (in Russian).

Kolchenko V.A. Seriya ossuariyev 2012 g. s gorodishcha Krasnaya Rechka [A series of ossuaries in 2012 from the Krasnaya Rechka settlement]. *Zhivopis' Afrasiaba: problemy izucheniya, interpretatsii i sokhraneniya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 50-letiyu muzeya Afrasiaba i Instituta arkheologii im. Ya. Gulyamova* [Afrasiab painting: problems of study, interpretation and preservation. Proceedings of the International Scientific Conference dedicated to the 50th anniversary of the Afrasiab Museum and the Gulyamov Institute of Archaeology]. Samarkand, 2021, pp. 217–224 (in Russian).

Kozhemyako P.N. *Rannesrednekovye goroda i poseleniya Chuiskoi doliny* [Early medieval towns and settlements of the Chui Valley]. Frunze, 1959, 186 p. (In Russian).

Kyzlasov L.R. Arkheologicheskie issledovaniya na gorodishche Ak-Beshim v 1953–1954 gg. [Archaeological research at the Ak-Beshim settlement in 1953–1954]. *Trudy Kirgizskoi arkheologo-ethnograficheskoi ehkspeditsii* [Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition]. Moscow: Nauka, 1959, vol. 2, pp. 155–242 (in Russian).

Kyzlasov L. R. *Gorodskaya tsivilizatsiya sredinnoi i severnoi Azii* [Urban civilization of Central and Northern Asia]. Moscow: Oriental Literature, 2006, 358 p. (In Russian).

Kyzlasov L. R. Ostatki zamka VI–VII vv. na gorodishche Ak-Beshim v 1953–1954 gg. [The remains of a castle of the VI–VII centuries at the Ak-Beshim settlement in 1953–1954]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology], 1958, no. 3, pp. 152–161 (in Russian).

Meitarchiyan M. B. Polevoi dnevnik. *Krasnorechenskii arkheologicheskii otryad 1987 g. Arkheologicheskii arkhiv IAE NAN KR* [Field diary. Krasnorechensk Archaeological Detachment, 1987. Archaeological Archive of the Institute of Archaeological Research of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic] (in Russian).

Mikheeva A.A. Pogrebal'nyi obryad khristian Srednei Azii i Yuzhnogo Kazakhstana po arkheologicheskim istochnikam (IV nachalo XIII v.) [Funeral rite of Christians of Central Asia and Southern Kazakhstan according to archaeological sources (IV beginning of the XIII century)]. *Khristianskii Vostok. Tom 9 (XV)* [Christian East. Vol. 9 (XV)]. St. Petersburg: Publishing House of the State Hermitage Museum, 2021, pp. 317–366 (in Russian).

Motov Yu. A. Otchet ob arkheologicheskom obsledovanii gorodishcha Krasnaya Rechka i ob arkheologicheskom nadzore na razrushaemom nekropole u s. Ivanovka v 1982 g. Alma-Ata, 1982 [Report on the archaeological survey of the Krasnaya Rechka settlement and on the archaeological supervision of the destroyed necropolis near the village of Ivanovka in 1982]. *Arkheologicheskii fond IAE NAN KR* [Archaeological Fund of the Institute of Archaeological

Research of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic]. Alma Ata, 1982 (in Russian).

Terenzhkin A. I. Arkheologicheskie razvedki po doline r. Chu v 1929 godu [Archaeological exploration of the Chu River valley in 1929]. *Problemy istorii dokapitalisticheskikh obshchestv* [Problems of the history of pre-capitalist societies] 1935, no. 5–6, pp. 138–150 (in Russian).

Terenzhkin A. I. Dnevnik arkheologicheskikh razvedok 1929 g. v doline r. Chu [Diary of archaeological exploration in 1929 in the valley of the Chu river]. *Arkhivnye materialy po arkheologii Kyrgyzstana* [Archival materials on archeology of Kyrgyzstan]. Bishkek: Ilim, 2012a, pp. 28–37 (in Russian).

Terenzhkin A. I. Kartoteka arkheologicheskikh razvedok 1929 g. v doline r. Chu [A file of archaeological surveys in 1929 in the valley of the Chu river]. *Arkhivnye materialy po arkheologii Kyrgyzstana* [Archival materials on archeology of Kyrgyzstan]. Bishkek: Ilim, 2012b, pp. 38–63 (in Russian).

Torgoev A. I. Tyan' — Shanskaya arkheologicheskaya ehkspeditsiya: osnovnye itogi rabot 2007–2013 gg. [The Tien Shan archaeological expedition: the main results of the work in 2007–2013]. *Ehkspeditsii. Arkheologiya v Ehrmitazhe* [Expeditions. Archeology at the Hermitage]. St. Petersburg: Slaviya, 2014, pp. 311–330 (in Russian).

Vinogradova A. Arkheologicheskie razvedki Vinogradovoi A. v avguste m-tse 1930 g. v raione Chuiskoi ehlektrostantsii Frunzenskogo kantona Kirgizskoi ASSR. 1930b [Archaeological exploration of Vinogradova A. in August of 1930 in the area of the Chuiskaya power plant of the Frunze canton of the Kyrgyz ASSR. 1930b]. *Rukopisnyi fond NAN KR* [The Manuscript Fund of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic], File no. 8 (in Russian).

Vinogradova A. Chernovye materialy arkheologicheskikh issledovaniy v r-ne Pokrovki Frunzenskogo kantona Kirg. SSR. 1930a [Rough materials of archaeological research in the Pokrovka district of the Frunze canton of the Kirg. SSR. 1930a]. *Rukopisnyi fond NAN KR* [The Manuscript Fund of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic], File no. 9 (in Russian).

Статья поступила в редакцию: 18.10.2025

Принята к публикации: 08.04.2026

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 902/904; 299.4

DOI 10.14258/nreur(2026)2–11

С. Г. Боталов

Южно-Уральский государственный университет, Челябинск (Россия)

МАНИХЕЙСТВО И ШАМАНИЗМ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ВЕНГРОВ ЮЖНОГО УРАЛА И КАРПАТСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Статья посвящена анализу изобразительных элементов ременной гарнитуры, связанных с религиозными представлениями в среде кочевников Южного Урала IX–X вв. Среди манихейских и несторианских материалов особо выделяются сюжетные линии, связанные с буддийско-индуистскими традициями. Наиболее яркими из персонифицированных образов являются: *авалоки-ташвара*; *танцующие девы* — «*апсары*»; *многорукая богиня плодородия и материнства Парвати* в позе падмасана и с цветами в руках и образ *богини смерти Кали*. Также большую серию их составляет образ *собаки шицза*, так называемой *сидящей собаки, восходящей ко льву Будды*.

Материалы из памятников Карпатской котловины времен обретения родины подтверждают наличие манихейских черт в отдельных образах (цветы смоквы, парные птички, собака шицза, несторианский крест), между тем угадываются и черты венгерского шаманизма (это образы совы, орла-сокола и водоплавающих птиц, древа жизни), что указывает на сосуществование двух религиозных горизонтов — манихейского и языческого. Эти традиции сохраняются в венгерском обществе вплоть до принятия христианства, хотя проявления отдельных из них наблюдаются и в более позднее время.

Ключевые слова: буддизм, индуизм, шаманизм, средневековье, манихейство, несторианство

Для цитирования:

Боталов С. Г. Манихейский и буддийско-индуистский комплекс в материалах протовенгерского населения Южного Урала // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 267–281. DOI 10.14258/nreur(2026)2–11

Боталов Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Научно-образовательного центра евразийских исследований, профессор кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение» Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет), Челябинск (Россия); ведущий научный сотрудник Южно-Уральского археологического центра Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург (Россия). **Адрес для контактов:** grig@csc.ac.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5319-2331>

S. G. Botalov

South Ural State University, Chelyabinsk (Russia)

MANICHAISM AND SHAMANISM OF THE MEDIEVAL HUNGARIANS OF THE SOUTHERN URALS AND THE CARPATHIAN BASIN

The paper deals with analysis of the pictorial images of the belt set associated with religious ideas among the nomads of the Southern Urals in the ninth-tenth centuries. The plot lines associated with the Buddhist-Hindu traditions stand out among the Manichaean and Nestorian materials. The brightest of the personified images are: *Avalokiteśvara*; *dancing maidens* — «*Apsaras*»; *the many-armed goddess of fertility and motherhood Parvati* in the padmasana pose and with flowers in her hands and the image of the *goddess of death Kali*. Also, a large series of the images is represented by *the dog Shisha*, *the so-called sitting dog*, *ascending to the lion of Buddha*.

Materials from the sites of the Carpathian Basin of the time of the acquisition of the homeland confirm the presence of Manichaean features in certain pictorial images (fig flowers, paired birds, the Shisha dog, the Nestorian cross), while features of Hungarian shamanism are also discernible. They are expressed in images of an owl, a falcon eagle and waterfowl, the tree of life. It indicates the coexistence of two religious horizons — Manichaean and pagan. These traditions were preserved in Hungarian society until the adoption of Christianity, although the manifestation of some of them can be observed at a later time.

Keywords: Buddhism, Hinduism, shamanism, the Middle Ages, Manichaeism, Nestorianism

For citation:

Botalov S. G. Manichaeism and Buddhist-Hindu complex in the materials of the proto-Hungarian population of the Southern Urals. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 267–281. DOI 10.14258/nreur(2026)2–11

Botalov Sergey Gennadievich, doctor of historical Sciences, Chief Researcher, Scientific and Educational Center for Eurasian Studies, Professor, Department of International Relations, Political Science and Regional Studies, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk (Russia); Leading Researcher, South Ural Archaeological Center, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg (Russia). **Contact address:** grig@csc.ac.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5319-2331>

Введение

Буддийско-индуистская тематика в кочевнических материалах средневековья относительно недавно была раскрыта в работах различных исследователей [Король, 2008:

85–94, 137–149; Король, Наумова, 2017: 16–25, 48–50]. Анализ Субботцевского комплекса, который сегодня большинством исследователей соотносится с венграми на Среднем Днепре, позволил выявить интересную интерпретацию поясной гарнитуры: на щитке пряжки присутствовал манихейский образ Иисуса с поднятым двуперстием. Венгерский коллега Клима Ласло предложил интерпретацию еще двух изображений — *ава-локи-ташвара* и *танцующие девы* — «*ансары*». Предложенная им картография подобных находок включает Катериновку, Новониколаевку (Поднепровье), Ишимбаевский могильник (Башкортостан) и Редикорский клад (Пермский край) [Klima Laszlo, 2018: 136–149] (рис. 1.-8; 2.-1-7).

Рис. 1. Манихейская и несторианская символика в кочевнических памятниках: 1–7, 10, 11, 13–20 — погребальный комплекс Уелги; 8 — Субботцы (Среднее Поднепровье); 9 — Красная речка (Невакет, Семиречье); 12 — Зевакинский могильник

Fig. 1. Manichaean and Nestorian symbolism in nomadic sites: 1–7, 10, 11, 13–20 — Uelgi burial complex; 8 — Subbotts (Middle Dnieper region); 9 — Krasnaya Rechka (Nevaket, Semirechye); 12 — Zevakinsky burial ground

Рис. 2. Буддийская символика в урало-казахстанских памятниках IX–X вв.: 1–3 — Редикор (Пермский край); 4 — Ишимбаево (Башкортостан); 5 — Зевакинский могильник; 6 — Субботцы (Среднее Поднепровье); 7 — танцующие девы апсары (по: [Klima Laszlo, 2018: 147, fig. 6]), барельеф; 8, 11, 14–19 — погребальный комплекс Уелги; 9 — богиня Кали, Храм Хойсашвара, святилище Шантта лешвара, настенный барельеф; 10 — Баяновский

могильник; 12, 13 — богиня плодородия и материнства Парвати (по: [Король, Наумова, 2017: 49, рис. 24]; 20–22 — Карпатская котловина; 23 — местонахождение Дубровное (Тюменская область)

Fig. 2. Buddhist symbolism in the Ural-Kazakhstani sites of the ninth-tenth centuries: 1–3 — Redikor (Perm Krai); 4 — Ishimbaevo (Bashkortostan); 5 — Zevakinsky burial ground; 6 — Subbottsy (Middle Dnieper region); 7 — dancing Apsaras maidens (after: [Klima Laszlo, 2018: 147, Fig. 6]), bas-relief; 8, 11, 14–19 — Uelgi burial complex; 9 — goddess Kali, Khoysashvara Temple, Shantta leshvara sanctuary, wall bas-relief; 10 — Bayanovsky burial ground; 12, 13 — goddess of fertility and motherhood Parvati (according to: [Korol, Naumova, 2017: 49, Fig. 24]; 20–22 — Carpathian Basin; 23 — Dubrovnoye locality (Tyumen Oblast)

Анализ источников

Наибольшее количество этих тематических сюжетов были обнаружены в погребальном комплексе Уелги, где найдены четыре округлых накладки — *многорукой богини плодородия и материнства Парвати* в позе падмасана и с цветами в руках (рис. 2.-11). Очень похожие накладки в этой же позе известны на поясе из погребения 357 Баяновского могильника [Подосенова, 2018: 129–132, рис. 4, 5] (рис. 2.-10).

Еще один яркий тематический образ изображен на полиметаллической накладке из кургана 14 погребального комплекса Уелги. Судя по сюжетным элементам: меч-секира в левой руке, отрубленная голова в правой руке, черепа в верхней части накладки и сложный головной убор — это изображение другой богини — *богини смерти Кали* (рис. 2.-8, 9).

Наиболее ярким буддийским восточным стилистическим образом, обнаруженным в материалах средневековых памятников Южного Урала и в погребальном комплексе Уелги, в частности, является серия зооморфных изображений. Самое большое количество их составляет образ *собаки шицза*, так называемой *сидячей собаки, восходящей ко льву Будды* [Король, Наумова, 2017: 19–21, рис. 9, 10]. Этот универсальный буддийский образ собаки и сидящего льва встречается в памятниках Татарстана и Южного Урала, а также Карпатской котловины [Комар, 2018: 345, рис. 30–17; Халикова, Халиков, 2018: 127, табл. XIX-6; The Ancient Hungarians, 1996: 154, 6; Horváth Ciprián, 2022: 125, 72.-2; 212, 34.-3–6] (рис. 2.-14–22). Большое количество этих изображений встречены в пределах Саяно-Алтая, в этой связи мы не приводим эти аналогии, ссылаясь на авторов, уделивших этому сюжету особые разделы [Король, Наумова, 2017, рис. 9].

Большая коллекция зооморфных изображений собак, обнаруженных в памятниках Семиречья, и львов из Краснореченского и Ак-Башимского городищ относится к комплексам VIII–IX вв. [Торгоев, 2003: 285–287, рис. 20; Торгоев, 2004, рис. a1, 3В 10, 11; 015–17]. В Карпатской котловине также найдены три накладки с образом *собаки шицза* [The Ancient Hungarians, 1996: 154, 6], что явно маркирует устойчивость буддийско-манихейских традиций в среде средневековых кочевников эпохи обретения родины.

Среди артефактов, обнаруженных в местонахождении Дубровное (Тюменская область), найден бронзовый литой зажим (одна створка). В центральной его части изображение из четырех пересекающихся окружностей или эллипсов (рис. 2.-23) — это так называемый *бесконечный узел*, или «*узел счастья*». По мнению С. В. Баштанника, *бесконечный узел* — один из важных буддийских символов. Он является атрибутом бо-

гини Шриватса, персонифицирующей этот знак в ряду «восьми благих эмблем». Это символ бесконечности и интеллектуального познания и внеконцептуальной глубины Учения Будды (Драхмы) и взаимозависимости всех явлений и живых существ во Вселенной. Он демонстрирует взаимозависимость всех обусловленных вещей и явлений, проявляющихся в мире, а также единство, недвойственность проявлений и пустоты, и является одним из восьми «благих символов» буддизма, символизирует стремление к познанию тайн бессмертия, вечной молодости и красоты [Баштанник, 2019: 34].

Буддийско-индуистские образы, безусловно, дополняют материалы манихейско-несторинского круга, которые встречены в урало-казахстанских памятниках IX–X вв. Это образ пламенеющей жемчужины (рис. 1.-1–6), Мани или Иисус с поднятым двуперстием (рис. 1.-7), образ парных птиц (рис. 1.-9–12) и, наконец, образ креста (рис. 1.-13–20).

Эти реалии прозелитарных религий появляются в археологических материалах Южного Урала начиная с IX в., в тот период, когда в рамках этого региона начинают складываться этнокультурные сообщества, которые впоследствии станут основой будущих племенных союзов протомадьяр, башкир и кыпчаков.

В своих работах мы неоднократно касались вопросов существования элементов монорелигиозных представлений (несторинство, манихейство, буддизм) в среде южноуральских кочевников в IX–X вв. Как правило, основной посыл в интерпретации тех или иных материалов сводился к общеманихейской, как наиболее синкретической религии, существовавшей на тот момент (с 762 до 840 г.) как государственная в Орхоно-Уйгурском каганате. Как известно, манихейская религия способна была вбирать элементы христианско-несторинских, индуистско-буддийских и даже зороастрийских представлений [Боталов, Байогул, 2017: 98–103; Боталов, 2022: 45–64; Боталов, 2023: 76–83; Боталов, 2024: 271–289]. В этой связи все сюжеты, связанные с религиозными представлениями, рассматривались в единой манихейской стилистической традиции.

В предшествующих работах нами подробно рассматривались вопросы семантики изображений предметов мелкой торевтики, которые встречены в предметах ременной гарнитуры и украшений из погребений некрополя Уелги. Выделено несколько манихейских стилистических групп: образ пламенеющей жемчужины, несторинские сюжеты (образ Христа с поднятым двуперстием, образ парных птиц и Древа жизни), образ креста [Боталов, 2024: 271–289].

Многие из перечисленных сюжетов буддийско-индуистской и манихейско-несторинской тематики (образы собаки шицза, парных птиц, креста, цветка смоквы и Древа жизни) присутствуют не только в восточно-мадьярских памятниках Урало-Поволжья, но и в материалах памятников Карпатской котловины [The Ancient Hungarians, 1996: 73, fig. 2; 80, fig. 6; 88, 89, fig. 11, 12; 96, 97, fig. 23–25; 106, 107, fig. 41–44; 112, fig. 1; 114, fig. 3–5; 120, 121, fig. 1–2; 128, fig. 1; 132, 133, fig. 2–3; 154, fig. 6; 169, fig. 1; 174, fig. 1; 178, fig. 1; 179, fig. 1; 182, 183, fig. 1–3; 187, fig. 1; 189, fig. 9–11; 198, 199, fig. 1–3; 215, fig. 1; 217, fig. 4; 228, fig. 2; 236, 237, fig. 1, 2; 283, fig. 1; 293, fig. 1; 295, fig. 1; 297, fig. 1; 307, fig. 1; 322, fig. 1; 331, fig. 1; 342, fig. 1, 2; 375, fig. 1; 380, fig. 1; 389, fig. 1; 399, fig. 1; 401, fig. 1–3]. Это косвенным образом указывает на то, что эти религиозные традиции были привнесены венграми на запад в период обретения родины.

Однако наиболее представительной является буддийско-индуистская стилистическая группа, которая охарактеризована выше.

Несложный анализ южноуральских материалов, связанных с элементами прозелитарных религий, наводит на мысль о том, что буддийско-индуистские практики представлены наиболее информативно. В имеющихся материалах присутствует как минимум семь буддийско-индуистских персоналий и образов, что значительно больше, чем в других манихейских и несторианских религиозных линиях.

Вероятно, это, хотя и косвенным образом, но в определенной мере указывает на особое положение буддизма среди кочевников раннего и развитого средневековья. Историческая фабула указывает на то, что алгоритм сосуществования различных конфессий в манихейском пантеизме происходил на разных этапах развития и существования кочевых империй и был весьма различным. Вот что по этому поводу замечает С. В. Баштанник.

Исторический аспект

Уйгуры в середине VIII в. в значительной степени находились под влиянием центральноазиатской версии буддизма, который после завоевания Турфана в 604 г., был провозглашен государственной религией. Уйгурский каган принял титул «принца-бодхисатвы». Но в 762 г. уйгурский Бегю-каган государственной религией Уйгурского каганата объявил манихейство. Абурайхан Бирунин писал, что «веру Мани и его учение исповедует большинство восточных тюрков, обитатели Китая, Тибета и части Индии». Это в определенной мере был политический шаг, так как уйгуры претендовали на контроль над Восточным Туркестаном, среди городского населения которого было много купцов — выходцев из Согда, исповедовавших манихейство. Религией коренного населения оставался буддизм. В 840 г. Уйгурский каганат был разгромлен кыргызами, которые тем не менее восприняли некоторые религиозно-мировоззренческие взгляды родственных им уйгуров. В период «кыргызского великодержавия» (IX–X вв.) манихейство распространилось до северных границ Кыргызского каганата в верховьях Енисея. О распространении манихейства в Саяно-Алтайском регионе Южной Сибири свидетельствуют археологические раскопки в долине р. Уйбат в Хакасии. Они выявили функционирование здесь манихейского религиозного центра, включавшего шесть храмов и пять святилищ стихий, причем архитектурно он был подобен согдийским сооружениям в Туве и Синьцзяне. В 90 км от Уйбатского центра в долине Пююр-сух в 1970-е гг. был раскопан манихейский храм, существовавший в VIII–X вв. [Баштанник, 2019: 35].

Действительно, на первых порах манихейство носило воинствующий характер по отношению к другим конфессиям. Оказавшись у власти, манихейское духовенство стало достаточно нетерпимо относиться к иным культурам. Это привело к тому, что кыргызы обратились к христианству, которое, в свою очередь, выступало в качестве идейной основы военного союза с карлуками. Карабалгасунская надпись, ознаменовавшая принятие кочевыми уйгурами манихейства, содержала следующие слова: «Мы были невежественны в прошлом и называли демона буддой, теперь мы уже не повторим таких ошибок».

Однако, еще в момент своего возникновения вобравшее в себя множество элементов буддизма, манихейство постепенно стало переходить к мирному сосуществова-

нию с этой религией, выражаясь в похожих почти до степени неразличимости культурных и социальных формах. Постепенно даже среди элиты Гаочан-Уйгурского государства буддизм стал играть роль не менее важную, чем манихейство [Желобов, 2012: 8].

На наш взгляд, эти процессы своеобразным способом отразились и в материалах кочевнических некрополей Южного Урала, где буддийский след в кочевнической торевтике наиболее выразителен и многообразен.

Остаются некоторые вопросы. Во-первых, насколько глубоко исповедовался буддизм в кочевнической среде? Думается, что более осознанно эти религиозные представления могли восприниматься кочевой элитой, так как приверженность той или иной доктрине в течение VIII–X вв. была значительно политизирована (уйгурское манихейство, кыргызское несторианство и буддизм). Эти религиозные течения могли проникать на Южный Урал как напрямую с Алтая, так и с Семиречья из тюркских столиц Суяб и Невкет, где до X в. существовали манихейские, несторианские и буддийские храмы и церкви. Что касается простосословного населения, то оно, вероятно, принимало различные религии спонтанно, как дополнительные яркие образы в канве ритуалов традиционного шаманизма. Во-вторых, некрополи, в которых встречаются эти знаковые вещи, связанные с монорелигиями: манихейством, несторианством, буддизмом и индуизмом, по общему мнению, соотносятся с протомадьярскими памятниками лесостепной полосы от Урала (Уелги, Синеглазовский, Ишимбаевский, Баяновский могильники, Радикор) до Татарстана и Поволжья (Большетиганский, Танкевский, Немчанка, Крюковско-Кужновский, Лядновский) и далее на Средний и Нижний Днепр (Субботцевский, Коробчино, Новониколаевка, Катериновка) и, наконец, Молдова и Карпатская котловина (Слободзея, Hortobagy-Arkus, Nogradsap, Jiszaeszlaz-Barshalom-Fenyveres). Каким образом эти духовно-религиозные представления входили в мировоззрение и идеологию будущего венгерского союза и государства и как эти практики в дальнейшем сочетались с христианскими представлениями — вероятно, это еще предстоит выяснить исследователям.

И наконец, самый главный вопрос: каким образом эти религиозные новации сочетались с языческими и шаманскими традициями древних венгров?

Исследовательский интерес к вопросам венгерского языческого шаманизма весьма велик. С середины XIX в. венгерские исследователи активно изучают этнографические данные народов Сибири и Центральной Азии с целью идентификации параллелей с венгерскими дохристианскими традициями, сохранившимися вплоть до начала XX в.

Известные венгерские ученые фольклорист и этнолог Михаил Хоппал и археолог Иштван Фодор в своих статьях, посвященных венгерскому шаманизму, приводят краткую историографию данного вопроса.

Первые упоминания о дохристианских верованиях венгров мы узнаем из хроник венгерских королей XI–XII вв. Примерно до середины XX в. происходило накопление материала в полевых экспедициях в районы Сибири и Центральной Азии. В XIX в. «романтика изучения народов» позволяет забросить некоторых из них до самых окраин Российской Империи (р. Амур — Бенедек Баратоши-Балога).

Процесс систематизации этнографических материалов начинается с середины XX в. Наиболее известной и лучшей на сей день является обобщающая монография В. Дио-

сеги [Dioszegi, 1967]. Археологические материалы по этой тематике были систематизированы известным археологом Дьюло Ласло, который, анализируя черты погребального обряда времен обретения родины, выделил важные элементы дохристианских религий [Laszlo Gy, 1944].

В результате данных исследований большинство авторов пришли к выводу, что пережитки религиозных представлений древних венгров составляют единую систему верований, которая соответствует шаманизму. Однако основные черты венгерского шаманизма имеют отчетливо выраженный гетерогенный (т.е. отличный от существующего в Сибири и Центральной Азии) характер [Хоппал, 1995: 255–259; Фодор, 2015: 119].

В контексте нашего исследования интересной будет работа Иштвана Фодора, посвященная религиозным верованиям древних венгров [Фодор, 2015]. Она построена с опорой на археологические материалы изобразительной пластики, которые были обнаружены в процессе раскопов погребальных комплексов.

Автор приводит различные образы, запечатленные в металлопластике и кости: древо жизни, орел, фантастические животные, совы, антропоморфные фигурки, небесные всадники, — и приходит к выводу, что венгерский дохристианский шаманизм относится к тенгрианству. Хотя тут же указывает, что венгерский шаманизм является некой переходной синкретической формой [Фодор, 2015]. Безусловно, солидаризируясь с основными положениями моего глубокоуважаемого коллеги о том, что приведенные артефакты и их стилистическая интерпретация как элементов шаманизма не вызывает сомнения, однако некоторые положения требуют своего дополнительного осмысления. Так, автор, неоднократно указывая на схожесть венгерского с уйгурским, тюркским и хазарским шаманизмом, при этом не упоминает, что в Уйгурском каганате с 762 г. государственной религией было манихейство, о чем уже упоминалось. В столице Западного Тюркского каганата Суябе располагались храмы, церкви и некрополи по меньшей мере трех конфессий: манихейской, христианской (несторианской) и буддийской [Кызласов, 2006]. А по упоминаниям Ибн Русте в Хазарском каганате также существовали три конфессии: мусульманская, иудейская и христианская. Возможно, это сосуществование шаманизма в непосредственном соприкосновении с носителями протестантских религий и определило ту самую гетерогенность мадьярского шаманизма?

Определившись на тенгрианском характере венгерского шаманизма, автор, тем не менее, не приводит изобразительные параллели. Попробуем это пояснить на примере орнитологических образов. В статье приводятся два примера: сова — костяные навершия посохов (Хайдудорог, Сегхалом), и орел или сокол — со сценой терзания куропадок (Карош, Земплин, Ракамаз). К этому ряду добавим еще три артефакта с орнитологическим сюжетом: это серебряный браслет (из Tiszaeszlar-Bashalom-Fenyvespart II) с изображением парных птичек-куропачек, стоящих по обе стороны от цветка смоквы [The Ancient Hungarians, 1996: 189, fig. 8–10], и накладки в виде лицевой части изображения болотной совы и костяное навершие в виде болотной птицы (кроншнеп) [The Ancient Hungarians, 1996: 263, fig. 16; 359]. Если проанализировать орнитологические образы по макрорегионам Саяно-Алтая, Сибири, Урало-Поволжья, Подонья, Украины и Карпатской котловины времен обретения родины, то выясняется нижеследующее. Орнитологический пантеон, состоящий из совы-филина, сокола-орла (в том числе со сценами терзания),

Рис. 3. Орнитологические сюжеты в мелкой металлопластике Урало-Поволжья IX–X вв.:

1 – Синеглазовский; 2, 6, 8–13 – Уелги; 3 – Пановский; 4 – Больше-Тиганский;

5 – Прыговское городище; 7 – Старо-Халиловский; 14 – Ингала; 15 – Граултры;

16 – оз. Тептярги; 17 – Байрамгулово

Fig. 3. Ornithological scenes in small metalwork from the Ural-Volga region, from the ninth to tenth centuries AD: 1 — Sineglazovsky; 2, 6, 8–13 — Uelgi; 3 — Panovsky; 4 — Bolshe-Tigansky; 5 — Prygovskoye settlement; 7 — Staro-Khaillovsky; 14 — Ingala; 15 — Graultry; 16 — Lake Teptyargi; 17 — Bayramgulovo

петушков-куропатов и водоплавающих птиц, располагается в лесной урало-сибирской зоне в памятниках с пермско-угорской металлопластикой и в Урало-Поволжской лесостепи (рис. 3). Первичная систематизация и статистика орнитологических образов Урало-Сибири в произведениях пермско-угорской металлопластики позволяет выявить три основных группы: первая включает хищных птиц (орел, беркут, сокол), подгруппу составляют сцены терзания хищными птицами человека, птиц, животных; вторая, примерно равная первой группе, — это совы, филины, и наконец, третья группа с водоплавающими (гусь, утка, лебедь) и болотными (кроншнеп, цапля) птицами.

Заключение

В настоящей статье мы не преследуем цель реконструировать мифологическое содержание данных образов, однако, заметим, что этот пантеон имел очень большое влияние на кочевое население лесостепи Урало-Поволжья и Карпатской котловины. Орел-сокол, как известно, являлся тотемом вождей, как у восточных, так и у карпатских венгров (турул — тотем арпадов), сова же в венгерской мифологии выступает как своеобразный символ шаманизма («птица душа», «птица смерти», «птица шамана») [Фодор, 2015: 122]. Орлы отсутствуют в изображениях мелкой металлопластики в регионах Саяно-Алтая и Восточного Казахстана, где преобладают фантастические птицы-фениксы, петушки и уточки [Король, 2024]. Орлы и соколы, схожие с венгерскими изображениями в так называемой геральдической позе (голова повернута вправо), появляются в Урало-Поволжье (Синеглазово, Большие Тиганы) (рис. 3.-3, 4, 6, 12, 14) и затем в большом разнообразии появляются на западе. Орлы и соколы по количеству артефактов с этим сюжетом, включая сцены терзания, занимают примерно равное место с изображением филинов и сов, что мы видим и в венгерской коллекции. Как нам представляется, означенные параллели указывают на то, что религиозно-шаманский комплекс Венгрии, равно как и Урало-Поволжья, формировался в большей мере под воздействием пермско-угорских традиций.

Вернемся к ранее означенному тезису о характере взаимодействия элементов прозелитарных религий (манихейство, буддизм, индуизм) и языческих — шаманских — традиций. Мне представляется, что эти две религиозные ипостаси при наличии антагонизма со стороны любой из сторон могли комфортно сосуществовать, поскольку их ареал социального воздействия располагался на разных уровнях. Монорелигиозные предпочтения были интересны кочевой элите, а шаманизм оставался востребованным простословным населением.

Таким образом, на Южном Урале в комплексах IX–X вв. обнаружено достаточно большое количество артефактов мелкой металлопластики, которые содержат изобразительный ряд, соответствующий манихейским изобразительным традициям: цветы и плоды смоквы, пламенеющая жемчужина, парные птицы, собака шицза, индуистско-буддийские мотивы. Нечто подобное мы фиксируем в материалах Карпатской котловины в погребениях времен обретения родины. Однако среди этих материалов содер-

жаты также артефакты, указывающие на языческий — шаманский религиозный уклад ранневенгерского общества. В этой связи анализ видового состава тотемных птиц (сова-филин, орел-сокол, водоплавающие, куропатки) указывает на явную схожесть между Уралом и Карпатской котловиной.

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24–28–20283 «Мир кочевников Южного Урала в свете мадьярской археологии (VIII–XI вв.)», <https://rscf.ru/project/24-28-20283/>

Acknowledgements and funding

This work was financially supported by the Russian Science Foundation № 24–28–20283 «The world of the nomads of the Southern Urals in the context of Magyar archeology (VIII–XI centuries)», <https://rscf.ru/en/project/24-28-20283/>

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баштанник С. В. Буддийская символика на средневековой торевтике Южной Сибири // Историческая и социально-образовательная мысль. 2019. Т. 11. № 3. С. 31–38. <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-31-38>

Боталов С. Г. Культурно-религиозные представления средневековых кочевников Южного Урала (на материалах погребального комплекса Уелги) // Stratum plus. 2022. № 5. С. 45–64. <https://doi.org/10.55086/sp2254564>

Боталов С. Г. Мировые религии и средневековые кочевники урало-казахстанских степей // Уфимский археологический вестник. 2023. Т. 23. № 1. С. 76–83. DOI: <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.007>

Боталов С. Г. Кочевники Южного Урала и новые религиозные доктрины средневековых империй Центральной Азии // Археология Евразийских степей. 2024. № 6. С. 271–289. <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.271.289>

Боталов С. Г., Байогу А. Распространение несторианства среди тюркоязычных кочевников Саяно-Алтая и Южного Урала в VI–XI вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 98–103.

Желобов Д. Е. «Три религии» гаочанских уйгуров (IX–XII вв.) // Научный диалог. 2012. Вып. 9. История. Социология. С. 6–16.

Комар А. В. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Budapest: Martin Opitz Kiado, PPKÉVTK Régészettudományi Intézet; МТАВТК Magyar Östörténeti Témacsoport [Издательство «Мартин Опиц», Институт археологии Факультета гуманитарных и естественных наук Университета Пазмань Петера (РРКЕ ВТК); Венгерская исследовательская группа по древней истории Центра гуманитарных наук Исследовательского центра естественных наук Венгерской академии наук (МТА ВТК)], 2018. 426 с.

Король Г. Г. Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. Вып. V. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с.

Король Г. Г. Орнитоморфные мотивы средневекового художественного металла Саяно-Алтая и Тянь-Шаня // Проблемы истории, филологии, культуры. 2024. № 4. С. 317–337.

Король Г. Г., Наумова О. Б. *Художественный металл у кочевников (Центральная Азия рубежа I–II тыс.)*. М.: ИА РАН, 2017. 128 с.

Кызласов Л. Р. Символ креста у манихеев и сакральное пространство города Суяба на реке Чу // *Вестник Московского университета. Серия 8. История* (2). 2006. № 2. С. 138–150.

Подосенова Ю. А. «Древневенгерские» изделия из серебра на территории Пермского Предуралья в эпоху средневековья // III Международный Мадыарский симпозиум. Будапешт, 6–10 июля 2016 г. (3. Nemzetközi Korai Magyar Történeti és régészeti konferencia. Budapest, 2016. Június 6–10). Budapest: Martin Opitz Kiadó — РРКЕ ВТК Régészettudományi Intézet — МТА ВТК Magyar Őstörténeti Témacsop, 2018. С. 121–136.

Торгоев А. И. О хронологии наременных украшений Семиречья // *Степи Евразии в древности и средневековье*. Кн. II: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения М. П. Грязнова. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 285–289.

Торгоев А. И. Звериные образы на ременной гарнитуре Семиречья // *Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции*. Материалы тематической научной конференции. СПб: СПбГУ, 2004. С. 338–341.

Халикова Е. А., Халиков А. Х. Ранние венгры на Каме и Урале. (Больше-Тиганский могильник). Казань: Фэн, 2018. 144 с.

Хоппал М. Следы шаманизма в венгерских народных верованиях. Шаманизм и ранние религиозные представления. М.: ИЭиА РАН, 1995. С. 255–259.

Фодор И. К вопросу о религиозных верованиях древних венгров // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2015. № 6 (38). С. 119–132.

Fodor I. (ed.) *The Ancient Hungarians: exhibition catalogue*. Budapest: Hungarian National Museum, 1996. 477 p.

Klima László. Eastern religious motifs on the belt mounts of subotsi group, kushnarenkovo culture and lomovatovo culture (Восточные религиозные мотивы на поясных накладках субботцевской группы кушнаренковской и ломоватовской культур) // *Археология Евразийских степей*. № 6. 2018. С. 136–149.

Dioszegi V. *A pogány magyarok hitvilága*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 142 p. (на венгер. яз.).

Horváth Ciprián. *Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetőik és szórványleletek a Nyugat-Dunántúlon I*. Budapest: Magyarságtudományi Intézet, 2022. 220 p. (на венгер. яз.).

Laszlo Gy. *A honfoglaló magyar nép élete*. Budapest: Magyar Élet Kiadása, 1944. 512 p. (на венгер. яз.).

References

Bashtannik S. V. Buddiiskaya simbolika na srednevekovi torevtike Yuzhnoi Sibiri [Buddhist symbolism in the medieval toreutics of Southern Siberia]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and socio-educational thought]. 2019, vol. 11, no 3, pp. 31–38 (in Russian). <https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-3-31-38>

Botalov S. G. Kochevniki Yuzhnogo Urala i novye religioznye doktriny srednevekovykh imperii Tsentral'noi Azii [Nomads of the Southern Urals and New Religious Doctrines of the Medieval Empires of Central Asia]. *Arkheologiya evraziiskikh stepei*

[Archaeology of the Eurasian Steppes], 2024, no 6, pp. 271–289 (in Russian). <https://doi.org/10.24852/2587-6112.2024.6.271.289>

Botalov S. G. Kul' Kul'tovo-religioznye predstavleniya srednevekovykh kochevnikov Yuzhnogo Urala (na materialakh pogrebal'nogo kompleksa Uelgi) [Cult and religious beliefs of medieval nomads of the Southern Urals (based on the materials of the Uelgi burial complex)]. *Stratum plus*, 2022, no 5, pp. 45–64 (in Russian). <https://doi.org/10.55086/sp2254564>

Botalov S. G. Mirovye religii i srednevekovye kochevniki uralo-kazakhstanskikh stepei [World religions and medieval nomads of the Ural-Kazakh steppes]. *Ufimskii arkheologicheskii vestnik* [Ufa Archaeological Bulletin], 2023, vol. 23, no 1, pp. 76–83 (in Russian). <https://doi.org/10.31833/uav/2023.23.1.007>

Botalov S. G., Bajoglu A. Rasprostranenie nestorianstva sredi tyurkoyazychnykh kochevnikov Sayano-Altaya i Yuzhnogo Urala v VI–XI vv. [The Spread of Nestorianism among the Turkic-Speaking Nomads of the Sayan-Altai and Southern Urals in the 6th-11th Centuries]. *Ural'skii istoricheskii vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2017, no 4, pp. 98–103 (in Russian).

Fodor I. K voprosu o religioznykh verovaniyakh drevnykh vengrov [On the Religious Beliefs of Ancient Hungarians]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk State University. History] 2015, no 6, pp. 119–132 (in Russian).

Khalikova E. A., Khalikov A. Kh. *Rannie vengry na Kame i Urale. (Bol'she-Tiganskii mogil'nik)* [Early Hungarians on the Kama and the Urals. (Bolshe-Tigansky burial ground)]. Kazan: Fen, 2018, 144 p. (in Russian).

Khoppal M. *Sledy shamanizma v vengerskikh narodnykh verovaniyakh. Shamanizm i rannie religioznye predstavleniya* [Traces of Shamanism in Hungarian Folk Beliefs. Shamanism and Early Religious Concepts]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology RAN, 1995, pp. 255–259 (in Russian).

Komar A. V. *Istoriya i arkheologiya drevnykh mad'yar v ehpokhu migratsii* [History and archeology of the ancient Magyars in the era of migration]. Budapest: Martin Opitz Kiado, PPKBTK Régészettudományi Intézet; MTABTK Magyar Östörténeti Témacsoport, 2018, 426 p. (in Russian).

Korol' G. G. *Iskusstvo srednevekovykh kochevnikov Evrazii: ocherki. Vypusk V* [Art of the medieval nomads of Eurasia. Essays. Issue V.]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, 332 p. (in Russian).

Korol' G. G. Ornitomorfnye motivy srednevekovogo khudozhestvennogo metalla Sayano-Altaya i Tyan' — Shanya [Ornithomorphic Motifs of Medieval Metal Art from the Sayan-Altai and Tien Shan Mountains]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, and Culture], 2024, no 4, pp. 317–337 (in Russian).

Korol' G. G., Naumova O. B. *Khudozhestvennyi metall u kochevnikov (Tsentral'naya Aziya rubezha I–II tys.)* [Artistic metal of nomads (Central Asia at the turn of the 1st-2nd millennia)]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2017, 128 p. (in Russian).

Ky'zlasov L. R. Simvol kresta u manikheev i sakral'noe prostranstvo goroda Suyaba na reke Chu [Symbol of the Cross among the Manichaeans and the Sacred Space of the City of Suyaba on the Chu River]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya* [Bulletin of Moscow University. Series 8. History]. 2006, no. 2, pp. 138–150 (in Russian).

Podosenova Yu. A. «Drevnevengerskie» izdeliya iz serebra na territorii Permskogo Predural'ya v ehpokhu srednevekov'ya [«Ancient Hungarian» Silverware in the Perm Cis-Urals in the Middle Ages]. *III Mezhdunarodnyi Mad'yarskii simpozium. Budapesht, 6–10 iyulya 2016 g.* [III International Magyar Symposium. Budapest, July 6–10, 2016]. Budapest: Martin Opitz Kiadó — PPKE BTK Régészettudományi Intézet — MTA BTK Magyar Óstörténeti Témacsop, 2018. pp. 121–136 (in Russian).

Torgoev A. I. O khronologii naremennykh ukrashenii Semirech'ya [On the chronology of belt adornments in Semirechye]. *Stepi Evrazii v drevnosti i srednevekov'e. Kniga II. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya rozhdeniya M. P. Gryaznova* [The Eurasian steppes in antiquity and the Middle Ages. Book II. Proceedings of the scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of M. P. Gryaznov]. Saint Petersburg: Publishing house of the State. The Hermitage Museum, 2003 [na oblozhke: 2002], pp. 285–289 (in Russian).

Torgoev A. I. Zverinye obrazy na remennoi garniture Semirech'ya [Animal images on the belt accessories of Semirechye]. *Izobrazitel'nye pamyatniki: stil', ehpokha, kompozitsii. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii* [Fine art monuments: style, era, composition. Proceedings of the thematic scientific conference]. Saint Petersburg: St. Petersburg State University publ., 2004, pp. 338–341 (in Russian).

Zhelobov D. E. «Tri religii» gaochanskikh uigurov (IX–XII vv.) [«Three Religions» of the Gaochang Uyghurs (IX–XII Centuries)]. *Nauchnyi dialog* [Scientific Dialogue], 2012, iss. 9. Istoriya. Sotsiologiya, pp. 6–16 (in Russian).

Fodor I (ed.). *The Ancient Hungarians: exhibition catalogue*. Budapest: Hungarian National Museum, 1996, 477 p.

Klima László. Eastern religious motifs on the belt mounts of subotsi group, kushnarenkovo culture and lomovatovo culture (Vostochnye religioznye motivy na poyasnykh nakladkakh subbotcevskei gruppy kushnarenkovskoi i lomovatovskoi kul'tur) [Eastern religious motifs on the belt mounts of the Subotsi group of the Kushnarenkovo and Lomovatovo cultures]. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* [Archaeology of the Eurasian steppes]. 2018, no 6, pp. 136–149.

Dioszegi V. *A pogány magyarok hitvilága* [The belief system of pagan Hungarians]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967, 142 p. (in Hungarian).

Ciprián Horváth. *Honfoglalás és kora Árpád-kori sírok, temetők és szórványleletek a Nyugat-Dunántúlon I* [Conquest and Early Árpád Period Graves, Cemeteries and Scattered Finds in Western Transdanubia I]. Budapest: Institute for Hungarian Studies, 2022, 220 p. (in Hungarian).

Laszlo Gy. *A honfoglaló magyar nép élete* [The life of the conquering Hungarian people]. Budapest: Magyar Élet Kiadása, 1944, p. 512 (in Hungarian).

Статья поступила в редакцию: 10.07.2025

Принята к публикации: 14.01.2026

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 243.4

DOI 10.14258/nreur(2026)2–12

Ван Тин

Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия)

Е. Э. Войтишек

*Новосибирский государственный университет, Новосибирск (Россия);
Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)*

РАСПРОСТРАНЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТИБЕТСКОГО БУДДИЗМА С VII ПО XIII В. (ОБЗОР ПО КИТАЙСКИМ МАТЕРИАЛАМ)

Тибетский буддизм представляет собой одну из значимых ветвей буддийской традиции, оказавшую продолжительное и многогранное влияние на историческое и культурное развитие Тибета, а также прилегающих к нему территорий. В статье рассматриваются ключевые этапы его формирования: от возникновения и раннего развития до возрождения в поздний период его распространения. Особый акцент делается на механизмах взаимодействия и синтеза с автохтонной религией бон, а также на процессах становления основных школ. Методологическую базу исследования составляют труды историков КНР, в том числе работы ученых из ведущих научных центров — Китайского центра тибетологии (Пекин), Института тибетологии, а также региональных институтов в Ахасе, Синине и Чэнду.

Проведенное исследование демонстрирует, что в процессе длительного исторического развития тибетский буддизм, адаптируя и трансформируя элементы традиции бон, прошел через глубокую локализацию и китаизацию. Результатом этого сложного процесса явилось формирование уникальной религиозно-культурной системы, которая сохраняет свое значение в современную эпоху, продолжая выполнять важные социальные и культурные функции.

Ключевые слова: тибетский буддизм, религия бон, ранний период развития, поздний период развития, труды китайских историков

Для цитирования:

Ван Тин, Войтишек Е. Э. Распространение и развитие тибетского буддизма с VII по XIII в. (обзор по китайским материалам) // Народы и религии Евразии. 2026. Т. 31, № 2. С. 282–310. DOI 10.14258/nreur(2026)2–12

Ван Тин, аспирант, ассистент кафедры востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, Новосибирск, Россия. **Адрес**

ДЛЯ КОНТАКТОВ: t.van14@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-9079-0148>

Войтишек Елена Эдмундовна, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения Гуманитарного института Новосибирского государственного университета, ведущий научный сотрудник института востоковедения РАН, Москва, Россия. **Адрес для контактов:** e.voitishek@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Wang Ting

Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russian Federation)

E. E. Voytishek

*Novosibirsk State University, Novosibirsk (Russian Federation);
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russian Federation)*

OVERVIEW OF THE SPREAD AND DEVELOPMENT OF TIBETAN BUDDHISM FROM THE 7TH TO THE 13TH CENTURIES (BASED ON CHINESE MATERIALS)

Tibetan Buddhism is a significant branch of the Buddhist tradition, which has had a long-lasting and multifaceted influence on the historical and cultural development of Tibet and adjacent territories. This article examines the key stages of its formation: from its origins and early development to its revival during the period of its later spread. Particular emphasis is placed on the mechanisms of interaction and synthesis with the indigenous Bon religion, as well as the development of the major schools. The research's methodological basis is drawn from Chinese materials, including the work of scholars from leading research centers — the China Center for Tibetology (Beijing), the Institute of Tibetology, and regional institutes in Lhasa, Xining, and Chengdu.

This study demonstrates that, over the course of its long historical development, Tibetan Buddhism, adapting and transforming elements of the Bon tradition, underwent profound localization and Sinicization. This complex process resulted in the formation of a unique religious and cultural system that retains its significance in the modern era, continuing to fulfill essential social and cultural functions.

Keywords: Tibetan Buddhism, Bon religion, early period of development, late period of development, works of Chinese historians

For citation:

Wang T., Voytishek E. E. Overview of the Spread and Development of Tibetan Buddhism from the 7th to the 13th Centuries (Based on Chinese materials). *Nations and Religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 282–310. DOI 10.14258/nreur(2026)2–12

Wang Ting, PhD student, assistant of the Department of Oriental studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia. **Contact address:** t.van14@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0009-0003-9079-0148>.

Voytishek Elena Edmundovna, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Oriental studies, Institute for the Humanities, Novosibirsk State University, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. **Contact address:** e.voytishek@g.nsu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8054-6369>

Введение

Тибетский буддизм представляет собой не только важнейшую форму распространения и развития буддизма в Китае, но и ядро социокультурной и духовной жизни Тибетского региона. Его развитие интегрировало разнообразные культурные элементы индийского буддизма, ханьского буддизма и коренной тибетской религии бон, что привело к созданию уникальной системы, сочетающей глубину религиозной философии с широтой народных практик.

С момента правления Сонгцэн Гампо (松赞干布, 604–650) в VII в. до возрождения (примерно в X в. нашей эры) более чем через столетие после подавления буддизма последним правителем тибетской династии Тубо Лангдармой (朗达玛, г. п. 838–842), а затем до последовательного возникновения различных сект и формирования теократической системы, историческая эволюция тибетского буддизма отражает сложное взаимодействие религии и культуры на нагорье.

Цель данной статьи — рассмотреть исторический контекст и механизмы культурной интеграции тибетского буддизма, а также изучить его значение в формировании многоэтнической нации Китая и глобальном культурном обмене. Особое внимание уделяется китайским академическим исследованиям, которые остаются малоизвестными российскому читателю, но содержат глубокий анализ и оригинальные интерпретации исторических процессов.

В Китае изучением тибетского буддизма занимаются такие крупные научные центры, как Китайский центр тибетологии (中国藏学研究中心), Институт тибетологии Центрального университета национальностей (中央民族大学藏学研究所), Центр исследований тибетологии при Тибетской буддийской академии (西藏藏学研究中心), а также университеты в Тибетском автономном районе и провинциях Цинхай, Сычуань, Ганьсу. Актуальность изучения тибетского буддизма для России также определяется его устойчивым присутствием в таких регионах, как Бурятия, Калмыкия и Тува, где он составляет важный элемент культурно-религиозного ландшафта и исторической памяти.

Будучи одним из основных направлений буддизма, тибетский буддизм непрерывно развивался на протяжении всей истории благодаря своим уникальным доктринам, ритуалам и культурному наследию. Его развитие тесно связано с историей, культурой, искусством, политикой и экономикой Тибета. Он не только оказал глубокое влияние на общество, культуру и жизнь людей в тибетских районах Китая и других регионах проживания этнических меньшинств, но и распространился во многих странах и регионах мира, став религиозной системой с обширным международным влиянием. Глубокое исследование истоков и школ тибетского буддизма в Китае имеет важное академическое и практическое значение для понимания распространения и обмена религиозной культурой, а также культурного взаимодействия между различными этническими группами и регионами.

Хронологические рамки исследования (VII–XIII вв.) охватывают ключевые этапы становления тибетского буддизма: от его первоначального проникновения при Сонгцэн Гампо, через период синтеза с бон и институционализации в эпоху Тубо до возрождения после гонений Лангдармы и формирования основных школ в поздний период развития. К концу XIII в. тибетский буддизм сложился как целостная религиозная система, что позволяет рассматривать данный период как завершённый цикл его исторического формирования.

Эволюция тибетского буддизма

1. Историко-культурные предпосылки: от Шангшунг и религии бон к тибетскому буддизму

Истоки тибетского буддизма восходят к древнему царству Шангшунг (кит. 象雄 Сянсюн), которое было крупным племенным объединением на Тибетском нагорье до объединения королевством Тубо. До возвышения династии Тубо в VII в. древнее царство Шангшунг было крупнейшей древней цивилизацией на Цинхай-Тибетском нагорье.

Китайский ученый Цай Жантай¹ провел серьезные изыскания относительно локализации государства Шангшунг. Тщательно проанализировав труды тибетских исследователей, он выдвинул точку зрения, согласно которой царство Шангшунг делилось на три части: Внутреннюю, Среднюю и Внешнюю. Точные границы его территории сегодня установить невозможно. Однако на основе тибетских буддийских преданий и труда ученого-бонпо Келсанг Темпе Гьялцен (кит. 朵桑坦贝见参) «Обзор мировой географии» можно предположить, что земли Шангшунга включали западную часть Ладакха и Кашмира, на западе они простирались до восточной части Балтистана в Пакистане, на севере — до северных тибетских плато (Чангтан), а на востоке занимали обширные районы с центром в Дэнчене, включая территории современных Нагчу и Чамдо. Таким образом, царство охватывало почти весь традиционный тибетский регион Китая» [Цай Жантай, 2005: 22].

В период расцвета царство Шангшунг оказывало глубокое влияние на соседние регионы, но в конечном итоге было поглощено Тибетской империей. В 644 г. Сонгцэн Гампо подчинил Шангшунг путем династических браков и военных кампаний, вклю-

¹ Тибетское имя ученого — Церинг Тар (Tsering Thar).

чив его территорию в состав Тибета. Несмотря на это, культура Шангшунга продолжает существовать по сей день через религию бон и народные традиции.

Цивилизация Шангшунг сочетала в себе различные элементы степной, плоскогорной и персидской культур, участвуя в торговле и культурном обмене с Центральной и Южной Азией по древнему Шелковому пути. Кроме того, Шангшунг является родиной бон², исконной религии Тибета. Считается, что принц древнего Шангшунга Шенраб Миво³, был легендарным основателем религии бон и автором главных текстов бонского канона. В более поздних текстах бон, с целью повышения статуса религии, ее называют «Древней Дхармой Шангшунга», а Шенраба Миво почитают как Будду.

Религия бон основывается на теориях Сутры, Тантры и Дзогчена, принимая прибежище в Трех Драгоценностях (Будда, Дхарма, Сангха) в качестве основы⁴, ставя целью спасение живых существ и направление людей к добру. Ранний бон придавал большое значение ритуалам жертвоприношений, используя значительное количество животных в качестве подношений, а также уделял особое внимание погребальным обрядам, сохраняя древнюю традицию использования каменных гробов.

Религия бон занимала исключительно высокое положение в обществе древнего царства Шангшунг. В современных обычаях и образе жизни тибетцев (например, обход священных гор, поклонение священным озерам и установка молитвенных флажков *лунгта*) до сих пор прослеживаются следы наследия бон. Как основная вера раннего периода в Тибетском регионе, бон оказал широкое и глубокое влияние на тибетскую культуру. Важный канон бон — сутра «Шангшунгская Трипитака» всесторонне фиксирует историю, религию, философию, медицину и культурные обычаи Шангшунга, оказывая значительное влияние на последующие поколения. Достаточно сказать, что в ноябре 2014 г. китайский перевод и исследование «Древней Шангшунгской Трипитаки» были включены в список крупных проектов Национального фонда социальных наук.

Международные исследования культуры Шангшунга имеют долгую историю, самые ранние из них восходят к 1922 г., когда американский ученый Дж. Ф. Рок разыскивал рукописи «Шангшунгской Трипитаки». Кроме того, в поисках рукописи советский востоковед Ю. Н. Рерих в 1928 г. также посещал монастырь Шару в Нагчу. С тех пор словари Шангшунга составлялись во Франции и Дании.

Луань Цзяньчжан, заместитель директора Исследовательского бюро Отдела международных связей ЦК КПК, однажды заметил: «...чтобы понять тибетскую цивилизацию, необходимо сначала понять цивилизацию Шангшунга; чтобы изучать тибетский

² Первобытная религия, получившая название «буддизм царства Шангшунг», характеризующаяся анимизмом с поклонением небу и земле, солнцу, луне и другим небесным светилам, грому, молнии, граду, горам, рекам, флоре, фауне и другим природным объектам, а также призракам и духам.

³ Шенраб Миво разработал ключевые доктрины этой школы — такие как бессмертие души и теория кармы, а также создал систему духовной практики «Девять колесниц», основополагающий источник «Шаншунгской Трипитаки». Считаясь ключевой фигурой в систематизации ранней тибетской культуры, он активно продвигал пять традиционных наук и внес большой вклад в формирование тибетской культуры.

⁴ Речь идет не о боне периода Шенраба, а о реформированном в X в. юндрун-боне. Кроме того, здесь подразумевается не Будда, а Тонпа Шенраб Миво.

буддизм, необходимо сначала исследовать бон. В противном случае, чем глубже поиск, тем дальше можно оказаться от истины» [Луань Цзяньчжан, 2013: 59]. Цай Жантай также подтвердил эту точку зрения, подчеркнув: «В течение долгой истории бон и тибетский буддизм и противостояли, и взаимопроникали, и заимствовали друг у друга, сохраняя при этом свои собственные верования и особенности... Поскольку бон возник рано и распространился на обширной территории, он оказал важное влияние на формирование и развитие тибетской культуры» [Цай Жантай, 1985: 103].

До проникновения буддизма в Тибет бон был основной религией региона. Древнее королевство Шангшунг и культура бона являются не только истоком тибетской цивилизации, но и ключевым звеном культурного обмена между китайской цивилизацией и евразийскими культурами. Его религиозная система и культурное наследие по сей день глубоко влияют на жизнь тибетцев.

Многие изначальные верования тибетцев берут начало в боне, такие как почитание природных божеств — неба, земли, гор, рек, солнца, луны, звезд. Эти верования интегрировались в жизнь тибетского народа, и даже после того, как буддизм стал основной религией региона, некоторые элементы бона сохранились в народных верованиях. Ритуалы и обычаи бона также глубоко повлияли на повседневную жизнь тибетцев. Например, обычай готовить ростки ячменя, ритуальные сосуды *че-ма*⁵ и фигурки бараньих голов в качестве подношений во время тибетского Нового года происходит из бона. Через практики почитания природных божеств в боне (например, обход священных гор и озер) тибетцы и сегодня молятся о благословении богов и защите от бедствий.

В VII в. буддийское учение проникло на Цинхай-Тибетское нагорье. В ходе последующего длительного исторического развития между автохтонной религией бон и тибетским буддизмом сложились сложные и глубокие взаимоотношения. Несмотря на длительные расхождения в ключевых верованиях и доктринах, они взаимно ассимилировали элементы друг друга, что в конечном итоге, при сохранении их собственных традиций, сформировало уникальность тибетского буддизма.

Понимание религии бон имеет критически важное значение для изучения истоков тибетской буддийской цивилизации. В этом смысле китайский ученый Цай Жантай внес выдающийся вклад в изучение культуры бон. Будучи деканом Института тибетологии Центрального университета национальностей в Пекине, он является ведущим специалистом в области современных исследований религии бон. Цай Жантай перевел тибетские сочинения, добавил термины бон в словари по истории религии, а также систематизировал доктрину и историческую эволюцию бон, выступая в качестве главного редактора серии «Собрание документов бон» (苯教文献丛书). Используя междисциплинарные методы археологии и филологии, он обосновал связь между религией бон и древней цивилизацией Шангшунг, раскрыв роль бон как носителя ран-

⁵ Ритуальные сосуды *че-ма* (кит. 切玛 *че-ма*) — это традиционные тибетские ритуальные сосуды. Обычно они изготавливаются из дерева или металла и имеют несколько отделений. В них помещаются обжаренные ячменные зерна, ячменные ростки и другие подношения — сухофрукты, сахар, масло, иногда фигурки из ячменной муки.

ней цивилизации Цинхай-Тибетского нагорья. Его исследования широко цитируются в международной тибетологии⁶.

2. Усвоение буддизмом элементов религии бон

Взаимопроникновение буддизма и религии бон проявляется главным образом в доктринах, ритуалах и философских аспектах. Оно прежде всего отразилось в поглощении буддизмом элементов религии бон, ядром которого стало слияние природопоклонничества бон с системой буддийской Ваджраяны. В анимистических верованиях бон, развивая сложные жертвенные ритуалы, поклоняются горным богам и священным озерам — например горе Кайлас (кит. 冈仁波齐 *Ганжэньпоци*), озеру Манасаровар (кит. 玛旁雍错 *Мапаньюнцо*). После проникновения буддизма в Тибет в середине VII в. мастер Падмасамбхава⁷, чтобы адаптироваться к местной культуре включил божества бон в пантеон защитников Дхармы и интегрировал такие обряды бона, как огненные подношения (хома) и гадания, в буддийские практики, сформировав тем самым характерные особенности тибетской буддийской тантры.

Профессор Цай Жантай неоднократно отмечал, что в религиозных ритуалах буддизма и верований бон много общего, но есть и такие аспекты культуры, где их уже трудно разделить. Он указывает, что ритуалы буддизма и бон демонстрируют тесную взаимосвязь в таких обычаях, как воскуривание благовоний, подношение торма⁸, поклонение горным богам, изготовление священных предметов и дымовое подношение существам бардо во время переходных состояний между перерождениями⁹.

В качестве примеров можно привести два ярких явления — это преобразование бонского ритуала *лха бсанг* с подношением дыма от горящих благовоний (кит. 煨桑 *вэйсан*) в буддийский обряд очищения, а также наделение буддийской символикой таких ритуальных предметов религии бон, как «небесное железо» (кит. 天铁 *тяньте*) и «небесная жемчужина» (кит. 天珠 *тяньчжу*).

Ритуал *вэйсан*, как один из древнейших религиозных обрядов Тибетского нагорья, является классическим примером трансформации местных верований после проникновения буддизма. В тибетском языке *сан* (*бсанг*) означает «очищение, устранение скверны», подразумевая как удаление нечистот, так и подношение божествам для искупления грехов и привлечения благополучия. Изначально этот ритуал выполнялся, когда тибетские воины возвращались из военных походов или с охоты: соплеменники оку-

⁶ Профессор Цай Жантай руководил проектом Национального фонда социальных наук «Сбор и систематизация древних документов на различных языках цивилизации Шангшунг». См. [В университете состоялось совещание по проекту Национального фонда социальных наук 2021 г. «Сбор и систематизация древних документов на различных языках цивилизации Шангшунг», финансируемому Центральным университетом национальностей. URL: <https://news.muc.edu.cn/info/1012/21508.html>].

⁷ Буддийский тантрический монах, который по приглашению тибетского царя Тисонга Децэна в VIII в. прибыл в Тибет, чтобы распространять буддизм. Он почитается как один из основателей тибетского буддизма.

⁸ Торма (кит. 朵玛) — это ритуальные подношения в виде фигурок, изготовленных из ячменной или пшеничной муки (цампа), смешанной с маслом, сахаром, молоком и иногда красящими веществами.

⁹ См. [Профессор Цай Жантай рассуждает об истории и культуре религии бон. URL: https://www.tibet3.com/wenhua/whdt/content_300054749.html].

ривали их тлеющими ветками можжевельника и душистыми травами, окропляли водой, чтобы избавиться от накопившейся нечистоты, которую те могли принести с собой.

Основываясь на концепции анимизма, бон полагал, что стихийные бедствия вызваны силами божеств, поэтому дым от сжигания растений (в основном, веток сосны, можжевельника и кипариса) очищает окружающую среду и умиротворяет духов. В изначальных верованиях бон обычай *вэйсан* был одним из трех ключевых элементов жертвоприношений, включающих также кровавые жертвы (кровь и плоть животных, смешанные со злаками) и ритуальные танцы. В верованиях бон обычай *вэйсан* стал ассоциироваться с культом божеств-воителей и молитвами о благополучии племени. Однако в результате религиозных реформ и под влиянием буддийской идеи ненанесения вреда живому кровавые жертвоприношения постепенно сократились (плоть и кровь животных были заменены вегетарианскими подношениями — цампа, ячмень, топленое масло и фрукты), тогда как обычай *вэйсан* и ритуальные танцы сохранились.

При этом дым от тлеющих древесных веток из простого подношения превратился в символ очищения от «пяти ядов»¹⁰. В соответствии с буддийскими предписаниями ритуал *вэйсан* был призван устранить препятствия неведения в сознании практикующего. Более того, во время выполнения обряда *вэйсан* полагалось декламировать буддийские мантры (в основном шестислоговую мантру «Ом мани падме хум»), что подчеркивало доминирующую роль буддийского вероучения. Помимо молитв о благословении, буддизм наделял ритуал *вэйсан* значением накопления заслуг. Верующие считали, что участие в воскурении благовоний может устранить негативную карму и увеличить благословение со стороны божеств. Со временем такие ритуалы стали частью тантрической практики.

Процесс адаптации бонского обряда *вэйсан* буддизмом по своей сути является микрокосмом противоборства и симбиоза двух цивилизаций на Тибетском нагорье. Буддизм посредством стратегии «поглощения — трансформации» возвел примитивное колдовство в ранг философских ритуалов, в то время как религия бон сохранила свое ядро в народной форме.

«Небесное железо» *тяньте* (тиб. *намчжак*) в религии бон почиталось как ниспосланный свыше священный объект. Согласно преданиям оно образовывалось при ударе молнии в горную породу или являлось метеоритным железом, обладающим силой отгонять злых духов и исцелять болезни. С распространением буддизма этот предмет был интегрирован в тантрическую систему, трансформировавшись в защитника буддийских божеств. Его стали отливать в формы таких тантрических ритуальных предметов, как скипетр ваджра и трехгранный клинок пхурба, символизирующих могущество Дхармы и способность мудрости разрушать препятствия.

«Небесная жемчужина» *тяньчжу* (тиб. *гзи*) в буддийской системе получила значение символа мудрости. Считается, что носящий ее обретает ясность мышления и умиротворенное состояние ума, одновременно получая мирские функции — защиту от зла и привлечение удачи. Тотемическое понятие «глаз» бонской традиции было переосмыслено как «глаз Будды», символизирующее проникновение в страдания всех живых существ.

¹⁰ Имеются в виду жадность, гнев, невежество, гордыня и сомнение.

Узоры на бусинах (волнистые линии и круги) стали соотноситься с мандалами и буддийскими концепциями перерождения на шести путях. Ношение таких бусин тибетцами сочетает в себе молитву о буддийском покровительстве с продолжением почитания природной божественной силы, унаследованной от мировоззрения бон.

В настоящее время реликвии *тяньте* и *тяньчжу* остаются важными ритуальными предметами в монастырях тибетского буддизма, одновременно циркулируя в качестве туристических сувениров и объектов коллекционирования, где их сакральная природа сосуществует с товарной стоимостью. Эти предметы и реликвии лам вместе известны как «три драгоценности тибетской тантры». Сегодня они вышли за сугубо религиозные рамки — их редкость и коллекционная ценность сделали их в современном обществе символами богатства и статуса.

Благодаря буддийской интерпретации эти реликвии превратились из примитивных шаманских ритуальных принадлежностей в священные предметы тантрического буддизма. Этот процесс отражает как культурный компромисс в рамках противостояния бон и буддизма, так и уникальную эволюционную логику плюралистического единства в тибетской религии.

Ранний бон испытывал недостаток систематизированной философской системы. После проникновения буддизма бон начал заимствовать такие буддийские теории, как концепция сансары и закон кармы. Некоторые школы религии бон (напр., школа Белый Бон¹¹) даже стали рассматривать Будду Шакьямуни как воплощение Шенраба Миво, пытаясь сгладить противоречия между двумя учениями.

Художественные формы храмов бон, включая статуи и ритуальные принадлежности, оказали влияние на тибетский буддизм. Некоторые уникальные позы и декоративные элементы статуй бон можно увидеть в тибетских буддийских статуях. Более того, использование цвета в религиозной архитектуре и живописи бон также было унаследовано тибетским буддизмом. Пятицветные молитвенные флажки берут свое начало в ритуалах поклонения горным богам древнего тибетского народа в соответствии с его верой в природу. Бон часто использует такие цвета, как красный, белый, синий, желтый и зеленый, для обозначения различных смыслов. Тибетский буддизм также унаследовал цветовую символику бон в цветовой гамме храмовых фресок и молитвенных флагов. Помимо искусства, слияние бон и тибетского буддизма также отражается в ритуалах обхода: в бон есть обычай обходить священные горы и озера, веря, что это накапливает заслуги и устраняет кармические препятствия. Тибетский буддизм также унаследовал этот обычай, развил и усовершенствовал его. Тибетские буддисты обходят не только священные горы и озера, но также храмы и ступы.

Бон и тибетский буддизм практикуют многие народные обычаи, хотя конкретные формы их исполнения различаются. Например, приверженцы религии бон совершают ритуальный обход-кору против часовой стрелки, а буддисты — по часовой, что символизирует различное понимание движения вселенной. Ранее упомянутые кровавые жерт-

¹¹ После появления феномена буддизации бона буддисты также разделили бон на «белый» и «черный» (т. е. «добро» и «зло»). Буддизированная форма бона стала называться белым боном, в то время как сохранившая изначальные черты традиция или практики получила название черного бона. См. [Хэ Цзяньхуа. URL: <https://www.sky.yn.gov.cn/ztzl/yq30zn/zgwj/mzwxw/4771414416131673536>].

воприношения в религии бон под влиянием буддийского принципа ненасилия были заменены подношениями из масляных скульптур и цампы. Кроме того, бонская практика перемещения сознания была воспринята буддийской тантрой и развита в технику *повафа*¹². Есть также внутренняя связь между построением мандал в буддизме и трехчленной космологией религии бон. Можно сказать, что формирование тибетского буддизма является конкретным проявлением локализации и китаизации буддизма в Тибете.

Таким образом, взаимоотношения между бон и тибетским буддизмом — это не просто замена или исчезновение, а скорее культурная реконструкция. Бон обеспечил локализованную основу для тибетского буддизма, в то время как буддизм наполнил бон систематической философской основой. Вместе они сформировали специфический религиозный ландшафт Тибета, и это динамическое равновесие сохраняется в настоящее время в народных обычаях, искусстве и религиозных практиках.

Основные этапы развития тибетского буддизма

В соответствии с основными подходами китайской историографии к периодизации этапов развития тибетского буддизма можно выделить два основных периода в распространении буддийского учения в Тибете.

Ранний период развития

В китайской историографии первым единым государством, созданным тибетцами на Цинхай-Тибетском нагорье, считается Царство Тубо. Его ранняя, полулегендарная история прослеживается в устной традиции и тибетских хрониках со времен династии Западная Хань (202 г. до н. э. — 8 г. н. э.), когда племя Ярлунг постепенно усиливалось в долине реки Ялуцангпо¹³. Сегодня в долине Ярлунг-Цангпо сохранились царские гробницы, древние крепости, каменные стелы и старинные монастыри [Гао Вэньдэ, 1995: 2197].

В тибетологии считается, что «Тубо» — это китайское название тибетского государства Бод или Империи Ярлунг (по имени правящей династии). Достоверная письменная история Ярлунгской династии начинается не ранее VI–VII вв., с правления царя Намри Сонгцэна и его сына Сонгцэна Гампо, который считается истинным объединителем Тибета и основателем империи. Упоминания о более ранних, полулегендарных царях (в том числе Ханьского времени) могут быть частью и устной мифо-исторической традиции.

К началу VII в. племя Ярлунг достигло значительного могущества, поглотив многие соседние племена. Возшедший на престол Сонгцен Гампо (годы правления около 617–650) стабилизировал ситуацию, объединив племена Цинхай-Тибетского нагорья и официально основав династию Тубо в 633 г. Сделав Лхасу своей столицей, он тем самым открыл новую главу в истории Тибета.

¹² Метод 破瓦法 (кит. *повафа*, тиб. *apho-ba*) относится к практике переноса сознания из физического тела в Чистую Землю посредством определенных техник. Эта практика, уходящая корнями в систему ваджраяны и синтезировавшая индийские буддийские тексты с элементами тибетской традиции бон, рассматривается как метод духовной помощи умирающим. Ее цель — помочь практикующему освободиться от страданий сансары и обрести рождение в Чистой Земле Сукхавати или в иной буддийской обители.

¹³ Эта река, известная также как Брахмапутра, представляет собой важнейшую водную артерию южного Тибета.

Развитие буддизма в Тибете — это история столкновения и интеграции иноземной религии (из Индии и ханьских регионов) и местной культуры. Укреплению политического и духовного могущества Сонгцена Гампо способствовали его матримониальные амбиции. С одной стороны, это его женитьба на китайской принцессе Вэньчэн, которая привезла с собой в Тибет большое количество буддийских писаний и статуй, а также несколько ханьских монахов. С другой стороны, вторая его жена, принцесса Бхрикути, буддистка из Непала, способствовала проникновению в Тибет индийской буддийской культуры. Во времена правления Сонгцена Гампо индийские монахи были приглашены для перевода священных писаний, что заложило основу для распространения буддизма в Тибете¹⁴. Поскольку обе принцессы привезли статуи Будды Шакьямуни и многочисленные буддийские писания, для их размещения Сонгцен Гампо приказал построить храмы Джоканг и Рамоче. Кроме того, он отправил тибетских аристократов в Индию для изучения санскрита и буддийских писаний, положив начало работе по переводу буддийских сутр на тибетский язык и заложив основу для локализации буддизма.

В целях укоренения буддизма Сонгцен Гампо отправил 16 человек, включая своего министра Тонми Самбхоту¹⁵, в Индию для изучения санскрита и буддийских писаний. По возвращении Тонми Самбхота усовершенствовал тибетский язык, предоставив лингвистический инструмент для перевода буддийской классики. Впоследствии буддийские писания начали переводиться на тибетский язык, и буддийские идеи постепенно распространились по всему Тибету. Сонгцен Гампо также принял законы, поощряющие людей практиковать буддизм, что послужило мощным толчком его развития в Тибете.

К VIII в. буддизм в Тибете получил новые возможности для развития. В то время борьба между буддизмом и религией бон в Тибете была особенно ожесточенной. Тибетский правитель Тисонг Децен (кит. 赤松德赞, 742–797) стремился возродить буддизм, пригласив в Тибет индийских монахов Шантаракшиту¹⁶ и Падмасамбхаву¹⁷. Шантаракшита принес с собой школу мадхьямака из индийского буддизма, заложив теоретическую основу для распространения буддизма в Тибете. Мастер Падмасамбхава познакомил с практиками Ваджраяны — такими, как визуализация йидама, мантры и ритуалы. С помощью методов тантры он подчинил множество божеств религии бон, включив их в буддийскую систему, что смягчило сопротивление местной религии чуждому вероучению. Он также интегрировал некоторые ритуалы бон в буддизм, значительно повысив адаптивность буддизма в Тибете и заложив основу тибетской буддийской тантры.

Как отметил китайский ученый Жэнь Цзюй, «нелегко представить новую религиозную идеологию и убеждения иностранцам и завоевать их доверие. Миссионеры должны уметь учитывать мысли и потребности местного населения и принимать меры для удовлетворения их потребностей» [Жэнь Цзюй, 1985: 3].

¹⁴ См. [Как буддизм распространился в Тибете. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wbgwyz/wsgz/xzdbtcfmgjnd/2009-03/18/content_1647358.htm].

¹⁵ Тонми Самбхота (кит. 吞弥·桑布扎) — лингвист и переводчик в раннем тибетском обществе VII в.

¹⁶ Шантаракшита был известным индийским проповедником и монахом VIII в., ведущей фигурой школы Мадхьямака-Сватантрика.

¹⁷ Родился в Уддияне в VIII в., был тантрическим мастером и монахом в древней Индии.

В целом в этот период буддизм активно впитывал элементы бон, адаптируясь к тибетской среде, превращая бонских горных богов и богов-драконов в буддийских божеств-охранителей, сохраняя при этом некоторые ритуальные формы. После Падмасамбхавы стратегия «усмирения бонских божеств» ускорила интеграцию буддизма с местными верованиями, сформировав уникальную тибетскую эзотерическую систему.

В этот период буддизм постепенно набирал популярность в тибетской культуре и архитектуре. Во второй половине 770-х гг. под покровительством Шантаракшиты и Падмасамбхавы было завершено строительство монастыря Самье. Этот монастырь сочетал в себе индийские, ханьские и тибетские архитектурные стили и стал первым монастырем в Тибете, где были представлены все три драгоценности в буддизме (Будда, Дхарма и Сангха).

Упомянутый выше Тисонг Децен специально пригласил 12 монахов из Индии для посвящения семи молодых тибетских дворян, которые впоследствии стали первыми монахами, получившими посвящение в сан, в истории Тибета и почитались как семь просветленных. В то же время Тисонг Децен организовал переводчиков для массового перевода буддийских писаний, адаптируя многочисленные классические произведения, с санскрита и китайского языка. Благодаря этим мерам позиции буддизма в Тибете существенно укрепились.

Последующие тибетские цари-*цэнпо* (кит. 赞普) после Тисонга Децена также активно поддерживали буддизм. Монахи пользовались привилегиями, включая освобождение от налогов и трудовых повинностей, а также участвовали в государственных делах. В период правления Тицу Децена (кит. 赤祖德赞, г. п. 815–838) было установлено правило «семи домов, содержащих одного монаха», согласно которым каждые семь семей несли ответственность за содержание одного монаха. В это время также были проведены работы по стандартизации письменности и унификации переводческих норм, что способствовало стандартизации перевода буддийских канонов и широкому распространению буддизма.

Несмотря на поступательное развитие, буддизм столкнулся с многочисленными трудностями. На начальном этапе проникновения буддизма в Тибет религия бон, опираясь на союз с аристократией, неоднократно подавляла буддизм, и борьба между двумя религиями не утихала. На уровне общественной идеологии противостояние между буддизмом и религией бон никогда не прекращалось. Бон и консервативные силы среди знати взаимно поддерживали друг друга: аристократия использовала бон для укрепления своих приобретенных политических и экономических интересов, а религия бон, в свою очередь, опиралась на знать. Чтобы укрепить свою власть, правители активно поддерживали развитие буддизма.

С середины VIII в., после того как царь Тиде Цугцэн (кит. 赤德祖赞, г. п. 704–755) был убит аристократами, поддерживавшими бон, буддизм понес серию тяжелых ударов: храмы были разрушены, при этом знать требовала от народа Тубо твердо придерживаться религии бон, запрещая проводить буддийские погребальные обряды и ритуалы для спасения души после смерти человека. Это событие вошло в историю как «первое антибуддийское движение». Ситуация улучшилась только после того, как правитель Тисонг Децен достиг совершеннолетия. С приходом к власти Тисонг Децен ре-

формировал систему внутренних дел, развил экономику и утвердил основные позиции буддизма в политике, что сыграло чрезвычайно важную роль в продвижении тибетского буддизма [Ван Шицзюнь, 1990: 117–118]. Профессор Хуан Вэйчжун из Института китайской классической филологии Китайского народного университета полагает, что именно в период правления Тисонга Децена буддизм на Цинхай-Тибетском нагорье официально начал исторический процесс своей китаизации [Хуан Вэйчжун, 2024: 72].

В середине IX в. развитие буддизма в Тибете вновь столкнулось с серьезными препятствиями в виде «второго антибуддийского движения». Из-за чрезмерного покровительства буддизму со стороны Тицу Децена, который передал монахам значительную военную и политическую власть и ввел ряд строгих законов, социальные противоречия обострились, что вызвало резкую реакцию антибуддийских сил. Хотя эти политики и способствовали развитию буддизма, многие их инициативы легли тяжелым бременем на простой народ и задели интересы традиционной аристократии, вызвав сильное недовольство. Около 838 г. знать организовала переворот и убила Тицу Децена. Смерть Тицу Децена стала поворотным моментом в процессе заката Тибетской империи.

После восшествия на престол Лангдарма (г. п. 838–842) при поддержке антибуддийской знати он начал широкомасштабную кампанию, которая привела к быстрому распаду империи Тубо. Известные монастыри, включая Самье, были закрыты, а храм Джоканг разрушен. Многочисленные статуи Будды были повреждены или захоронены, а некоторые из них осквернены. В этот период монахов вынуждали возвращаться к мирской жизни, отправляться на охоту или принимать веру бон. Бежавших преследовали, имущество монастырей конфисковывали, священные писания сжигали, а передача монастырских правил прерывалась. Переводы священных писаний уничтожались, чтение буддийских писаний было запрещено, что практически привело к остановке буддийской деятельности в регионе У-Цанг [Цзанцзу дацьянь, 2003: 442].

Во время гонений Лангдармы на буддизм учение, тем не менее, распространялось тайно. Этот период известен как «темный век» тибетского буддизма, который с учетом периодов кратковременных взлетов учения заложил основу для его последующего устойчивого возрождения и распространения его уникальной системы.

Если при анализе основных этапов развития буддизма в Тибете в качестве ключевого рубежа взять время гонений на него при Лангдарме, то в периодизации истории тибетского буддизма можно выделить два основных этапа — ранний и поздний.

Ранний период традиционно отсчитывается со времени правления Сонцэн Гампо (около 627–649 гг.), что знаменует собой начало тибетского буддизма. В дальнейшем буддизм получил активное развитие при поддержке таких правителей, как Тисонг Децен и Тицу Децен. Как было уже отмечено, Тисонг Децен пригласил в Тибет буддийских наставников и переводчиков Шантаракшиту и Падмасамбхаву, основал монастырь, организовал масштабную работу по переводу буддийских текстов и составил их каталоги. Тицу Децен строил монастыри, стандартизировал письменность и унифицировал принципы перевода буддийских текстов. Однако в середине IX в. Лангдарма начал гонения на буддизм, в ходе которых множество монастырей было разрушено, буддийские тексты сожжены, монахи вынуждены были вернуться к мирской жизни, тем са-

мым буддизму был нанесен сокрушительный удар. Это масштабное подавление буддизма знаменует собой конец раннего периода распространения буддизма в Тибете.

Традиционная тибетская историография в истории развития буддизма в Тибете выделяет ранний и поздний этапы — макропериодическое деление, основанное на общем подъеме и упадке буддизма. Однако внимание тибетологов привлек и другой подход к периодизации этапов развития буддизма, а именно — внимание к развитию тантрической линии и доктринальной системы тибетского буддизма, что в итоге привело к выделению дотантрического и тантрического периодов.

Итальянский тибетолог Джузеппе Туччи (1894–1984) обратил внимание на то, что проникновение буддизма в Тибет и его развитие не были единовременным процессом. Он отметил, что тантрические элементы буддизма через постепенную систематизацию становились каноническими, общепринятыми [Tucci, 1980: 1–5, 8–12].

При таком подходе начало дотантрического периода обычно относят ко времени правления Сонгцена Гампо, а конец — к периоду правления царя Тисонга Децена, до прибытия монахов Шантаракшиты и Падмасамбхавы в Тибет. Таким образом, этот период охватывает вторую половину VII в. до начала VIII в. и представляет собой этап развития буддизма до формального становления тантры.

На этой стадии буддизм распространялся главным образом через буддийские сутры и практику медитации, еще не сформировав сложных ритуальных и мантрических систем, характерных для последующей тантры. После того как Сонгцен Гампо женился на принцессе Вэньчэн и принцессе Бхрикути, стали строиться храмы, вводились сутры и изображения Будды махаянской традиции. В это время буддизм был преимущественно экзотерическим, открытым учением, где тантрические элементы еще не были внедрены. Впоследствии, с развитием тибетского языка, переводом буддийских писаний и принятием законов, обязывающих людей практиковать буддизм, буддизм стал взаимодействовать с бон. В этот период буддизм использовался правителями для укрепления своей власти и навязывался им силой посредством закона. При этом зрелая тантрическая система еще не сформировалась, полноценная монашеская система также еще не была создана, храмы служили главным образом для подношений, а духовной практике уделялось мало внимания. Таким образом, дотантрический период был этапом постепенного накопления и развития буддийской мысли, когда закладывалась основа для формирования тантрического буддизма.

Период тантры (примерно со второй половины VIII в. до середины IX в.) относится к этапу формального становления и широкого распространения учения. Его началом считается приглашение правителем Тисонгом Деценом буддийского наставника Падмасамбхавы в Тибет, а завершением — гонения на буддизм при Лангдарме. Это был этап систематизированного внедрения тантрического учения и утверждения его доминирующей роли¹⁸.

После прибытия в Тибет мастера Падмасамбхавы процесс локализации буддизма значительно ускорился. Согласно некоторым мифологическим преданиям, Падма-

¹⁸ См. [Правильное понимание исторического процесса китаизации тибетского буддизма. URL: <http://xzass.org/wap/info/detail/501760578012425>].

самбхава подчинил многочисленных горных божеств и духов из религии бон, обратив их в защитников Дхармы буддизма [Палпал Дордже, 2007: 16]. Интегрируя элементы местного бона с индийской тантрой, он основал школу Ньингма и руководил строительством знаменитого монастыря Самье (кит. 桑耶寺 *Санъе-сы*)¹⁹, что ознаменовало собой формальное начало тибетского тантрического буддизма. Тибетский тантрический буддизм объединяет как экзотерические (открытые), так и эзотерические (тайные) учения, в идеале переходя от экзотерического пути причинности к эзотерическому пути результата, рассматривая открытые и понятные концепции как точку входа в эзотерические учения [Келсанг Гьял, 2012: 54].

Что касается монашеской дисциплины, она наследует Винаю Сарвастивады и рабатывает особые монашеские правила для практикующих тантру.

С созданием тибетской системы монастырского образования экзотерические и эзотерические учения²⁰ преподавались одновременно. Более того, тибетский буддизм постоянно включал в себя основные тантрические практики, впитал систему божеств-защитников бон, сформировав уникальную тибетскую тантрическую ритуальную систему. После восшествия на престол Тисонг Децена, который покровительствовал буддизму, монахи стали участвовать в политических решениях, заложив основу для будущей системы слияния религии и государства²¹.

Преследование буддизма Лангдармой прервало его распространение, но тибетский буддизм сохранил свои эзотерические традиции, предвещая возрождение тибетского буддизма в более поздний период. Можно сказать, что теории и практики периода тантры послужили доктринальной и практической основой для расхождения различных школ тибетского буддизма в более поздний период.

Данный подход к периодизации уделяет больше внимания линии передачи тантрических учений. Дотантрический период характеризовался в основном переводом и распространением буддийских текстов сутр, в то время как тантрические элементы, хотя и присутствовали, все еще не были систематизированы. Тантрический период, маркированный прибытием в Тибет наставников Шантаракшита и Падмасамбхава, ознаменовал начало систематического проникновения индийской тантры в Тибет, ее глубокого синтеза с местной культурой и постепенного утверждения в качестве стержня тибетского буддизма.

¹⁹ Расположен в городе Санъе, уезде Чжанъан, префектуре Шанъань, в Тибетском автономном районе. В конце VIII в. там состоялся знаменитый религиозно-философский диспут между китайским наставником Хэшан Махаяна и индийским учителем Камалашила относительно методов достижения просветления, что в итоге определило основные траектории развития тибетского буддизма.

²⁰ Экзотерическая школа (Сутраяна) сосредоточена на изучении пяти основных дисциплин: прама-на (логика), праджняпарамита (запредельная мудрость), мадхьямака (срединный путь), абхидхарма (высшее учение) и виная (монашеская дисциплина), которые в совокупности называются «Пять великих трактатов». Эзотерическая школа (Тантраяна) сосредоточена на практике четырех классов тантр: крийя-тантра (тантра действия), чарья-тантра (тантра исполнения), йога-тантра (йогическая тантра) и ануттара-йога-тантра (тантра наивысшей йоги). См. [С позиции ученой степени «гачэн» о системе изучения буддийских канонов в тибетском буддизме. URL: <http://www.xztzb.gov.cn/yanjiu/1635992016133.shtml>].

²¹ См. [С позиции ученой степени «гачэн» о системе изучения буддийских канонов в тибетском буддизме. URL: <http://www.xztzb.gov.cn/yanjiu/1635992016133.shtml>].

В итоге дотантрический период стал этапом закладки основ тибетского буддизма, в ходе которого распространение буддийской мысли сочеталось с ее адаптацией к местным условиям. Тантрический же период, через системное введение индийских тантрических методов, установил религиозную парадигму, сочетающую практику сутры и тантры²². Смена этих двух периодов не только сформировала уникальность тибетского буддизма, но и заложила теоретический и практический фундамент для его последующего развития.

Ранний период развития тибетского буддизма в целом соответствует упомянутым дотантрическому и тантрическому этапам, тогда как поздний период представляет собой эпоху возрождения и дальнейшего развития буддизма после гонений Лангдарма, когда различные школы тибетского буддизма непрерывно росли и усиливались, оказывая глубокое влияние на политическую, экономическую и культурную сферы Тибета.

Поздний период развития: возрождение буддизма и образование различных школ

Поздний период развития тибетского буддизма (примерно X–XV вв.) стал ключевым историческим этапом возрождения буддизма в Тибете и формирования завершенной религиозной системы. Этот период, начавшийся с восстановления буддизма после гонений Лангдармы и завершившийся возвышением школы Гелуг, характеризовался такими ключевыми чертами, как формирование религиозных школ, установление системы слияния религии и государства и становление зрелой культурной системы тибетского буддизма. В отличие от раннего периода распространения буддизма, который в основном опирался на поддержку царской власти, буддизм позднего периода укоренился среди народных масс и местных феодальных правителей, сформировав уникальную систему школ, институт слияния религии и государства, а также всеобъемлющую религиозную культуру.

Как было уже отмечено, в середине IX в. правитель Тубо Лангдарма продвигал бон и подавлял буддизм, что привело к разрушению многочисленных монастырей и преследованию монахов. Буддизм практически исчез в регионе У-Цанг, и лишь немногие монахи бежали в Цинхай и Нгари, чтобы тайно продолжить передачу Дхармы. После падения династии Тубо Тибет больше не видел подобной единой и могущественной централизованной династии. Почти столетие Тибет находился в состоянии раздробленности и фрагментации, его социальная система постепенно переходила от рабовладения к феодализму²³. В этот период потомки королевской семьи Тубо расселились по разным регионам, установив многочисленные местные режимы. В это же время возникли и стали развиваться такие крупные буддийские школы, как Ньингма, Сакья и Кагью. Эти школы объединились с местными феодальными силами, тем самым религиозная и политическая власть постепенно слились воедино.

Поскольку преследования буддизма в период правления Лангдармы обострили политические разногласия в Тубо, это привело к внутренним распрям среди аристократии и к периоду раздробленности Тибета и, как следствие, к появлению множества не-

²² См. [Краткое введение в тибетский буддизм и его архитектуру: Лекция 2 Форума по изучению дворцового музея. URL: https://www.dpm.org.cn/research_institute/academic_forum/detail/369533.html].

²³ См. [О четырех крупных скачках вперед в Тибете под руководством Коммунистической партии Китая. URL: <https://www.xzqwdx.gov.cn/lldt/1707>].

зависимых местных режимов. Эта децентрализованная политическая ситуация создала условия для возрождения буддизма через местные политические силы и заложила политическую и экономическую основу для его возрождения.

В конце X в., с одной стороны, новые феодалы старались укрепить свою власть посредством религии; с другой стороны, войны и смуты побуждали народ искать религиозное утешение, что еще больше углубляло слияние религии бон и буддизма. Под двойным влиянием потребностей местной власти и духовных запросов народа буддизм возродился в форме ламаизма²⁴.

В этот период буддизм проник в регион У-Цанг двумя географическими путями, сформировав взаимодополняющую модель [Чжан Шэньинь, 2015: 97].

«Верхний путь» распространения, также известный как путь Али²⁵, проходил в основном в западном районе Нгари. Царство Гуге в Нгари, стремясь возродить буддизм, приглашало индийских буддийских мастеров в Тибет. Царь Гуге Ёше Од (кит. 益西沃, около 965–1036), исповедовавший буддизм и активно его пропагандировавший, отправил Ринчена Зангпо и еще 21 человека на обучение в Индию. Ими были переведены 108 тантр, также был основан монастырь Толинг, заложивший традицию сочетания сутры и тантры. Он интегрировал политическую власть и силы буддизма, создав административную систему управления государством через религию [Хуан Бо, 2013: 11].

Ранние правители царства Гуге активно способствовали возрождению буддизма. После смерти Ёше Од его племянник Чангчуб Од (кит. 絳曲沃, 984–1078) унаследовал его дело. В 1042 г. Чангчуб Од отправил своего министра Нгацо Цультрима Гьялву²⁶ с поручением почтительно пригласить в Тибет настоятеля индийского монастыря Викрамашила, известного буддийского мастера и ученого Атишу (982–1054). Атиша принял приглашение и много лет проповедовал Дхарму в Гуге и регионах У-Цанг. Его труд «Светоч на пути к пробуждению» (菩提道灯论 *Пути Даодэнлунь*) укрепил буддийскую теоретическую мысль, исправил путаницу в практиках и заложил основу для формирования различных школ в более поздний период.

«Нижний путь» распространения, также называемый Цинхайским направлением, в основном проходил в регионе Амдо. После гонений Лангдармы на буддизм три монаха, а именно Цанг Рабсель (藏 • 饶赛), Йо Гечун (约 • 格琼) и Ма Шакьямуни (玛 • 释迦牟尼), известные в истории как «три тибетских мудреца», взяв с собой священные тексты, бежали в местность Дэндо в Амдо²⁷, где в уединении практиковали учение, сохранив таким образом «искру буддизма» в отдаленном регионе.

²⁴ Ламаизм представляет собой особую форму тибетского буддизма, сформировавшуюся в процессе синтеза буддийского учения и древней тибетской религии бон. Термин «ламаизм» исторически использовался в западной и российской ориенталистике, однако в современных академических кругах чаще употребляется нейтральное название «тибетский буддизм», подчеркивающее его принадлежность к буддийской традиции.

²⁵ Путь Али относится к главному пути передачи буддизма из региона Нгари в Центральный Тибет (У-Цанг) в конце X в. Свое название он получил в соответствии с тибетской культурной традицией, согласно которой юго-запад считается «верхним» направлением, а северо-восток — «нижним».

²⁶ Нгацо Цультрима Гьялву (кит. 纳措·催成杰瓦, 1011 — ?) был известным тибетским переводчиком в период царства Гуге в XI в., прямым учеником Атиши и способствовал развитию тибетской буддийской мысли.

²⁷ В настоящее время это уезд Хуалун провинции Цинхай.

Последователи буддизма в этом районе тайно передавали традицию, постепенно получая поддержку тибетской аристократии. Ключевой фигурой «нижнего пути» распространения буддизма считается Лачен Гонпа Рабсель (кит. 喇钦 • 贡巴饶赛, 892–975). Он стал первым тибетским монахом в Амдо в поздний период, получившим полное монашеское посвящение от трех упомянутых монахов. Он унаследовал полную линию передачи винаи, став источником монашеской дисциплины, что гарантировало чистоту и легитимность восстановленной позднее монашеской общины. Более того, он не просто воспринял буддийскую передачу: после того как три мудреца приняли его в ученики, они, обобщив опыт предыдущего прерывания линии передачи буддизма, соединили в лице самого Лачена Гонпы Рабселя учения трех великих традиций — ханьского буддизма, индийского буддизма и бон [Ваньмо Сянцзе, 2015: 72]. Это в значительной степени способствовало возрождению буддизма и последующему процветанию различных школ тибетского буддизма. При поддержке местных властей буддизм быстро возродился в регионах У-Цанг. Лачен Гонпа Рабсель восстановил здесь систему монашеской дисциплины, и его по праву называют родоначальником» позднего периода распространения тибетского буддизма.

Лачен Гонпа Рабсель воспитал множество учеников, сформировав центр распространения буддизма вокруг монастыря Даньдоу в Цинхае. В конце X в. монах Луме Цуатрим Шераб и еще девять человек, прослышав о нем, отправились в Цинхай изучать Дхарму, став его косвенными преемниками. После завершения обучения эта группа вернулась в У-Цанг и рассеялась по разным землям, основывая монашеские общины, восстанавливая храмы (такие как монастырь Самье) и официально возрождая буддизм в регионе У-Цанг. Таким образом, линия передачи монашеской дисциплины практически всех монашеских общин У-Цанга позднего периода развития может быть прослежена до Лачена Гонпы Рабселя [Вэй Цзитао, 2016: 20].

Буддизм позднего периода развития был основан преимущественно на тантре. В его основе был экзотерический буддизм, который формировал систему различных практик, включая практики тантрического буддизма. Выдающийся монах Атиша предложил «Три пути» (низший путь — совершение добродетельных деяний ради людей и богов, срединный — путь к освобождению, а высший — бодхичитта и тантра), систематизировав учения экзотерики и тантры, которые стали теоретическим краеугольным камнем тибетского буддизма. В период правления царства Гуге Атиша был приглашен в различные части Тибета для распространения буддизма, внося значительный вклад в систематизацию тибетских буддийских доктрин и стандартизацию практик [Санцзи Чжаси, 2022: 66–67]. Некоторые источники считают Атишу основателем школы Кадам²⁸, но представляется, что школа Кадам на самом деле знаменует собой основание монастыря Ретинг (кит. 热振寺 Жэчжэнь-сы) в 1056 г.²⁹ Этот монастырь был основан под руководством Атиши его учеником Дромтонпой (1005–1064), что делает Дромтонпу истинным основателем школы кадампа тибетского буддизма [Дун Лиин, 2002:

²⁸ См. [Тибетский буддизм. Часть III. От позднего периода распространения Дхармы до наших дней. URL: <https://clc.li/WVMgL>; КАДАМПА, <https://www.pravenc.ru/text/1319768.html>].

²⁹ Монастырь Ретинг расположен у подножия горы Пуянгандинь в поселке Тангу, уезде Линьчжоу, городе Лхаса, Тибетском автономном районе, примерно в 160 км от центра Лхасы.

19]. Тем не менее вклад Атиши неоспорим — он считается ключевой фигурой в возрождении тибетского буддизма.

В период позднего распространения тибетского буддизма, с XI по XV в., возникло множество школ с различными линиями передачи, доктринами и практиками³⁰. Среди всего разнообразия направлений тибетского буддизма можно отметить, главным образом, следующие школы.

Школа Ньингма также известна как «Красная секта» из-за красных шапок, которые носили ее монахи. Она является самой древней школой тибетского буддизма. Название Ньингма на тибетском языке означает «древний», «старый». Ее истоки восходят к периоду проникновения буддизма в Тибет в VIII в., что связано с деятельностью мастера Падмасамбхавы. Школа почитает Падмасамбхаву как своего основателя, делает акцент на пути мгновенного просветления через учение «Великое Совершенство» (Дзогчен) и допускает для монахов возможность вступления в брак. Школа Ньингма сохранила значительное количество элементов религии бон — таких как ритуалы изгнания злых духов и привлечения благополучия. К главным монастырям школы относятся Дордже Драк и Миндроллинг в Тибете, чья архитектура сочетает тибетский стиль крепостных башен с буддийскими элементами, а настенные росписи часто изображают гневные формы тантрических божеств. В настоящее время школа распространена в основном на западе провинции Сычуань, в восточном Тибете и других регионах. Она уделяет особое внимание практике искусства тханка и экологическим проектам.

Школа Сакья подчеркивает сбалансированное развитие сутры и тантры, придавая большое значение переводу буддийских писаний и академическим исследованиям. В 1073 г. Кхон Кончог Гьялпо (кит. 昆·贡却杰布, 1034–1102) основал монастырь Сакья и разработал учение Плод-Путь (Ламдре), провозглашающее идеал полного слияния сутры и тантры. В 1253 г. Пхагпа-лама (кит. 八思巴喇嘛, 1235–1280), пятый патриарх Сакья, встретился с Хубилаем и одержал победу в диспуте с даосскими лидерами. После восшествия Хубилая на престол в 1260 г. Пхагпа-лама был назначен наставником государства (国师 *гоши*), возглавив буддийские дела по всей стране, к 1270 г. он был повышен до императорского наставника (帝师 *диши*) династии Юань. После получения посвящения в тантрическую традицию Сакья Хубилай даровал Пхагпе власть управлять большей частью Тибета, тем самым установив режим Сакья и сформировав первую теократическую систему местного управления в истории Тибета. Кроме того, Пхагпа создал новую монгольскую письменность, что внесло значительный вклад в объединение культуры в эпоху династии Юань [Чжунго лиши дацзыдянь, 2010: 42].

В монастыре Сакья хранится обширная коллекция буддийских писаний, фресок и фарфора времен династий Юань и Мин, что принесло ему репутацию Второго Дуньхуана. В 1961 г. монастырь был включен Госсоветом КНР в список охраняемых объектов национального значения. По сей день монастырь Сакья остается важным центром передачи этой школы буддизма, занимаясь сохранением буддийских песнопений и му-

³⁰ См. Краткое введение в тибетский буддизм и его архитектуру: Лекция 2 Форума по изучению Дворцового музея // Сайт Дворцового музея. URL: https://www.dpm.org.cn/learning_detail/369532.html (дата обращения 01.11.2025).

зыки, а также цифровой защитой древних текстов. Монастырь основал колледжи буддизма Сакья за рубежом для распространения своего учения и культуры.

Школа Кадам — одна из самых ранних и важных школ, возникших в ходе позднего периода распространения тибетского буддизма. Хотя большинство ее монастырей и линий передачи позже объединились со школой Гелуг, она сыграла решающую роль в истории тибетского буддизма, соединив прошлое и будущее. Школа Кадам имеет четкую линию преемственности, основанную, главным образом, на передаче от учителя к ученику: не случайно ее центральными фигурами являются Атиша и его ученик Дромтонпа. Самым представительным ее храмом является вышеупомянутый монастырь Ретинг. В XV в. мастер Цонкапа инициировал религиозные реформы. Основанная им школа Гелуг полностью унаследовала и развила чистую линию преемственности школы Кадам с точки зрения доктрины, одновременно впитав сильные стороны других школ. Это дало толчок к формированию более завершенной системы, благодаря чему впоследствии подавляющее большинство монастырей и монахов Кадама добровольно перешли в школу Гелуг. Таким образом, школа Кадам как самостоятельная школа постепенно слилась со школой Гелуг, завершив свою историческую миссию.

Школа Кагью (букв. «линия наставлений», «устная передача»), сформировавшаяся в XI в., делает акцент на прямой передаче учения от учителя к ученику и тантрической практике. Поскольку ее монахи часто носят белые одеяния, она широко известна как «Белая секта». Общую доктрину школы заложили три поколения учителей и учеников: Марпа (кит. 玛尔巴, 1012–1097), Миларепа (кит. 米拉日巴, 1040–1123), а также Тапо Ладжем (кит. 塔波拉杰, 1079–1153), считающийся главным учеником Миларепы. Благодаря их деятельности была сформирована структура «четыре большие школы и восемь малых школ»³¹. Отличительная практика школы Кагью сосредоточена на Махамудре, где медитация используется для созерцания природы ума. Школа почитает мастера Миларепу как патриарха, проповедует аскетичную практику и достижение просветления в течение одной жизни, подчеркивая важность йогической практики.

Кроме того, школа Кагью обновила свою систему. Карма Кагью стала пионером системы реинкарнации Живого Будды (XIII в.), где Черная Корона Кармапы стала первым перевоплощенным Живым Буддой. Эту систему впоследствии переняли и другие школы. В главном монастыре Цурпху хранятся ступы последующих Кармап. Ритуал *чам* (танец ваджра)³² монастыря Цурпу объединяет тантрическую доктрину с тибетским танцевальным искусством. В настоящее время монастыри Цурпу (Карма Кагью) и Дрикунг Тил (Дрикунг Кагью)³³ являются важными оплотами школы Кагью. В про-

³¹ Четыре большие школы: Карма Кагью, Цхалпа Кагью, Баром Кагью, Пхагдру Кагью; Восемь малых школ: Дрикунг Кагью, Таглунг Кагью, Друкпа Кагью, Ясанг Кагью, Тропу Кагью, Шугсеб Кагью, Елла Кагью, Марцанг Кагью.

³² Чам — это религиозный танец, исполняемый в тибетских монастырях. Танцоры в красочных костюмах и масках символически демонстрируют буддийские концепции и божества, защищая их от злых духов.

³³ Монастырь Цурпу (кит. 楚布寺 Чубу-сы) расположен в верховьях реки Цурпу на северо-западе района Доилунгдэкен, Лхаса, Тибетский автономный район, на высоте 4300 м. Он находится примерно в 70 км к западу от Лхасы и является главным монастырем школы Карма Кагью. Дрикунг Тил (кит. 直贡梯寺 Чжигунти-сы) расположен в поселке Менба, уезде Можугонка, Лхаса, Тибетский автономный район. Это главный монастырь школы Дрикунг Кагью тибетского буддизма.

цессе распространения за рубежом учение школы интегрируется с западной психологией, развивая такие направления, как курсы по формированию осознанности³⁴.

Школа Гелуг — самая молодая, но и самая влиятельная школа тибетского буддизма, возникшая после религиозных реформ Цонкапы в XV в. Цонкапа, основываясь на учении Кадампы, создал «Великий трактат об этапах пути к просветлению» (тиб. *Ламрим Ченмо*)³⁵. В рамках своих систематических религиозных реформ он основал три крупных монастыря: Ганден, Дрепунг и Сера. Помимо этого, он возродил буддизм на тибетском языке, призывая монахов строго соблюдать обеты, а также предложил строгую систему монастырской организации, процедуру изучения сутр, систему экзаменов, продвижения и буддийских ученых степеней, сформировав таким образом иерархию лам³⁶. Благодаря более полным доктринам и заповедям школы Гелуг многие монастыри и монахи впоследствии объединились в эту школу, поэтому школа Гелуг считается наследницей и развитием духа Кадампы. «Гелуг» означает «добродетельное правило» и названа в честь ее основателя Цонкапы, проповедовавшего «строгое следование заповедям и восстановление Дхармы». Монахи здесь носят желтые шапки, отсюда и распространенное в Китае название школы — «Желтое учение» (黄教 *Хуанцзяо*).

В XVII в. Пятый Далай-лама Лобсанг Гьяцо установил власть правительства Ганден Пходранг, и после получения инвестуры от империи Цин школа стала религиозно-политическим ядром Тибета³⁷. В это время школа Гелуг провела институциональные инновации, укрепив модель слияния религии и государства. Император Цяньлун утвердил систему жеребьевки из золотой урны для регулирования процедуры распознавания тукку и обеспечения легитимности преемственности, а именно: усовершенствовал систему перерождений, в которой Далай-лама и Панчен-лама являются друг для друга учителем и учеником.

Процесс определения перерождения живого Будды также включал участие императорского двора: после кончины предыдущего ламы монахи и аристократия в соответствии с традицией (основанной на предсказаниях и видениях) проводили поиски, чтобы определить несколько детей-кандидатов. Имена и ключевая информация о кандидатах заносились на специальные жеребьевые таблички, которые в обязательном порядке должны были быть написаны на маньчжурском, китайском и тибетском языках. Цинский двор устанавливал по одной золотой урне (кит. 金奔巴瓶 *цзиньбэньбапин*) в храме Джоканг в Ахасе и в монастыре Юнхэгун в Пекине, после чего имена кандидатов-перерожденцев записывались на жребии и помещались в урну. Церемонию проводил

³⁴ Понятие «осознанность», Mindfulness (正念 *Чжэньнянь*) возникло из практик буддизма, даосизма, конфуцианства и боевых искусств Востока. Благодаря исследованиям трансформации осознанности Джоном Кабат-Зинном (Jon Kabat-Zinn), доктором философии по молекулярной биологии из Масачусетского технологического института, это понятие было дерелигиозировано, что привело к разработке научного метода снижения стресса, основанного на осознанности.

³⁵ «Ламрим Ченмо» — фундаментальный труд Цонкапы, заложивший систематическую доктринальную основу школы Гелуг. Он не только стал краеугольным камнем образовательной системы Гелуг, но и оказал глубокое влияние на всю тибетскую буддийскую мысль, утвердив модель пути, сочетающую философскую глубину, моральную дисциплину и тантрическую практику.

³⁶ См. [Школа Гелуг, <https://www.amdotibet.com/religion/jiaopai/gelupai/2021-02-07/20544.html>].

³⁷ Эта религиозно-политическая структура под руководством нескольких поколений Далай-лам существовала до середины XX в. и была упразднена после отъезда Далай-ламы XIV в Индию.

амбань³⁸ или министр Палаты по делам зависимых территорий (кит. 理藩院 *лифань-юань*). Перед статуей Будды Шакьямуни публично встряхивали золотую урну с жребиями, а затем вслепую извлекали одну табличку. Результат жеребьевки обязательно докладывался амбанем императору, который издавал императорский указ для окончательного утверждения. Этот процесс отражал окончательное подтверждение законности перерождения центральной властью³⁹.

В дальнейшем монастыри Гелуг накопили огромную экономическую мощь. Так, например, монастырь Ташилунпо (кит. 扎什伦布寺 *Чжашэнлуньбу-сы*)⁴⁰ владел многочисленными поместьями и зависимыми людьми, осуществляя управление по принципу слияния религии и администрации. Доктринальной особенностью школы Гелуг является опора на философскую базу мадхьямаки-прасангики, критика реального существования абсолютной истины и утверждение взаимозависимого возникновения и пустотности. Ее тантрическая практика основывается на трех учителях Ваджры: Гухьясамаджа, Ямантака и Чакрасамвара, с акцентом на строгое соблюдение ритуалов и важность руководства учителя⁴¹.

Согласно статистическим данным начала XXI в., из более чем 1700 монастырей тибетского буддизма в Тибетском автономном районе на школу Гелуг приходится свыше 60%⁴², и по сей день она сохраняет доминирующие позиции. Ее три великих монастыря Ахасы (Ганден, Дрепун, Сера)⁴³ и Ташилунпо в Шигацзе являются не только центрами религиозной жизни, но и хранителями культурной памяти тибетского общества⁴⁴.

В регионах с преобладанием тибетского населения (Цинхай, Ганьсу и Сычуань) монастыри школы Гелуг также занимают доминирующее положение. В настоящее время в Цинхае насчитывается 364 монастыря школы Гелуг, что составляет 55% всех тибетских буддийских храмов в провинции. Монастырь Кумбум, место рождения Цонкапы, ежегодно привлекает миллионы паломников. Так, монастырь Дашэн-фаиньфалунь-сы во Внутренней Монголии и монастырь Ганден Сумцелин в Юньнани интегрировались с местными культурами, формируя модели религиозной практики, сочетающие общие черты тибетского буддизма с региональными особенностями.

В настоящее время монастыри школы Гелуг, столкнувшись с вызовами глобализации, начинают внедрять современные методы обучения. С 2015 г. три крупнейших мо-

³⁸ Комиссар-резидент Центрального правительства в Тибете.

³⁹ См. [Стандартизация системы реинкарнации Живого Будды является необходимым условием для здоровой передачи тибетского буддизма. URL: <https://www.ynswtzb.gov.cn/info/19021>].

⁴⁰ Расположен в городе Шигацзе, Тибет, Китай.

⁴¹ См. [Характеристики школы Гелуг. URL: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/xz/2011-04/11/content_13049567.htm].

⁴² См. [Тибетские религиозные верования и обычаи. URL: <https://www.lasa.gov.cn/lasa/fswh/201608/141e8e57b4224a92b1d29eaf5b1dc1e6.shtml>].

⁴³ См. [Достопримечательности. URL: <https://www.lasa.gov.cn/lasa/msgj/201706/ea2ee50de05f4c918c4c1c9eba23abf9.shtml>].

⁴⁴ Здесь надо упомянуть еще один чрезвычайно авторитетный монастырь школы Гелуг — Лабранг, который находится не в Тибете, а в уезде Сяхэ, Ганьнань-Тибетского автономного округа провинции Ганьсу. Его часто посещают представители буддийского духовенства России. Полное его название (Гандэн Шедруп Даргье Таши Кунне Кыилве Линг) отсылает к наименованию крупнейшего монастыря в Тибете, что говорит о линии преемственности между этими духовными центрами.

настыря Лхасы внедрили Систему тибетских буддийских академических степеней, приведя традиционную степень геше в соответствие с современной системой, требующей от студентов сдачи двуязычных экзаменов на китайском и английском языках. Школа Гелуг в настоящее время является наиболее распространенной, имеет наибольшее число последователей и пользуется наибольшим признанием среди тибетских буддийских школ. Следует отметить, что в трех республиках Российской Федерации (Бурятия, Калмыкии и Туве) школа Гелуг является доминирующей ветвью тибетского буддизма, что актуализирует ее пристальное изучение.

В целом различия между различными школами обусловлены не только их доктринальными акцентами, но и особенностями социально-исторического развития. Школа Ньингма, сохраняющая элементы изначальных верований, отражает давнее взаимодействие буддизма и религии бон. Школа Сакья, опирающаяся на аристократические семьи и центральную династию, являет собой раннюю форму теократического союза. Школа Кагью, сосредоточенная на аскетизме в горах и распространении искусства, отражает жизнеспособность народных духовных традиций. Школа Гелуг благодаря институциональным реформам и интеграции с государственной властью завершила систематизацию и институционализацию тибетского буддизма. Эти школы в совокупности представляют собой многообразные аспекты тибетского буддизма: их доктринальные практики сохраняют основополагающую структуру буддизма, глубоко интегрируясь в социальную структуру и культурную ткань Тибета и формируя уникальную религиозную цивилизацию.

Выводы

Формирование и развитие тибетского буддизма представляют собой историю глубокого взаимодействия и непрерывного синтеза иноземной религии с местной культурой. От начального этапа конфликта с религией бон, через первоначальное распространение и институционализацию в ранний период развития, в эпоху империи Тубо, до систематизированного развития различных школ и постепенного установления системы слияния религии и власти тибетский буддизм успешно объединил ключевые принципы индийского буддизма с верованиями бон и социальной структурой Тибета. Это позволило создать в Тибете настоящую «религиозную цивилизацию», сочетающую глубокую философскую систему с уникальными практиками и ритуалами.

Этот процесс интеграции был не простой заменой, а культурной реконструкцией посредством усвоения и трансформации. Сохраняя свои фундаментальные доктрины, буддизм гибко впитал в себя природопоклонничество, обряды и часть пантеона религии бон, возведя их в часть своей собственной тантрической системы, тем самым осуществив глубокую локализацию и сформировав под китайским влиянием уникальную религиозную формацию. Последовательное возникновение и разделение основных школ (Ньингма, Сакья, Кагью и Гелуг) отражает не только различия в доктринальных акцентах и методах практики, но и особенности политико-экономических основ и социальных запросов разных исторических периодов и регионов.

Исследование тибетского буддизма в Китае обладает глубокими традициями и характеризуется комплексным, междисциплинарным подходом, сочетающим религиозно-

ведение, историю, филологию и этнологию. Важнейшим направлением работы китайских ученых стала масштабная работа с первоисточниками, включающая перевод, систематизацию и критическое осмысление тибетского буддийского канона и исторических хроник. Фундаментальные труды — как, например, «История китайского буддизма» (中国佛教史 *Чжунго фоцзяоши*) под редакцией Жэнь Цзюня — создали основу для рассмотрения тибетской традиции в общем контексте религиозной истории Китая. Признание роли добуддийского субстрата стало отличительной чертой китайской тибетологии. Пионерские работы Цай Жантая, связанные с историей цивилизации Шангшунг и религии бон, позволили реконструировать истоки тибетской культуры и показать механизмы ее синтеза с буддизмом. Этот подход сместил акцент с чисто буддийского нарратива на изучение диалога и взаимовлияния культур.

В фокусе научного интереса китайских историков, как демонстрируют работы Хуан Вэйчжуня, находится также процесс институционализации буддизма в империи Тубо, его взаимодействие с политическими структурами, а также пути и модели буддийского возрождения в их связи с местными формами власти. Исследования таких ученых, как Келсанг Гьял и Дун Лиин, на основе сравнительного изучения различных культур раскрывают доктринальную систему и конфессиональные особенности тибетского буддизма. Совокупный результат этих изысканий формирует многомерную картину развития тибетского буддизма. Подобная исследовательская деятельность существенно обогатила понимание международным академическим сообществом исторического генезиса и сущностных характеристик тибетского буддизма.

Таким образом, вклад китайских исследователей заключается не только в накоплении фундаментальных знаний, но и в формировании целостной модели понимания тибетского буддизма как сложного феномена, находящегося на пересечении религиозных, культурных и политических процессов в истории Китая и Центральной Азии.

Благодарности и финансирование

Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки № FSUS-2024–0028 «Аксиологический потенциал буддизма в контексте международных отношений России со сторонами Восточной Азии: история и современность».

Acknowledgements and funding

The study was carried out within the State assignment of the Ministry of Higher Education and Science No. FSUS-2024–0028 «Axiological potential of Buddhism in the context of international relations of Russia with the countries of East Asia: history and modernity.»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

КАДАМПА // Православная Энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. URL: <https://www.pravenc.ru/text/1319768.html> (дата обращения 03.01.2026).

Тибетский буддизм. Часть III. От позднего периода распространения Дхармы до наших дней // Сайт vidya. URL: <https://clc.li/WVMgI/> (дата обращения 11.06.2025).

Tucci G. The Religions of Tibet. Berkeley and Los Angeles: University of California Press. 1980. 448 p.

王世军 [Ван Шицзюнь]. 赤松德赞生平概述 [Краткий обзор жизни Трисонга Децена] // 青海社会科学 [Цинхайские общественные науки]. 1990. № 1. С. 116–120. (на кит. яз.).

万么项杰 [Ваньмо Сянцзе]. 喇钦贡巴饶赛证师二汉僧新考 [Новое исследование двух китайских монахов-наставников Лачена Гонпы Рабсея] // 西藏研究 [Тибетские исследования]. 2015. № 2. С. 67–73. (на кит. яз.).

魏继涛 [Вэй Цзитао]. 藏传佛教后弘期下路弘传研究 [Исследование распространения буддизма по нижнему пути в поздний период тибетского буддизма] // 西藏大学 [Университет Тибета]. 2016. 70 с. (на кит. яз.).

Достопримечательности // Сайт Народного правительства Лхасы. URL: <https://www.lasa.gov.cn/lasa/msgj/201706/ea2ee50de05f4c918c4c1c9eba23a6f9.shtml> (дата обращения 03.01.26). (на кит. яз.).

董莉英 [Дун Лин]. 噶当派传承及其思想特点 [Преемственность и идейные особенности школы Кадампа] // 中国藏学 [Китайская тибетология]. 2002. С. 18–24. (на кит. яз.).

任继愈 [Жэнь Цзюйюй]. 中国佛教史 [История китайского буддизма]. 北京 [Пекин]. 中国社会科学出版社 [Издательство Китайской академии общественных наук]. 1985. 602 с. (на кит. яз.).

Как буддизм распространился в Тибете // Сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wbgwyz/wsgz/xzdbtcfmgjnd/2009-03/18/content_1647358.htm (дата обращения 11.10.2025). (на кит. яз.).

尕藏加 [Келсанг Гьял / Гацзанцзя]. 密宗：藏传佛教神秘文化 [Тантра: таинственная культура тибетского буддизма]. 拉萨 [Лхаса]. 西藏人民出版社 [Тибетское народное издательство]. 2012. 349 с. (на кит. яз.).

Краткое введение в тибетский буддизм и его архитектуру — Лекция 2 Форума по изучению дворцового музея // Сайт дворцового музея. URL: https://www.dpm.org.cn/research_institute/academic_forum/detail/369533.html (дата обращения 03.1.2026). (на кит. яз.).

栾建章 [Луань Цзяньчжан]. 文明兴衰与历史大势 — 观《西藏的西藏》有感 [Расцвет и падение цивилизаций в общей исторической тенденции — Размышления о просмотре «Тибет Тибета»] // 瞭望 [Обозрение]. 2013. № 1. С. 59–60. (на кит. яз.).

О четырех крупных скачках вперед в Тибете под руководством Коммунистической партии Китая // Сайт партийной школы Комитета КПК Тибетского автономного района. URL: <https://www.xzqwdx.gov.cn/lldt/1707> (дата обращения 21.10.2025). (на кит. яз.).

班班多杰 [Палпал Дордже / Баньбань Дуоцзе]. 藏传佛教和汉传佛教前宗派时期之比较 [Сравнение тибетского и ханьского буддизма до периода разделения на школы] // 青海民族学院学报 (社会科学版) [Вестник Института национальностей Цинхая (серия общественных наук)]. 2007. № 4. С. 16–19 (на кит. яз.).

Правильное понимание исторического процесса китаизации тибетского буддизма // Сайт социальных наук Тибетского автономного региона. URL: <http://xzass.org/war/info/detail/501760578012425> (дата обращения 03.1.2026). (на кит. яз.).

Профессор Цай Жантай рассуждает об истории и культуре религии бон // Китайская тибетская сеть. URL: https://www.tibet3.com/wenhua/whdt/content_300054749.html (дата обращения 16.10.2025). (на кит. яз.).

桑吉扎西 [Санци Чжаси]. 从热带雨林到雪域高原 — 和平使者阿底峡大师的弘法历程 [От тропических лесов до снежного нагорья — история распространения Дхармы миротворцем Атишей] // 法音 [Звуки Дхармы]. 2022. С. 65–69 (на кит. яз.).

«Сбор и систематизация древних документов на различных языках цивилизации Шангшунг», финансируемый Центральным университетом национальностей // Информационная сеть Центрального университета национальностей. URL: <https://news.muc.edu.cn/info/1012/21508.htm> (дата обращения 03.01.2026). (на кит. яз.).

Стандартизация системы реинкарнации Живого Будды является необходимым условием для здоровой передачи тибетского буддизма // Сайт: Объединенный фронт провинции Юньнань. URL: <https://www.ynswtz.gov.cn/info/19021> (дата обращения 03.01.26). (на кит. яз.).

С позиции ученой степени «гачэн» о системе изучения буддийских канонов в тибетском буддизме // Сайт объединенного фронта Тибета. URL: <http://www.xztzb.gov.cn/yanjiu/1635992016133.shtml> (дата обращения 03.01.2026). (на кит. яз.).

Тибетские религиозные верования и обычаи // Сайт Народного правительства Ахасы. URL: <https://www.lasa.gov.cn/lasa/fsw/201608/141e8e57b4224a92b1d29eaf5b1dc1e6.shtml> (дата обращения 15.10.25). (на кит. яз.).

Характеристики школы Гелуг // Сайт China Daily. URL: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/xz/2011-04/11/content_13049567.htm (дата обращения 03.01.26). (на кит. яз.).

黄博 [Хуан Бо]. 兴佛改制: 益西沃时代古格王国政教合一制析论 [Религиозные реформы и утверждение системы слияния религии и государства в царстве Гуге в эпоху Ёше Од: критический анализ] // 藏学学刊 [Тибетологический сборник]. 2013. С. 9–25 (на кит. яз.).

Хэ Цзяньхуа: Защитная роль тибетской культуры бон в экологии // Юньнаньская академия общественных наук. URL: <https://www.skyyn.gov.cn/ztl/yq30zn/zgwj/mzwx/4771414416131673536> (дата обращения 20.10.2025). (на кит. яз.).

黄维忠 [Хуан Вэйчжун]. 佛教中国化视野下对吐蕃佛教的再思考 — 以赤松德赞时期为中心 [Переосмысление тибетского буддизма в перспективе китаизации буддизма — на примере периода Трисонга Децена] // 中国藏学 [Китайская тибетология]. 2024. С. 62–72 (на кит. яз.).

才让太 [Цай Жантай]. 古老的象雄文明 [Древняя цивилизация Шанг-Шунг] // 西藏研究 [Тибетские исследования]. 1985. № 2. С. 96–104. (на кит. яз.).

才让太 [Цай Жантай]. 再探古老的象雄文明 [Повторное исследование древней цивилизации Шанг-Шунг] // 中国藏学 [Китайская тибетология]. 2005. № 1. С. 18–32 (на кит. яз.). <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-557X.2005.01.003>.

藏族大辞典 [Цзанцзу дацзыдянь / Большой тибетский словарь]. 藏族大辞典 [藏族大辞典] / 丹珠昂奔、周润年、莫福山、李双剑主编 [под ред. Даньчжу Анбэнь, Чжоу Жуньянь, Мо Фушань, Ли Шуанцзянь]. 兰州 [Ланьчжоу]. 甘肃人民出版社 [Ганьсуское народное издательство]. 2003. 1130 с. (на кит. яз.).

张生寅 [Чжан Шэнъинь]. 后弘初期卫藏地区藏传佛教寺院的发展及特点 [Развитие и особенности тибетских буддийских монастырей в регионе У-Цанг в начальный период позднего распространения] // 青海社会科学 [Цинхайские общественные науки]. 2015. С. 97–101. (на кит. яз.).

中国历史大辞典 [Чжунго лиши дацыдянь / Большой исторический словарь Китая]. 中国历史大辞典 [中国历史大辞典] / 郑天挺、谭其骧主编 [под ред. Чжэн Тяньтина, Тань Цисяна]. 上海 [Шанхай]. 上海辞书出版社 [Шанхайское издательство словарей и энциклопедий]. 2010. 3502 с. (на кит. яз.).

中国少数民族史大辞典 [Чжунго шаошу миньцзу ши дацыдянь / Большой словарь по истории национальных меньшинств Китая]. 中国少数民族史大辞典 [中国少数民族史大辞典] / 高文德主编 [под ред. Гао Вэньдэ]. 吉林 [Цзилинь]. 吉林教育出版社 [Издательство Цзилиньского педагогического университета]. 1995. 2680 с. (на кит. яз.).

Школа Гелуг // Сайт озера Цинхай. URL: <https://www.amdotibet.com/religion/jiaopai/gelupai/2021-02-07/20544.html> (дата обращения 03.01.26). (на кит. яз.).

References

Tibetskii buddizm. Chast' III. Ot perioda Pozdnego Rasprostraneniya Dkharmy do nashikh dnei [Tibetan Buddhism. Part III. From the later period of Dharma propagation to the present day]. *Vidya*. URL: <https://clc.li/WVMgI/> (accessed 11 June 2025). (in Russian).

KADAMPA. *Pravoslavnaya Ehntsiklopediya pod redaktsiei Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla* [The Orthodox Encyclopedia edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia] URL: <https://www.pravenc.ru/text/1319768.html> (accessed 3 January 2026). (In Russian).

Tucci G. *The religions of Tibet*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1980. 448 p.

Banban Duojie (Phanphan rdorje). Zangchuan fojiao he hanchuan fojiao qian zongpai shiqi zhi bijiao [A comparison between Tibetan buddhism and chinese buddhism in the pre-sectarian period]. *Qinghai Minzu Xueyuan Xuebao (Shehui Kexue Ban)* [Journal of Qinghai Nationalities Institute (Social Sciences Edition)], 2007, no. 4, pp. 16–19 (in Chinese)

Cai Rang Tai. Gulao de xiangxiong wenming [The Ancient xiangxiong civilization]. *Xizang Yanjiu* [Tibet Research], 1985, no. 2, pp. 96–104. (in Chinese)

Cai Rang Tai. Zaitan gulao de xiangxiong wenming [A Re-examination of the Ancient Zhangzhung Civilization]. *Zhongguo Zangxue* [China Tibetology]. 2005, no. 1, pp. 18–32. (in Chinese). <https://doi.org/10.3969/j.issn.1002-557X.2005.01.003>.

Cai Rangtai jiaoshou tan benjiao lishi yu wenhua [Professor Cai Rangtai discusses the history and culture of the Bon religion]. URL: https://www.tibet3.com/wenhua/whdt/content_300054749.html (accessed 16 October 2025). (In Chinese).

Cong «gaqin» xuawei kan Zangchuan Fojiao Xuejing Zhidu [From the perspective of the academic degree «gachen» on the system of studying Buddhist canons in Tibetan Buddhism]. URL: <http://www.xzdtzb.gov.cn/yanjiu/1635992016133.shtml> (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

Dong Liying. Gadangpai chuancheng ji qi sixiang tedian [The Kadam Tradition and Its Doctrinal Characteristics]. *Zhongguo Zangxue* [China Tibetology]. 2002, pp. 18–24 (in Chinese).

Fojiao ruhe chuanru Xizang [How Buddhism spread in Tibet]. URL: http://www.npc.gov.cn/zgrdw/npc/wbgwyz/wsgz/xzdbtcfmgjnd/2009-03/18/content_1647358.htm (accessed 11 October 2025). (In Chinese).

Ga Zangjia (Skal bzang rgya). *Mizong: Zang chuan fojiao shenmi wenhua* [Tantra: The Mysterious Culture of Tibetan Buddhism]. Lhasa: Xizang Renmin Chubanshe. 2012, 349 p. (In Chinese)

Gelupai [Gelug school]. URL: <https://www.amdotibet.com/religion/jiaopai/gelupai/2021-02-07/20544.html> (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

Gelupai de tedian [Characteristics of the Gelug school]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/dfpd/xz/2011-04/11/content_13049567.htm (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

He Jianhua: Zangqu benjiao wenhua zai shengtai zhong de baohu zuoyong [He Jianhua: The protective role of Tibetan Bon culture in ecology]. URL: <https://www.sky.yn.gov.cn/ztl/yq30zn/zgwj/mzwx/4771414416131673536> (accessed 20 October 2025). (In Chinese).

Huang Bo. Xing fo gai zhi: Yixiwo shidai guge wangguo zhengjiao heyizhi xilun [The Promotion of Buddhism and Institutional Reform: A Critical Analysis of the Integration of Religion and Politics in the Guge Kingdom during the Era of Yeshe O]. *Zangxue Xuekan* [Journal of Tibetology]. 2013, pp. 9–25 (in Chinese)

Huang Weizhong. Fojiao zhongguohua shiye xia dui tubo fojiao de zai sikao — yi chisong dezan shiqi wei zhongxin [Rethinking Tibetan buddhism from the perspective of the sinicization of buddhism — focusing on the period of Trisong Detsen]. *Zhongguo Zangxue* [China Tibetology], 2024, pp. 62–72 (in Chinese)

Huofu zhuanshi zhidu de guifanhua shi Zangchuan Fojiao jiankang chuancheng de biyao tiaojian [Standardization of the Living Buddha reincarnation system is a necessary condition for the healthy transmission of Tibetan Buddhism]. URL: <https://www.ynswtz.gov.cn/info/19021> (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

Luan Jianzhang. Wenming xingshuai yu lishi dashi — guan «Xizang de Xizang» you gan [The Rise and Fall of Civilizations and the Grand Historical Trend — Reflections on Viewing «Tibet of Tibet»]. *Liaowang* [Outlook Weekly]. 2013, no. 1, pp. 59–60 (in Chinese).

Ming sheng gu ji [Sights]. URL: <https://www.lasa.gov.cn/lasa/msgj/201706/ea2ee50de05f4c918c4c1c9eba23a6f9.shtml> (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

Ren Jiyu. *Zhongguo fojiao shi* [History of chinese Buddhism]. Beijing: China social sciences press, 1985, 602 p. (In Chinese).

Sangji Zhaxi (Sangs rgyas bkra shis). Cong redai yulin dao xueyu gaoyuan — heping shizhe Adixia dashi de hongfa licheng [From the tropical rainforests to the snowy plateau — The dharmic propagation journey of peace ambassador Atisha]. *Fayin* [Voice of Dharma], 2022, pp. 65–69 (in Chinese).

Wang Shijun. Chisong Dezan shengping gaishu [A Brief Overview of the Life of Trisong Detsen]. *Qinghai Shehui Kexue* [Qinghai social sciences]. 1990, no. 1, pp. 116–120 (in Chinese).

Wanmo Xiangjie (Dbang mo byang rgyal). Laqin Gongba Raosai zhengshi er hanseng xinkao [A New Study on the Two Chinese Monk-Teachers of Lachen Gongpa Rabsel]. *Xizang Yanjiu* [Tibet Studies]. 2015, no. 2, pp. 67–73 (in Chinese).

Wei Jitao. *Zangchuan fojiao houhong qi xialu hongchuan yanjiu* [Research on the Lower Route Dissemination in the Later Spread Period of Tibetan Buddhism. Master's thesis]. Lhasa: Xizang Daxue, 2016, 70 p. (In Chinese)

Xiangxiong wenming duowenzhong guwenxian soujizhengli yu yanjiu kaitibaogaohui [Collection and systematization of ancient documents in various languages of the Shangshung

civilization]. URL: <https://news.muc.edu.cn/info/1012/21508.htm> (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

Xizang zongjiao xinyang he xisu [Tibetan religious beliefs and customs]. URL: <https://www.lasa.gov.cn/lasa/fsw/201608/141e8e57b4224a92b1d29eaf5b1dc1e6.shtml> (accessed 15 October 2025). (In Chinese).

Zangchuan Fojiao ji qi jianzhu jianjie — Gugong yanjiuyuan luntan di er jiang [Brief introduction to Tibetan Buddhism and its architecture — Lecture 2 of the Palace Museum Research Forum]. URL: https://www.dpm.org.cn/research_institute/academic_forum/detail/369533.html (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

Zangzu da cidian [Great Tibetan Dictionary]. Lanzhou: Gansu People's Publishing House. 2003, 1130 p. (in Chinese)

Zhang Shengyin. Houhong chuqi weizang diqu zangchuan fojiao siyuan de fazhan ji tedian [The Development and Characteristics of Tibetan Buddhist Monasteries in the Weizang Area during the Early Later Diffusion Period]. *Qinghai Shehui Kexue* [Qinghai Social Sciences]. 2015, pp. 97–101 (in Chinese)

Zhengque lijie Zangchuan Fojiao Zhongguohua de lishi jincheng [Correct understanding of the historical process of sinicization of Tibetan Buddhism]. URL: <http://xzass.org/wap/info/detail/501760578012425> (accessed 3 January 2026). (In Chinese).

Zhongguo Gongchandang lingdao xia Xizang de sida feiyue [On four major leaps forward in Tibet under the leadership of the Chinese Communist Party]. URL: <https://www.xzqwdx.gov.cn/lldt/1707> (accessed 21 October 2025). (In Chinese).

Zhongguo lishi da cidian [Great Dictionary of Chinese History]. Shanghai: Shanghai Lexicographical Publishing House. 2010, 3502 p. (In Chinese)

Zhongguo shaoshu minzushi da cidian [Great Dictionary of the History of Chinese Ethnic Minorities]. Jilin: Jilin Education Press. 1995, 2680 p. (In Chinese)

Статья поступила в редакцию: 07.01.2026

Принята к публикации: 17.05.2026

Дата публикации: 30.06.2026

УДК 93/94

DOI 10.14258/nreur(2026)2–13

*O. P. Tsys, V. V. Tsys**Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia)*

«TO SEE THE SPIRITUAL HOMELAND OF CHRISTIANS»: PILGRIMS' PETITIONS TO THE HOLY LAND AS A SOURCE FOR STUDYING PUBLIC IDEAS OF THE LATE 19TH — EARLY 20TH CENTURIES

The article analyzes the structure and content of petitions for assistance in pilgrimage to the Holy Land (Palestine) of Orthodox Russians for the period from 1882 to 1914, managed in the chancellery of the Imperial Orthodox Palestine Society. It is noted that the petitions came exclusively from low-income representatives of the city and village, most of whom were women. It is concluded that both the number of petitions and the geography of their authors' placement during the studied period expanded. It is noted that the content of the analyzed sources reflected ideas about the State being personified in members of the royal family, which constituted one of the traditional features of the mentality of ordinary Russians. The motives for pilgrimage stated in the petitions were exclusively vows for illness and recovery, the desire for spiritual renewal. The authors not only ask for help, but also in return use their prayers or actions to compensate for the incurred expenses. The relationship is noted between the beginning of the dissemination in Russia of information about the holy regions of the East by the diocesan departments of the Imperial Orthodox Palestine Society through the organization of public readings and the development of corresponding directions in the Holy Land in pilgrimage.

Keywords: Holy Land, Palestine, Jerusalem, pilgrimage, pilgrimage petitions, Imperial Orthodox Palestine Society, social representations, gender studies

For citation:

Tsys O. P., Tsys V. V. «To see the spiritual homeland of Christians»: petitions of pilgrims to the Holy Land as a source for studying social ideas of the late 19th — early 20th centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2026, vol. 31, no. 2, pp. 311–325. DOI 10.14258/nreur(2026)2–13

Tsys Olga Petrovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Russian History and Documentation Science, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia). **Contact address:** tsyso@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6351-8259>

Tsys Valery Valentinovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History and Documentation Science, Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk (Russia). **Contact address:** roshist@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9695-3900>

О. П. Цысь, В. В. Цысь

Нижневартовский государственный университет, Нижневартовск (Россия)

«УЗРЕТЬ ДУХОВНУЮ РОДИНУ ХРИСТИАН»: ПРОШЕНИЯ ПАЛОМНИЦ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX В.

В статье анализируются структура, содержание прошений о содействии в паломничестве в Святую Землю (Палестину) православных россиян за период с 1882 по 1914 г., направлявшихся в канцелярию Императорского Православного Палестинского общества. Отмечено, что прошения поступали преимущественно от малоимущих представителей города и деревни, большинство из которых составляли женщины. Делается вывод, что как количество прошений, так и география местожительства их авторов в течение рассматриваемого периода расширились. Указано, что в содержании анализируемых источников отразились представления о государстве, персонифицированном в членах царствующей семьи, составлявшие одну из традиционных черт менталитета простых россиян. Мотивами паломничества, заявленными в прошениях, являлись преимущественно обеты по болезни и выздоровлению, стремление к духовному обновлению. Авторы не только просят о помощи, но и взамен предлагают своими молитвами или конкретными действиями компенсировать понесенные расходы. Отмечена взаимосвязь между началом распространения в России сведений о святых местах Востока епархиальными отделами Императорского Православного Палестинского общества путем устройства публичных чтений и ростом числа желающих отправиться в Святую Землю в паломничество.

Ключевые слова: Святая Земля, Палестина, Иерусалим, паломничество, паломнические прошения, Императорское Православное Палестинское общество, общественные представления, гендерные исследования

Для цитирования:

Цысь О. П., Цысь В. В. «Узреть духовную родину христиан»: прошения паломниц в Святую Землю как источник изучения общественных представлений конца XIX — начала XX в. // Народы и религии Евразии. Т. 31, № 2. С. 311–325. DOI 10.14258/nneur(2026)2–13

Цысь Ольга Петровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и документоведения Нижневартковского государственного университета, Нижневартовск (Россия). **Адрес для контактов:** tsyso@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6351-8259>

Цысь Валерий Валентинович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и документоведения Нижневартковского государственного университета, Нижневартовск (Россия). **Адрес для контактов:** roshist@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9695-3900>

Introduction

Palestine is a small corner of the earth that attracts the attention of the entire Christian world. «Holy Land! Two words, but how much it says to the Christian believing heart. After all, this is the land where our Lord Jesus Christ lived, where he taught, performed miracles, where he suffered on the cross for us, rose again and ascended... And how many memories...», an anonymous author wrote on the pages of one of the provincial publications [About Russian..., 1900].

Many Russian people, imbued with a sincere love for the Holy Land, dreamed of seeing it with their own eyes, «making a pious journey and worshiping its shrines», some for consolation, and others «for their own inspiration» [About the Russian..., 1900]. What was seen and heard during the pilgrimage was spread through oral memories and travel notes, which interested more and more Orthodox pilgrims in the reality of traveling to Jerusalem. Thus, they gradually learned among the common people about the roads leading to the East, and those who help to embark on a long trip abroad.

For a long time, the Russian pilgrimage to the Holy Land had almost exclusively a «male face»: «The common people went, the monks went, the nobles went. Kaliki perekhozhye went in squads «to bathe in the Jordan River'» [About Russian..., 1900]. It was only in the mid-nineteenth century that women began to be widely involved. Pilgrimage developed and rose on the wave of aspirations and search for spiritual ideals, and also became possible due to the development of communication routes, reducing the risks associated with long-distance travel.

Creation in 1882 of The Orthodox Palestinian Society (in 1889 it received the status of the Imperial Society, hereinafter — the OPS, IOPS) was a decisive step in organizing a mass pilgrimage of Russians to the homeland of Christianity. Gradually, it concentrated in its hands the management or at least coordination of the activities of the institutions involved assisting travel and reception of pilgrims. It also launched an active educational campaign to spread knowledge about the Holy Land, inform about the accessibility, safety and relative cheapness of travel, and with an increase in coordination and cooperation with public entities, it began to encourage pilgrimage to the Christian East. The IOPS's efforts to maintain the Russian presence in Palestine, the construction of a complex of buildings and structures for the reception of Russian pilgrims, and other multifaceted activities demonstrated to Orthodox Christians that they could find a reliable patron in the face of the IOPS in their intention to fulfill their dream of worshiping the «holy places of the Palestinian Land». It was in this socio-religious organization that many worshippers began to see the main intercessor in helping

them visit sacred historical sites. In case of any difficulties, potential pilgrims made various requests in the hope of assistance to the IOPS in general, its leaders or representatives in particular.

Historiography

Based on archival documents and published works, a number of researchers characterize the specifics of organizing Russian pilgrimages to the Holy Land either as a separate topic [See: Baldin, 2013; Bokatov, 2020; Imagining..., 2021; Zhitenev, 2024; Tsys, 2014] or in the context of IOPS activities [See: Zhitenev, 2021]. Its gender aspects, when pilgrimages are considered as a sign of awakening female social and spiritual activity, are touched upon in the works of O. V. Kirichenko [Kirichenko, 2010]. Pilgrimages as a part of traditional folk Orthodox culture, for example, «votive pilgrimages» are reflected in the works of N. V. Alekseeva, who writes about their widespread practice [Alekseeva, 2017: 235]. Among foreign authors, *T. G. Stavrou and P. R. Weisensel* [See: Stavrou and Weisensel, 1985] devoted their monograph to the Russian pilgrimage to the Christian East. [Weisensel, 1985], articles by R. Rubin [See: Rubin, 2007] and S. Merlo [See: Merlo, 2013].

At the same time, M. V. Kail draws attention to the potential possibility of expanding the source base on this issue. He notes that some representatives of the unprivileged strata of Russian society, «most often peasant women», turned for help in organizing their pilgrimage to the highest personages, «the Empress Alexandra Feodorovna (materials were deposited in her office), and at the beginning of the XX century to Elizabeth Feodorovna...» or asked for the assistance of the IOPS [Kail, 2020: 60]. We should agree with the historian's opinion that «Some of these appeals are unique and confessional, and their continuous identification and comprehensive study is one of the significant tasks of modern Russian Palestinian studies» [Kail, 2020: 60].

Sources

This paper is the result of an analysis of pilgrimage petitions received by the IOPS Council from different parts of Russia. These petitions, being a research topic for the first time, provide a rare opportunity to hear the voice of the Russian common people who expressed their intention to make a trip to the Middle East.

It is known that due to the lack of literacy in rural and urban lower classes, for a long time there was no habit of drawing the necessary knowledge from the printed word. Knowledge and experience were passed on through direct examples and imitation, which is why established ideas changed very slowly. As B. N. Mironov noted, «The book and the press made the peasant world open to the influence of the city, high culture, and everything that happened around the world, and prepared the peasants for the transition from traditional to industrial culture» [Mironov, 2000: 295]. Elements and individual features of this transition can be found, among other things, in various kinds of petitions submitted to representatives of the highest authorities or to State institutions. Since requests for assistance in traveling to the Holy Land did not have a specific form and were not regulated at all, they bear the characteristics of the individual applicants, allow them to judge their ideas about the addressee and his capabilities, about the Holy Land, about the principles of relations between the people and the authorities in general. In addition, these documents are of interest for understanding the motives and spiritual significance of the pilgrimage, understanding the conditions associated

with the trip to the holy sites of Jerusalem and the expected benefits. Thus, the petitions of pilgrims for help in organizing their journey to the Holy Land are an important historical source that allows us to better understand the mental attitudes and spiritual needs of the Orthodox population of the Russian Empire. In 1895, responses began to be written on a special printed form, with blank space for a surname and initials of the petitioner, which indicated the widespread use of such requests.

The research is based mainly on the materials of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (f. 337/2 — RIOPS), where these sources were deposited.

General characteristics of petitions

The first petitions are dated 1882, i. e. they appear almost immediately from the moment of the emergence of the Orthodox Palestinian Society, and the last ones are the time when travel to Palestine ceased due to the outbreak of the First World War. In the office of the IOPS, these petitions were systematized by year.

We conducted a continuous review of several hundred appeals and decisions of the IOPS Council between 1882–1906 and 1914. The following information about applicants could be extracted from the forms: first name, patronymic and surname, place of residence (city, province, county, village); class and professional affiliation (occupation); material capabilities; age (not always).

Complete data from 1882 to 1887 (for five reporting years) show that 21 petitions were received during this period, 11 of them from women (i. e., an average of about two per year). The vast majority of them were residents of St. Petersburg and Moscow. A few petitions came from Moscow, Tver and Vitebsk provinces. The alleged pilgrims were widows, less often young women, middle and lower urban strata (widow of: a staff captain, a priest, a soldier, a doctor of medicine, a healer's assistant, a private of the Pavlovsk regiment, a retired soldier; a daughter of -a second lieutenant). This list also included one request from a sister of mercy who planned to go to Jerusalem «to serve in the local hospital» and a peasant woman from the Vitebsk province. In comparison with male petitions, there was a significant proportion of retired military personnel. Almost all the women were at a mature age for their time, exceeding 50 years of age.

This situation, in our opinion, is explained by the fact that the OPS, as an intercessor for Russian pilgrims in the Holy Land, was still little known outside the capitals. There were no diocesan departments, the origin of which dates back to 1893–1894. Later, it was through them that the majority of the Orthodox population learned about the activities of the OPS.

For comparison, we analyzed complete data from the other five years when IOPS was in its heyday: from 1898 to 1902. During this period, 95 petitions were submitted, of which 44 came from women. The gender structure is dominated by peasant women, who make up 62% of the total number, followed by bourgeois women (15%), noblewomen (5%), 18% of petitions do not contain information about class affiliation. Geographical coverage is rather expansive: applications were received from 18 administrative divisions, including Samara, Voronezh, Tambov, Oryol, Kursk, Saratov, Yaroslavl provinces, and Kuban Region. Only about 9% of petitions were sent from St. Petersburg, which indicates a shift in the activity of IOPS from the capital to the province. It is noteworthy that national suburbs such as Ukraine, Novorossiya and western provinces collectively gave only 9% of petitions, which is comparable to the

share of the capital. Based on the analysis of these data, it is possible to create a socio-cultural «portrait» of the average petitioner at the turn of the XIX–XX centuries: a middle-aged peasant woman, most often a widow or a maiden, who came from the Great Russian provinces, mainly in the Central Chernozem region. Their literacy rate was low or nonexistent, and its financial situation was characterized as poor, while some were orphaned children.

What explains these changes? In the first years after the establishment of the OPS, little was known about its multifaceted work outside the capitals, and the Society itself was still in its infancy. However, after a decade and a half, successful cultural and educational activities began to bring tangible results. The name of the IOPS became well-known, and was perceived as an advocate and helper in the departure of Orthodox Russians to Palestine. This is evidenced by changes in the texts received from petitioners. So, in the address of a peasant woman N. R. Sloeva from the Tver province there were such signature lines: «I pray the Almighty God to inspire you, Your Highness, as the patron saint of Palestine and Israel, to provide me with a way to get to Jerusalem for free with a reduced-price ticket...» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 696. P. 163].

The data of petitioners from 1903–1906 confirm the conclusions we made for the previous period about the trend of increasing activity of peasant women, which indicates the success of the diocesan departments of the IOPS, which operated mainly through rural priests, and raising awareness of the population about the routes leading to Jerusalem. Prominent educational achievements of the Palestinian society, activities aimed at distributing accessible publications for the people («Readings on the Holy Land», «Conversations on the Holy Land»), organizing popular mass Palestinian readings, where they talked about the shrines of the Biblical region and explained the meaning of pilgrimage — all this led to the expansion of the geographical and historical horizons of peasants, urban dwellers, and supported the their desire for spiritual purification and moral improvement, the desire to escape from the boring everyday life.

In 1903–1906, women's petitions accounted for 86% of their total number, reaching 73 [Calculated from: AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 696]. There is a further increase in peasant petitions to 66%. A new group of petitioners — monastery dwellers (nuns and novices) — increased to 10%. Other categories include wives and daughters of the military (4%), Cossacks (3%), middle-class women (5.8%), and another 9% did not mention their class affiliation. Petitions were received from 34 administrative entities (provinces, regions), including the city of Verny, Akmola, Tomsk and Perm provinces, which indicates the further popularization of the idea of pilgrimage to the Holy Land on the outskirts of the Russian Empire [Calculated from: AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 696. P. 127, 146, 149, 170, 220, 273]. However, about half of the petitioners still represented Central Russia. Accordingly, the geography of petitions for 24 years (from 1882 to 1906) significantly expanded, changing in the direction of a number of petitions increase from residents of the Central Chernozem and Volga provinces.

1914 can be considered indicative — the last year in organizing a mass pilgrimage of Russians to Palestine. On the eve of the First World War, the number of appeals to the IOPS Council from those who want to go on a pilgrimage not only remained nondecreasing, but on the contrary, was increasing. The proportion is as follows: 32 petitions from women from 15 administrative divisions and 24 from men. There was a noticeable increase in women's

collective appeals (from 2 to 5 peasant women) about their desire to make a pilgrimage together [Calculated from: AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 698]. Most of these requests were received from Kharkiv, Kursk and Tambov provinces. Many petitioners were literate and wrote the texts themselves.

Structure and content of petitions

Petitions differ in content by class, but more obvious differences are observed in male and female texts. As a result of the comparative analysis, they also have common features. So, in general, the structure of the petition was a unified one containing the following elements: 1. The appeal; 2. The motives of the pilgrimage; 3. The life path of the petitioner or an indication of his religious activity, i. e. arguments are given that prove that the petitioner is worthy of help; 4. The inability to accumulate savings, financial difficulties that do not allow you to make a trip at your own expense; 5. A request for help; 6. A promise to be useful to society in return.

Let's look at these parts in order. Petitions were addressed, as a rule, to members of the royal family or the IOPS: Moscow governor Grand Duke Sergei Alexandrovich, Grand Duke Elizabeth Feodorovna, the Dowager Empress, Most gracious Sovereign «Grand Duchess Maria Feodorovna, «August Monarch» Alexandra Feodorovna [See, for example, AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 127,189, 261, 263, 404, 406–407], secretary of the IPPO V.N. Khitrovo or simply «To the Russian Orthodox Palestinian Society» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 511], to the «office of the Moscow Governor-General» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 531]. There are also appeals addressed to the Minister of Railways, the Minister of War, and even the «Volost Zemstvo chief of the Penza province» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 271, 274, 470]. In their texts, women are often more emotional, especially if they come from urban surroundings. There are such expressions as «I dare to fall at your feet», «I run to your feet and have a great request, I am deeply grieved and ask for your mercy», «Mercy and generosity poured out by Your Heart. Your Highness to your loyal subjects, gave me the courage to fall at your feet «[AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695 P. 42, 76, 282] and so on. One of the most vivid illustration of such texts is the appeal of the Kiev philistine A. M. Kovalevskaya dated November 24, 1894 addressed to the Empress: «August Monarch, Most Gracious Sovereign! Boundless joy seized all the hearts of vast Russia at the news of the marriage of Your Imperial Majesty and the August Monarch to the throne of the Almighty, who received fervent pleas for the health and prosperity of Your Majesty and the August Monarch. After the sad loss of the Father of all Russia, the unforgettable August Parent of Your Majesty's Spouse, all the loyal subjects were saddened by a heavy grief, but suddenly the sun shone it was the joyful news of marriage... «[AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 261]. The expression of loyal feelings was meant as an unavoidable condition, a prerequisite for a positive solution of the issue.

One of the key elements of the text is *the motive of the pilgrimage*. The nature of the information allows concluding that the main one was «a vow made before the Lord for the worship of the Holy Sepulchre» and the holy places of Palestine after the loss of loved ones or after a happy recovery. Rhetorical devices often used in petitions were as follows: «I intend to fulfill my last earthly promise — to worship the Life-giving Holy Sepulchre!»; «I have made a vow before the God to worship the Holy Sepulchre «[AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 10, 16, 287–287 vol.]. Women usually begin their petitions with a description of a «difficult life path», misfortune, tragedy, broken fate. For example, E. R. Sakharova, a peasant woman from

the Kaluga province, wrote the following lines: «I dare to ask you to help me for Christ's sake on the way to Old Jerusalem. I was ill in the eighty-sixth year, but God healed my illness, and I cannot but fulfill my duty in any way» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 10, 16, 236–236.]. Another «loyal widow» reports in a petition from 1886 the following: «Left after the death of my husband, Staff Captain Shpakovsky of the 14th Infantry Regiment Onega, who died in October 1872, with a young daughter without a pension and without any means, I vowed before the God to worship the Holy Sepulchre and visit all the holy places of Palestine and, at the slightest opportunity of material means, go to Jerusalem. With all the desire to make savings from the earnings obtained by the labor of my hands, I could not make anything for twelve years. Meanwhile, the vow given before the Lord weighs me, a true Christian, down» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 16–16 vol.]. A resident of the capital, a widow, a noblewoman M. O. Predatinskaya in 1895 also submitted a petition to Grand Duke Sergei Alexandrovich: «In my old age, during my husband's lifetime and illness, I made a vow to go to Jerusalem... At the present time, in my old age, not being able to fulfill the promise for lack of sufficient funds not only for travel, but also for life, since my husband who died in the service did not earn a pension, I consulted with my confessor, who told me that not to fulfill the vow given to God is a great sin. I ask you to help me fulfill my vow and ... deliver me from a Great sin» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 287–287 vol.]. Three peasant women from the Orel province, widows, report that in October 1903 they «made a promise before the Lord to go to Palestine. land, to old Jerusalem to worship the Holy Sepulchre of the Lord and its holy places», but they do not have enough money, «And if we postpone it for another year, to save up, it is a long time and this violates the oath to God. And for the second time to go begging for money the neighboring villages, we are ashamed, besides, the second-time alms are not sufficient and this is a deviation from the time promised by us before God» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 696. P. 10].

In the motives of the pilgrimage, as a rule, gender differences are minimal. Usually it is the «will of God», the death of loved ones, illness or a vow made after recovery; the desire for spiritual renewal, «spiritual maturation», purification of the soul by faith and prayer, to find rest for your tormented «sinful soul», «heart desire and spiritual attraction». Many motives are intertwined and all of them are united in one deep desire to pray in the Holy Land, which will become a source of spiritual renewal. An analysis of the argumentation that explains the need for a trip to Jerusalem shows the similarity between Orthodox people of different class groups in this matter.

A common content of *the third part* of petitions drawn up by men is a list of the stages of their military or civil service, indicating awards, military path, and if they there were none, then various services to the state and society. Certificates or other documents confirming personal merits are often attached [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 25, 49, 162, 175; D. 696. P. 54]. If there were none, then, for example, it was pointed out that «during the Russian-Turkish war, I was a donor for Russian wounded and sick» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 203.]. Sometimes other rational arguments were given: I read the IOPS Charter and learned from paragraph 8 that the organization provides assistance; I read from newspapers information about the IOPS's assistance to pilgrims, etc. [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. l. 3, 230–230.; d. 696. P. 204]. One of the petitioners reported that on the basis of paragraph 8 of the

Charter, which provides for assistance to pilgrims, «he most obediently asks to report whether the society can provide an allowance for the travel of the mentioned pilgrims, tickets of the 1st and 2nd classes at a cheaper price... from Odessa to Constantinople and from Constantinople to Palestine» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 7].

Women's motivation is more irrational. The personal merits of the fairer sex could lie almost exclusively in the religious sphere. For example, a peasant woman of the Tobolsk province of the Yalutorovsky district, M.A. Maltseva, reported that «The Daughter of the Most High Creator was deprived of her left leg up to the knee from illness,» but despite this injury, she went to worship the Holy Saints in Kiev, which took her two years walking 10–15 versts a day. In confirmation, a certificate issued on June 16, 1884 by the Kiev-Pechersk Lavra from the Church of the Holy Apostles by the confessor Hieromonk was attached [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 65]. Now the Siberian woman expresses a desire to test herself and «visit the Holy Sepulchre of our Lord Jesus Christ, the holy places and saints in Jerusalem» [AVPRI. F. 337/2. Op. 1. D. 695. P. 60], believing that the Palestinian society should help this difficult pilgrimage.

A peasant woman, Anna Mitrokhina, a widow, reported: «I have been visiting monasteries for 17 years...» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 263]; a soldier, T.F. Karyavina, a widow: «I have been wandering around the holy monasteries for 35 years now...» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 192]. The widow of Staff Captain A.I. Semenov begins her petition with the following lines: «After the death of my husband, I visited many monasteries in Russia, prayed to the holy saints of God, and all this revived in my heart the desire to visit other significant Holy places, such as ... in Jerusalem» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 67, 194]. Sometimes these merits were justified by the authority of a well-known monk or priest: «with the blessing of the city of Moscow, St. Trinity-Sergius Lavra of Schemonach Barnabas, who lives in the Gethsemane skete and his council, who blessed me to turn to Your Highness and said that he would fulfill my request and help me get to Jerusalem with his blessing» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 483].

Here you can also see a certain logic of the petitioners, reflecting their spiritual world and religious beliefs: after visiting various holy places in Russia, I would like to complete my many years of wandering with a trip to the most important place for any Christian, where the Savior's earthly life took place. Without this, the previous pilgrimages will seem incomplete, unfinished. In the views of Russians, there was a spiritual connection between the «saints of God» of the Kiev-Pechersk Lavra, the Solovetsky Monastery, the monasteries of Moscow and Pskov, and the shrines of Jerusalem and Bethlehem. They connect the Russian Orthodox culture with the traditions of the homeland of the «divine teacher», with the Holy Land.

Rather an exception is the appeal of novices of the Novgorod Tithe Monastery Anna Nikitishna and Maria Kuzmina, who reported that their intention to visit Jerusalem arose «When we were still in the Turkish War of 1877–1878, in the service of the Society for the Care of Wounded and Sick Soldiers, as nurses at the mobile Novgorod hospital, in the rear of the active army» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 116]. A.Y. Burakova, a peasant woman from the Tomsk province, took credit for donating 20 rubles and 150 yards of canvas to the Red Cross community patronized by Grand Duchess Elizabeth Fyodorovna [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 696. P. 220].

The next, *fourth* part talks about the inability to accumulate savings, financial difficulties that do not allow you to make a trip at your own expense. The alleged pilgrims were mostly middle-aged women over the age of 50, who, as could be seen from the petitions, experienced a lot of grief, losses, the death of relatives and friends, various material hardships, illnesses, which did not allow them to save up enough material resources to implement their «cherished dream». Sometimes, in order to prove their poverty, depending on their class affiliation, they sent «certificates» from the volost foreman, the petty-bourgeois Administration, the Main Directorate of the Cossack Troops, etc. [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 100, 112, 470].

From the characteristic message of the middle-class woman of the Yaroslavl province A. I. Golubova: «I am 72 years old and in my old age I have no relatives who could help me...» [AVPRI. F. 337/2. Op. 1. D. 695. L. 270]. Tambov widowed peasant women of the village of Nikolsky M. S. Pyleva, M. S. Ukolova and F. Salnikova write: «In the past 1888, we were all widows of old age and had no children... by the way, a considerable amount of money is required for each of us to travel there and back, and since we are in a poor state and are not able to make this journey at our own expense, there is also no outside help.» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. l. 99–99 vol. [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 128]; peasant woman Daria Gavrilenko, 57 years old: struck down by a serious illness «that does not allow me to earn my living by the work of my hands» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 128]; peasant woman of the Vologda province M. S. Vyatkina: «I do not have any money for the road», because «I am in a very poor state» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 131]; landless peasant widow of Tambov province E. S. Selezneva, 62 years old: after the death of her husband, she was left without any means of subsistence [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 159].

Men could not only complain about poverty, but also make a calculation of the funds necessary for the pilgrimage. So, in the petition of a retired non-commissioned officer from Vyatka province, it says: «Happy are those people whom the Lord has allowed to worship his Holy Sepulchre, and we have the good idea to go to the holy Land to worship... But from the Guide to the Holy Land, it can be seen that a visit to Jerusalem, with the purchase of candles, records of obedience, contributions to circles and baksheeshs, is not cheap for a pilgrim... In general, for a comfortable one, because to say about the visit to the Holy Land, including moving there and back, an amount of at least 200–300 rubles is necessary, but we, having meager funds, are not able to spend such an amount.» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 221–221].

Then *there was a request for help* «for a good cause». Underneath was a desire to get tickets for free transportation, pilgrimage books or cash benefits. Sometimes it was pointed out that there was money only for part of the journey, for example, to Odessa, or that I would walk to Odessa, but there was no money for a ticket to Jaffa [See, for example: AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 3, 112, 128–129, 105, 131, 454 vol.]. Some women for many years tried to collect «savings from the funds obtained by the labor of their hands» for the road to Jerusalem [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. L. 16], but, as stated in the petition of a peasant woman A. Goncharova, «to my great misfortune, I have saved only 40 rubles, but my years go by and with them the joy in me and the desire to worship the Holy Sepulchre ... The fear of dying without visiting the Holy Places forces me to turn to society with a tearful request: will you help me fulfill my long-standing desire? I can contribute my own 40 rubles, but if God brings me back, I will

have time to save up more and return some money to the society» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 476–477].

Many petitioners, as a rule, do not limit themselves to this. As an additional argument, they express *their intention to be useful* to the IOPS, the reigning house, and Russia as a whole. Such promises come mainly from women: «And upon arrival to the Holy Sepulchre, I will fervently pray for Your Royal Highness, on all our Russian Imperial city to pray I will» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 123]; «The cripple, upon reaching Jerusalem, is obliged to bring sympathy and prayers to the Holy Sepulchre of our Lord Jesus Christ, the Holy saints for longevity of Your Highness and of the entire Reigning House» (the woman of the Tobolsk province A. M. Maltsev) [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 65]; «I will always pray to God for the health and happiness of Your Imperial Highness and your Royal Spouse» (noble M. O. Kishinskaya, Saint Petersburg) [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 287–287]; «to pray at the Holy Sepulchre for the soul of Your August spouse Grand Duke Sergei Alexandrovich» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 696. P. 123]; «pray to God at Holy City of Jerusalem for the health and prosperity of all the Orthodox Christians of the Russian Empire, the Emperor and the entire Imperial family, and all sinful souls» (peasant Ryazan province. Shapochkina S., bourgeois from Vologda province. E. Parmyonova, peasant Vologda province. G. Parmyonova) [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 251]; «to pray for all Orthodox people, Yes, God let me have a long life in good health and a peaceful cohabitation in this light» (peasant Saratov province. A. F. Fedorov), «I will pray to my benefactors for granting me with this great kindness» (bourgeois, F. Trubach, St. Petersburg) [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 410–410].

It was rare for women, and more often for men, to give promises that were, so to speak, practice-oriented, with a very real, earthly benefit. «I had an urgent desire to go to the Holy City of Jerusalem, to live there, that is, to spend the last days of this mortal life there and, especially, to work for the benefit of society... I ask the Office of the society to provide me with ... monetary assistance, which I guarantee to return to the society if possible!», wrote a peasant woman of the Tambov province, E. I. Katorgina [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 325]. E. Dmitriev, a teacher from Perm Province, pointed out that «For the allowance, I undertake to deliver to the society my travel impressions, as well as a geographical and sacred-historical description of the places that I will visit during the pilgrimage.» The author points out the «beneficial influence» of his journey on the education of the inhabitants, who «should cultivate and mature a pious thought and desire to perform the same feat» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 3]. A retired non-commissioned officer from the Orel province promised to collect donations for the IOPS in the Holy Land [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 407], a retired private from the Tambov Province A. Naberezhnye Chelny-to enter the service of the Jerusalem spiritual mission as a chorister [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 396], a peasant of the Perm province. Dranishnikov — to donate the «sheet music library» in 2 thousand units, including manuscripts from the second half of the XVII century [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 458], and the teacher from Warsaw I. V. Strakhov even assumed, no less than that — «upon return, to be able with God's help to restore the teaching of Jesus Christ... because the Christian doctrine has completely declined, as a result of which society is inclined to complete spiritual and moral decay» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 696. P. 81].

It should be noted that regardless of the addressee, in all cases petitions from different departments were forwarded to the office of the IOPS, where, as a rule, a standard response was always drawn up under the signature of the secretary. The senders were informed that «applications for free travel cannot be granted» or «the Orthodox Palestinian Society does not issue any monetary allowances to those who go to worship the Holy Sepulchre.» In addition, it was explained that the IOPS provides travel from Odessa to Jerusalem and back «for a reduced fee» according to special pilgrimage books «from the main cities of Russia»; assists Orthodox pilgrims visiting the holy places of the East which includes improving their life in the Holy Land through «provision of premises in Jerusalem and Nazareth at a reduced price, food, as well as assistance and patronage during their stay on the holy Land in cases of need» [See, for example: AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 109, 189, 404; D. 696. P. 11]. Full reimbursement of the pilgrims «expenses for whatever reason was not provided for by the Charter or other documents of the IOPS. However, when V.N. Khitrovo was the secretary of the IOPS, the latter was not always limited to standard replies. For example, in his reply to A. F. Fedorova, a middle-class woman named after G. Kamyshin, Saratov province, he added the instruction «To a Russian pilgrim going to worship in Jerusalem», and also explained that «in it you will find all the information you need and, by the way, the address of the Commissioner in Saratov, who sells a pilgrimage travel book to Jerusalem and back in the III class at 54 rubles 50 kopecks. If it is inconvenient for you to get a book in Saratov, due to its remoteness from the city of Kamyshin, then on the way to Odessa you will take a steamship ticket for traveling by sea to Jaffa and back and pay only 25 rubles. «[AVPRI. F. 337/2. Inv. 1. F. 695. P. 415 vol.]. The initiator of the creation and the actual founder of IOPS. V.N. Khitrovo probably sincerely worried about potential pilgrims and tried to provide at least such minimal assistance.

Conclusion

Summing up, it should be noted that a deep desire combined with a strong belief in the power of the state, personified in the members of the imperial family, forced the Orthodox to seek their help, sincerely hoping that its provision would not be burdensome for the reigning family. Trust in the intercession of the highest authority, whose omnipotence was beyond any doubt, was one of the traditional features of the mentality of ordinary Russians, which, in our opinion, was quite clearly manifested in the petitions under consideration. These hopes were irrational, because they were not supported by any documents, were not based on laws. Direct financial support was never provided, but this did not reduce the flow of requests.

The craving for Jerusalem is also, to some extent, an irrational trait of the Orthodox Russian. It was based on often fantastic ideas. As the correspondents of the Tenishev ethnographic bureau wrote down from the words of Novgorod peasants, «Jerusalem is the middle, or navel of the earth. Beyond Jerusalem, people also live; but these people are often not like us» [Russkie krestyany, 2009: 405]; in Jerusalem, «people have horns on their heads and shine like the prophet Moses, and they dress in white linen robes» [Russkie Krestyany, 2009: 257]. In the texts written by women, we see a manifestation of the traditions of Russian folk culture, which was supposed to be guided by feelings in matters of faith, where true religiosity is drawn not from books, but from oral folk art and practice. However, the semi-fairy-tale images of the Holy Land are gradually becoming a thing of the past. Its geography and the road to Palestine become quite real: specific cities, modes of transport, prices, and routes are mentioned in

the texts of petitions. From a pipe dream, Jerusalem is turning into a completely achievable geographical object.

Petitions show a close connection between faith, hope for state support and the desire for spiritual revival, which was a characteristic feature of the religious consciousness of ordinary Russians at that time. It was correctly noted by a pilgrim to the Holy Land, priest A. Anisimov, «broken in soul from everyday adversity» wanted to «reach the place of my soul's hope, Jerusalem» and find «spiritual consolation for the human heart» [AVPRI. F. 337/2. Inv. 13. F. 357. P. 153; Glas..., 1883: 14], and the journey to the «Holy City» was seen as a necessary part of religious life, a sacrifice to the Lord in fulfillment of the promise given earlier.

The authors of petitions wanted to visit Palestine, but they couldn't do it because of their poverty. They learned from various sources: diocesan statements, stories from parish priests, fellow villagers, and random people about the existence of the IOPS, which helped those who wanted to visit the Holy Land, some Orthodox decided to try their luck. It is also obvious that there was a correlation between the beginning of the dissemination of information about the holy places of the East in Russia by the diocesan departments of the IOPS through the organization of public readings and the growth of those who wanted to go on a pilgrimage to the Holy Land. The activity of these departments and, as a result, «familiarizing Russians with the Holy Land and the activities of the Society» under the influence of public readings increased the flow of petitions.

Acknowledgement and funding

The study was carried out with financial support from the Russian Science Foundation within the framework of the research project No. 25–28–01056

Благодарности и финансирование

Исследование проведено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта № 25–28–01056.

References

Alekseeva N.V. *Obetnaya traditsiya na Severe Rossii v kontekste gendernykh dukhovnykh praktik (XIX v.)* [Votive tradition in the North of Russia in the context of gender spiritual practices (19th century)]. *Sila slabykh: gendernye aspekty vzaimopomoshchi i liderstva v proshlom i nastoyashchem. Materialy Desyatoi Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii Rossiiskoi assotsiatsii issledovatelei zhenskoi istorii i Instituta etnologii i antropologii RAN, 7–10 sentyabrya 2017 g., Arkhangel'sk. V 3 t.* [The Power of the Weak: Gender Aspects of Mutual Aid and Leadership in the Past and Present. Proceedings of the Tenth International Scientific Conference of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Economics and Anthropology, September 7–10, 2017, Arkhangelsk. In 3 volumes] Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2017, vol. 3, pp. 233–237 (in Russian).

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)]. Fund 337/2. Inventory 1. File 695 (in Russian).

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)]. Fund 337/2. Inventory 1. File 696 (in Russian).

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)]. Fund 337/2. Inventory 1. File 698 (in Russian).

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi imperii (AVPRI) [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)]. Fund 337/2. Inventory 13. File 357 (in Russian).

Baldin K. E. *Russkie v Svyatoi zemle: palomnicheskie dnevniki kak istochnik* [Russians in the Holy Land: Pilgrimage Diaries as a Source]. *Labirint: zhurnal sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy* [Labyrinth: Journal of Social and Humanitarian Research]. 2013, no 2, pp. 45–52 (in Russian).

Bokatov A. Yu. *Evolyutsiya obraza pravoslavnogo palomnika v rossiiskoi periodike vtoroi poloviny XIX v.* [The evolution of the image of the Orthodox pilgrim in Russian periodicals of the second half of the 20th century]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur* [Herald of Slavic Cultures]. 2020, vol. 56, pp. 30–44 (in Russian).

Cys' V. V., Cys' O. P. *Palomnichestvo zhitelei Zapadnoi Sibiri v Palestinu v kontse XIX — nachale XX v.* [Pilgrimage of Western Siberians to Palestine in the Late 19th — Early 20th Century]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya II: Istoriya. Istoriya Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series II: History. History of the Russian Orthodox Church]. 2014, no. 6, pp. 73–90 (in Russian).

Glas russkogo pastyrya vo Svyatoi Zemle, ili rechi i poucheniya, skazannye poklonnikam v raznykh mestakh Palestiny palomnikom Khar'kovskoi gubernii Svyashchennikom Aleksandrom Anisimovym [The Voice of the Russian Shepherd in the Holy Land, or Speeches and Teachings Said to Worshipers in Different Places in Palestine by the Pilgrim of the Kharkov Province, Priest Alexander Anisimov]. Izyum: tip. B. M. Nutisa, 1883. 206 p. (in Russian).

Kail' M. V. *Kak provintsialy imperatorskoi Rossii na Svyatuyu Zemlyu puteshestvovali: tipichnoe palomnichestvo v dokumentakh Tsentral'nogo istoricheskogo arkhiva Sankt-Peterburga* [How the provincials of imperial Russia traveled to the Holy Land: a typical pilgrimage in the documents of the Central Historical Archive of St. Petersburg]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke* [Christianity in the Middle East]. 2020, no 4, pp. 57–65 (in Russian).

Kirichenko O. V. *Zhenskoe pravoslavnoe podvizhnichestvo (XIX — seredina XX v.)* [Women's Orthodox asceticism (19th — mid-20th century)]. Moscow: Alekseevskaya pustyn', 2010, 637 p. (in Russian).

Mironov B. N. *Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVII — nachalo XX v.) v 2 t.* [Social history of Russia during the imperial period (17th — early 20th century) in 2 volumes]. St. Petersburg: «Dmitrij Bulanin» publ., 2000, 568 p. (in Russian).

O russkom palomnichestve v Svyatuyu zemlyu i Imperatorskom Pravoslavnom Palestinskom Obshchestve. Soobshchenie, pročitannoe 27 fevralya v Poltavskom sobore [On the Russian pilgrimage to the Holy Land and the Imperial Orthodox Palestine Society. A message read on February 27 in the Poltava Cathedral]. *Poltavskie gubernskie vedomosti* [Poltava Provincial Gazette]. 1900, 5 March, no 51, p. 2 (in Russian).

Rubin Rehav. *Svidetel'stva nerossiiskikh istochnikov o russkom palomnichestve v Ierusalim v XIX veke* [Evidence from non-Russian sources about Russian pilgrimage to Jerusalem in the 19th century]. *Pravoslavnyi Palestinskii sbornik* [Orthodox Palestine Collection]. Moscow: Indrik, 2007, vol. 105. pp. 184–191 (in Russian).

Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nrvy: materialy «Ehtnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva. Tom 7: Novgorodskaya guberniya. Chast' 2. Cherepovetskii uezd [Russian peasants. Life. Everyday life. Customs: materials of the «Ethnographic Bureau» of Prince V. N. Tenishev. Vol. 7: Novgorod province. Part 2. Cherepovets district]. St. Petersburg: Navigator, 2009, 624 p. (in Russian).

Voobrazhaya Palestinu: Svyataya zemlya i russkaya identichnost' v XIX — nachale XXI v.: kollektivnaya monografiya [Imagining Palestine: The Holy Land and Russian Identity in the 19th — Early 21st Century: Collective Monograph]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021, 776 p. (in Russian).

Zhitenev S. Ju. *Istoriya razvitiya palomnichestva russkikh pravoslavnykh bogomol'tsev v Svyatuyu Zemlyu v XIX — nachale XX veka* [History of the development of pilgrimage of Russian Orthodox pilgrims to the Holy Land in the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and social sciences]. 2024, no 3, pp. 112–122 (in Russian).

Zhitenev S. Ju. *Russkoe pravoslavnoe palomnichestvo v Svyatuyu Zemlyu i deyatelnost' IPPO* [Russian Orthodox Pilgrimage to the Holy Land and the Activities of the IOPS]. *Khristianstvo na Blizhnem Vostoke* [Christianity in the Middle East]. 2021, vol. 5, no 2, pp. 5–21 (in Russian).

Merlo S. Travels of Russians to the Holy Land in the 19th century. *Quest. Issues in Contemporary Jewish History: Journal of Fondazione CDECМ*. 2013, no. 6, Dec., pp. 48–67.

Stavrou T. G., Weisensel P. R. *Russian Travelers to the Christian East from the Twelfth to the Twentieth Century*. Columbus, OH: Slavica Publishers, Inc., 1985, 925 p.

Статья поступила в редакцию: 31.08.2025

Принята к публикации: 15.12.2025

Дата публикации: 30.06.2026

ДЛЯ АВТОРОВ

ЖУРНАЛ «НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ»

Учредителем журнала является кафедра регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета. Издается с 2007 г. как сборник научных статей, а с 2016 г. как научный журнал «Мировоззрение населения Южной Сибири и Центральной Азии в исторической ретроспективе». С 2017 г. журнал называется «Народы и религии Евразии».

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии Министерства высшего образования и науки РФ. С 2025 г. журнал входит в Белый список (2-я категория).

Журнал утвержден Научно-техническим советом Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–78911 от 07.08.2020 г.

Периодичность издания: 4 выпуска в год. Журнал издается в печатном и электронном виде.

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/wv>

К рассмотрению принимаются только новые, ранее нигде не опубликованные материалы. Все работы, поступившие в редколлегию, проходят обязательное рецензирование и проверку на плагиат.

Примерные сроки:

Рецензирование статьи: от 3 месяцев

Публикация статьи: от 8 месяцев

При переводе статей и ее публикации на английском языке время ожидания может быть сокращено.

Для обеспечения высокого качества англоязычных версий статей редакция журнала «Народы и религии Евразии» придерживается следующей политики:

- 1. Не принимаются** к рассмотрению самостоятельные или выполненные с помощью машинного перевода тексты.
- 2. Рекомендуются** профессиональный перевод, выполненный:
 - **либо** лингвистическим/переводческим центром (с предоставлением подтверждающей документации);
 - **либо** переводчиком, рекомендованным редакцией. В этом случае редакция может предоставить контакты специалиста, а автор договаривается об условиях и оплате работы непосредственно с ним.

Журнал «Народы и религии Евразии» индексируется в агрегаторах и базах библиографической информации:

- SCOPUS (Q 1)
- ERIN PLUS
- EBSCO
- E-Library.ru
- CyberLeninka
- OAIsters
- ROAR
- ROARMAP
- OpenAIRE
- BASE
- ResearchBIB
- Socionet
- Scholarsteer
- World Catalogue of Scientific Journals
- Scilit
- Journals for Free
- Journal TOC
- OAIster
- OCLC-WolrdCat
- Socolar
- JURN
- JournalGuid

ТЕМАТИЧЕСКИЕ РУБРИКИ:

- Археология и этнокультурная история
- Этнология и национальная политика
- Религиоведение и государственно-конфессиональные отношения

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Фамилия, имя, отчество автора(ов) на русском и английском языках

Аффилиация автора(ов) на русском и английском языках

Название статьи на русском языке

Аннотация (на русском и английском языках. Объем не менее 1000 знаков **без пробелов**)

Ключевые слова (на русском и английском языках. Не более 15 слов).

Фамилия, имя, отчество автора на английском языке

Если авторов два и/или несколько, то обязательно указывается автор-корреспондент (тот, кто выполняет технический процесс подачи статьи, доступен для запросов о процессах рецензирования и публикации)

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 903.2

И. И. Иванов*, П. П. Петров

Институт востоковедения РАН, Москва (Россия)

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА В ТРАДИЦИОННЫХ ВОЗЗРЕНИЯХ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ

Целью статьи является изучение восприятие природы в традиционном мировоззрении тюркских и монгольских народов Южной Сибири. Хронологические рамки работы охватывают конец XIX — середину XX веков. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием базы источников по теме исследования. Основными источниками выступают исторические и этнографические материалы. Работа ос-

новывается на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования опирается на историко-этнографические методы — научного описания, конкретно-исторического и реликта.

Коренные жители Южной Сибири в процессе длительного взаимодействия с окружающей средой и в результате адаптации к ней сформировали наиболее приспособленную к данным природным условиям культуру. Значительное место в ней отводится традициям, связанными с экологическими воззрениями и нормами. Основу экологического сознания народов этого региона составляла идея неразрывной связи человека со средой обитания — родиной, т. е., с тем местом, где он родился, жил и умирал. По сути, оно являлось тем пространством, в котором осуществлялась вся жизнедеятельность человека. В мышлении верующих природа воспринималась в качестве живого и чувствующего существа, что нашло отражение и в соответствующем практическом отношении к ней. В традиционном мировосприятии человек не выделен из природы. Отсутствует жесткая граница между ним и окружающим миром, который в мифологическом сознании как уже отмечалось, имел частичное или полное отождествление человеку.

Ключевые слова: тюркские и монгольские народы, Южная Сибирь, хакасы, культура, традиция, человек, природа, экологические воззрения.

**И.И. Иванов (автор-корреспондент)*

Цитирование статьи:

Иванов И.И., Петров П.П. Человек и природа в традиционных воззрениях тюрко-монгольских народов Южной Сибири // Народы и религии Евразии. 2022. Т. 27, № 1. С. 00–00.

Иванов Иван Иванович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Петр Петрович Петров, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора религии Востока Института востоковедения РАН, Москва (Россия).
Адрес для контактов: p.p.petrov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

I. I. Ivanov*, P. P. Petrov

*Institute of archaeology and ethnography Siberian branch Russian academy of sciences,
Novosibirsk (Russia)*

MAN AND NATURE IN TRADITIONAL VIEWS OF TYURCO-MONGOLIAN PEOPLES OF SOUTH SIBERIA

The aim of the work is to study the perception of nature in the traditional worldview of the Turkic and Mongolian peoples of Southern Siberia.

The chronological scope of work covers the end of the XIX — mid XX centuries. Selection temporal boundaries caused primarily by the status of the database sources on the research topic. The main sources are archival and ethnographic materials. The work based on

comprehensive, system-historical approach to the study of the past. The research methodology based on historical and ethnographic methods — scientific description, the specific historical and relic.

The indigenous inhabitants of Southern Siberia, in the process of prolonged interaction with the environment and result of adaptation to it, formed the culture most adapted to the given natural conditions. A significant place in it given to traditions associated with environmental views and norms. The basis of the ecological consciousness of the peoples of this region was the idea of an inseparable connection between man and his environment, the homeland, that is, with the place where he was born, lived and died. In fact, it was the space in which the entire life activity of man. In the thinking of believers, nature perceived as a living and sentient being, which reflected in the corresponding practical relation to it. In the traditional worldview, man is not isolated from nature. There is no rigid boundary between it and the surrounding world, which, as already noted, in the mythological consciousness, had a partial or complete identification with man.

Key words: Turkic and Mongolian peoples, Southern Siberia, Khakas, culture, tradition, man, nature, ecological views.

* I. I. Ivanov (*corresponding author*)

For citation:

Ivanov I.I., Petrov P.P. Man and nature in traditional views of tyurco-mongolian peoples of South Siberia. *Nations and religions of Eurasia*. 2022. T. 27, № 1. P. 00–00 (in Russian).

Ivanov Ivan Ivanovich, doctor of historical Sciences, Professor, leading researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia).

Contact address: i.i.ivanov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Petr Petrovich Petrov, candidate of historical Sciences, senior researcher of the sector of religion of the East of the Institute of Oriental studies of RAS, Moscow (Russia). **Contact**

address: p.p.petrov@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Текст статьи на русском языке: Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст Текст
 Текст Текст Текст Текст Текст Текст

Благодарности и финансирование

Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект № 07-01-00842а)

Acknowledgements and funding

The work was carried out within the framework of the Fundamental Research Program of the Presidium of the Russian Academy of Sciences “Adaptation of peoples and cultures to changes in the natural environment, social and man-made transformations” (project No. 07–01–00842a)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Библиографические ссылки приводятся в тексте в квадратных скобках: фамилия (фамилии), инициалы автора, год публикации, страница (страницы). Например: [Иванов, 1962: 62] или [Иванов, Петров, 1997: 39–45]. Указываются все авторы независимо от их количества. При совпадении фамилий авторов и года издания в ссылке и списке литературы год издания дополняется буквенным обозначением. Например: [Иванов, 1997а: 49; Иванов, 1997б: 14]. В библиографическом списке сначала указываются публикации на русском языке в алфавитном порядке, после них — публикации на других европейских языках, далее следуют публикации на восточных языках. После библиографического списка размещается References. Последовательность источников в References формируется по английскому алфавиту.

Примеры оформления различных источников:

1. Монография:

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М. : Наука, 1983. 432 с.

2. Статья в сборнике:

Кузьмина Е. Е. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. М. : Наука, 1977. С. 96–119.

3. Статья в журнале

Дашковский П. К., Дворянчикова Н. С. Положение христианских общин в Алтайском крае в середине 1960-х-середине 1970-х гг. // Религиоведение. 2016. № 1. С. 75–83.

4. Автореферат:

Соловьев А. И. Погребальные памятники населения Обь-Иртышья в Средневековье (обряд, миф, социум): дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 250 с.

5. Архивные материалы:

Государственный архив Алтайского края. Ф. Р. 1692. Оп. 1. Д. 76.

6. Интернет-ресурс:

История буддизма в Монголии // Ньяме Шераб Гьялцен. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherab-gyalcen.html/> (дата обращения: 19.10.2016).

7. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass // Journal of Archaeological Science. 1995. No. 2. P. 429–439.

8. Материалы конференций:

Нестерова Т. П. Религиозный аспект немецкой политики в 1930-е гг. // Религия и политика в XX веке: Материалы второго Коллоквиума российских и итальянских историков. М., 2005. С. 17–29.

9. *Иностраннный источник (не на английском языке):*

Монография

李澎田 [Ли Пэнтянь]. 朝鲜文献中的中国东北史料 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах]. 北京 [Пекин]. 吉林文史出版社 [Издательство Линь Вэньши]. 1991. 526 с. (на кит. яз.).

Где:

李澎田 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;
 [Ли Пэнтянь] — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;
 朝鲜文献中的中国东北史料 — название работы на языке оригинала;
 [Исторические материалы Северо-Восточного Китая в корейских документах] — перевод названия работы на русский язык;
 北京 — город издания языке оригинала;
 [Пекин] — перевод города, где издана работа на русский язык;
 吉林文史出版社 — издательство на языке оригинала;
 [Издательство Линь Вэньши] — перевод издательства на русский язык;
 1991. 526 с. — год, количество страниц на русском языке;
 (на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Статья в периодическом издании:

王德朋 [Ван Д.]. 论金与周边政权的商业贸易 [О торговле Цзин с соседними государствами] // 中口社会科学院研究 也院攀报 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук]. 2009. № 1. С. 101–106 (на кит. яз.).

Где:

王德朋 — инициалы и фамилия автора на языке оригинала;
 [Ван Д.]. — перевод инициалов и фамилии автора на русский язык;
 论金与周边政权的商业贸易 — название работы на языке оригинала;
 [О торговле Цзин с соседними государствами] — перевод названия работы на русский язык;
 中口社会科学院研究 也院攀报 — название периодического издания на языке оригинала;
 [Журнал аспирантуры Китайской академии общественных наук] — перевод названия периодического издания на русский язык;
 2009. № 1. С. 101–106 — год, том, номер / выпуск на русском языке.
 (на кит. яз.) — язык — оригинал источника.

Электронный источник

建炎以来系年要录 [Основные записи периода правления императора Гаоцзуна]. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?> (дата обращения: 20.04.2024) (на кит. яз.)

References

Список «References» (латинизированный список) содержит все публикации списка «Научная литература», но в латинизированной форме. Все сведения о публикациях на кириллице из списка литературы должны быть транслитерированы на латинице и переведены на английский язык. Транслитерация осуществляется по формату **BSI**:

а — a, б — b, в — v, г — g, д — d, е — e, ё — yo, ж — zh, з — z, и — i, й — i, к — k, л — l, м — m, н — n, о — o, п — p, р — r, с — s, т — t, у — u, ф — f, х — kh, ц — ts, ч — ch, ш — sh, щ — shch, ь — ’; ы — y, ь — ’, э — e, ю — yu, я — ya.

Данный список необходим для того, чтобы Ваши публикации правильно индексировались в зарубежных научных базах данных (*Scopus* и *Web of Science*).

Исключения: написание некоторых фамилий (например, автор устойчиво транслитерирует свою фамилию иным образом либо сложилась определенная традиция) и географических названий (рекомендуем обращение к справочникам).

Примеры исключений:

Vygotsky, Brushlinsky, Petrovsky, Yaroshevsky

Leontiev A.N., Leontiev A.A., Leontiev D.A., Rubinstein

Kazan, Kharkov, Nalchik, Perm, Ryazan, Tver, Yaroslavl etc (опускается символ мягкого знака)

Moscow (не *Moskva*)

Rostov-on-Don (не *Rostov-na-Donu*)

St. Petersburg (не *Sankt-Peterburg*)

Yekaterinburg (не *Ekaterinburg*)

Кроме того, обратите внимание, что вместе с транслитерацией дается перевод названия источника на английском языке. Если в работе была использована статья в научном журнале или материал в сборнике, то перевод дается как статье, так и журналу/сборнику, откуда она была взята. Перевод следует расположить в [квадратных скобках]. *Курсивом* в таком случае выделяется, не статья, а название *журнала* или *сборника статей*.

Инструкции для формирования *References* (латинизированный список)

1) Воспользуйтесь автоматическим транслитератором на сайте Transliteration. PRO: <https://transliteration.pro/bsi>. В левое окно скопируйте весь список «Научной литературы». Нажмите кнопку «перевести». В правом окне Вы получите транслитерированный текст. Перенесите текст в файл с Вашей статьей.

2) *Примеры оформления литературы и архивных материалов:*

1. Монография:

Okladnikov A. P. *Liki Drevnego Amura* [Faces of the Ancient Amur]. Novosibirsk: Zapadno-Sibirskoye knizhnoye Publ., 1968, 240 p. (in Russian).

2. Статья в журнале:

Chirkov N. V. Etnos, natsiya, diaspora [Etnos, nation, diaspor]. *Religiovedenie* [Study of Religions]. 2013, no. 4, pp. 41–47 (in Russian).

3. Переводное издание:

Brooking A., Jones P., Cox F. *Expert Systems. Principles and Case Studies*. Chapman and Hall, 1984, 231 p. (Russ. ed.: Brooking A., Jones P., Cox F. *Ekspertnye sistemy. Printsipy raboty i primery*. Moscow: Radio i sviaz' Publ., 1987, 224 p.).

4. Интернет-ресурс:

Tsentr izucheniya tibetskoi traditsii Yundrung bon [Centre for Studying the Tibetan Tradition of Yundrung Bon]. URL: <http://bonshenchenling.org/lineage/nyame-sherabgyalcen.html/> (accessed August 4, 2013) (in Russian).

5. Диссертация или автореферат:

Ermolina Yu. V. *Magiya kak kul'turno-religiozny fenomen. Diss. kand. filos. nauk* [Magic as Cultural and Religious Phenomenon. Ph. D. Thesis in Philosophy]. Oryol: OSU Publ., 2009, 155 p. (in Russian).

6. Материалы конференций:

Nesterova T. P. *Fashistskaya mistika: religiozny aspekt fashistskoj ideologii* [Fascist mysticism: the religious aspect of fascist ideology]. *Religiya i politika v 20 veke. Materialy vtorogo Kollokviuma rossiyskikh I ital'yanskikh istorikov* [Religion and Politics in the 20th century. Proc. of the Second Symposium of Russian and Italian Historians]. Moscow, 2005, pp. 17–29 (in Russian).

7. Архивные материалы:

Gosudarstvennyi arkhiv Altaiskogo kraja [State archive of the Altai Krai]. Fund 1. Inventory 1. File 664 (in Russian).

8. Издания на английском языке:

Dibble H. L., Pelcin A. The effect of hammer mass and velocity on flake mass. *Journal of Archaeological Science*. 1995, no. 2, pp. 429–439.

9. Иностраный источник (не на английском языке):

Li Pengtian. *Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào* [Historical Materials of Northeast China in Korean Documents]. Beijing: Lin Wenshi Publishing House, 526 p. (in Chinese).

Где:

Li Pengtian — автор;

Cháoxiǎn wénxiàn zhōng de zhōngguó dōngběi shǐliào — название источника в транслитерации с английского языка;

[Historical Materials of Northeast China in Korean Documents] — перевод источника на английский язык;

Beijing: Lin Wenshi Publishing House — город, издательство на английском языке;

526 p. — количество страниц на английском языке;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Статья в периодическом издании

Wang D. *Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì* [On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes]. *Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào* [Journal of the Chinese Academy of Sciences]. 2009; (1): 101–106. (in Chinese).

Где:

Wang D. — автор;

Lùn jīn yǔ zhōubiān zhèngquán de shāngyè màoùyì — перевод источника в транслитерации на английский язык;

[On the Commercial Trade between Kim and the Surrounding Regimes] — перевод статьи на английский язык;

Zhōngguó kēxuéyuàn xuébào — перевод названия журнала в транслитерации на английский язык;

[Journal of the Chinese Academy of Sciences] — название журнала на английском языке;

2009 — год выхода журнала;

(1) — номер журнала;

101–106 — страницы, на которых размещена упомянутая статья;

(in Chinese) — указание языка, на котором написан источник.

Электронный источник

Jiàn yán yǐlái xì nián yào lù [Important Records of the Years Since Jianyan]. Available at: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&res=907864&remap=gb> (accessed April 24, 2024) (in Chinese).

Оформление иллюстраций

Иллюстрации (рисунки, фотографии, графики, диаграммы) в текст Word не внедряются и прилагаются в виде отдельных файлов в формате JPG или TIFF. Они должны быть отсканированными при разрешении не менее 300 dpi. Размер изображений не должен превышать 190 × 270 мм. Предметы в поле рисунка должны быть расположены компактно, без неоправданно больших по размеру незаполненных мест. Каждый отдельный предмет (изображение) на каждом рисунке должен иметь порядковый номер. Этот номер, как и нивелировочные отметки, надписи, линии сечений, рамки, границы раскопов и т. п., должны быть выполнены не вручную, а машинописным образом. Все цифры и надписи на рисунках выполняются шрифтом Arial, не жирным, в размере, соответствующем масштабу рисунка. Номера для предметов следует располагать по их порядку слева направо и сверху вниз. Каждая первая ссылка в тексте статьи на рисунок и на предмет обязательно должны начинаться с номера 1, последующие 2, 3 и далее. Вторая и последующие ссылки на рисунок или предмет выполняются свободно. Следует стремиться к тому, чтобы большая часть пояснений с площади самой иллюстрации была убрана в подрисуночные подписи.

Авторы статей также сообщают следующие данные, которые публикуются в конце каждого номера журнала: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень и звание, место работы и должность, почтовый адрес (с индексом), контактный телефон, адрес электронной почты, индивидуальный номер ORCID

Статьи следует высылать по адресу:

656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, Алтайский государственный университет, кафедра Регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, *Дашковскому Петру Константиновичу.*

Электронная почта: dashkovskiy@fpn.asu.ru (с пометкой журнал «Народы и религии Евразии»).

Контактный телефон: (3852) 296-629

Сайт журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/wv>

Научное издание

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2026. Том 31, № 2

Редактор Н. Ю. Ляшко
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер
Дизайн обложки: П. К. Дашковский, Ю. В. Луценко

Журнал распространяется по подписке через каталог Урал Пресс
Подписной индекс ВН 017798. Цена свободная

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997.

Подписано в печать 30.06.2026.

Выход в свет 10.07.2026.

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.

Усл.-печ. л. 27,1. Тираж 300 экз. Заказ 358.

Издательство Алтайского государственного университета
Адрес издателя: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

Типография Алтайского государственного университета
656049, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66